

В. И. ЧЕРНЫШЕВ

II. МЕТАЛОГИКА ОТКРОВЕНИЯ

Книга 1

**ЗАПИСКИ
НА ПАЛЬМЕ**

Санкт-Петербург

«SUPER»

2019

Второе издание (исправленное и дополненное)

© «SUPER». 2017;
© В. И. Чернышев, Сочинения. 2017;
© [А. И. Михайлов], Критическое исследование, 2010;
© А. Д. Чернышева, рисунки, 2004-2010.

КРИТИКА ДОГМАТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

*В России не делали, да и по сей день не делают,
различия между искусством и философией....
Искусство стремится.... превратить чувство
в философию, философия же превращается
в искусство как высшее мастерство.
Русским... всегда есть что сообщить,
и в их сообщениях неизбежно сквозит
пафос переустройства мира.*

Эрнст Неизвестный

1981 г. – 2006 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НЕВЕЖЕСТВО И ДИЛЕТАНТИЗМ

1

Естественно думать, что невежество и дилетантизм – основные источники заблуждений, и специалисты в какой-либо области знания отстаивают свою точку зрения с тем большей страстностью, чем уже область знания, в которой они подвизаются.

Профессионалы противостоят *дилетантам* на всех важных поприщах человеческой деятельности – так, решение о виновности или невинности подсудимого, которое после Великой реформы принималось судом присяжных *по совести*, ныне принимается *по закону* (или по указанию свыше); законотворчество, должное выражать интересы *всех* слоев народа, сосредоточено у юристов или у *их детей*; и даже поэзия творится *дипломированными* стихотворцами.

Невежественные, с другой стороны, не остаются в долгу в своем противостоянии *умникам*, и безо всякого знания судят обо всем решительно и непримиримо, и чем умереннее их знание, чем в большей степени оно является смесью общих мест и распространенных суеверий, тем более они уверены в справедливости своих суждений.

Профессионалы и невежды поют общую песнь и весьма схожи самоуверенностью и догматичностью своих утверждений, хотя источники самоуверенности у них различны.

Но могут ли специалисты в частных областях знания быть судьями в нашей нескладной и трагической жизни? В большинстве столкновений предметом спора является не "*закон всемирного тяготения*" или другой предмет специального научного анализа, а отношение к человеку и миру, и можно ли ночью раздевать девиц и случайных прохожих, а днем обманывать общество, не в лучшей степени разрешит криминалист, нежели обыватель. Споры ведь чаще всего идут не о том, что *вѣрно*, а о том, *что́ хорошо и что́ плохо*, поэтому ученый профессионал, химик или филолог, и круглый невежда, например, *государственный чиновник* или *вор-рецидивист*, являются невеждами в этой области в равной степени. Нет науки, которая отвечала бы на вопрос, что́ есть истина, есть ли Бог, что такое любовь или творчество, и священник не более сведущ в вопросах Веры, продажная женщина – в вопросах любви, а "искусствовед в штатском" – в предназначении искусства, чем последний нищий.

Современного человека отличает глубокое невежество в духовном постижении мира, и кто́ из двух бо́льший невежда – человек, всю жизнь расщеплявший атомы, и убежденный в том, что в мире нет ничего, кроме "элементарных частиц", или тот, кто хотя с трудом читает по складам, но прочитал, к несчастью, Библию или Маркса – трудно сказать, ибо оба они одинаково безапелляционны, и хотя я не спорю о *физике*, и хотя все серьезные споры, связаны ли они с поворотом рек

или с кличем "наших бьют", так же ни в коей мере не связаны с *физикой*, ибо всякий серьезный спор *метафизичен*, но трудно сказать, воинствующее ли невежество *невольных каменщиков*, никогда ничему не учившихся, или высокомерное самомнение профессионалов, учившихся по Марксу и Ленину, опаснее для тех, кто, *томимый духовной жаждою, на перепутьях мира влачится*.

Ибо всякому человеку необходимы чувство истории, *историчность сознания* как непосредственное *переживание* судьбы и смысла жизни. Наше прошлое не менее актуально, чем настоящее. В том, что происходит в данную минуту, присутствует и давно минувшее – так, в свиданиях влюбленных повторяется их первая встреча, в свадьбе оживают свидания, в разводе вспоминаются старые обиды – ибо настоящее и прошлое протекают в каждое мгновение вместе, и если новое событие зависит от ранее происшедшего, то разве и ранее происшедшее не меняется постоянно под влиянием новых событий? – так читатель возвращается к прочитанным страницам, и они вдруг предстают ему в новом свете.

Всякий человек, поскольку он чувствует нечто, связывающее прошедшие события его личной жизни с протекающими и будущими – *историчен*. В юности философия жизни предстает как *поиски смысла жизни*; в старости человек пытается понять прошлое как *историю и судьбу*. Историчен каждый, и *глубина историчности* равна глубине личности.

Но, быть может, жизнь лучше и глубже понимают психиатр или социолог, философ, педагог, анатом?

Или в душах людских более сведущи историки и романисты?

Нет, как знание химического состава вина не обостряет его вкус и не усиливает аромат, как и *знание химии* не изменяет *самосознания и понимания мира*, ибо ничего не говорит о душе, так и знание физиологии не помогает женщине **выносить** ребенка.

Знание изменяет ум, а не душу, и поэтому мало изменяет оно человека.

Не всякое наше занятие – *ремесло*, то есть сумма определенных приемов, но важнейшие из них суть *творчество*, а в нем совсем не главным является повторение заученных действий, но важнее, быть может, отступление от канонов и традиций.

Следовательно, *профессионал* предпочтительнее при стереотипной деятельности, при изготовлении шаблонов и штампов, где движения должны совершаться без умственных усилий; там же, где, напротив, для успеха требуется отступление от стандарта, отсутствие профессионального автоматизма часто *полезно*. Разница между *профессионалом* и любителем в пользу *любителя* убедительно показана Конан-Дойлем в его серии рассказов о Шерлоке Холмсе.

Также, вопреки предположению, что для того, чтобы вынести справедливое решение о виновности или невинности подсудимого,

необходимо быть судьей, европейские народы ввели *институт присяжных*, поручив это решение людям, далеким от профессии юриста, последним же вменена обязанность добывать улики и формулировать доказательства, или искать в них изъяны и слабые места.

Правовед и судья – не вправе судить! – вот каков парадоксальный вывод европейского Права.

Вот так же *законотворчество* должно, прежде всего, сочетать несходные интересы различных слоев народа, а иногда враждующие интересы, и потому закон, регулирующий отношения граждан между собой и их отношения с государством как общим механизмом, обеспечивающим условия взаимного сосуществования, должен находить некую результирующую различных волей, намерений, пожеланий. Может ли быть представителем земледельцев, рабочих, учащихся, военных, инвалидов, монахов и “жриц любви” юрист или *сын юриста*, или профессиональный политик – то есть человек, для которого охмурение людей, ложь и *обман* являются работой, *профессией*? И так же представителем налогоплательщиков может ли быть *сборщик налогов*?

Есть еще не менее важные области общественной деятельности – история и философия, – и мнение, или даже требование, чтобы только *профессионал* рассказывал нам о том, как мы жили в прошлом и как следовало бы жить в будущем – ошибочно.

Профессиональный историк, занимающийся какой-либо частной областью истории, словно наточенный нож взрезает отвердевшие пласты минувшего, находит и сообщает факты, но его обобщения часто лишь повторение уже принятых взглядов, и не могут претендовать на подлинные обобщения, на *философию истории* именно потому, что профессионалом можно быть лишь в узкой области, то есть можно быть специалистом в античной истории и, следовательно, дилетантом в средневековьи, и наоборот.

Более того, профессионала-историка, работающего ради хлеба насущного, можно уподобить актеру, играющему чужой текст, или девушке по вызову, за определенную плату исполняющей волю заказчика. Профессиональный историк служит не Истине, а власти, она его нанимает, и он добывает Истину *контрольным выстрелом в голову* (или мы уже забыли тот бред, который несли историки на протяжении всего советского времени? Или теперь нам нравится бредить с “академиком” Фоменко?)

В русской историографии лучший историк – Карамзин, и лучший он прежде всего потому, что история не была его *профессией*, то есть работой, на эту *стезю (панель)* он вышел *по любви*.

К философии и литературе сказанное относится в той же степени. Ни Тургенев ни Достоевский не были *профессионалами*, и не состояли в “Союзе Писателей”, а что говорить о русской философии? – одни дилетанты, никто из них не учился *закапывать истину* под управлением мудрых и опытных “*жрецов любомудрия*”!

2

Рассмотрим область деятельности, крайне важную для всех подневольных – *управление государством*.

Когда-то мы гордились тем, что при социализме *каждая кухарка* сможет управлять государством, сегодня же говорим иначе – вот потому-то, мол, что нами управляли "кухарки" (тупые и твердозадые) – мы и дошли до маразма, развала страны и экономики!

Но разве экономический развал последних пятнадцати лет, сравнимый только с разрухой конца гражданской войны – не результат деятельности "высокоученых" либеральных экономистов!?

К тому же, деятельность, о которой мы спорим – это не починка водопроводных кранов, не разлив стали и даже не *"разлив по сту семьдесят граммов на брата"*, и я никого не отталкиваю от операционного стола, требуя дать мне в руки скальпель!

Я лишь пытаюсь подвергнуть сомнению навязанные нам *общепринятые* мнения, определяющие понимание жизни.

Кто с противной меня стороны? – профессиональные киллеры, убийцы истины, убивающие ее ежедневно со страниц газет и с экранов телевизора – я-то *профессионал* ли? Умею ли я даже стрелять?

Окончил ли я юридический факультет или философский?

Или Высшую Партийную школу?

Был ли секретарем хотя бы самого маленького комитета комсомола, как наши "новые вожди" демократии?

Но разве мы не *живем* каждый день, с утра до вечера (а иногда и ночью), как Бог на душу положит, то есть исключительно *непрофессионально*, а если и учит нас чему, то только сама жизнь – нельзя же на этом основании называть нас *профессионалами жизни*?!

Почему же вдруг сегодня возникла эта тема? Потому что злоумышленникам надо из шляпы вытащить кролика, и надо внимание публики отвлечь – например, на *словопрения о профессионализме*.

Это – обманное движение, давно испытанный трюк! Когда в прошлый раз вытащил фокусник удава, и начал *удав* пожирать публику, спор шел о другом предмете – *летят ли щепки, когда рубят лес*?

Хотя, казалось бы, какое отношение к свирепой коммунистической тирании, уничтожившей пятьдесят миллионов людей, повинных только в том, что они были лучше других – смотрели прямее, работали добросовестнее, "стучать" не хотели – имела *рубка леса*, при которой разлетаются щепки? Если б подразумевалось строительство коммунизма, так говорилось бы скорее о *посадке леса*... мол, при *посадке* иногда приходится гуще и чаще *сажать*... а потом поправлять дело *прореживанием*. Впрочем, один советский *писатель* уже в восьмидесятые годы, пытаясь оправдать отстрелы и "отсадки" писателей в 30-40-е годы, так и сказал, дескать, *рачительный* садовод пропалывает посадку, чтобы лучше росла, и вот и Заболоцкий, и Манделъштам, и Павел Васильев, и Ольга Берггольц, и Даниил Хармс... как раз и попали под *прополку*!

Но я отвлекся. Вернусь к *профессиональным охмурителям*, рыцарям "пера и телевизионного ящика", фокусникам и жрецам.

В давнем разговоре с человеком, который "преподавал" мне основы диалектического материализма (за колючей проволокой), я удивленно спросил, почему так вовремя появляются нужные словечки, выражения, цитаты и теории (вроде учения Лысенко, или учения Снежневского о *вялотекущей шизофрении*), и получил ответ – таков **социальный заказ!**

Разговоры о профессионализме появились и запорхали – в соответствии с **социальным заказом** – сначала вокруг "профессиональных киллеров" и "путан", а затем и вокруг тех видов деятельности, которые никакого отношения к профессионализму не имеют – а вот для этого-то словечко и выпорхнуло из пробирки, как вирус, и пошло гулять по миру!

Но в том ли дело, какой киллер лучше – профессиональный или не профессиональный? – об этом мы поспорим еще десять лет, а потом изменится *социальный заказ*, и мы начнем спорить о чем-то другом – а волк тем временем будет всё так же есть ягнят!

Вообще говоря, *профессионализм* не вреден, как и нож безвреден, пока не попадет в руки разбойника... и можно бы спорить, можно бы и "принципами не поступаться", и *принципиальность* отстаивать – но в обществе тоталитарном, в котором закрыты *все двери*, любая дверь, которая громогласно открывается, означает, как правило, вовсе не то, что на ней написано. Вот и приходится избегающим тоталитарного пресса ходить через окно!

Нет, и сам я ратую за то, чтобы слесари хорошо знали свое дело, и учителя умели решать задачи, и каменщик не *сикось-накось* возводил здание... да, скорее всего, **умеет** каменщик кирпичи класть, но или пьян, или цемент украли, или бригадир велел побыстрее; и архитектор мог бы построить здание не хуже "Мадонны Рафаэлевой", но строит в соответствии с давлением системы и *социальным заказом* так, что хочется от им построенного сбежать в дикий лес!

Раздражает меня не *профессионализм* (о котором еще Козьма Прутков сказал, что "*специалист подобен флюсу*"), а повод, по которому он становится философией, целью, с которой он пропагандируется.

Жизнь в России сложна, неустроена, тяжела, мучительна, несправедлива... В чем же дело, почему всё так плохо, почему опять всё "*не так как надо*"?

Тут есть над чем подумать, поговорить, поспорить, и ответ будет найден – но существуют злоумышленники, заинтересованные в том, чтобы искали его не там, где должно – и происходит *подмена*, и спорим мы не о причине причин, а о том, что, якобы, "*настоящих профессионалов не хватает, от этого и плохо всё!*"

Но разве наших *специалистов* не охотно берут на Западе, особенно математиков и программистов? – а вот в СССР мы мучились, работая на

многогонных "арифмометрах", и весь наш *профессионализм* ничего не значил, ибо *от нас ничего не зависело*. Мы и на овощебазах (куда нас регулярно *ссылали*, "премируя" бесплатным спиртом) *умело* выбирали гнилую капусту – но она продолжала по-прежнему гнить.

Да и не все, что человек делает, является ремеслом. Есть еще наука, искусство, философия, военное дело, театр, любовь, воспитание детей... да и жизнь, бесконечная как вселенная и не укладывающаяся в схемы.

Даже медицина – профессия, требующая *специальных* знаний и опыта, где как будто всё определяется либо скальпелем, либо микстурой, – *не только ремесло*, но и "*искусство*", потому и подвизаются в ней не *только профессионалы*.

Но причина ее вопиющего неблагополучия не в том, чтобы врачи не имели специального образования и диплома врача – разве кто-нибудь скажет, что врачи наши "не-профессиональны"? Нет, все мы знаем, что по большей части они – подвижники, и за нищенскую зарплату, без современного оборудования – лечат нас. Наш врач грамотнее любого американского профессионала, он способен поставить правильный диагноз с помощью термометра и стетоскопа, а западный без компьютера даже разговаривать не умеет. Падение медицины – это следствие падения *государственной системы*, в котором врачи неповинны. Печальная присказка о *не-профессионализме* придумана для того, чтобы запудрить мозги народу, и не дать поставить правильный диагноз постсоветской системе, а именно – всё те же, сгонявшие нас под знамена социализма, гонят нынче в капитализм, а сами **ничего не умеют** – вот и пытаются отвлечь нас от правды вздорными бреднями о неумении других.

Но как обыватель туп!

Только что он с апломбом говорил о *профессионализме* врачей – а вот уже лечится у Кашпировского и Чумака! А вот миллионной толпой ринулся к черным и белым магам, ведьмам, ведунам, колдунам и экстрасенсам!

Или они тоже – "профессионалы"?

Не хочу сказать, что лечит только дипломированный специалист – но уж современная армия экстрасенсов профессиональна только в деле охмурения легковых толп и выкачивания из них последних денег.

Что сегодня *Россия больна*, почти при смерти – неочевидно только слепым. Разруха, разложение, разлад, маразм, растление – во всем, но в наибольшей степени – в армии. Хуже Российской армии нет нигде в мире! Посмотрите на Израильскую армию, на армию стран НАТО, обратите внимание хотя бы на внешний вид солдат и офицеров. В ком из нас осталась хоть капля совести, тот знает, что солдаты в нашей армии грязные, оборванные, голодающие, что офицеры пьяницы, что чеченская война в такой же степени нужна чеченским террористам, как и русским генералам – да посмотрите на этих генералов! Могут ли они хотя бы строевым шагом пройти, не говорю уж – могут ли они пробежать, "*унасть, отжаться*"?

Или в нашей армии не профессиональные офицеры?

Нет, война – их профессия, – но могут ли они сесть за штурвал танка *вместо* танкиста, или самолета вместо летчика, или орудия вместо артиллериста, или засесть со снайперской винтовкой, то есть заменить *непрофессионального* военного – солдата *срочной* службы? Составьте роту из майоров, капитанов, полковников – они и из винтовки стрелять не умеют, да и обучению уже не поддаются!

Так кого же имеет в виду интеллигент-обыватель, говоря о профессионализме – профессиональных киллеров? Или министра обороны Грачева? Или *всенародного гаранта* Ельцина?

Врачи у нас с дипломами, генералы окончили Академию Генерального штаба, политики и депутаты закончили юридический факультет или стажировались в Зоне охранниками, учителя окончили Пединститут, – все всё, что надо, закончили! Но вот уже пятнадцать лет идут "реформы" в стране! – и всё хуже и хуже! Пять лет идет реформа в медицине! – и всё хуже и хуже. Началась реформа школы – и там, где она началась, успешно идет только сексуальное просвещение.

Нет, не в недостатке профессионалов причина наших бед!

Изъяны школы в России – это заслуга "профессионалов педагогики" – то есть чиновников Министерства Просвещения. А что она все еще учит и воспитывает детей – заслуга учителей, самоотверженных и не всегда рутинных, несмотря на окрики чиновников (ибо обучение детей – как любовь, где, как правило, чем опытнее – тем хуже).

И что врачи еще лечат – заслуга врачей, а что в больницах старое оборудование, достижения науки внедряются с отставанием – не их вина, не они конструируют отрасль (а вот *конструкторам-то* и надо беды страны, которую они погубили, объяснить "непрофессионализмом" врачей, учителей, инженеров и дворников).

Все, кто *правит* моей страной, это люди, не умеющие работать – учителями, медиками, инженерами, летчиками, каменщиками, плотниками, землекопами – но как они *умеют править*?! – неужели пойдем только через пятьдесят лет, когда остатки русского народа в шахтах и каменоломнях будут отрабатывать те миллиарды долларов долга, которые они украли, потому что мы, идиоты, не хотим думать, анализировать, книжки читать, а только как попугаи, повторяем –

Да здравствует светлое будущее!

Да здравствует развитой капитализм!...

Спасибо Ельцину за наше счастливое детство!

(Ну, вот, как возразишь этим "истинам"?!).

"Надо шить одежду так, чтобы она не косо сидела, чтобы один рукав не был короче другого! – вот что я хотел сказать, говоря, что шить надо *профессионально!*" – оправдывается современный "книжник".

Можно подумать, что закройщиками и портными всё сплошь были неумеющие шить. Но до последнего времени с брюками в СССР была проблема – все брюки во всех магазинах каждого размера и роста были шире неноменклатурных задниц "простых советских людей", потому что не закройщики в СССР решали, какого фасона и как шить.

Ну а сегодня, уже при "капитализме" – как шьют мужские трусы?

Я и сам, "изучая" *диалектический материализм* в сумасшедшем доме, выучился их шить, и "профессионально" свидетельствую – даже при коммунистах, когда не было "*правильного пива*", были все же *правильные трусы* – а сегодня во всем государстве таких асимметричных трусов не найдешь уже и для музея. Воистину "квадратура круга", или "апория Зенона" – почему так вдруг случилось?

Не потому ли, что и "разруха в мозгах" и "профессионализм" в управлении страной дошли уже до последней стадии!?

Идея *профессионализма* навязывается обществу, конечно, не для того, чтобы натравить обывателей на "непрофессиональных" водопроводчиков. Или шахматистов-*любителей*, во главе с Карповым, выставить против шахматистов-*профессионалов* во главе с Каспаровым.

Вот, например, Дьявол насылает на Европу чуму или черную оспу и тиф в 19-ом году, или грипп – легкий грипп – в девяностые годы, или Ленина, или Сталина, или Ельцина, или свору дьяволят, либеральных реформаторов экономики – для того ли он насылает вселенские напасти, чтобы кто-то один расчихался?

Нет, у Дьявола цели важнее, чем одному досадить или посмеяться.

Или начинает весь русский народ говорить особенным образом, добавляя к каждой фразе, ни к селу ни к городу, "*это самое*", "*как бы*"... – все, от школьника до академика, умные и глупые – да, чем это можно объяснить, как не чумою в мозгах?

Краны и при социализме чинили водопроводчики. Только чинили плохо – потому что система жизни была гнилой и преступной, и хоть ты академика посади за починку кранов, они должны были протекать безудержно! И даже не бюрократы были виноваты в том, что во всех сферах жизни главенствовал *дефицит*, и не только Госплан, и Минводхоз преступно пытались повернуть все реки на юг – *чума сидела в главной голове*, и рука Минводхоза послушно выполняла ее указания.

Так же не по злему умыслу академики, пенсионеры и студенты говорили "*это самое*" перед каждой фразой – грипп свирепствовал в их головах, и пока он свирепствовал, говорили они дурные слова, любили Ленина и Маркса, и страстно желали повернуть реки вспять. Бессмысленно было разубеждать их в их *сверхценных* идеях, как и обитателей сумасшедшего дома (особенно во время чумы).

Но вот чума утихла, проснулись в одно прекрасное утро обитатели России и заметили, что Маркса они уже разлюбили, а любят до одурения Ельцина с Чубайсом, и мечтают разбогатеть. Но поскольку дела в стране пошли еще хуже, и богатыми стать никак не удавалось, надо было заново осмыслить реальность и найти виноватых.

Капиталисты и помещики в виноватые уже не годились, но годились недавние властители дум – коммунисты, переименованные в "коммуняк". Если еще недавно каждое утро советский интеллигент бился лбом об пол, клянясь в любви к родной Коммунистической партии и кляня *частников*

– лавочников, спекулянтов и валютчиков – то сегодня вдруг завопил: "*Рынок, рынок, рынок, олигархо-мать! ... и это самое!*"

Но дела в стране шли всё хуже.

Что виновато и кто виноват, понятно было еще в каменном веке, понятно и сегодня – *даже ежу понятно!* (как говорил мой бывший начальник) – глупость и лень, властолюбие и продажность... Подлинно виноватые – **грабители**, выдающие себя за знающих... Вот и надо было словечко найти, которое бы в сторону уводило. *Тупой, невежественный, вороватый* – слова-то все опасные, могут подумать и на Ельцина с командой, и на либеральных пропагандистов построения нового светлого будущего, уже капиталистического (но, как и раньше, для ограниченной кучки негодяев). И вот явилось – "*непрофессионализм*". Как недавно – *бюрократизм*. Или – *головотяпство*.

Сегодня очнулись, и оглядываемся назад, на "светлое прошлое" революции и гражданской войны, коллективизации, индустриализации, "разведки будущего" – разве это *ревизионизм, догматизм и бюрократизм* повинны в том, что жили мы в духовном застенке, без подлинной культуры, свободной хозяйственной жизни, свободного приложения своих способностей в науке, литературе, искусстве, образовании?

Понятие *непрофессионализма* подменяет широкий круг острых проблем недостаточной (якобы) квалификацией врачей, учителей, инженеров... Но они обучены даже лучше французов, англичан, американцев – только всё прогнило, и они прогнили тоже.

Если раньше они были покорны коммунистической власти, но отчасти могли быть оправданы тем, что жили (хотя бы частично) во имя высоких (пусть и призрачных) целей, то теперь – чем их оправдать? Тем, что мечтают о богатстве, завидуют богатым, или злятся на них, когда понимают, что им богатство "*не светит*"?

Унижение страны они уже не чувствуют, как перестали чувствовать и свое унижение, и будущим поколениям оставят в наследство разоренную страну, обремененную долгами. Через двадцать пять лет население сократится на пятьдесят миллионов, долг увеличится на пятьсот миллиардов, поля зарастут окончательно, и последние фабрики заржавеют. Останется только труба, по которой будут бежать нефть и газ на Запад, и останутся "**профессионалы**", обслуживающие трубу.

Причина бед не в неумении работать, а в том, что *наш народ*, в противоположность англичанам и немцам, *производит самую бездарную власть и ей покоряется*, и поэтому все то пошлое, бездарное, низкое, что в стране, в Кремле, на улицах городов – не исправить тем, чтобы милиционеров и чиновников послать на курсы повышения квалификации и там *дотренировать и дообучить*.

Причина в том, что Лобное место пустует – и пока оно пустует, ничто не изменится к лучшему.

Наша власть – хуже чумы, и понять ее поведение нелегко. Похожа ли наша власть на пастуха овечьего стада, радеющего о своих интересах, но и о приумножении овечьего стада?

Или на монгольское иго похожа наша власть и на Батю лютого, разорившего половину Русской Земли, а другую половину обложившего данью? Нет, даже Батый покорившихся зазря не губил, не раздаривал завоеванных земель чужим завоевателям и не разорял тех, кто приносил ему золотые яйца.

И только на разбойника, остановившего прохожего на пустынной дороге, похожа наша власть – думает ли он, что снова придет на это же место дань собирать, а значит, надо озаботиться и тем, чтобы было е кому платить? Или на предателя, захватившего чужое имущество, ждущего возмездия и поспешно расхищающего! – разорят они чужое гнездо так, чтобы там уже не выводились птенцы! Не думают они о завтрашнем дне!

Поборники профессионализма совершенно справедливо цитируют сегования классика – *"Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник!"* Да я разве спорю?

Но вот парадокс – сами ревнители профессионализма не следуют своим правилам, и послами в иноземные государства посылают опальных представителей власти; прокурорами назначают тех, у кого спина гибкая; ведущими журналистами – у кого язык без костей.

Ну, конечно, власть наша такая невежественная, не справляющаяся со своими обязанностями, не способная подчас два слова связно сказать, косноязычная тупо (как Ельцин) и косноязычная почти гениально (как Черномырдин), что сделать ее поумнее и способнее – не мешает! Но не в непрофессионализме власти – ее главное зло. И главный порок нашей судебной-прокурорской системы не в недостатке знаний, а в ее *раболепии*, преданности власти, угодливости, бесчестности, продажности – не исправить этот порок чтением Плевако и Кони!

Вот ведь кажется, *дело генералов* – командовать армией, а не государством – но генералы Лафайет, Вашингтон, Де-Голль, Эйзенхауэр, Наполеон – худшие ли из правителей? Но, конечно, Россией уместнее управлять *секретарям обкомов и профессионалам сыска!*

Полицейский на Западе не потому взяток не берет, что честнее или умнее нашего полицейского, а потому, что – *попробуй он взятку взять!*

Так же если машины на дороге разбиваются, то не водители не умеют рулить, а мины там понатыканы! Разминируй дорогу – не надо и водителей *профессионализировать* почему зря! Разминировано государство Российское, минёр нужен, чтобы разминировать его, и стоило бы ему к власти придти, то и с этим народом, который сегодня готов даже на мины лечь, лишь бы систему, которая его мучает каждодневно и убивает, защитить – мы через год стали бы лучше всех!

Профессиональные киллеры пришли к власти – вот отчего все наши мучения, и пока это так – самые искусные врачи не так и не от того будут лечить!

Но что делать, как назад реки пустить, которые злоумышленникам уже удалось однажды вспять повернуть – я не знаю!

К месту теперь разобрать Ленинское выражение – *"каждая кухарка должна ... управлять государством!"*. Верно ли это?

Да, если государством должен управлять народ, то даже невежественные, даже нищие и бездомные должны управлять государством (то есть, через своих *представителей* отстаивать свою волю и свою пользу и свое благо), и даже *путаны!*

Вчерашние неучи, кое-как сдавшие зачеты по истмату и *научному атеизму* (сегодня, правда, они уже научились креститься), потешаются над кухаркой в кресле министра. Но в большинстве просвещенных стран именно *непрофессионалы* – кухарки, плотники, торговцы и *домохозяйки*, то есть *кухарки*, управляют полицейскими, следователями, судьями, и вот шведы *наняли на работу своих полицейских*, и представитель народа смотрит за тем, чтобы собаки, призванные охранять дом от волков, не кусали домочадцев – кухарка вполне уместна в должности надсмотрщицы за собаками! В США гражданское лицо возглавляет министерство Обороны, а для разрешения сугубо военных проблем имеется Комитет начальников штабов.

Прервалась связь времен, и потому-то наша доблестная интеллигенция так необразованна и некультурна, не знает и не помнит ничего о сословном представительстве и никак не может взять в толк, что многие исторически сложившиеся и выстраданные формы общественного устройства внешне парадоксальны – что присяжные в суде присяжных не должны быть юристами; не одни политики должны заседать в Государственной Думе, как не одни акушерки рожать!

Представление о хозяйственной, научной и технической жизни как о механизме, которым можно тотально управлять, и который возможно *правильно направлять* – глубоко ошибочно. Социализм стремился живой *организм* страны превратить в искусственный *механизм* арифмометра и плана – и, наконец, надорвался под тяжестью этой бредовой идеи.

3

Достали уже меня *"профессионалы"* в государственных ветвях власти, *достала* меня *профессионализация* культуры – но на этих поприщах изменений скорых трудно достичь.

Лично мне *мало что светит* – ни на государственном поприще, ни на ниве просвещения народа, ибо вкусы мои расходятся с большинством *профессионалов пера*, чтобы кто-нибудь из редакторов и критиков рекомендовал меня напечатать – да такого и после смерти своей я не дождусь. Представляю, какой хохот поднялся бы среди издателей, если бы не *подпольно* писал я и печатал, а пришел бы к *знающим* и принес свои рукописи!

Отринут меня и историки – по той же причине! А ведь мой довод прост как дыхание – большей частью историки *врут*, а нечестный историк – но хотя бы так же сведущий, как сам Сатана – менее годится в историки, чем простой честный человек – даже невежественный, даже не умеющий читать и писать!

Меня учил истории (и языкознанию заодно) великий историк Сталин (в Кратком курсе ВКПБ) – да не с миллионом ли дипломированных историков, журналистов, пропагандистов и писателей заодно? Учили *истории* в университетских курсах *истории КПСС и исторического материализма*; учила истории *советская литература*, кино и театр и даже наука (в школе я изучал Дарвинизм и учение Лысенко – а это не история ли Природы?) – *пятьдесят лет мне ввали образованные лица всех профессий* – и что же, они думают, что *их профессионализм* я буду теперь защищать?

Или сегодня профессионалы – другие?

Сегодняшние учителя либеральной экономики разгромили не только здравый смысл и экономику, они разгромили страну и народ, но так же неправду истории поставили они себе на службу, чтобы *пачкать мозги* и грабить страну.

Что такое полнота исторического знания? Разумеется, это не знание всех частностей, но знание *правды*. И как каждый человек должен стремиться подняться ввысь и достигнуть *Постижения*, так каждый, прежде чем умереть, должен узнать *всю правду* о нашей жизни, и всю нашу историю вместить и понять!

Когда я учился в университете, вдруг стало мне душно, и бежал я из Петербурга в рыбацкую деревню на берегу Ладоги. Там я учительствовал, ходил по домам учеников, влюблялся в школьниц, пил после бани с соседями, и водил с ними разговоры о смысле жизни. Собеседники мои Капитала не читали, и Дюринга с анти-Дюрингом тоже, шахматам предпочитали домино и карты, и самогонку – сухому вину.

Казалось бы, о чем говорить мне с ними, не прочитавшими тех книг, что и я?

Но я вдруг понял многое, что покажется парадоксальным.

Понял я, что *образование* не только *не прибавляет ума* (по выражению Солженицына), но часто *сушит ум*, потому что оно *не всегда благоустраивает душу*, а часто заменяет ее живое содержимое – схемами, умение думать – чужими мыслями, чувства – описаниями чувств; понял, что и *опыт не делает глубже*, но *стирает душу*, как стирается грампластинка при частом проигрывании.

Я думал, что писатель, ученый или философ – умнее конюха или пчеловода, и лучше понимают жизнь, но оказалось, что конюх говорит то, что придумал сам, и что мне всегда интересно, потому что я этого не читал и не слышал у других, а писатель и ученый пересказывают те же книги, которые я и сам прочитал и в которых разочаровался.

Умники не всегда умны... А никакой *профессионализм* ума не заменит. Хотя и с *невеждами* чаще всего говорить бесполезно ...

Ничего в этом мире сделать нельзя, как на эшафоте. Если секира занесена, то и умные слова бессмысленны, и лучше умереть молча!

И на этой грустной ноте пора бы закончить мои разглагольствования...

Охрана устала...

После столь долгих объяснений стало ли понятнее, что я хотел доказать и что опровергнуть, от чего предостеречь и к чему призвать?

Пятнадцать лет назад государство, помимо войны в Чечне... то бишь, в Афганистане... затеяло повернуть реки, текущие на Север, где и так целый Ледовитый океан сплошной воды, на пустынный Юг, где воды было мало, и создало для осуществления этой затеи особое министерство Мелиорации, состоящее сплошь из одних *профессионалов* – водников, осушителей, агрономов и всяких других, причем многие из них были академиками. Боролся с ними на их поприще чуть ли не один только писатель Залыгин, а в узком кругу обывателей пытался и я охаять грандиозные замыслы. *Да много ли ты в мелиорации понимаешь?* – резонно осаживал меня Советский народ.

Вот в чем дело – *зло наदेкает личину* (и личин этих множество), и борется с добром и правдой, выступая от имени Бога, Истины, Знания, *Профессионализма*, Прогресса.

Но не бойтесь противостоять Злу, даже если оказываетесь в одиночестве и все человечество против вас. Нечистая Сила *искусна* и часто ее доводы убедительны – но если видите, что ими прикрыто неправое дело – не сдавайтесь! *Дьявол и в любом деле искуснее нас*, и поэтому искусность мелиораторов только увеличивала низость ими задуманного. Если философы захотят унизить *добрых* (а давно ли мы в школах изучали, что *жалость унижает*, и добрых нет, а только *добренькие?*), то даже не умеющий писать и читать должен им возразить!

Если физики захотят испытать на нас атомную бомбу, если последователи Лысенко будут учить невежественных крестьян пахать и сеять (а вы уже забыли, как заставили всю страну сажать кукурузу?), если музыкальные и литературные критики будут нам *предписывать*, что читать и кого любить, если банда профессионалов будет *исправлять* русский язык, если *психиатры*, если *искусствоведы* в *штатском*...

Помните и не забывайте, что уже был пример, когда на протяжении нескольких десятилетий все ученые, все писатели, все философы, все учителя – *все как один* исповедовали Одно Единственно Верное Учение – и что же оставалось делать *неученым, неписателям, неучителям*? Могли ли они противостоять *профессионализму знающих*?

Если Бога нет, то правда за *знающими*.

Но если Бог есть, то Правда у Бога, и посему нужно отстаивать ее даже *против всех знающих мира*, и Бог поможет стоящему за правду; и если это будет неразумный младенец, то и младенцу откроется достаточно для того, чтобы мудрецы были посрамлены, и был посрамлен Дьявол на любом поприще, даже в исследовании течения рек.

Споры о профессионализме и дилетантизме, компетентности и невежестве чаще всего связаны с кашей в голове.

Сломались у нас часы. Многие самонадеянные люди спешат открыть крышку и пытаются собственными усилиями их исправить, иногда уже неотвратимо ломая. Наконец, здравый смысл торжествует, и мы идем к часовщику – то есть специалисту (или профессионалу).

Два года назад стал у меня компьютер работать из рук вон плохо (как при социализме). В мастерской предложили мне его починить за 50 долларов, но так как денег у меня не было, то обратился я к знакомым и знакомым знакомых, которые стали *лечить* его за умеренную плату – но больному становилось все хуже.

Как и компьютеры, болеем и мы, и тоже бежим к врачу – кардиологу, ревматологу, окулисту.. Увы, становится лучше нам не всегда, и тогда от профессионалов обращаемся мы к шарлатанам – сначала к *дипломированной* «нечистой силе» – магам, экстрасенсам, колдунам; потом, еле дыша и уже отчаявшись, отвергаем не только профессионализм и науку, но даже и *псевдонауку*, и всякое *знание*, и призываем на помощь *дремучее невежество* – иногда зовем *батюшку*, чтобы попрыскал на нас святой водой и помоллился, иногда зовем *бабку-знахарку*.

Иные из них лечат народными средствами, что напоминает приемы официального ремесла, то есть дают пить отвары, парят в бане, ставят компрессы и банки; иные лечат так, что посрамляют всякое представление о каком бы то ни было профессионализме, то есть *шепчут*, *окуривают* дымом, *посылают* куриным пометом, *прыскают* водой, *обносят* вокруг овина. Помогает, разумеется, не всегда, но в тех случаях, когда официальная медицина не помогает совсем, и пациент уже заказывает место на кладбище, окуриванье дымом иногда помогает.

Столкновение профессиональных знаний и дилетантизма поразительнее всего в наиболее сложных областях человеческих устремлений, где научные представления невозможно отделить от философии, религии и житейского опыта – таковы, например, *теория эволюции*, так называемая *теория относительности*, *политическая экономия*, *история*, и т. п.

Эта драма противостояния профессионализма и невежества меня затрагивает впрямую.

Вот я негодую по поводу марксизма-ленинизма, исписал возражениями тысячи листов бумаги, излил пуды желчи, сотрясал проклятиями сотни миллиметров ртутного столба – но сам то я философ ли? Имею ли я право опровергать их взбесившийся профессионализм?

Но почему ученые за Эйнштейна? Потому же, почему были за Маркса – потому что ни Маркса, ни Эйнштейна они не читали, но если пастухи уверяют, что Маркс (Эйнштейн) гений, то стадо блеет согласно. При этом физики уверяют, что на Эйнштейне зиждется астрономия, астрономы кивают на физиков, а марксисты сто лет нас учили, что все *прогрессивное человечество* на ночь *со слезой* читает вместо Игнатия Брянчанинова именно Маркса.

Но на поверку оказалось, что *прогрессивное* человечество сплошь реакционно, и мою несчастную Россию разодрали бывшие марксисты всю на куски, и сожрали и дожевывают теперь уже во славу Фримэна и его теории либеральной экономики.

Так вправе ли я негодовать по поводу Кашпировского и Чумака; по поводу ельцинской команды реформаторов; по поводу Снежневского и

его теории *вялотекущей шизофрении*, которая может тысячами протекать в человеке так незаметно, что только профессионалы в состоянии ее уличить, обличить и прихлопнуть... вправе ли негодовать по поводу НЛЮ и чужих гуманоидов?

Имею ли я диплом колдуна или мага, и умею ли изгонять бесов? Был ли редактором журнала «Молодой коммунист», как отцы либеральных демократических реформ? Имею ли я право негодовать *профессионально*, или только как дремучий невежда?

Но вот появился академик Фоменко с его новой Хронологией – и померкли учения о колдовстве и шаманизме и зарядили космической энергией земной воды, о всемирной сексуальной революции, относительности скорости света, морали и ума, о прибавочной стоимости и приватизации пуган – не померк только солнечный свет, но скоро и солнцу станет стыдно светить на нашу безумную землю.

Но имею ли я право возмущаться?

Уже заканчивая свои инвективы против профессионализма историков, психиатров, реформаторов языка и экономики, наконец-то нашел я то духовное основание, которое оправдывает меня и вооружит в битве с оголтелым натиском ученого мракобесия, грозящим унижить и оболванить русский народ еще почище Маркса и Фримэна.

Человек реализуется или как *человек универсальный*, призванный самим Богом к универсализму, ибо не сможет иначе он принять от Господа Завет и Откровение, и *обсуждать* их с Ним, *спорить* и не соглашаться (а Господь нуждается в собеседнике также, как и каждый из нас); или как *владеющий* знаниями и приемами *определенного ремесла* – а в таких знаниях и умениях он чаще только с грехом пополам подвизается в одной профессии.

Противоположность *человека универсального* – это *человек одномерный*, человек-инструмент, человек-профессия, *профессионал*.

Главное качество такого человека – узость сознания.

И, возможно, прав был Снежневский, и вялотекущая шизофрения действительно существует, но, больна такой шизофренией вся советская интеллигенция.

Человек универсальный не только может, но и должен выработать цельное мировоззрение, и на его основании сопротивляться ученому догматизму, одевающему личину *профессионализма*, чтобы знание сделать *корпоративным* и *оградить от критики*.

Ложной или истинной бывает центральная, *осевая идея* в теории или гипотезе, и даже бесконечное количество деталей не столь важно, и их знание или незнание не столь важно для понимания этой осевой идеи, наоборот, вздорные идеи часто прикрываются Монбланами псевдо-ученого мусора, как коготка румянами.

Почему так открывают горизонты Духа статьи и книги 19-го века? Потому что в них заключено цельное представление о человеке и мире. Эвересты научных фактов часто скрывают отсутствие глубины, убогость концепций, отсутствие *универсального миропонимания*.

К Страшному Суду каждый человек обязан придти как *универсальный человек*, следовательно обязан компетентно и исчерпывающим образом понять и драму генетики в Советской России, и роль Лысенко в этой драме, должен понять и историю России в 20-ом столетии, ответить на «проклятые вопросы», которыми нас мучили в школе и университете, – что первично и что вторично, произошел ли человек от обезьяны и есть ли Бог – иначе на чьей же стороне он будет в ежеминутно происходящей битве добра и зла, и за что будет отвечать на Страшном Суде?

Быть *универсальным человеком* не значит прочитать Большую Советскую Энциклопедию.

Универсальным человеком был Пушкин, достаточно прочитать его журнальные статьи и заметки, писанные в Современнике; но и каждый русский интеллигент в 19-ом столетии был человеком универсальным. Даже забытые авторы кажутся сегодня титанами – поразительны Сенковский, Гнедич, Николай Полевой – это не из самых известных. А Карамзин? А Кюхельбекер, беседовавший на равных с Шеллингом?..

Но и крестьяне в моей деревне, хотя не читали Галилея и Коперника (их невежество я называю *естественным*) – умели здраво судить о всем важном в жизни (даже не читая книг!.. Или именно поэтому?!)

Современный же человек часто невежествен *противоестественно*, и для преодоления своей узости ему необходимо от профессионального *монолога* возвыситься до симфонии и полифонии, пройти по ночному Гефсиманскому саду, на Тайной Вечере преломить хлеб с Христом, поднять чашу с цикутой, беседуя с Сократом, внимать речам Цицерона, держать в руках Галльские письма Цезаря, возражать Вольтеру, плакать с Жанной от боли и бессилия, бродить с Вагнером по ночным булыжным улицам Кёнигсберга, и вместе с Корниловым идти в Ледовый Поход... и всю бесконечность культуры и истории необходимо вместить в себя.

Ибо только *универсализм* противостоит *профессионализму*, как культура – ремеслу, хотя и не исключает.

Ибо существуют три уровня компетентности.

Первый – уровень *профессионализма*: писатель пишет книгу; закройщик и портной шьют костюм; архитектор и строитель строят дом.

Второй – уровень *дилетантизма*: редактор принимает решение, печатать ли книгу, критик пишет критическую статью; заказчик приходит на примерку вместе со своей женой; комиссия принимает дом.

Третий – уровень *невежества*: читатель читает книгу, заказчик одевает костюм, жильцы въезжают в новую квартиру.

Кто же вправе оценить наиболее истинно – книгу, одежду, жилище?

Заказчик заявляет, что пиджак сидит косо, брюки коротки и в поясе жмет, и возвращает костюм закройщику; обыватель, не умеющий гвоздя вбить в стену, подает в суд на строителей и выигрывает процесс; читатель отправляет книгу автору с ругательным письмом – скажет ли им кто-нибудь, что они *не профессионалы, и поэтому не вправе судить?*

Нет, этого им никто не скажет кроме тех злоумышленников, профессией которых является охмуренье народа.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ АКСИОМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Глава 1. ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА?

1. Осмеливаемся ли мы знать правду и возможен ли диалог?

Целую жизнь я разговариваю *сам с собою*, пишу стихи и рассказы и "философские" дневники и, наконец, такой разговор меня утомил. Нет результата, даже эхо не раздается в ответ на мои призывы, проповеди и заклинания. Мне же необходимо не только выговориться – но и быть услышанным; найти если не ответ на вопросы в итоге рассуждений, то хотя бы чужие комментарии к моим ответам.

Вот также, если бы я был девицей, даже скромной, то однажды воскликнул бы – недостаточно мне вертеться перед зеркалом, снимать и надевать наряды, вертеть головой и попкой, надо, чтобы хоть кто-нибудь на меня *посмотрел*, ну, хоть подруга, если не принц из снов.

Недостаточно разговора *наедине с собою*. Надо слышать слова порицания или похвалы, иначе и жить и разговаривать неинтересно.

Но никто не слышит... никто *не хочет слышать*... Бетонная стена отделяет меня от слушателей. Все, как на пьяном застолье, говорят одновременно и невразумительно...

Так *возможен ли диалог?*

История моих отношений с критиками и оппонентами, разговоры с *субульниками* и случайными *попутчиками* в поезде и трамвае, с родными и друзьями, школьниками и студентами, психиатрами и соседями по больничной палате и тюремной камере, конвоирами и сестрами милосердия, священниками, монахами, лицемерами и ханжами, нищими и богатеями, политиками, *честными давалками* и невинными девами, женоненавистниками и дамскими угодниками, следователями, писателями, философами, циниками и блаженными и множеством других, от старцев до младенцев – приводят к грустному выводу о безнадежности попыток достучаться до умов и сердец...

Вспоминаю один знаменательный разговор со следователем в уютном кабинете Большого Дома (после моего ареста в 70-ом году).

Я тогда пал духом, не только не отстаивал свои взгляды, но всячески пытался их сгладить, изображая из себя лишь сомневающегося романтика, а не убежденного противника марксистско-ленинского учения и практики *победившего* социализма. Следователь же как будто поверил, что перед ним инфантильный идеалист и мечтатель, и однажды, сочувствуя (?) мне, спросил: "Что же ты не поговорил со старшими о своих сомнениях? Ведь и в университете, и в институте (где я тогда работал преподавателем) есть комитет комсомола, есть *партком!* Да пришел бы даже к нам, и у нас немало знающих, честных, *идейных* коммунистов, они бы смогли помочь тебе в сомнениях, ответить на твои вопросы!"

И меня посетило видение – вот прихожу я в Большой Дом и спрашиваю: как объяснить и оправдать истребление образованного сословия в эпоху гражданской войны; искусственно вызванный голод в 22-ом и 32-ом годах и миллионы раскулаченных; напрасные миллионные жертвы в войне; превращение страны в концентрационный лагерь; запрет не только *иноговорения*, но и *инакомыслия*, даже запрет уныния? – и вот сижу я напротив "умного, усталого и седого следователя", и рассказываю ему о своих "сомнениях"... а он отечески гладит меня, несмышлениша, по голове и разъясняет *правду социалистической идеи* – искоренение всего того, что *выделяется*, поднимается над средним, серым, обыденным, искоренение таланта, оригинальности, идеализма и мистики!

Так возможен ли диалог со следователем? Или секретным осведомителем? Или "Третьим Отделением"? Или "Первым Отделом"? Или Комитетом Госбезопасности? И не потому, что не будут слушать, но язык прилипнет к гортани от страха, прежде чем начнешь говорить.

Да и сегодня побоюсь я сказать всё, что думаю. Тот же страх, пусть не такой тупой и липкий, останавливает меня – ведь изменилось мало, зависимость от государства и общества не меньше, чем прежде.

Я не скажу всего про крупных чиновников-казнокрадов и удачливых *предпринимателей* – предприимчивых только в "*прихватизации* не ими нажитого *государственного имущества*", не сумевших произвести даже ржавой гайки за последние 15 лет, а одни лишь акции, облигации, чеки и ваучеры и прочий бумажный сор, принёсший им миллиарды; умолчу о своих чувствах по отношению к невежественной и раболепной интеллигенции, оправдывающей всякое государственное насилие и угодливу исполняющей хозяйские приказы – надо ли разработать новую колочую проволоку и новую бомбу, надо ли оправдать царствующую идеологию, вчера коммунистическую, а сегодня идеологию воров и лавочников – мгновенно – "чего изволите?"; решусь ли сказать хотя бы половину того, что думаю и чувствую по поводу своего народа и *двунадесяти языков*, населяющих российские земли – и уж если на русских, на их лень, пьянство, тупость, трусость, любовь к рабству, ненависть к инакомыслию и ко всему выдающемуся я еще, быть может, и осмелюсь излить негодование, то на двенадцать языков хотя бы часть хотя бы справедливой укоризны – выскажу ли?

Да то же самое русское общество, та же самая косная и тупая и затаенно пропитанная этнической злобой к чужим, но с вывернутыми интернационализмом набекрень мозгами русская интеллигенция завопит – Ату его! Он расист! Он юдофоб! Он человеконенавистник!

И, наконец, осмелюсь ли перед *ближними* своими быть откровенным? Они-то меня поймут ли?

Да, вот сколь многое связывает ум и язык и не дает им развязаться!

Ну так, следовательно, возможен ли диалог? Будут ли меня читать и захотят ли понять ту мою боль душевную, которую принесу я с собою на горестную "разборку" с жизнью – упёртые последователи Маркса и

Ленина; упертые православные, бывшие комсомольские активисты; "коммуно-патриоты", вчерашние *интернационалисты*, а сегодня не желающие даже щи хлебать иначе как *лаптем*; монахи и монахини; либеральные интеллигенты, обвиняющие в национализме не только тех, кто ненавидит чужой народ, но и тех, кому свой народ – дороже; будут ли меня читать и захотят ли понять "лица кавказской национальности", которых я вовсе не хочу "мочить" ни "в сортирах", ни на их земле, но экспансии которых на моёй земле я попытался бы противодействовать, если бы мог; олигархи и "приватизаторы"; журналисты, продающие свой талант, чиновники, продающие государство; генералы (из которых, по-видимому, не все умеют читать); будут ли меня читать и захотят ли понять...?

Да, большинство не захочет ни выслушать, ни понять.

Но есть, быть может, самая важная причина того, что диалог состояться не может, и она – во мне.

Надо говорить так, чтобы рассыпались камни; чтобы вскипала вода в родниках; чтобы птицы замолкли и ветер стих; чтобы звезды зазвенели в музыке сфер; чтобы глухой услышал и незрячий прозрел! А я говорю невнятно и голос мой тих. Только нет другого, желающего взойти на этот помост, и нет других слушателей, кроме праздной толпы, жаждущей зрелища казни.

Поэтому, хотя и не сомневаюсь я в том, что мои слова растворятся в шуме повседневной суеты, и слушающих не будет, а тем паче не будет собеседников, иду я к лобному месту, и восклицаю – "*Верую во единого Бога-отца и Духа Святаго!*" – и жду казни вавилонской, которая не замедлит, как обещал Аввакум.

Разве это в первый раз на Руси? Разве не единственный смысл Власти – искоренять огнем и железом инакомыслие и даже попытку мыслить иначе чем только любить Власть, и трепетать при ее дыхании?

Справедливо ли то, что говорят и пишут рабы о рабовладельце, верноподанные о самодержце, влюбленные о возлюбленных, колено-преклоненные о кумире, перед которым они стоят на коленях?

Нет, "ведомственная правда" – это ложь, милиция защищает *своего* милиционера, армия – генерала, патриот защищает (вне всякой меры) свой народ, гражданин – государство.

Как клановая любовь, так несправедлива и клановая ненависть – вор ненавидит честных, гулящая – целомудрие, богатый презирает бедных, космополит – народ.

И вот я восклицаю горестно – да есть ли хоть один человек, смеющийся и в любви и в ненависти быть справедливым и оставаться с правдой?

Есть ли генерал, дорожащий честью армии и любящий Россию, и потому страдающий от того состояния, в которое приведена армия?

Есть ли хранитель порядка и закона, признающий и ложь, и хамство, и продажность милицейского, судейского, прокурорского сословий?

А ведь в России на сто жителей один охранник, тогда как в Европе вдесятеро меньше, но ночью в темном лесу... да что там ночью?! – днем в безлюдном месте... да что там в безлюдном?! – в три часа дня на широкой площади среди сотни прохожих ограбят, изнасилуют, убьют, и прохожие пройдут, не вступившись, мимо!

Но никто не разделит мою боль, а если и сознаются в том, что страна в трясине, то обвинят толпу, обывателей, прохожих... Генералы и полковники хороши, правительство и чиновники, мол, пекутся о благе России, но неразвит, ленив и темен народ. Да, неразвит, ленив и темен народ, но правящее сословие, выделенное им из своей массы, несет в себе его пороки в удесятеренной степени!

А христианские писатели многим ли отличаются от придворных льстецов, прославляющих своего властелина? Можно ли у христианского писателя почерпнуть выстраданные знания, без истерического пафоса и кляtv в верности?

Читаю статью Флоровского – "*Затруднения историка-христианина*" – в чем же они состоят?

И вот оказывается, что затруднения эти состоят не в предмете истории, а только в том, что историк-христианин не может и не должен забывать, что он не только историк, но и христианин!

Разумеется, если бы речь шла о том, что человек должен оставаться честным, *любить* отечество, семью и ближних, это не приносило бы затруднений при доказательстве теорем – но надо ли стараться ослепнуть, быть нетерпимым не только к критике, но даже к отсутствию верно-подданного восторга? Не так ли преследовали за отсутствие *рвения в вере* – и у мусульман, и у христиан, и во времена культурной революции в Китае, – но нуждается ли Господь в такой любви и таком рвении?

Нуждается ли Господь только в слепой вере, только ли нужны Ему те, кто *не видел и уверовал*, кто и не хочет смотреть и видеть, но лишь *верить* – тому, что земля плоская (а тут является Галилей), что она центр вселенной (а тут являются Коперник и Кеплер), что непогрешима церковь (а тут является Лютер), что непогрешимы земные *вожди* (а тут являются Содом и Гоморра, Освенцим и Соловки!)?

Но надо ли и каждому рассуждать о мироздании и о смысле Троицы, о том, в чем Истина и есть ли Бог – или о вечных проблемах Бытия могут судить только *специально обученные* – психологи, психиатры, историки, философы, юристы и *дети юристов*? Или "искусствоведы в штатском"? Охранники и начальники тюрем? – ибо ведь не всякий берется рассуждать о сходности степенных рядов?!

2. Норма как усредненная истина

Кто мои враги?

Да, подлинные враги мои – "*знающие*", а не пахари или мостильщики улиц, пусть и называют они белое черным, ибо не могут различить они ни черного, ни белого, хотя и утверждают свою правоту иногда и силой *бульжника, выломанного из мостовой*.

Чем умнее философ общепринятой истины, тем мне горше. Ибо умному я возразить не в силах, и не могу так искусно сплести словесные сети, хотя и знаю, что прав. Так ведь и тот, кто надевает тесный кафтан, знает, когда кафтан ему жмет и косо сидят рукава, хотя и не сумеет сшить сам – вот и я философию сочинить не могу, но не значит же это, что злоумышленники, умеющие сочинять философию с одним или тремя рукавами, правы, а я, неумеющий, но видящий правду – не прав!?

Боже, помоги мне! – взываю я беспрестанно.

Но разве не у них Бог, не с ними, не в их *проницательном разуме*? Поможет ли *их* Бог мне?

Они Его *истолковали*. Они Его ввели в свой дом и усадили за стол и наливали лучшего вина и ведут утонченнейшие беседы – а что я, за стенами их добротных домов, даже за заборами их дворов, вдали от музыки их гостиных – что я, *глухонемой слепец*, могу противопоставить их глубине и знанию?

В юности, когда спорил я с общепринятым, надо мною смеялись, и смеясь, говорили – *неужели все кругом слепы и глухи, и все ошибаются, а один лишь ты видишь истину?* И я **не смел** возразить твердо, что да, именно так, один я и вижу истину.

(Ибо, и в самом деле, не потерял ли разум тот, кто утверждает, что *все*, пробующие *соленую* воду на вкус, и находящие ее сладкой, луг или заблуждается, а только он один, которому *солono*, прав?)

И конечно, правоту свою я доказать не мог, и когда меня обвинили в безумии, покорно заключился за *колючую* проволоку, чтобы быть как все.

Но – время шло.

Настало вдруг и такое время, когда те, кто надо мною смеялся, и кто меня за проволоку заключал, вдруг заявили, что вода и вправду была соленой, но что они об этом тоже знали, а только молчали до времени, и что я, следовательно, – не совсем сумасшедший.

Вот теперь и они переменились, и я другой, и мне, наконец, представилась редкая возможность спорить с всеобщим мнением, не боясь обвинений в безумии.

Все неправы, а я прав – заявляю теперь без обиняков то, что прежде сказать боялся или говорил с оговорками.

Поэтому не буду тратить времени на доказательство, что я в здравом уме, а спорящие со мной безумны, а изложу свой взгляд на мир, и буду спокойно ждать того часа, когда они снова заявят, что думают как я, и *всегда* так думали.

Так что же такое норма и что – аномалия; и кто сошел с ума – идущие в едином строю или сворачивающие на обочину? Я ли, в пьяном виде пишущий эти записки, или трезвое советское общество, перестроившее Россию в сумасшедший дом и туда меня заключившее за одно лишь нежелание идти вместе со всеми?

Вспомним, как это было!

Все шли в строю.

А я свернул в сторону.

По окраинам рычали и скалили зубы свирепые псы, и вмиг я был схвачен и втащен в удивительное место, *окаймленное* стеной и колючею проволокой.

Там мне преподали *теорию бытия* и *правила прозябания*, а затем приняли экзамен на здравомыслие – но он был прост, и я его выдержал.

Истина состоит в том (и обсуждать ее – уже безумие!), что *нормально только то, что обладает средними свойствами*, поэтому ненормальны, например, *сочиняющие* стихи (ибо большинство их не сочиняет), или видящие цветные сны, или влюбленные, или, напротив, *не влюбленные* в правящий режим и *светлое будущее* всего человечества.

Нормальны те, кто идет в едином строю, и ненормальны ушедшие в сторону. Ненормальны, кто не умеет идти строем, и *еще ненормальнее те, кто умеет идти вне строя*.

Да, среди свернувших в сторону многие не смогли вернуться в строй; многие не смогли скрыть умение идти *иноходью*.

По везению ли (а, может быть, у потворствующих мне небесных сил был свой замысел?), но я убедил “*здравомыслящих*”, что выпал из строя почти бессознательно, что это была случайность, и я не только не думал идти вне строя, но и не умею – вот, посмотрите! – *ходить его мимо!*

Мне поверили. От меня отстали. Я остался жив, и вот теперь даже снова пишу.

Но спор не закончен. Во всяком случае, не я его выиграл. *Середина* – то есть *норма* – по-прежнему торжествует.

И большинство все так же лишь повторяет то, чему научилось в школе или узнаёт из книг, газет или телевизионных сообщений.

Я же говорю преимущественно то, что придумал сам, что выискал, выстрадал, родил в муках, а не получил из инкубатора – поэтому всё *моё* так сильно отличается от *не моего*...

И хотя о многих важных предметах, определяющих судьбу России и русского народа, я имею более *справедливое* представление, чем подавляющее большинство общества, трудно мне находить с ними “общий” язык; а иногда я и вовсе одинок среди невежества, глупости, рабства, пошлости, лжи или страха.

Когда они были лояльны коммунистической власти, я ее презирал и ненавидел, потому что любил Россию; а они любили правительство и режим, потому что не любили Россию или были к ней равнодушны.

Но только что они *строили коммунизм*, воевали с “*лица необщим выраженьем*”, воевали в Афганистане, ликовали при запуске спутников, – а теперь вдруг *поверили в противоположном направлении* – но заметили ли они смену направления? Да и изменилась ли их вера?

Английский писатель Артур Кестлер как-то заметил, что став *плохим коммунистом* и *плохим антикоммунистом*, он стал *более человечным*. Не

связано ли это с тем, что “быть кем-то...” всегда означает сужение личности, и приводит к большей прямолинейности, твердости – но, как известно, о твердое ближний сильнее ударяется?

Человек *не* убежденный, сомневающийся – больше способен к пониманию другого, а значит шире и снисходительнее...

Человек, организованный *правильно* – теснит, с ним нет легкости.

Вот и патриоты – правильные люди, и те коммунисты, которые разделяли учение искренне – правильные, и христиане... Но если убежденность не допускает шатаний, если “шаг влево, шаг вправо считается побег”, то с такими *правильными* жизнь все равно как в строю под конвоем, “открывающим огонь без предупреждения”.

Может ли христианин пожалеть грешных людей?

Христиане образцовые суровы. И непоколебимы. Таковы Торквемада, Савонарола, да и наш протопоп Аввакум...

Да и все *убежденные* таковы, и уже *убедила* меня жизнь в бессмысленности и невозможности спора с *убежденными*.

Дело в том, что системы взглядов, становящиеся *убеждениями*, не допускают критического к ним отношения. Чаще всего они цельны и, вообще говоря, *абсолютны*... я бы сказал даже, что они абсолютно *истинны*... все... даже противоположные друг другу...

Ибо истинность убеждений – не вывод из размышления, а аксиома. Как сказал Ленин, *учение Маркса всецельно, ибо верно*. Принимающий аксиому становится сам частью ее, и не способен к сомнениям, пока вдруг не разделится с нею – но почему это происходит – неведомо... Может быть река подмывала берег, и он вдруг обрушился. Берег подмывался невидимо, и обрушился не без причины, но спорить ли нам было с рекою, взывать ли к ней?

3. Истина как Норма

Разговор об истине, по-видимому, так же не имеет предела, как разговор о смысле жизни, но обычно, когда собираемся мы с друзьями, да еще в бане, да с пивом, то естественно начинаем с “баб”, потом, после первой кружки пива – *в чем смысл жизни*, как надо правильно жить, и, наконец – *что есть Истина?* – и так уже сорок лет!

Разумеется, ответа на свои вопросы мы не нашли, и кто его знает, найдем ли, тем более, что пива уже пьем меньше и встречаемся реже.

Но и без определения истины каждому человеку есть что сказать по ее поводу; так нет определения любви, но почти вся культура и жизнь посвящены ей, и каждая судьба – познание любви. А формула и определение, если бы они даже существовали и пыгались заменить культуру и жизнь, были бы попыткой бесконечное сузить до конечного.

Христос сказал: “*Азъ есмь Истина, Путь и Свет!*” – но Он лишь сопоставил две бесконечности, и слова Его значат следующее – “Полнота Истины, неотделимая от Пути к *Просветлению* – лишь в Боге!”

По отношению к истине есть несколько взаимоисключающих точек зрения.

Многие полагают, что истины в некоем основополагающем смысле нет, что она неустойчива, условна, *относительна*.

Но, вероятно, большинство из них не совсем ясно представляет себе, что именно утверждают они или отрицают, и потому неизвестно, исходят ли они в своих отношениях с другими людьми и с миром именно из *относительности* Истины (прежде всего из "относительности" морали, условности ее норм и императивов); отрицают ли они, что есть нечто, дающее возможность утверждениям быть *верными* или *ошибочными*, справедливыми или ложными, или они *верность* и *ошибочность* тоже считают *относительными*, и искренне настаивают на своей точке зрения. Но, как правило, и тот, кто утверждает, что Истины нет (или что она *относительна*), живет по тем же правилам и представлениям, что и другие, то есть не лезет в карман к соседу, даже когда сосед спит, и хотя говорит, что *нравственность условна* и что считать хорошим, а что плохим, зависит лишь от договора единомышленников, твердо знает, что предательство плохо независимо от какой-либо договоренности. Правда, бывает и так, что *договариваются отныне считать черное белым, а белое черным*, но это, к счастью, когда-нибудь плохо кончается даже для самих *договорившихся*.

Но есть фундаментальное философское направление, исповедующее странную мешанину взаимоисключающих положений, и с одной стороны утверждающее себя в качестве *полной и окончательной* (то есть, по существу, *абсолютной*) Истины, и в то же время по отношению к морали и эстетике проповедующее *относительность* и условность основных положений и критериев.

Это марксизм... – то есть *учение о светлом будущем*.

Истинность марксизма защищена от сомнения даже больше, чем у христианства, ибо последнее хотя и апеллирует к слепой *вере*, но у них был упрямый Апостол Фома; марксизм же апеллирует к науке и знанию, и систему своей пропаганды строит так, что сомнения оказывается только *невежеством*. Положения марксизма логичны и средний ум видит в нем единственно приемлемый способ рационального мировоззрения. Тридцать лет оспаривал я Маркса, "все как один" надо мною смеялись, и вдруг почти все от Маркса отшатнулись – в согласии ли с теорией Маркса или в противоречие с нею – объяснить не смогу!

Однако, хотя марксизм вознесся на гребне *сциентизма*, объявившего *научное познание* высшей формой познания, но к своим нуждам не погнушался он приспособить и веру, отнятую перед тем у религиозного мирозерцания. Ведь большинству его сторонников хотя и кажется, что они *знают*, что марксизм – *окончательная истина*, в действительности они только *верят* в это – так же фанатически, как и христиане верят в то, что теперь уже не надо мучиться, искать, сомневаться, *томиться духовной жаждою*, ибо Христос уже все нашел, обо всем помыслил, во всем, в чем надо, усомнился, и нам принес уже все готовое!

Дело не только в том, что марксисты пришиблены Марксом, мечтают о коммунизме, государственном планировании и распределении женщин

по талонам... но и в особом способе видения мир. Его они видят состоящим из материальных предметов, а Дух не более чем пар или легкий дымок, выходящий из трубы Мироздания.

Образ материального мира, как некоего склада чувственных предметов, закрывает способность мыслить о том, что значит – *быть*, что такое *время, сущее, небытие, истина, Бог, вечность, тождество, норма, действительность, душа* и тому подобное.

Что *есть*: вещественный *Мир* или *Бытие*, то есть жизнь человека и *история* вселенной и человечества?.. И что исследует философия – *устройство мироздания* (чем приличнее заниматься астрономии и физике) или содержание и *смысл жизни*?

4. Неистинность Истины

Поверхностное размышление ответы на сложные вопросы жизни находит скорее, ибо глубокий ум даже в самых незыблемых вещах, где, как говорят, “двух мнений быть не может”, находит противоречия и открывает безысходность любого пути. Если же мы удовлетворяемся только цельной и логически законченной системой представлений, то неосторожно впадаем сначала в *банальность*, а затем в *пошлость*.

Свидетельства Истины – не только *правильность* или совпадение с опытом, но и – глубина и оригинальность мысли, красота, изящество... и что-то еще, что заставляет нас волноваться при соприкосновении с нею... Можно сказать, что *Истина женственна*, и постижение Истины – любовный роман, а не измерение рулеткой. Наряды, в которые она наряжается, как и женщина, не столько стремятся внести ясность в наши рассуждения, сколько обольстить и свести с ума.

Предполагается, что всякое высказывание возможно проверить, словно бы оно смотрится в зеркало, которое показывает безошибочно, истинно оно или ложно – *зеркало* же будто бы находится вне всякого сомнения, оно – замысел Творения, его сущность, не только Истина, но и *мера самой Истины*.

Но необходимо спросить – *Истинна ли Истина?*

Разочарование в правильности мироустройства, осознание того, что в мире не задано неколебимое движение к “прогрессу”, добру и свету, приводит к сомнению в *истине* и к переживанию мира как *трагедии*.

Христианин (или марксист) не смеют сомневаться в том, что *всё в конечном счете к лучшему* – а это-то как раз и не наверняка, точка, к которой всё движется, вовсе не обязательно добро, а следовательно истина не является фокусом для Бытия, и что же она тогда за истина?

Ощущение *неистинности истины* является не только выводом из горестного пути житейского или результатом постижения, но и лежит в истоке *постижения*.

Когда царствовал марксизм-ленинизм, мне говорили: вот она, истина; в основном, в главном, она уже открыта и сформулирована, и человечеству остались только частности. Меня охватывала тоска, жить было уже неинтересно, как читать книгу, конец которой известен.

Теперь показывают на Библию и говорят то же самое.

Отсутствие сомнения лишает свободы. Если Истина уже есть и она полна, абсолютна, содержит в себе ответы на все вопросы и не имеет в себе ничего неправильного или сомнительного, то обесценивается мой собственный путь Постижения, мои личные поиски, мои страдания... Напрасно, *томимый духовной жаждою*, влачусь я в пустыне, вместо того, чтобы сидеть за партой и слушать учителя, заучивать урок за уроком, запоминать и отвечать на вопросы цитатами из учебника.

Но тем не менее, хотя и я читал учебники, но так и не узнал, как надо жить. Я не знаю самого главного – что думать, что чувствовать, как вести себя, когда останусь наедине со смертью – а поэтому я не верю и тому, что я думаю, что чувствую, как себя веду, пока жив.

И поэтому я не знаю Истину, даже если и прочел скрижали, в которых она запечатлена. А знают ли ее и другие читавшие?

И поэтому в ответ на вопрос, есть ли истина, я говорю, что *она не есть*; и когда спрашивают о ней, подлинно ли она Истина, говорю, что нет, это или не она, или она сама не истинна.

Истина не дана в мире так, как сегодня дана геометрия Эвклида, и как мы уже знаем, что находится на полюсах Земли – так, хотя математические формулы были в мире и прежде, чем явились сознанию, но *для сознания их еще не было*.

И все же, мы не в начале пути. *Откровение* пребывает с нами, хотя и не так, как об этом говорят пропагандисты-агитаторы ... если только они понимают что-нибудь из того, о чем говорят...

Откровение уже пребывает (с нами?), но оно пока является только семенем, из которого *еще должно произрасти*.

История и культура и есть процесс произрастания.

Итак, истина и есть и нет.

Она и истина и неистина вместе.

Она и мера всякой правоты, и сама нуждается в подтверждении.

Глава 2.

ЦЕЛЬ И БЕСЦЕЛЬНОСТЬ

1. Смысл и цель

Спрашивает Шафаревич, есть ли у математики цель.

А есть ли цель в жизни? У истории? У народа?

И ответить, что цели нет, что живем мы только сегодняшним днем, *не думая о завтрашнем*, или что цель состоит просто в том, чтобы *жить день за днем*, – то же, что путнику на длинной дороге сказать, что у нее нет конца, и нет даже радостного привала, и нет ничего такого впереди, вроде огонька в ночной чаще, что заставляло бы радостно забиться сердце и ногам ускорить бег, а если и есть конец, то отрицательный, простой обрыв, за которым ничего нет хорошего, и к которому спешить не надо – сказать так, значит отнять весь интерес у путешествия и сделать его *"низачемным"*.

Значит, у жизни должна быть хоть какая-то цель, должно быть направление движения, должен быть некий сток, к которому течет *река жизни!* Ведь и цветок, проклюнувшийся в мае, растет не только в высоту и в размере, но и меняется, копит силы, готовится к *Преображению* – ранним июльским утром, когда залетит солнце зеленый луг – вымахнуть над миром ярко-алый пахучий бутон! Если бы этой цели у растения не было, то стоило ли бы ему под дождем и ветром и солнечным жаром пить и пить и воду и свет?

Я расту сегодня в завтра, вглядываюсь в ночную тьму, терплю и страдаю, и бегу, бегу, бегу, оставляя за собою прошлое – куда, зачем?

И хотя не знаю, куда, но и у меня "*сердце будущим живет*", и я еще надеюсь, что *есть куда*, и вот уже пятьдесят лет разумной жизни пытаюсь понять и чувством и разумом, в чем смысл безостановочного бега, оставляющего за собою руины дней, и все спрашиваю и спрашиваю свою душу – "*камо грядеши?*"

Однако, уже первые попытки установления системы координат отвергают меня в уныние. Не только известные, ходульные цели – *богатство, слава, власть*; но и более высокие – *познание, нравственное совершенствование, обретение райского блаженства после смерти* – словно приглушают музыку бытия, разрушают очарование поэзии, наполняющей *неизвестное* и неизведанное окружающего мира. Я помню, как в пятнадцать лет дрожал от нервного озноба, заходило сердце от первого прикосновения девичьей руки и первого поцелуя, но "*цели не было передо мною*" в том смысле, в котором я узнал ее и обрел через много лет, когда и пожатые руки и поцелуй могли показаться только *средством* к ее достижению.

Цель отменяет значимость *настоящего*, она требует бежать вперед, пренебрегая настоящим, но в высшие мгновения его апофеоза мы пытаемся остановить течение времени, мы восклицаем "*остановись, мгновенье, ты [уже] прекрасно!*"

Точно так же *цель исторического развития* превращает *прошлое* в нечто эфемерное, в условие для будущего, и таким образом обесценивает его и почти отменяет. Даже неизвестная цель, представление о том, что у моей жизни есть она, хотя и незнаемая, отнимает меня у той радости, которою я радуюсь "без всякого направления" – летний закат в полнеба, звездное небо январской ночью, засыпающий на руках ребенок.

В философских поисках *смысла жизни* мы пытаемся преодолеть "никчемность и пустоту повседневности", но отменяем заодно *магию непосредственного переживания* – и мир становится плоским и бедным. И только трагическая *поэзия* возвращает жизни всегдашнюю боль обреченности и отчаяния, – и возвращает глубину; от ясного и простого геометрического чертежа направленной жизни возвращает душу на землю – и снова Ванюха "*гуляет*", *пьет с горя и погибает в канаве*.

У жизни нет смысла и нет цели. И у смерти нет Воскресения. И ничем и никогда не преодолеть эту бездну безысходности.

Жизнь протекает в двух плоскостях бытия, они существуют одновременно, дополняя и отменяя друг друга. Религия преодолевает тупик жизни, открывает для нее "тот мир" (словно океан для реки) – но в идее "воскресения после смерти", отменяя смерть, делает и жизнь уже ненужной и словно неживой.

Теология – как *цельное* учение, как *философия жизни*, – стремится устранить из неё противоречия, и даже чудо встраивает в ясный логический, необходимый ряд; религиозное мировоззрение полно, совершенно, закончено, гармонично, как и само мироздание, и обретший полноту Веры находит ответы на все вопросы, находит смысл жизни и утешение от бед.

Но если *истина уже существует*, дана изначально, то культура – как духовный результат истории – не нужна. Да и вся история тоже...

Цель и смысл жизни не просто упорядочивают время – как точки на числовой оси – но умаляют его; если у жизни есть цель, то прошлое является лишь условием для будущего, своего рода сырьем для него; цель, подчиняющая себе жизнь, обесценивает и прошлое и настоящее, обесценивает даже будущее, ибо оно тоже обречено стать прошлым.

Но ведь и *бесцельная* жизнь бессмысленна, она лишена мотивов, желаний и воли.

"*Сердце будущим живет, настоящее – уныло!*" – говорит вполне христианский поэт; хотя и "*цели нет передо мною, сердце пусто, празден ум...*" – говорит он далее.

Абсурдность исторического бытия как *целеполагания* очевиднее всего раскрывается в идее Прогресса, сообщающего истории, по выражению Аристотеля, *дурную бесконечность*. При этом и будущее теряет свою актуальную ценность, так как течение исторической жизни подчиняется безграничному *развитию*, но и прошлому отводится в лучшем случае роль *предыстории*.

Потребность освобождения от тирании цели, от ее профанирующей жизнь способности заставляет нас обращаться к корням и истокам, к Детству человечества или к детству человека – и мы вдруг находим в детстве, то есть во времени, лишенном направленности, источник света и смысла.

Но, преодолевая пустоту *рационально-направленного* переживания жизни, мы взамен обретаем трагедию "*жизни низачем*"; следовательно, цель придает жизни смысл, отнимая его, дает утешение и лишает его.

Так же и для христианина спасение души, воскресение мертвых и "*жизнь будущего века*" обращены в будущее, но одновременно весь мистический переворот, сообщивший новый смысл жизни, связан с первым пришествием Христа, в нем – Откровение о смысле жизни, и потому хотя время течет в будущее, но мысль и чувство христианина обращены в прошлое.

Преображает Плоть Бытия только чудо, но не учение о нем; *в чуде прошлое и будущее становятся одинаково ценны*.

Но зачем так страстно ищем мы цель и смысл жизни? Почему бы не просто жить как трава, радуясь дождю и солнцу? Нет, нам необходимо ощущение изменения, *достижения* для того, чтобы испытывать удовлетворение от своих поступков. Крестьянин, засевая поле, ждет всходов, затем ждет созревания и сбора урожая – недостаточно радоваться только посеву, хотя бы мысленно не видя осенних результатов. Эта потребность *стремиться* и *достигать* переносится на целую *жизнь*, и кажется нам, что в детстве и юности засеваем мы её поле – каких же всходов мы ждем? Если у пахоты и посева есть *цель*, и она и является *смыслом* пахоты и посева, то смысл жизни не так ли находится в цели, для которой совершается ежедневная работа? – но насколько очевидна привязанность к общей цели каждого *конкретного* дела – разжигание печки для обогрева дома, охмурение девицы для её *соблазнения* – настолько же вся *сумма целей* теряет ясную перспективу и неохотно соединяется в некую *единую общую цель*.

Ну пусть, наконец, смысл и цель найдены, понятно и видимо стало, в чём смысл истории, зачем живу на свете я сам, к чему стремлюсь, что строю, когда и какого урожая должен ожидать – и тут происходит неожиданное восстание самосознания – так же как нас томила бесцельность бытия и мы жаждали поскорее обрести направление движения, чтобы смена дней стала словно чередой верстовых столбов на пути к более высокой цели, чем повседневные заботы – так теперь начинает томить нас умаление прошлого и настоящего во имя будущего – исчезает из-за Цели ценность *"теперь"* и подлинно начинает существовать лишь *"потом"*; *"сегодня"* оказывается только переходом к *"завтра"* и без *завтра* теряет содержание.

Нас не радует предположение о том, что детство и юность – только посев для старости, или что мы живем во имя следующих поколений, во имя "светлого будущего". Нет, возмущаемся мы, детство и юность самоценны, а не щебень и песок, на которых мостится дорога в завтрашний день. Цель оказывается тиранией ураганного ветра, уносящего прекрасный парусник детства в гигантскую воронку за гранью жизни, и освобождение от цели возвращает жизни *радость повседневности*.

Жизнь нуждается в цели и бесцельности вместе, имеет цель и не имеет её, перетекает в будущее, теряя прошлое, но и содержится и в прошлом и в будущем, словно течет над временем – так течёт вода в реке, но река – стоит на месте.

2. Для кого прежде жить – для Бога или человека?

Но если все же цель существования существует, то что ею является – *сам человек* или *нечто другое* вне его?

Быть самому для себя целью – значит быть эгоистом. Даже если вместо славы, богатства и силы мы стремимся к *духовному возвышению* и *нравственному совершенствованию*, интуитивно мы чувствуем, что *стать или быть хорошим – это, прежде всего, заботиться о других*.

Хорошая мать – любящая и согревающая детей; хорошая жена – заботящаяся о муже; хороший человек – милостивый, добрый, страдающий, помогающий терпящим бедствия. Следовательно, живущий *не сам для себя, а для того, что вне.*

А что говорят об этом Заповеди Христовы?

"Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею – вот первая заповедь! ... и вторая, подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя!"

Но удалось ли человечеству возлюбить Бога, и не забыть человека, и, наоборот, возлюбить ближнего своего, не забывая Бога?

К сожалению надо признать, что как слишком ревностная вера в Бога порождала клерикализм, инквизицию и духовный террор, так и заклананиями *"Всё для человека, всё во имя человека"* сопровождалось строительством тюрем и лагерей и массовая *"канализация всей страны"*.

Взрыв религиозного энтузиазма сначала приводил к пренебрежению человеком, а затем и к ненависти к нему – но сохранялась ли при этом любовь к Богу? Или справедливо, что *"кто говорит, что любит Бога, а брата своего не любит, тот лжец!"*?

Разделение и Противопоставление Бога и Человека – ветхозаветный иудаизм, и когда говорит Иисус Назаретянин, что Он пришел спасти свой народ и *подтвердить*, а не разрушить старый закон – Он еще утверждает и проповедует единобожие, иудаизм и неслиянние Неба и Земли.

Христианство *рождается*, когда Он проповедует, что *не человек для субботы, а суббота для человека* (ибо иудаизм основан на законе и верховенстве Закона и "субботы" над человеком); *проверяется* на Голгофе, когда и Христос усомнился в Отце; и *подтверждается* в Воскресении, когда вместо единого Ветхозаветного Бога, царя всей твари, родилась *Троица – Бог-отец, Бог-сын, Бог-Дух Святой.*

Полное разделение мира на *я и не я*, как и разделение на *земное и небесное*, невозможно. Христианская "плоть" – это *дух*, это те чувствования и желания человека, которые кажутся (или являются) низкими или недостаточно возвышенными, мирскими. "Умерщвление плоти" должно бы быть обузданием страстей и низких желаний, то есть борьбой со своей *волей и психологией*, но никак не наказанием и бичеванием "плоти" как *телесной* части человека. Берет или дает не рука, а наша воля...

Очевидно, что многое из того, что принадлежит мне и является частью меня – одновременно принадлежит и другому, а именно – *пол, национальность, семья, родина, государство, общество*, среда и т. д.

Узость или полнота личности определяются тем, как много внешнего входит в нее.

Полноценная личность невозможна без национального самосознания, знания истории, включая традиции и память о предках, без единенности с культурой и природой – поэтому-то и хочется воскликнуть – *не Я часть мира, но мир часть Меня!*

Силы, *соединяющие* я с миром, и силы, стремящиеся *отсоединить* я от мира – существуют одновременно.

Свобода и *связывание* противоположны, пока их не примиряет любовь. Долг жены *подчиняться* мужу является тяжкой обузой, если не одухотворяется он любовью, а когда любви нет, то что делать – следовать ли свободе и *развязываться*, или следовать долгу и *закабалаться*?

И обязанность мужа обеспечивать жену и детей, заботиться о них является долгом, который также входит в противоречие с потребностями личной свободы, или с призваниями других поприщ.

В самой обыденной жизни сталкиваются разнообразные долги, и необходимость жертвы подстерегает нас ежедневно – жертвы ли своим благополучием, или благополучием близких.

Увы, христианство устанавливает такие отношения к миру и человеку, когда главной и единственной ценностью является Бог, и обесценивает и мир и человека; оно последовательно сужает человека, отнимая у него то *внешнее*, что стало частью его полноты.

Пол, любовь к женщине, семья, дети – не более чем слабость, ибо «*истинно – не жениться*», говорит Христос. И истинно – подняться над своим народом, ибо для христиан «отныне *нет* ни *элина*, ни *иудея*» – добавляет апостол Павел.

Христианство отнимает мир у человека, противопоставляя Бога миру, и умаляет науку и философию как *познание мира*, и технику и технологию как *изменение мира* (ибо кто живет для Бога, тому незачем познавать и изменять мир). Но оно отнимает у человека и его самого, культуру, природу, любовь к истории, оно враждебно и к светской культуре, и к естественному укладу жизни.

Но плох пахарь, не поднимавший голову к звездам; как плох и пахарь, взглянувший на звезды и забывший о пахоте.

Идеология становится для человека народом и полом, и коммунист и христианин существуют уже *вместо них* (и всего остального).

Если только суровая пахота, уничтожившая прежний покров, не прорастет новой зеленью.

Глава 3.

ПРОТИВОРЕЧИЕ

1. Нетождественность тождества

Если "нечто *есть, существует*", то *существование* присуще "нечто"; но не может и "*существование*" быть без *существующего*!

Это самое **то**, которое *есть* – может ли мыслиться как **ни то, ни се**? Если я говорю, что *есть* вот **это**, то, следовательно, я имею в виду именно **это**, а не другое. Если существует "а", и "а" – существует, то возможность повторения уже заключает в себе подтверждение одного важного свойства этого мира, а именно – возможности в нем отношений, описываемых тождеством : **а = а**, что значит, что **а** неизменно.

Но, если речь идет о *мире явлений*, то такого мира, в котором $a = a$ – нет, ибо время изменяет все во всякое мгновение, и уже *через мгновение* то "а", которое мы мыслим существующим, вовсе не "а". Более того, оно не "а" даже и *в первое мгновение*, ибо если бы верно было, что $a = a$, то времени, т. е. даже самого первого мгновения внутри этого тождества, уже бы не было. Время – отрицание тождества. Если "а" изменчиво, то оно уже и в данное (первое) мгновение не "а", ибо *в нем уже содержится изменение* (ибо нет никакого мгновения вслед за данным, когда бы "а" стало не "а", если в первое мгновение всё ещё оно было только "а").

Но, следовательно, поскольку оно в каждое мгновение уже *не есть* "а", то – *есть* оно или нет? Утверждая, что **"а" есть**, мы допускаем, что оно действительно "а", то есть, что оно равно себе, то есть что $a = a$; но *существование* "а" является его *изменением*, и следовательно **"а" не тождественно "а"**, и [следовательно] предположение, что если "а" *существует*, то оно является и остается собою – неверно, то есть никакое "а" *не существует* в качестве "а".

Так есть ли дождь? Есть ли ночь? Есть ли лес? Существует ли дождь в ночном лесу?

Но разве мы уже не видим, что всякое *явление*, поскольку оно никогда не равно самому себе, не существует как *нечто определенное* в то время, когда оно существует? И поэтому хотя мы и могли бы сказать, что хоть что-нибудь *есть*, ничего, увы, **никогда не было**.

Итак, многие правила и утверждения заключают в себе парадокс и противоречие; или они *уже* содержат в себе свою противоположность, или *в нее превращаются*.

Апостол Павел сказал: *Братия, будьте как дети душой, но по уму будьте совершеннолетни!* – вот простейший пример "двойного бытия", каждое из которых как будто исключает другое.

Будь простодушен, доверчив, бесхитроsten, неопытен как ребенок; и внимателен, рассудителен, последователен как взрослый.

Так двучленно **всё** феноменальное, и вовсе не потому, что зыбко, неопределенно, ни одно ни другое, но потому что *и одно и другое вместе*. Истина не прямолинейна, следовательно, догматик и буквоед, выдавая одну из сторон истины за ее целое, утверждает не Истину, а ее отрицание, ибо частичная истина противоположна Истине в целом.

Но *если в мире существует сверхчувственное, сверхъестественное* (а ведь чудо нарушает **нормальный** порядок вещей, то есть отрицает умопостигаемый образ мира), то уже и *сам мир не может быть устроен всецело нормально*, следовательно, и в логике должно содержаться нечто, что позволяет умопостигать **ненормальность** мира.

Мы уже увидели, что *всякое "а" не только "а", но и "не а"* – но и всякая живая человеческая речь *утверждает и отрицает*. Следовательно, как бы ни казалось *неправильным соединением в одном высказывании утверждения и отрицания*, но эта *неправильность* должна быть заключена в языке.

При некоторых психических заболеваниях человек начинает думать и высказываться более *правильно*, чем мы, грешные, и вот с ним-то диалог становится почти невозможным. Не только *горячее сердце* и *пылающий закат* повергают его в недоумение, но и все наши привычные неточности – преувеличения, *недоговоренности* и умолчания – ему непонятны.

Ибо в том-то и дело, что *обычно говорится или не только то, что говорится, или совсем не то!*

А если говорится как раз *это*, то высказывание передает не то, что подразумевалось.

2. Противоречие Существования и Откровения.

В Истине время или останавливается, или течет иначе.

И хотя пришествие Христа не отменило Историю, и она продолжается и во плоти (в мире), и в духе, но оставаться в истории так, как будто ничего не случилось, несмотря на пришествие Христа, нельзя. История осталась, но она уже другая. Бытие сделалось *двойственным*, и *раб уже не только раб господину своему, но и брат во Христе. Любовь не только чувственная страсть, но и духовное соединение.*

Два бытия в одном то спорят друг с другом, то дополняют, и бытие, которое *"не от мира сего"*, должно преобразовать *этот мир*, как солнечный свет и тепло преобразуют холодную землю весной.

Посему и невозможно, *оставаясь в мире*, быть *только христианином*, только социалистом, только русским, с одним лишь духом или с одной лишь плотью.

Ибо в таком ли отношении Дух и Плоть, что если Плоть подавлена, то Дух возвышен?

Если *христианство* – это учение о том, что смысл жизни находится за гранью её, то есть *"там"*; *большевизм* – учение о построении земного рая без Бога для будущих поколений, то есть *"здесь, но потом"*; то *учение о Духовном Преображении* – это учение о присутствии Духа в Мире, и о необходимости таких духовных усилий, которые *преображают* мир, то есть создают рай *"здесь и теперь"*.

И христианское вероучение и история христианства пронизаны *пренебрежением* к жизни и ко всему тому, в чем она ярко и сильно проявляется, а монашество – это восклицательный знак, идейная сгущенность *пренебрежения...*

Любовь к женщине (источник всей светской культуры) – *грехопадение, блуд, похоть*, ибо высшее состояние человека – *девственность*; брак и рождение детей – только *неизбежное зло*, ибо *"лучше человеку быть в браке, нежели "распалаться"*.

Но что *"лучше человеку быть в браке, а не оставаться одному"* – об этом христианство молчит.

Стремление к приобретению матерьяльных благ – греховно, ибо *богатый не войдет в царствие небесное*; о завтрашнем дне *заботиться* не нужно (а в глубине поучений, что не следовало бы и вовсе *заботиться* о чем бы то ни было – вот лилии водяные без всяких их усилий украсил

Отец небесный так, что не снилось и модницам!)... Не нужно украшать жилища, красить ресницы и губы, “играть на кимвалах”... искусства, сонаты и симфонии, роман, балет и собирание коллекций – всё лишнее, всё мешающее, более того, всё – порочное!

Монашество отвергает не только человеческую плоть, но и плоть и красоту мира. Отшельник удаляется в дикую пустыню, годами не слышит человеческой речи, обрастает как зверь волосами, иногда *покрывается струпами* – и это – высочайший подвиг любви к Богу!

Монах бросает семью и друзей, затворяется в монастыре и живет отныне только для Бога (хотя, правда, отрицая мир и жизнь, монастырь – вопреки отрицанию – благоустраивается, строит стены и храмы, преображает природу и даже творит и собирает летописи и издает книги.

Вопреки проповеди ухода от мира монастырь, по счастливой непоследовательности, *утверждает жизнь* и воспроизводит ее в своей хозяйственной, политической и культурной деятельности – строит, украшает, преумножает, отбивает набеги и брани.

Но и “правильное”, последовательное монашество, *идущее до конца в отрицании мира*, то, которое не копит, а расточает, то, которое воистину отдает рубашку с плеча как Франциск Ассизский и посыпает голову пеплом как Ксения Петербургская – не только пагубно, но и полезно для веры и...

Ибо оно – экзальтация любви к Богу, оно возжигает энтузиазм веры. А способна ли вера гореть, если в огонь ее не будут приноситься добровольные жертвы? Если человеческие жертвоприношения не раскалят ее алтарь? И поэтому монашество – одно из главных оснований церкви и веры.

Противоречие не устранимо из христианства. Но и в каждой идее заключено самоотрицание. Разве и Чудо не противоречит всему естественному и не отрицает естественный порядок жизни?

3. Противоречие времени и вечности

Время изменяет все в мире. Меняются предметы и существа, и менее – сущности.

По другому мы плачем и смеемся, гневаемся и восторгаемся – но меняются ли и горе и радость, гнев и восторг?

История цивилизации и культуры показывает нам, что ничто не остается вполне неизменным, и любим и ненавидим мы иначе, чем даже сто лет назад, и не только потому, что мы изменились, но изменились и ненависть и любовь – и, однако, духовные и чувственные основания жизни не изменяются настолько, чтобы стать другими. И река меняет русло, но остается все той же рекой.

Изменяясь, история и культура тождественны себе.

Идеалы добра и красоты, верности и правды, греха и добродетели, любви и ненависти и текучи и неизменны вместе, но не время меняет восприятие, ибо все то, что наступает в будущем, уже содержалось в прошлом, как и в плодах и результатах – истоки и корни.

Потому-то, изменяясь, мы спешим вернуться к истокам, в традициях ищем основания жизни; коснея же в неподвижности, впадая в повторение, жаждем нового импульса, обновления и перемен.

Но правда не односторонняя, и поэтому обновленцы, отрекающиеся от заветов отцов – Иваны, не помнящие родства; консерваторы, заточающие мысль и историю в каменные башни – семя, не проросшее в земле.

Время – это река, в которую, в одну и ту же, не войти дважды; вечность – это сфинкс, загадывающий всем поколениям одну и ту же загадку. *Но и во времени содержится вечность, и в вечности – время.*

Время, заключенное во мне, не отрезок и не точка на линии Истории, но *вся история того, что становилось мною* – история России, Святой Руси, Европейской Культуры и даже история пирамид и Атлантиды.

Я обращен назад не менее, чем вперед, и узнать истоки, быть может, стремлюсь сильнее, чем узнать будущее.

И так же *вечность* заключена во мне не только потому, что я связан с судьбой своих близких, и в каждом новом поколении буду хотя бы отчасти; и не только потому, что христианину надлежит верить, что с разрушением его физической оболочки нетленная душа не исчезает; но и потому – и это, вероятно, важнее всего, – что и в том конечном времени, которое является моей личной историей, заключено *вневременное*.

Время никогда не является только собой, то есть *только изменением*, но содержит и *неизменное*.

Даже поцелуй, исчезающий прежде, чем успеваешь его ощутить, такой короткий и случайный, содержит в себе помимо непосредственного ощущения ещё и ту *способность восприятия*, которая не обусловлена только личным опытом, но дана *онтологически*, в самом мироустройстве. Этот единственный поцелуй конечен, и именно время делает его быстротечным, позволяет ему продлиться мгновение и исчезнуть в небытие; но то, что делает его поцелуем, не принадлежит времени, но всей европейской культуре.

Так и всякое происшествие принадлежит времени лишь феноменологически. Вот, например, опрокинулся и пролился бокал с цимлянским вином, и случилось это в полночь – но и бокал, и вино, и сорт винограда, и *“скатерть белая”*, на которую вино пролилось – не помещаются в полночь, и даже не помещаются в то время, в течение которого *“истлеют стол и скатерть, но...”* – ибо истлеют лишь *данный* стол и *данная* скатерть, а не *стол и скатерть*.

Если бы время было только временем, то есть только изменением, только разрушением тождества, благодаря чему является, длится, происходит и проходит происшествие, то в нем не могло быть *бокала с вином*, которые только потому “бокал” и “вино”, что и в каждое следующее мгновение остаются собою.

Ибо хотя *время* течет и проходит, но и *длится и пребывает*, и, следовательно, *время – и время и вечность вместе*.

Но так же и *вечность* содержит в себе самой способность

пронизывать происшествия, проходить сквозь текучее, содержаться в нем. И может ли она быть без времени? Разве *быть* не означает “длиться”? Следовательно, если вечность *есть*, то она и неизменная, но и меняющаяся, то есть *вечность – это и вечность и время вместе*.

Ни *время*, ни *вечность* не существуют как чистое бытие, независимо от сора происшествий, и даже не выплавляются из них как металл из руды. Но всякое повествование о мире и жизни – также и рассказ о времени, в котором мы живем и страдаем... и о рождении мира, и изменении его, о том, *как он стал* и что с ним *происходит*...

Противоречие *времени*, то есть жизни и истории, – и *вневременного*, вечного – присутствует и в отдельном, и в нации, государстве, культуре и церкви.

Человек как часть семьи, народа, среды обитания *существует во времени* и проявляется через временное и *преходящее* – строит или ломает, пишет книги, рождает детей, ходит в гости или в театр, спит в постели и у костра, болеет, стареет, страдает – но ищет в *преходящем* смысл и *непреходящее*, то есть пыгается остановить, вырвать из времени и исчезновения то, что существует только как исчезающее – *лечит* больного, *читает* дом, *реставрирует* книги или картины... Но, страдая и старея, этот человек умирает; и гибнут книги и города, которые он написал и построил.

Так что же ценно в человеческой жизни, если временное так непрочно? Ценно только то, что человека связывает с **вечным** – Бог, Вера, любовь, культура, народ, именно это вечное человек и ищет во временном, чтобы *временное* оправдать и защитить от исчезновения.

Но странным образом *вечное* не только защищает *временное*, но и отменяет его. Равнодушные сфинксы и греческий Акрополь еще сильнее подчеркивают одиночество и обреченность *сиюминутного* человека.

Страстная **любовь**, поднимая душу ввысь, обесценивает *быт*, и саму жизнь швыряет под ноги земной богине.

Честь и **долг** приводят на эшафот или на поле брани.

Вера в Бога отнимает человека от его во времени протекающей жизни, и всего, что ее наполняет *временным*. Христос говорит “*оставь отца своего и мать свою... и жилище свое [и привязанности свои] ... и если хочешь спасти душу свою, то погуби ее ради Меня*”. И литургия отменяет время, заменяет реальную человеческую историю историей единственной Богочеловеческой личности – Христа.

Так что же ценно в человеческой жизни – только ли то в ее *преходящем*, что *непреходящее*? И обладает ли *преходящее* самостоятельной ценностью, или “*прах мы и во прах обратимся!*”?

И тайна пришествия Христа заключается ли только в том, что Он призвал *отвергнуть* жизнь, *временное*, *сиюминутное*, увлечения, любовь – к детям, возлюбленным, друзьям, книгам, путешествиям – и полюбить прежде всего Бога – *только* Бога – то есть выйти из времени, истории, семьи, народа, государства – или тайна в том, что Он – пришел **к нам**,

стал одним из нас, включая наши страдания и нашу смерть и наши *сомнения*, даже включая неверие наше в то, что смерть – не конец всего!/? Принял наше тело, нашу боль, страх, сидел с нами за столом, пил и ел вместе с нами, лечил ближних и дальних, благословил и свадьбу, негодовал как и мы, упрекал, был неравнодушен...?

В том ли тайна, что Он призвал нас *выйти* из времени, или в том, что и *сам вернулся* в него? В том ли только, что призвал *возлюбить Его* всем сердцем и помышлением, или же что и *Сам возлюбил* нас больше жизни и пошел на смерть ради нас?

Искать ли *истину* только *здесь*, в жизни, призывая благословение Господне на наши помыслы и дела; или отринуть жизнь и пойти *туда*, где *истина* не омрачена суетою дня?

В этом противопоставлении две противоположные религии, два типа мироощущения, более далеких друг от друга, чем оба они от неверия.

Соблазн заключен в обеих *противопоставленных* сторонах. Если от надмирного и *надвременного*, унижающего мирскую суету, ее конечные цели и *временные* наслаждения, веет холодом гранитных могильных памятников, то и самодовольство жизни воплощается либо в языческой погоне за природным наслаждением, либо в пошлом псевдорелигиозном отрицании *трагедии* жизни сентенциями вроде – *доверьтесь Богу и Он всё устроит!*

Время проявляется в культуре и жизни человека как *сюжет*, вечность – как *судьба*.

Или справедливо, что –

*Жизнь бессюжетна. В ней Простое чередованье
Ночей и дней, Расцвета и увяданья...?*

В религиозной жизни время дано в виде **Мета-Истории**, истории Христа. Различие между временем *историческим*, житейским, переходящим – и временем *Отца Небесного* можно отчасти изобразить метафорически – представим себе низвергающийся речной водопад от верха его и до низа, поток протекающий, ежесекундно погибающий и обновляющийся; и этот же водопад, скованный льдом, как бы скульптурное изображение водопада, в котором время застыло, но существует все вместе, включая **начала и концы**.

Глава 4.

ДИАЛОГ О БЫТИИ БОЖЬЕМ

Ученый: Естественно думать, что Бога нет, а библейский рассказ о сотворении мира и человека – только поэтический вымысел, целью которого была поучительная история о грехе и послушании, и наказании за отступление от правил, данных высшим авторитетом, будь то авторитет родителей, старейшин, традиций, общества.

В действительности же человек произошел от *обезьяны*, хотя это, впрочем, не умаляет значимости библейских поучений.

Философ: Однажды мне пришлось спорить с человеком, который утверждал, что он чистый турок, хотя родители – русские. На вопрос, как это может быть, он развел руками – *Не знаю! Но и все удивляются, и не могут объяснить, не только я сам.*

Вот так и большинство бесед и споров – разговоры с "турком", или в лучшем случае, попытка втолковать правила высшей математики тому, кто не знаком ещё с арифметикой. И не то, чтобы я думал, что так называемый *простой* человек не способен к беседам о *Высшем*, а прошедшие университетский курс философии – способны.

Нет, неспособные находятся во всех слоях общества, и среди образованных их большинство. Они могут быть рабочими и инженерами, писателями и учеными и даже проповедниками слова Божьего...

Ученый: Что же это за *Высшее*, о котором вы толкуете?

Философ: Уровни его различны. Наиболее широкая область его проявления – поэзия, симфоническая музыка, зодчество.

Но сколько людей ходят в театры, музеи, на выставки, читают Достоевского, Гете, Бальзака? Их, вероятно, не более одной сотой от числа тех, кто читает книги.

Еще столько же, быть может, способны размышлять и чувствовать прекрасное среди тех, кто никаких книг не читает, но искру Божию несет в себе.

Остальным же просто следует стараться жить достойно, учиться, работать, соблюдать заповеди, любить ближних, защищать Родину – то есть делать все то, что должны делать и *философы* – но не ввязываться в споры о трехмерности или многомерности пространства, в споры о том – "сумбур или музыка" – музыка Шостаковича, определяет ли сознание бытие или наоборот, и тому подобное. Это, впрочем, не означает, что Откровение не может коснуться и их, ибо "*Дух дышит, где хочет*", и "*камень, отвергнутый философам*", может оказаться *краеугольным камнем философии*, поэтому не мне решать, в какие споры следует ввязываться им, – но философам-то могу я рекомендовать, расточивший за свою жизнь уже весь свой *бисер*, не ввязываться в споры с ними?!

Ученый: Итак, ваши собеседники – только книгочеи и меломаны?

Философ: Далеко не все! Большая часть тех, кто способен сочувствовать *униженным и оскорбленным* и проливать слезы над злоключениями *отверженных*, с недоумением или равнодушием читают Даниила Андреева. И вот, если мы возьмем сотую часть той части, которую я перед тем отличил как *способных* к восприятию *Высшего*, то среди них могут найтись *мои собеседники*.

Ученый: А я думаю, что мир гораздо проще, и ничего в нем "заумного" нет. Он, как известно, *состоит* из атомов...

Философ: На этом нашу беседу следовало бы закончить. Ранее я посвятил много времени и слов анализу этого пустого положения, и слишком поздно перестал поучать профанов. Вы слышали, что на альпийских лугах растут цветы, а еще выше – линия снегов? Но следует ли об этих цветах говорить с теми, кто никогда не взбирался на гору?

Ученый: Не сердитесь, уважаемый Философ, я все же готов допустить, что *Бог есть*, хотя и не могу примирить некоторые противоречия в этом допущении. Прежде всего, не все ясно с Адамом и Евой, ибо слишком смутной предстает генеалогия человечества с его двумя пра-родителями и дальнейшим кровосмешением, и значительно убедительнее Кювье и Дарвин. Кроме того, на *синхрофазотроне*, на котором я работаю после того, как *уехал Абрам*, мы постоянно наблюдаем атомы, и мир, кажется, и в самом деле из них состоит...

Философ: Сказано достаточно, и сейчас мы увидим, следует ли нам беседовать дальше.

Прежде всего, я и сам не утверждаю, что Бог *есть*, и думаю, что скорее Его *нет*, чем Он *есть* в том смысле, в котором Его существование допускаете вы. Итак, повторяю, скорее всего, Бога нет, Бог – *не существует*. Ибо что значит *существовать*?

Очевидно, это значит не одно и то же в зависимости от того, идет ли речь о предмете из мира идей или вещей, о конечном или бесконечном. Вещи или предметы мира материального *пребывают в пространстве* – но в чем *пребывает* То, что их обнимает собою?

Что Бога *нет*, часто мотивируют тем, что вот, мол, мы Его нигде не можем увидеть или осязать.

Несомненно существовал Советский Союз, и мы видели его изображение на географической карте, как и символические изображения Господа видим на иконах, а прикасаясь к различным предметам, мы, даже могли утверждать, что это *части* Советского Союза, или частицы Тела Христова. Однако необходимо усилие ума, чтобы представлять существование *Метапредмета* и отдельные вещи, непосредственно наблюдаемые, осознавать, как его части. Так, *существует Млечный Путь* из мириад отдельных звезд для тех, чье сознание обнимает собою Бытие *Млечного Пути*, но и *Бытие Божье* сверкает в каждой капле росы на листьях травы для тех, кто обнял “Млечный Путь” Духа горнего, и оно же неслышимо даже в звоне всех колоколов всех храмов на всем пространстве земли для тех, кто неспособен к духовному синтезу.

Так вот, когда говорят, что “Бога нет, потому что мы его не видели”, то это, конечно, ничего не доказывает и не опровергает – ревнивец знает, что ему жена неверна, даже если еще не уличил её в измене, и так же “органы” знали, что каждый, кто арестован, “виновен”, даже если еще не успели его “вину” доказать.

И все же, *существуют* ли “свидетельства” Божественного *существования*? Во-первых; подлинно ли “не видели” и не осязали те, кто так говорит, во-вторых; возможно ли воистину ощущать Бытие Божье, как чувствуем мы дождь, свет, гром, здание, поле и лес?

Неощущение – не свидетельство. Так бывает нечувствительность к боли. Так контуженный не слышит разрывов снарядов. Невидима и нечувствительна радиация. И даже яды не всегда имеют запах и вкус, и различимы с трудом. Посему, если бы отрицалось существование *Нечистого* на том основании, что мы его, мол, не встречали, для меня это

было бы неубедительно – его-то дело как раз тем успешнее, чем более он *подменяет*, чем более притворяется, обманывает, выдает себя за другого, противоположного – разве недавний наш любимец не изображал из себя нашего друга и благодетеля, а он ли *не враг рода человеческого*?!

И давно ли половина народа служила нечистой силе, поклонялась, доносила, лжесвидетельствовала, осуждала и казнила невинных – а вот, поди ж ты, сатаны или там другой какой чертовщины – *нет, не видели, не чупали, серой не пахло...*

Сатана невидим, потому что скрывает лик свой, а мы потакаем злу и *не хотим видеть*, ибо стоит один только раз осудить зло и покаяться, и присутствие сатаны в мире сразу станет чувствоваться, как похмелье, когда пьяный очнется.

Ну, а Господь? Он разве скрывается?

Нет, Он является беспрестанно, Он даже на крест для нас взошел, чтобы быть видимым – но орган духовного восприятия в нас замугнен, и нужно долго и неустанно идти *вверх*, чтобы *Высшее* начало видется.

Так и музыка начинает звучать после длительной подготовки.

Низкое воспринимается изначально. Достаточно родиться в образе червя, чтобы осязать землю. А для появления *горнего* необходимо Восхождение. Для многих ли существуют музыка Баха и Вагнера, романы Достоевского, образы Даниила Андреева?

Большая часть людей живет в приземленном мире, и *музыка небес* до них не доносится, и нездешние образы не являются в их “здешнем” мире. А бывает и так, что Бог рядом с нами, осязаем во плоти, слышим в слове, но дьявольская одержимость мешает нам видеть небо, *оборачивает* небо и землю. Не говорю о тех, кто осудил Христа и истязал Его, но кто только шел в праздной толпе – не бросал в Него камни, и даже не осмеивал Его, – но шел *празднолюбопытствующим*, не увидел и умер в убеждении, что Бога нет, потому что им не довелось Его увидеть, прикоснуться к Нему – почему они, видя Его, не увидели?

А кто и был убежден холодным умом, что *Высшее* существует, но ни разу не заметил его живую душу – чего стоит их убеждение?

Для мистического романа, связывающего человека с Господом, проблема Его *существования* менее важна, чем чувство Его подлинного присутствия в мире. И кто говорит, что Он есть, быть может, никогда и не чувствовал близости Его, а кто говорит, что Его нет, не всегда верно понимает свидетельства чувств своих.

Если непросты романы с женщинами, то не следует ли предположить, что и с Богом нас связывают не менее сложные отношения?

Мне не говорили ли мои возлюбленные, что *любят* меня – и через минуту убежали к другому; или клялись в ненависти – но трепетало сердце и умоляли о милости глаза? Я постоянно был в недоумении, я задавал вопросы и ни на один не получил ответа, я так ничего и не понял в своих отношениях с женщиной, думал о ней, любил, ненавидел, обманывался и обманывал... Но никогда не сомневался я в ее *существовании*... Хотя... возможно, когда мне было четыре или три года,

проблема *существования женщины* и являлась мне, и я размышлял, мучился, сопоставлял... Но эти мучения забылись, потому что затем сомнений в ее существовании не возникало, а значимо было только – что же она такое? Любит или нет? Низвергнуть ее или поклоняться? И возможно ли без нее прожить?

Но если с ребенком говорить о женском коварстве рано, то и с тем, кто только начинает лепетать, поминая имя Господа, еще рано разговаривать даже о полетах на Луну – пусть пока учится говорить.

Что же важнее – вывести умозрительно, что Бог *есть*, как Лавуазье “на кончике пера” открыл, исследуя движение Нептуна, что там, дальше от солнца, должна быть еще одна планета – Плутон? Или понять, *как* Он есть, где, в чем, чтобы рассеянным взглядом скользя по небу, ткнуть пальцем в некую еле мерцающую точку и сказать – вот, *это здесь!* – а раньше, мол, взгляд проскакивал и не замечал?... Ибо что толку этого самый Плутон наблюдать, не зная, что это именно он тот самый, о котором так много спорили? Ибо, действительно, не находимся ли мы в положении индейцев, которые уже жили в Америке, в то время как в Европе страсти кипели и иные готовы были голову заложить, что Америка существует, а другие еще яростнее утверждали, что она – миф, выдумка легковверных?

Существуют туманы и дожди, снег и мороз, завтраки, работа, поездки в метро и многое другое – это все часть нашей жизни; иное существует как повторяющееся явление, например, безденежье; иное случается реже, а то и вовсе не происходит в жизни того или иного человека – женитьба, беременность, рождение детей, любовная страсть, война, революция – но всё сие существует.

Существуют весьма важные предметы и события – “*работа, очередь, квартира, и безответная любовь*”; и неважные, но иногда интересные – северное сияние, Огни Святого Эльма, извержение вулкана на Луне, затмение Солнца...

Да, оказывается, на Луне существуют вулканы, и их *существование* – общепризнанный факт. Значимы ли Лунные вулканы в нашей жизни?

Но существует или нет сверхъестественный источник нашей жизни, и что означает сознательный ответ на этот вопрос, – не более ли это, чем – *да, виновен; нет, не виновен?*

Очевидно одно – когда душа *на краю* или на перепутье решает – жить или умереть, любить или ненавидеть – только тогда оказывается, что ее решение определяется тем, *существует* ли Вседержитель мира.

Прежде этого Бог *не существует*, ибо вопрос о Его существовании *прежде сего* не значим.

Еще говорилось и о том, что видевшие не увидели...

Так некоторые из нас не задумываются о том, что среди бесчисленного множества трав и цветов есть различные виды их, и если мы научимся различать их, и не станем говорить – вот *трава*, вот *цветы*, но будем замечать *зверобой, Марьин корень, кипрей, шалфей, тысячелистник*, то наше восприятие природы станет богаче; и мы вдру

увидим, что все, что казалось обычным и обыденным, распадется на простое и сложное, на заурядное и исполненное важного смысла. И вот выяснится, что *божественное* существует, и мы его видим, но не так называем, и закат вдруг засияет по-новому, и радуга заблестит, и соловей залыщет как небесный колокольчик...

Но не думайте, что мы будем *так же* видеть как раньше, – нет, *иначе* увидим, а тогда и прежде бывшее окажется что словно и не было, и появилось лишь вместе с новым зрением.

ВЕРА в Бога не означает простое знание о Его существовании, тем более *умозаключение*. Вот я знаю, что грипп существует – ну и что с того? Лучше бы не существовал!

Так же и музыка Баха и Бетховена *существует* и для профана, но он ее не слышит так, чтобы возноситься...

Но иначе стало мне *видимо* северное сияние, когда оно случилось – хотя я и прежде того знал, что оно существует.

Если мы уже видим Бога, то в существовании Его уже не сомневаемся, и *доказательства* Его Бытия нам не нужны.

Те же, кто Его не видел, говорят «Бога нет», потому что не ощущали Его присутствия в мире, и даже необходимости его для жизни и мира не чувствовали. Они правы, для них Его – нет. Он может *стать существующим* для них, как и для нас, двояко – непосредственно *явившись*, или через авторитетные свидетельства.

А рассуждение, якобы приводящее к убеждению в Его существовании, свидетельством о Его существовании быть не может.

Итак, шел некий человек по дороге, и Бога – не было.

И вдруг Он *явился* перед ним.

Все то, что в мире, от пыльной “крапивы у забора”, до “ангельской” улыбки ребенка, от осеннего надоевшего дождика до *Огней Святого Эльма*, мы называем *естественным*, ибо не меняется время, и не разрывается пространство, и происходит то, что при этих обстоятельствах происходит всегда.

Но *явление Господа*, или только *свидетельство* о Нем – из *сверхъестественного* мира, это не событие человеческой истории, но вне истории, это *не происшествие*, но – Чудо.

Следовательно, оно не внутри времени, ни – пространства. Бесконечное, оно обрело форму и место – *здесь*. Вневременное – оно стало – *сейчас*. Абсолютное, оно обрело *плоть и кровь*.

Гроза на ясном небе, землетрясение, разверзание тверди земной и отступление моря – ничто пред вторжением инобытия, сверхбытия в Бытие.

Но *сверхбытие* – не часть мира, не существует во времени, как люди или скалы или даже Млечный Путь, и не находится где-то здесь или далеко, и потому не воспринимается нами и потому *не существует*.

Но явившись, став актуальным, обнаружив себя, Бытие *сверхъестественного* становится ли частью бытия естественного, начинает ли *существовать* так же?

Нет, *сверхъестественное* инородно нашему миру и, *проявляясь*, не становится до конца только *здесь*, а меняет природу мира. Наше *восхищается из существования* как душа при смерти из тела.

Вочеловечившись, Спаситель обрел *существование* и его конечность, *заключенность во времени*, обрел *рождение, жизнь и смерть* – но слишком существенно ушел из мира “горнего”, и потому был неизвестен как Сын Божий. Более того, Он и Сам усомнился в Своей бесконечной и вневременной природе.

Существовать – значит *быть во времени*, следовательно Бог (в своей сущности) – не существует так, как всё существующее, ибо Он не заключен во времени, но *содержит время в Себе*.

Его существование невозможно *наблюдать* как затмение Солнца, или обнаруживать другим обычным способом.

Но существует ли и мир только *так, как существует?*

Мистический опыт соприкосновения с тем, что “над нами” является источником нашей убежденности в незамкнутости естественного мира. Соприкосновение с сверхъестественным содержит в себе и *улики и доказательства* своей действительности (хотя они и *двуличны*), и само является, в качестве “мистического опыта”, источником размышлений и выводов о мире. Являясь *инобытием*, сверхъестественное, являясь в наш мир, не становится частью его, следовательно, не становится *существующим*. Бог не занимает места во времени и пространстве, и *потому Его нигде нет*.

Однако, Бог не существует только Сам по себе и для Себя, но, являясь Творцом *сущего мира*, то есть и пространства и времени, не только содержит их в себе, будучи, по существу, *отдельным* от мира, иным, *надмирным*, – но должен, по замыслу своему, быть и единосущным миру, находиться в нем, участвовать в нем, ибо мир создан Богом, как и человек, не для того, чтобы его забросить и о нем забыть, перерезать пуповину и прервать всякую возможность связи и *со-Бытия*.

Следовательно, Бог является миру не только в *Своей* сущности, как *сверхъестественное*, но и в форме мира как *естественное*.

Соединение мира и надмирного не исчерпывается нисхождением небес на землю, но сопровождается и восхождением земли на небо.

Возможно, сверхъестественное уже и теперь содержится в мире, хотя и в непроявленном виде. Если Бог не только сверхъестествен, то и Мир не только естествен, хотя вторая его сторона не очевидна, на грани бытия и небытия.

Христос проповедовал как человек, пространство и время при этом не преображались. Будучи сыном Божиим, Он был осязаем во плоти и пил вино с согрешителями своими. Но разломы существования он явил ученикам своим в *Чуде, Преображении, Воскресении и Вознесении*.

Он *был и стал* ученикам своим не потому, что возможно узнать и удостовериться из философского рассуждения в возможности Господа *быть и стать*, но по собственному свидетельству, явившись в мир в обеих своих природах.

Его свидетельство нам о Себе – *Откровение*, наше восхождение к нему – *Вера*.

Ученый. Да, я понял, что без Веры Бога нет, но внутри Веры Он есть.

Признаюсь, я не уверен, что могу причислить себя к верующим. Говоря раньше, что *“теперь я знаю, что Бог есть”*, я имел в виду некую аксиому, лежащую в основе нравственности, и являющуюся чем-то вроде постулата Евклида о параллельных прямых. В этом смысле я полагал, что Бог различных религий различается лишь поэтическим изложением этих правил, и поэтому лучше просто верить в некоего *Бога интеллигенции*, который уже является основанием жизни для добра.

Философ. Нередко бывает, что хотя человек называет себя атеистом, но при этом обладает некоторым религиозным опытом; так и не все верующие религиозны.

Типичный пример такой “атеистической религиозности” – вера в абстрактную “высшую идею”, *просто Бога*.

Это все равно, что *вместо* романов Достоевского, Толстого, Бальзака и Диккенса читать *роман вообще*, без автора, национальности и героев.

Если быть русским – значит вместить в себя русский язык, русскую историю, культуру, вместить в себя любовь к природе России, к ее людям; и прожить целую жизнь именно *в качестве русского человека* (как англичанин проживает ее в качестве англичанина), то точно так же и *верить в Бога* – это *жить во Христе* (или в Будде, или в Магомете), а эта жизнь включает в себя Священную историю, откровения Священного Писания, Божественную литургию, Крестный Ход, Крещение, Венчание, иконы, почитание святых, красоту русских храмов.

Бог существует двояко – в вечности и во времени, и Его существование во времени – история церкви и Предания. Жить в вере – значит вступить в *брачные* отношения, и тогда свершается чудо – несуществующая абстракция становится существующей *реальностью*.

То, что связывает человека с Богом, начинается не с рассуждения о бытии Божьем, но с религиозного чувства, и погружения в религиозную жизнь. Можно сравнить эту связь с любовным романом.

Здесь есть восторг и наслаждение, измены и преданность, сомнение и охлаждение, встречи, мольбы, обручение (*крещение*) – вся полнота другой стороны любовной жизни.

Вне брака Бога нет. Но брак, избираемый русским человеком, может свершиться только в православии, ибо оно – способ русской религиозной истории и культуры.

Ученый. Боюсь уже спорить, и чем дольше, тем меньше понимаю. Но, быть может, будет лучше, если я буду задавать вопросы о том, что мне непонятно? Хотя, к сожалению, часто в ответ на вопрос – почему? – следует ответ – “потому!” – то есть, что нужно *не понимать, а верить*; что *стремление к пониманию – козни дьявола* и т. д.

Но действительно ли “*понять нельзя*” и “*слепо должен верить человек*”?

Философ. Понимание, как и душа, рождается в слезах. Увы, ответ на многие, так называемые вечные вопросы, не дается на уроках алгебры.

Христианская истина сообщена тройко.

В Откровении, данном через учеников Христа, апостолов и евангелистов.

В учении церкви, сформулированном отцами церкви и церковными соборами.

Совокупным историческим религиозным опытом, всей жизнью церкви и христианской культурой, то есть жизнью всего народа христианского.

Ученый. И все-таки, хотя Вы и говорите, что *вопрос о существовании Бога пуст и празден*, он стоит в центре современной философии.

Философ. Сегодня главным безрелигиозным настроением является не отрицание бытия Божьего и утверждение самодостаточности материи, а, напротив, убеждение, что Бог – как некая высшая абстракция, некий движитель мира – *существует*, но именно в своей *абстрактно бессодержательной форме*.

Сама “проблема существования” ставится и разрешается в пользу существования *бессодержательности*, туманности, некоего *Бога всех религий* и всех людей, того, что не имеет ни вкуса, ни цвета, ни запаха, ни особенного голоса, характера, пристрастий... Это *то* если и признается *существующим*, то не имеет даже той выразительности, какая есть у гусеницы или даже у какой-нибудь скалы.

В Откровении *проблема существования уже снята*, ибо подлинно существуют в нем любовь и вера (которая еще от самых ранних детских лет просачивается в нас в снах, предчувствиях, озарениях, в культуре, в традициях национальной жизни). Обретение Бога может свершиться в мгновение, но является и обретается при этом живой *конкретный* Бог – Иегова, Иисус Христос, Будда или Аллах. Бога, независимого от Откровения и религиозного опыта, не существует.

Символ Веры, рожденный коллективным религиозным сознанием, не случайно так мучительно, так долго рождался! По существу, он отвечает на вопросы, которые я здесь анализирую, глубоко и исчерпывающе.

“Верую во единого Бога-Отца...

... и в Сына Его...

... и в Духа Святаго.”

Ибо в Откровении Бог *Дан* тройко.

Как Вседержитель, вмещающий в себя наше бытие – и пространство, и время.

Как Спаситель, открывший врата отсюда – туда, из конечного этого мира в мир горний.

И как Дух Святой, изливающийся в мир и делающий его сверхестественным. Дух Святой существует, как и музыка, только для тех, кто слышит.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СЛОВО И ДУША

1. Родина и Род

К учению о мире, к *мировоззрению*, мы обращаемся не только затем, чтобы попытаться понять, где и с кем мы живем, но и получить совет, свод правил для практического использования, чтобы знать, *как надо жить*, и как себя вести в житейских передрягах.

Существуют традиционные "Правила Добра" и поведения, словно походка и голос пронизывающие наше существо и неотделимые от нас – и главное из этих правил состоит в том, что жить надо так, чтобы не стыдно было перед ближними своими, ибо оглядывается человек не на Бога, а на соседей, родных, друзей.

Многое же выражено в строе и содержании языка, в пословицах и поговорках, метафорах и эпитетах.

Береги платье снову, а честь смолоду; очи держи до́лу, а душу горé; на Бога надейся, но и сам не плошай; двум смертям не бывать, а одной не миновать; у страха глаза велики; мертвые сраму не имут...

Даже отдельные слова поучают и пестуют душу – Отечество, отчизна, Родина, народ; родной (милый, близкий), природа, родники (рождающие воду, а метафорически – источники жизни) – по духу и по рождению соединяют в одно целое тех, с кем мы живём, среди коих родились, семью, родную землю и череду родителей и пращуров, населявших ее. *Отчизной* и *Родиной* не назовешь место, куда забрасывает "по воле рока на ловлю счастья и чинов", куда бежишь за "длинным рублем", за сладкой и обеспеченной жизнью, ибо пронзительное слово *Отчизна* сильнее всех проповедей противостоит низкому суждению, что Родина – там, где хорошо, и даже высокому, что Родина там, где Бог. Но да может ли быть хорошо на *чужбине*, если дома даже "дым отчества сладок и приятен"? И может ли вполне согласиться с утверждением апостола Павла, что "отныне несть ни эллина ни иудея" – еще живой писатель, пишущий и думающий на *родном* языке? Еще живой актер и художник? Даже странник по родной земле, в восторге благодатного слияния с природой восклицает: "Благословляю вас, леса! Долины, воды... И посох мой благословляю! и всю *Природу!*"? Идея Рода и Отечества лежит в основании языка и противостоит безнациональной *всеобщности* способом говорить и думать.

Но как вмещены в человека время и вечность?

Время – это то, что имеет зримое начало, что вспоминается как *собственное*; вечность – существующее всегда, искони, изначально.

Что же содержится в слове и понятии "сроду" – временное или вечное? Только ли то, что от "моего рождения"? Мы ведь еще говорим

"такого *сроду* в нашей семье не водилось", или "мы *сроду* были доброжелательны и гостеприимны" – это ли уже не вечность?

Время привязано к роду и рождению – а тогда в каком времени живет *изгой*, человек "без роду и племени", без народных корней и народной памяти – есть ли у него не только вечность, но даже широкое течение времени, помимо каждодневного? К чему привязывает он то, что было до его рождения, к чему привяжет он то, что наступит после его смерти?

Всемирность вырывает человека из времени, поскольку человек в действительности не живет ни в космическом времени вселенной, ни в геологическом времени Земли; живое время его бытия – это время *историческое*, время бытия культуры, даже еще *уже* – это время *рода*, имеющего *общий язык*.

Существование вне своей *семьи*, вне своей *среды*, вне своего *народа* – трагический разрыв, проходящий не между внутренним и внешним, не между человеком и миром, но внутри самого человека. Душа содержит не только Я, но и происхождение, то есть семью, род, племя, народ, государство, "*культурно-исторический тип бытия*". Отдельное Я – то же, что женщина, потерявшая свою семью. Как бы ни хорохорился "гражданин мира", один, сам по себе, он – несчастлив.

Христос пришел спасти *Свой* народ – и Его собственный народ его отверг. Он клялся в любви и верности, многожды повторял, что пришел не нарушить закон, а только подтвердить его – и действительно, ничему в законе не возражал, ничто в нем не изменял, но – был отвергнут.

Ученики Его и последователи были также отвергнуты, не случайно апостол Павел сказал, что он *сораспят* с Христом, и *вместе с Ним сораспят весь мир*.

Но *сораспят* с Христом был тот мир, который Он возвестил, мир новый, прорастающий сквозь ветхие одежды старого, мир иной, который *не от мира сего*. А был ли отвергнут и распят мир традиционный, живущий по закону Моисееву? Новый мир отвергнут иудеями – но должны ли христиане отвергать старый мир?

Это странное противоречие до конца в христианстве не прояснено и не преодолено, и находятся ли оба эти мира – старый и новый – здесь, или весь здешний мир нужно отвергнуть, весь он проникнут грехом и тлением, а мир Христа – только за гранью бытия, за гранью смерти – остается неясным, да и сам апостол Павел на вопрос этот до конца не ответил.

Он-то, по-видимому, воистину для здешней жизни умер, и в нем эта здешняя жизнь умерла – но должна ли вся жизнь умереть для всех последователей Христа?

Неразрешенность отрицания мира и жизни каждый разрешал в самом себе – от прославления жизни, до затворничества и схимы.

Апостол Павел продолжил учение Христа – но он продолжил и Его драму разрыва с собственным народом. Он уже исходит из отвержения, и стихийно или сознательно, обращается преимущественно к язычникам.

Какой же народ собирается он, "еврей из евреев", спасти?

Пришел ли он спасать иудеев или язычников?

И среди тех, и среди других он пришел спасти семя нового урожая, побег для нового древа, тех, кто больше уже ни иудей, ни язычник, но будучи облечен во Христа, становится *новым народом*, не по рождению, а по духу.

(Апостол Павел нашего времени, Карл Маркс, этот *новый народ* нашел среди пролетариата.)

2. Доблесть и Достоинство

Не менее убедительный пример того, как воспитывает русского человека язык, находим мы в словах, выражающих отношение к опасности, и к поведению перед лицом опасности.

Страх, трусость, боязливость – чуть ли это уже не все слова, обозначающие малодушие. Но как красочно и разнообразно описывает язык людей *достойных!*

Презирающий опасность, идущий навстречу ей, называется *храбрым*. Более емко слово *смелый*, в котором выражена не только стойкость в минуты опасности, но и *решимость* противостоять злу и жестокости, возражение враждебной воле – *смелый* тот, кто высоко держит голову в столкновении с силой, *посмеявшийся* иметь собственное мнение, противостоящее мнению государства, церкви или большинства.

Но как быть *смелым* христианину, если должен он быть *богобоязненным, робким, кротким, смиренным*? Если должен он быть *терпеливым и покорным*?

Еще поразительнее слова – *мужество, отвага и доблесть* – они звучат как призыв и утверждение, они одни способны создать образ человека, вызывающего восхищение – но как далеки они от христианского представления о Достойном человеке!

Наш любимый народом святой Серафим Саровский, наверное, был "не робкого десятка" при всей своей *"богобоязненности"*, и у меня нет оснований предполагать, что был он робким, несмелым, нестойким – но язык не поворачивается христианина назвать *мужественным*, ибо бесполость – их мечта и недостижимая цель; также трудно почитаемого святого назвать *отважным и доблестным*.

Однажды на него, молившегося в уединенной пещере, напали разбойники, надеявшиеся найти у него богатства. Били они его смертным боем, а он продолжал молиться и повторял: "Господи, прости им, ибо не ведают, что творят!" [*Да неужто разбойники и вправду того не ведают?*]

Разумеется, случай этот показывает, что был он человеком не малодушным, но *доблестным* я назову рыцаря, павшего на поле брани, но не желающего покориться силе; *отважной* я назову Жанну Д'Арк – не за то ли пытала ее католическая церковь и в конце концов сожгла, что была ее *отвага* не совместима со *смирением*, которое является становым хребтом христианства?!

3. Чувственный мир

Но согласны ли и другие слова русского языка с тем образом благостного постного православного, который проповедуется *профессиональными православными*?

Все то, что выражает в языке *восторг* и *восхищение* – противостоит официальному христианству; ибо оно само противостоит всем сильным чувствам и их выражению.

В каких же словах и звуках выразил язык русский сильные чувства?

Страсть!

Слово энергичное и упругое – нет, не место ему в тишине и покое молитвенного созерцания! Означает оно сильные чувства, а христианство озабочено одним – как заглушить, уничтожить *пагубные страсти* в человеке (ибо не пагубных оно не предполагает... да и право, ибо все страсти пагубны, даже собирание спичечных этикеток!)

Есть у этого слова еще значение – *ужасы, испытания*; и *страсти Христовы* – это именно мученические *испытания* Его.

О прекрасной музыке, выразительных стихах, чудесной живописи, красоте природы говорим мы – *чарующие* звуки, очей *очарованье*, *волшебная* сила искусства, *магическое* впечатление, *очарованы*, *околдованы*, *восхищены*... Боже, Боже, какой ужас, какая *страсть*!

Каждое из этих слов такого свойства, что за нечаянное произнесение их истовый христианин должен наложить на себя епитимью!

И *чары*, и *колдовство*, и *волшебство*, и *магия* – прокляты церковью, ибо они относятся к той области чудесного, где человек пытается получить необычную силу и помощь какого-то иного свойства, иной природы, нежели дается в молитве. (Да и обычное светское искусство чуджо церкви, оно именно *чарующее*, *волшебное*, оно умножает жизнь, а смысл и цель жизни для христианина – за нею, за ее гранью!)

Что же говорить о красоте и притягательности женщины? Она – *соблазн*, *восхищение* и *прелесть*! Ну что за язык русский, везде христианин должен вскричать – чур, чур меня! И *восхищение* – не что иное, как потеря души, украденной, похищенной, *восхищенной* тою, которою мы *восхищаемся* – а она-то не *хищница* ли, похищающая нашу душу, наши чувства, наше любованье ею? Не скажет христианин, что *восхищается* он Христом, или Богородицей, или Духом святым, или даже яркими образами Нагорной Проповеди – нет, он либо смиренно *благоговет* (*вкушает благо*), либо *умиляется*, либо *богобоязненно трепещет*, либо *исполнен страха Божия* – тоже всё чувства красивые, но нет в них *"мятежной бури, которую ищет душа поэта"*!

Ах, прелестные, *прелестные восхитительницы*, восхитительные прелестницы! Это не о вас ли сказано, что *"если око твоё соблазняет тебя – вырви око своё!"*? Ибо чем иным может соблазниться око мое, нежели женская красота?

И самый первый и самый страшный *"первородный"* грех начался с того, что дьявол *прельстил* прародительницу рода человеческого, и

потому всё пагубное христиане называют *прельстительным*. Но что же значит *прелестный*? Если *льстить* означает *хвалить* и *лесть* – *похвала*, то *прелестно* всё то, что выше похвал – *пре-лестно!* Так же как *превосходно, прекрасно и премудро*. Но *прельстить* означает и *соблазнить*, притянуть, возбудить желание.

И вот, "*очарованный странник*" на русской земле, *восхищен* я ее красотами, *соблазнен прелестью* восходов и закатов, покоем лесных озер, видами ее древних городов, богатством и распевностью речи, силой и страстью, колдовскою выразительностью слов, негою и поволокою женских взоров... – ах, не замолить мне свои грехи!

Язык – бесконечен. Многосмыслен его строй, многосмысленно каждое слово. Как удивительно язык сопротивляется идеологии – то есть придуманному однозначному способу видеть и чувствовать!

Вот социал-демократия отрицает *личность* (лицо, лик) и противопоставляет личности "народные массы".

Но язык мстит собакевичам выражения, смердяковым поэзии – и прилагательное "*народные*" умирает возле глыбы "массы", возле ее неблаголепия и клейкой однородности. Нет, не может *рождаться* масса, не может быть *народною*, она может только пузыриться, растекаться, застывать. Так же обречены были засохнуть "коллектив", "интернационал", "базис и надстройка", "социализм" и "коммунизм", и "моральный кодекс строителя коммунизма".

Не знаю, спасет ли Красота мир; спасет ли Красота Россию – но что безобразие, отсутствие красоты, лада, гармонии *погубит мир* (как погубит, в конце концов, и всякую идеологию, претендующую научить человека жить без красоты, вопреки ей и против нее) – в этом я убежден.

Полторы тысячи лет христиане проклинали человеческое тело, называя его *сосудом греха* и *сосудом дьявола*, разбивали статуи Аполлона и Афродиты, преследовали и порицали Театр (а мой друг Протопоп даже ломал на ярмарках дудки и свирели и дрался со скоморохами!) – возвышались ли души людские от их проклятий? [Да что говорить?! – игрушки и детский смех *были от лукавого!!!* – или забыли? Да, забыли. Память коротка. Умиляющиеся гуманности христианства не помнят уже ни процессов над ведьмами, ни избиения гугенотов, ни Жанну, ни Джордано, ни преследования еретиков]. Да, целых полторы тысячи лет плоть и красота были гонимы и прокляты, и вот, теряя власть над душами и телами, оборотилась церковь к человеку, и многое приняла из проклятого язычества – и красочные праздники (*широкую Масленицу, веселые Святки, Красную Горку, Коляды, Ночь на Ивана Купала*), и свадьбу, и *крестины* (празднование самого рождения младенца, а не причащения только к церкви), и молебны об урожае и дожде (а уж тут чистое язычество, древнее *заклинание богов*, колдовство и волхование! И даже если форма христианская, то существо дела – языческое!).

Ну, слава Богу, устало христианство воевать против плоти, красоты и искусства, уже и танцы в иных протестантских храмах дозволены (хотя

это не лучше, чем торговля в храмах), уже и на разводы католики согласились (правда, с таким количеством оговорок, что легче сдохнуть, чем развестись!). Ох, ненавистна плотская любовь монашеской идеологии поста и воздержания – перечтите-ка Анну Каренину Толстого и его же Крейцерову сонату, или жалобные сетования Розанова на его нескладную семейную жизнь!)

Но – не модно нынче носить вериги и бичевать тело, и покрывать его струпьями – и даже смешно.

4. Источники Блаженства

...Впрочем, унесло меня в сторону от музыки русской речи и заключенного в ней, в плоти ее и духе – исконного, вечного, не только русского, но и общеславянского восприятия и переживания Мира и жизни.

Пока я писал о *соблазнах и очарованиях*.

Но остановим внимание и на том, что, кажется, далеко от греха – здесь-то согласны ли народные чувства с идеологией христианства?

Поговорим о *труде*.

Соблазнившихся, прельщенных, *согрешивших* прародителей наших разгневанный их Создатель, Бог-отец, изгнал из рая со словами: *Отныне в поте лица своего добывайте хлеб свой, и пусть труд вам будет в проклятие!*

Как бы мы ни относились к *труду*, что бы ни проповедовали детям своим, отношение к *труду* Отца нашего небесного для нас ясно – подарил Он нам *труд* не в радость, а в страдание.

Но точно ли исполняем мы Его приговор, и хотя и в поте лица добываем свой хлеб, но только ли в тягость нам наш *труд*, а тем паче – в проклятье ли?

Язык наш правдивее лукавого ума, он не притворен, и вот мы видим – все, что нелегко дается, что не падает с неба само собою, все то – трудно. *Натруженные* гудят ноги от долгого пути, *трудные* бывают роды, *труден* путь познания ...

... То, что не легко, что тяжело – *трудно*, а значит *трудиться* – тяжело?

И поскольку *тяжело* то, что *трудно*, и *трудно* то, что *тяжело*, то – одно ли и то же заключено в этих двух названиях "нелегкого"?

Тяжело в учении, *легко* в бою! – восклицал Суворов, и здесь *тяжесть* неотличима от *трудности*, но – "Ох, *тяжела* ты, шапка Мономаха!"; "Кого-то там еще *нелегкая* принесла?!"; "Ох, *тяжело*, дай дух перевести!"; "*Тяжесть* на сердце"; "Трудами *тяжкими*..." [значит, бывают *труды* и *не* *тяжкие*]; *тягостно*, *тяжко*; *свинцовая тяжесть*; *тяжелый* путь (хуже, чем *трудный*); ... да очевидно уже, что *трудным* мы называем всё то, что требует преодоления, *труда*, старания, что приводит к усталости – но не к печали, не к огорчению, не к унижению, потому что естественно ученые сочинения называются "научными

трусами", естественно словом "*трусеник*" называем мы уважительно трудолюбивого человека, и *трудолюбие* возводим в добродетель наравне с добротой – то, что дано нам в Проклятие, было бы нелепо *любить*.

Труд у славян – одна из главнейших добродетелей, и это отношение к труду выражено в пословицах и поговорках – *без труда не вытащишь и рыбку из пруда; любишь кататься – люби и саночки возить...*

Трудолюбие соединяет *труд* и *любовь* более естественно, чем христианские *добротолубие* и *Боголюбие* (сохранившееся, по-видимому, только в прозвище Андрея Боголюбского).

Трудолюбие – одно из важнейших достоинств человека, оно в том же ряду, что и *миролюбие* и *правдолюбие* или *добролюбие* (последние два слова тоже кажутся искусственными и книжными, и «добролюбие» сохранилось тоже только в фамилии Добролюбов).

Для славян труд – не проклятие, а – трудная радость, *преодоление, преобразование инертного вещества материи, требующее усилий, но приносящее удовлетворение и награду.*

[Возможно даже, что в библейских текстах – психология и мироощущение древнеиудейской интеллигенции, или правящего слоя, "элиты" – но какую бы Библию написали наши Кох и Чубайс! (лучше бы они писали показания!), Грех и Понарько!]

Так богодухновенны ли тексты священного Писания? – в том смысле, что выражена ли в них Истина безотносительно к тому, через кого она передана нам? Нет, обе книги Библии пронизаны историей, психологией, мироощущением древних иудеев, и не совпадают они с мироощущением славян, а тогда что же является Истиной в Последней Инстанции? Для меня, русского, то – что впечатлено в моём языке!

5. Воля и Свобода

Писал я о том, что в самих словах русского языка сосредоточено отчуждение от христианства.

Рассмотрим слово "воля".

"Неволя" – это стеснение, плен, лишение свободы, "воля" – это *Свобода*. Но это же слово означает и еще одно важное понятие, причем никаким другим словом оно не передается, это – *Воля*.

Вот ведь – богат русский язык! – а *Волю* именуем мы одним всего словом, да и то это слово сужаем в пользование другому понятию, родственному ли? – у которого есть свое собственное название.

"Воля" – это *Воля*, да еще и *Свобода*... Но нет ли именно в этом откровения об истине Воли?

Христиане говорят, что надо жить не по своей *Воле*, а по *Воле* Бога, то есть надо отказаться от своей *Свободы* и вручить себя Богу, "*поработить*" себя Богу и стремиться жить в *неволе* (Апостол Павел иначе как *рабом Божиим* себя не называет).

А как же тогда Христос говорит, что пришел *освободить* человека – это ли и есть свобода – отказ от своей *воли*, то есть *свободы*? Не такая

же ли это дурная диалектика, как и *диктатура пролетариата*, которая будто бы самая полная *демократия*?

Если "воля" – это и *Воля* и *Свобода*, то отказаться от своей *воли*, хотя бы и для *Воли* Бога – благо ли?

Не только строй языка, но все его интонации, песни, стихи, романсы, сказки, присловья – всё возвеличивает **Волю** и утверждает ее. Так что же – тюрьма – идеал христианина? А пожалуй что и так. Социализм будто бы антипод Христианству, но столько у них общего, что диву даешься!

Воля как *воление, намерение, желание* – неотделима от *свободы, воля и свобода одно!* – вот таков русский человек, таков русский язык!

Как же тогда говорят, будто рабство у русских в крови? А разве не язык – подлинная кровь народа? И эта кровь такая чистая, яркая, светлая, живая – Господи, неужто такой народ может умереть?!

6. Добро и благо.

Еще тридцать пять лет назад Вадим Салов огорчил меня замечанием, что слово *Добро* означает одновременно и *Благо* и *Богатство*, и значительно позже я утешился, что, с другой стороны, богатство если и плохо, по мнению Иисуса Христа, ибо *богатый* не внидет в царствие небесное, но зато само слово имеет благородное происхождение, ибо *богатство* – это то, что дается *Богом*.

Добрый значит еще и полный, статный, *тучный* (кстати, *туки земли* – *силы* произрастания). Вот эти силы произрастания существуют и в слове "добро", мы говорим о земле – *добрая* земля, имея в виду не только то, что она хорошая, но – плодородная, тучная; мы говорим – *раздобыл* на государственной службе, или на дармовых харчах, то есть располнел.

В слове "добрый" присутствуют сила и «лад» – *добрый* конь, *ладный*; добрый молодец, доброе оружие, добрая сбруя (упряжь) – хорошая и ладная, удобная.

К чему я провожу все эти разыскания? Только чтобы понять, *почему* "добро" означает не только *благо*, но и *богатство* – "много у него всякого добра было..." – и надо ли расстраиваться из-за этого.

Но поразмыслим – означает ли "добро" *богатство*? У кого есть *богатство*, тот называется богатым, но не *добрый*, не так ли? Следовательно, "добро" – это не *богатство*, а – *имущество*, припасы, снаряжение, одежда... всё, что нужно *доброму*, справному хозяину и солидному человеку, – а миллионы и хоромы, и "мерседесы" называются словом *богатство*, но не словом *добро!* И, значит, более древнее, языческое слово *добро* не обозначало чрезмерное количество имущества у одного человека, а воистину было *благом*; "богатство" же имеет характер оправдания, дескать, это Бог дал, это от Бога. Хотя Христос и сказал, что, несмотря на это, в небесное царство им не войти, но, несмотря на это, церковь вполне гармонично сочетается и с властью и с богатством, да и сама стремилась и к тому и к другому.

Итак, по крайней мере в моих глазах "добро" реабилитировано, и я

чистосердечно могу воскликнуть – Будьте *добрыми!* – то есть будьте милосердными, но и ладными, статными, и *не бедными!*

Правда, вначале следует стремиться к милосердию, затем к красоте и силе, и уже в третьих – к приобретению и умножению имущества.

А что своего, особенного, отличного от "добра" в слове *благо*? Расширительными свойствами оно почти не обладает, обозначая исключительно нравственную категорию, и не существуют ни благой конь, ни благой молодец, но – *благие помыслы*, благие намеренья, желания, дела.

Правда, добро (богатство, имущество) в качестве дара тоже называется словом *благо* – земные блага, блага цивилизации; и когда один человек заботится о другом, бескорыстно помогает ему, мы называем его *благодетелем*.

Восторг бытия, высшее состояние радости мы называем *благодатью* и *блаженством*, а вершину земного состояния человека, предел его нравственных и духовных стремлений называем *Божьей благодатью*.

Признательность за оказанную услугу, за доброе дело выражаем словами *спасибо* (спаси Бог) и *благодарю*.

Итак, Благо, хотя однажды и употребляется для обозначения каприза и придури – "это на него *блажь* нашла" – но во всех остальных применениях и разночтениях означает только самое возвышенное и высоконравственное.

И тем не менее, основной вопрос и основное противоречие бытия звучат так: Бог и Дьявол, *Добро и Зло* – но не Благо и Зло – почему?

Слова Добро и Благо иногда подобны, например: *добрые* и *благие* дела и намерения, *доброжелательный* и *благожелательный*, но в некоторых случаях не имеют пары, например: *блаженный*, *блаженство*, *блажь*, *Всеблагий* (о Боге) не имеют подобия в производных от слова *добро*, и наоборот, *доброта* как милосердие, сочувствие и помощь в трудном положении не имеет подобия в производных от слова *благо*, и *благожелательный* не совсем то же, что *добрый*.

Добро и Благо глубоко укоренены в русском языке и *народных* обычаях, и для обозначения людей, имеющих заслуги перед церковью, почти не используются.

Святой, святитель, праведник, исповедник, угодник, страстотерпец, мученик, великомученик... И только *благоверный*, *блаженный* (слово, имеющее оттенок – дурачок, чокнутый, не от мира сего, почти уже не содержащее в себе категорий добра и блага, а обозначающее особую категорию святых – Ксения Блаженная, Василий Блаженный, Блаженный Иероним – но церковь ли их причислила к святым, а не народ ли?)

Самое многочисленное войско святых – *мученики* и *страстотерпцы* – те, кто пострадал для утверждения Веры и Церкви или в защиту ее.

Страдание занимает центральное место в христианстве, и Иисус Христос – страдающий Бог, *Искупительная Жертва*, (в отличие от Будды – просветленного, просветляющего, Магомета – Пророка и Учителя, Конфуция – поучающего, наставника)...

7. Слово и Речение

Матерьял, идущий на постройку, как будто нейтрален по отношению к замыслу архитектора. Кирпич не имеет собственного лица, не утверждает и не отрицает, и из одних и тех же кирпичей можно построить храм и тюрьму. Выразительностью, смыслом, содержанием обладает строение, оно разговаривает с нами, но в речи строения уже не слышен лепет строительного матерьяла, даже если бы он и умел лепетать.

В литературе *строением* является законченное произведение, рассказ, роман, ода или драма; минимальная деталь, обладающая смыслом, это *фраза*, иногда усеченная до одного слова, что является ее крайним состоянием; но отдельно взятое слово не говорит ничего, из одних и тех же слов, как из кирпичей, автор строит тюрьму или храм, открывает истину, открывает калитку в душистый сад, – или убивает надежду.

Искони бе слово! – так начинается Евангелие от Иоанна. Удивительная истина сообщается в этой короткой фразе всего из трех слов, но каждое отдельное из них не сообщает не только трети от этой истины, но даже и четверти, и даже самой маленькой малости.

Только *сочетание слов* передает нам мысли и чувства, в сложном их узоре заключается и драма безответной любви, и драма истории – история ли любви Тристана и Изольды, или Крестовых походов.

В отдельно взятое слово история не вмещается, слово не содержит истории, и слово лес, или слово *бор*, которое мы можем встретить в тексте, ничего не скажут нам о том, к какому времени или к какой эпохе относится этот текст.

Но удивительное состоит в том, что именно в слове, освобожденном от внешних связей, – *вопреки сказанному!* – история, смысл, мировоззрение заключены в гораздо большей степени, чем в сочетаниях слов.

Слово содержит в себе почти всё, оно всеобще. Речение же индивидуально, оно принадлежит тому, кто его высказал, и хотя бывает часто так, что забывается автор текста, или выражения, и они уже как будто принадлежат всем, принадлежат народу – но почти никогда отдельное высказывание не является всеобщим, кто-то в нем видит и свое мнение, а другие, быть может, не согласны.

Кто не работает, тот не ест! – сильно сказано, но не для всех; *по одежке протягивай ножки!* – иногда приходится, да не хочется... Ну, согласитесь же, что какое бы выражение ни привести в пример, даже почти бесспорное, вроде того, что *лошадей не меняют на переправе*, не все согласятся и с бесспорным. Но можно ли найти человека, возражающего *слову*? Пытающегося его заменить или опровергнуть? Даже если у слова есть двойники, аналоги и синонимы, этим оно не опровергается, таково свойство языка, он *избыточен*, он не ограничивается одним знаком для обозначения некоторого понятия, а предлагает, как правило, сразу целый их набор – и все принимаются, все утверждены и одобрены, и используются в разговоре.

Итак, сочетание слов – часто частное мнение, отдельно взятое слово – абсолютная истина, аксиома.

Но, скажете вы, слово не сообщает истин, не утверждает и не возражает, но лишь используется в сообщениях. Слово не открывает нам историю, не рассказывает о событиях в жизни Раскольникова или Анны Карениной, не сообщает ничего об отношении к миру какого бы то ни было человека.

Да.

Что же тогда сообщает слово, какая история в нем содержится?

В слове содержится история языка, следовательно история народа, его подлинные верования, его подлинные воззрения и надежды, его чувства и заветы!

Речение затемняет всеобщее, разбивает его на частности, слово – выше частных, оно повествует о том, что принадлежит всем.

История содержится в слове двояко.

Во-первых, слово подвержено изменениям с внешней стороны, меняется его произношение и написание, например, стекло, *скло* (откуда *склянки*) – и *стекло* – и эти изменения немало говорят о сменяющихся эпохах.

Но гораздо важнее те изменения, которые связаны с значениями слова, с его внутренней жизнью – в них то и содержится подлинная история народа и его отношение к миру.

Я не филолог, и знания мои о русском языке неглубоки и недостаточны; для полноты понимания необходимо знать и происхождение слова, его рождение и детство. Однако, отсутствие специальных знаний позволяет не погрязнуть в частностях, и приводит к двум противоречивым результатам – во-первых, я не следую общепринятому взгляду на то или иное явление языка, и значит, я объективнее; во-вторых, я исхожу из собственных предположений, интуитивных воззрений – и значит, я субъективен и предвзят, но именно предвзятость, как тропинка, помогает мне не заблудиться в лесу многообразных исторических сведений.

Внутренняя история слова выражается в том, что в течение своей исторической и культурной жизни слово взрослеет, как и человек, разрастается, как растение, пускает побеги, обрастает разнообразными смыслами, приобретает не только новые значения, но и новые оттенки прежде принадлежавших ему значений.

Не всегда можно эти изменения выстроить в хронологическом порядке, но часто это не важно.

После этого отступления вернемся к конкретным словам.

Добро как благо и добро как достаток, достояние, богатство, имущество – главные значения слова добро. Но добрый значит еще и ладный, статный, красивый, сильный (добрый молодец!).

"Добро́" (с ударением на последнем слоге) – хорошо, ладно, разрешаю, утверждаю: Ну, добрб́, встретимся завтра; Идем завтра в лес? – добрб́; Даю добрб́!

Этическое, эстетическое и мирское соединены словом *добро* в нерасторжимое единство, и не противопоставлены друг другу, а – дополняют. Так принял ли язык русский (в отличие от древнерусских князей) христианство, с его негодованием против внешнего и мирского, с отрицанием красоты, умерщвлением плоти во имя спасения души, необходимостью нищеты для вхождения в царствие небесное?

Воистину, Добро противостоит Злу по язычески, то есть во всю мощь и ширь жизни, и добротой, и статью, и полными закромами.

Так, может быть, зато *благо* – вполне христианское слово?

Говорят ведь, что душа – христианка, а, следовательно, коли *добро* выступает от имени и души и плоти, и объединяет их, то может быть, *благо* служит только душе, не вмещает плоть, и не обозначает ни полные закрома, ни доброго молодца Добрыню Никитича, ни доброго коня, ни доброй дівчины (что еще хуже, ибо многие христиане полагают, будто *женщина – сосуд дьявола*)?

Но, увы! Если *добро* не только благо, но еще и богатство, или, точнее, житейское *благополучие*, то что же такое – *благополучие*? – только ли благо? А еще не недостаток ли, то есть "полные закрома"?

Если *добрая земля* означает родящая, тучная, то *земные блага* не являются ли плодами *доброй земли*, то есть относятся именно к плоти, а не к душе?

Однако, *благо*, как и *добро*, вмещает и гармонию, понимаемую как *благочестие*, и, таким образом, обозначает достоинство человека по отношению к материальным ценностям, нравственным и эстетическим.

Идеология основана на высказывании, на утверждении, и идеология христианства – не исключение.

Непосредственный народный идеал жизни выражен в слове, и триединость слова *добро*, вмещающего достаток, благо и молодецкую статью; и такая же триединость слова *благо* означают, что народный русский и славянский идеал не только изначально не был христианским, но таким и остался – слово не сузилось, а лишь расширяется, значит, расширяется и мироощущение русского человека.

Может быть, душа и христианка, но язык *русский* – *язычник*!

Благо – это добро, но это и состояние души, находящейся под действием добра, переживание мира в его подъеме, в его совершенстве, что обозначается словосочетанием *благодать* (податие блага).

Что же такое *благодать*?

Это и переживание, которое обозначается одним словом *блаженство* (восторг), и совершенство мира! На поле, в лесу при восходе солнца, или при его закате, переживая прекрасное, мы восклицаем – *какая благодать!*

Есть и высшая благодать, которая называется *Божией благодатью*.

Такое развитие понятия от *блага* до *блаженства* и от блаженства до *Божией благодати* кажется подобным духовному восхождению от мирского до небесного, но противоречия, заключенные в мире, взрывают торжество восхождения, восторг вызывает реакцию противодействия, и

разочарование в возможности *блаженства* порождает саркастическое и циничное наваждение *блажи*. Словно два антипода, восторженный романтик и язвительный циник, *блаженство* и *блажь* осуждены теперь вечно спорить друг с другом.

Иногда мечта о *блаженстве* кажется пустой и ненужной *блажью*; но не наступает ли *блаженство*, когда, как Господь, человек, озирая плоды трудов своих, закончив *Благоустройство*, говорит восторженно – Ах, хорошо! Воистину – *Благодать!* (Как и я иногда восклицаю, распрямившись на огороде с лопатой в руках, и озираясь вокруг).

Не могу решить, ближе ли слово *Благо* к христианскому мироощущению в отличие от широкого, словно горный поток, слова Добро, но в сходных превращениях они иногда одинаковы, а иногда значимо различаются, так, одинаковы *доброе дело* и *благое начинание*; различны *добрый* (недобрый) *взгляд* – и *благостный взгляд* (пахнет елеем и благовониями); *задобрить* и *ублажить* (в первом случае скорее имеются в виду посулы, обещания, во втором – действие); и особенно значительны различия в словах *одобрить*, одобрение – и *благословить*, *благословение*. В последнем случае духовное содержание понятий отличаются как мирское от небесного; и хотя *благословить* тоже значит согласиться, *одобрить*, напутствовать (пожелать доброго пути и успехов), но *благословение* – священное, сакральное действие (часто с осенением крестным знамением, целованием икон, коленопреклонением, слезами и умилением), а *одобрение* – деловое *согласие*.

[Хамская идеология 20-го столетия, противопоставившая *Добру* и *Благу* целесообразность, принципиальность, солидарность и партийную жестокость, высмеивала их одинаково, не вникая в различия. Ненавистными были Доброта и Блаженство, добрые и блаженные, поэтому вместо них появились *добренький* (не добрый, а лицемерный, а подспудно втаскивалось представление, что добрых-то и нет вовсе, а есть такие только – "добренькие") и *блаженненький* (нечто среднее между юродивым и дурачком).

Но за эти боковые погони *добро* и *благо* неповинны, суффикс "еньк" встроен в язык в целом, и уменьшает, умаляет, *снижает* любое слово (...почти любое), кроме тех случаев, где *умаление* связано с *умилением*.]

В споре за первенство выигрывает то одна, то другая сторона, так *добродетели* – внутренние качества человека, *благодетель* – опекун, заботник, оказывающий важную, ценную помощь; *добрым делам* противопоставляются *благодетелья* – это те же *добрые* дела, но торжественный тон показывает, что дела эти *спасительного* свойства, их благословляет Сам Господь.

(К какой же партии принадлежу я? Не наживший *добра*, неспособный стать *блаженным*, растерявший *добродетели*, бессильный свершать *благодетелья*, разочарованный в *благих* путях мира, не ждущий *блаженства*, сомневающийся во *Всеблагом*, недостойный *Благодати Божией* – не получу я *благословения* на свой труд ни от земных, ни небесных властей, ни от народа, ни от ближнего круга друзей.)

Добро в большей степени зависит от внутреннего, а Благо – от внешнего, потому *добродетели* – и *благодетяния*, *доброта* – и *благодать*... Но все же борьба Бога и Дьявола – это борьба Добра и Зла! Злу противостоит то, что идет изнутри человека, а не дается ему (так говорит язык русский), поэтому те, кто от елеса и ладана, у кого взгляд тихий и голос скорбный, кто уже умилен и *благостен*, кому чуждо смятение и душевная скорбь – пусть не торжествуют, русский язык – за меня, не за них! А со мною ли Христос, или с ними, мы еще посмотрим, ибо если сказал Он, что *суббота для человека*, так может быть и Сам Он для жизни, а не жизнь для Христа?! И тогда справедливо, что правду я ищу в своей совести и народной душе.

 В пылу рассуждений сказал я, что слово ничего не говорит об эпохе, что оно не передает историю, и привел в пример слова *бор* и *лес*; пора уже и опровергнуть легковесное речение, которое, как и всякое речение, является частным (и следовательно, временным) мнением, ибо *слово* – основание, источник, и не только содержится во времени, но и время содержит в себе.

Бор – это лес, в котором мы пользуемся милостью природы, и *собираем*, берем ее дары, слово *Бор* то же, что собирать, брать, *сбор* и *поборы*.

Что же собирал в таком лесу древнерусский человек? О том говорят слова – во-первых, он охотился на "боровую" дичь, во-вторых, дети и женщины собирали орехи, грибы и ягоды, а царь грибов так и назывался – *боровик*.

Основные боры на Руси – сосновый и кедровый, и естественно, что русский человек, охотник, строитель и пахарь, *брал* в этом лесу основное его богатство – дерево.

Вот теперь пришла пора удостовериться в том, что эпоха в слове *бор* содержится прежде всего – во-первых, эпоха *собирательства*, когда это слово родилось, а затем все те благодатные эпохи, когда шумели на Руси вековые боры. Только не содержится в этом слове "нынешнее время", нет уже боров повсеместно, злая советская власть уничтожила их за семьдесят лет, а демократы дорубают недорубленное; откройте же словарь, и вы увидите, что рядом с этим древним словом стоит "арх. (архаическое)" и "уст. (устаревшее)".

8. Воспитание, образование, просвещение.

Итак, хотя и естественно думать, что поучение заключено в *высказывании*, то есть в сочетании слов, но отдельное *слово* выражает характер народа более *безусловно*. Таковы и слова *воспитание*, *образование*, *просвещение*. *Просвещением* преимущественно занимается начальная школа, в высших учебных заведениях учащийся получает *образование*, *воспитанием* же занимаются семья, школа и общество от рождения человека чуть ли не до его смерти.

То, что вкладывается в понятие *воспитания*, кажется еще более важным, нежели *просвещенность* и *образованность*, человека грубого, вульгарного, некультурного мы называем *невоспитанным* (а при этом он может быть и весьма "образованным") – но само слово, обозначающее это понятие, имеет вульгарное происхождение от глагола "питать", тогда как *образование* и *просвещение* – слова возвышенные, и первое, означающее и *созидание* и *приобретение знаний*, происходит от слова "образ", другое же, тоже имеющее двоякий смысл – и начальное "образование" и духовное возвышение (например, *просвещение народов*), – происходит от глагола *светить*.

В нынешних спорах о реформе *образования* тон задают, к сожалению, люди *необразованные*, некультурные, *непросвещенные*, те, для которых русский язык *неродной*, иначе не забывали бы они, что *образование* в России сродни иконописанию (созиданию образов – икон), и *образованный* – не просто знающий, но являющий собою образ Божий. Как же возможно заменить школьное *образование* профессиональным обучением?!

9. "Тварь ли я дрожащая, или право имею?"

...Если бы обо всех словах писать, а не только тех, в коих выражено отношение к миру, то можно бы написать ещё про целую рошу слов, разросшихся вокруг глагола *лить*.

Тут и существительные – лейка, литье, наливка, сливки, подливка, прилив-отлив, "требуйте *долива* пива после отстоя", "поборник *перелива*" (строка из моего стихотворения), "вино в *розлив*", весенний *разлив* рек, ливень (ливануло).

Тут, естественно, и глаголы, из которых первый – *наливать* и *разливать*: "Нет, ты *налей!*", "*Налейте* стаканы!", "Ему больше не *наливать!*", "Как-то, *разлив* по стусемьдесят граммов на брата..."...; *выливать*, *вливать*, *подливать*, *поливать* (огород) [или ругать кого-то чрезмерно]; *отливать*, *переливать* (в частности, *из пустого в порожнее*), *заливать* (в частности, *врать*), [а в Сибири о пропойцах говорили "*залил* zenки"], или "вина там было хоть *залейся*"; *лечь*, *льет* (дождь) как из ведра; *сливать* воду (в частности, *тушить свет*); *лечь* (изделия) ...

... и прилагательные – *литейный* цех; *вылитый* папа (то есть, очень похож); *наливное* яблоко (румяное); сидят как *влитые* (сапоги)...

...Но вернемся к избранной теме рассуждений.

Человек – *творение* Бога, то есть Божья тварь, как и весь мир, который называется "тварным" миром, то есть *сотворенным*.

Но почему слово "творение" получило переносное ругательное значение, и о низком, подлом человеке говорим мы – "ну и тварь ты!" (то есть, *скотина*)? Следовательно, "тварь" – это животное, но не человек?

Если *христианство* – это иудаизм плюс Новый Завет плюс древнегреческая диалектика, то *православие* – это *христианство* плюс славянское язычество (то есть народное мировосприятие), а в последний период

с ним соединяются русская литература и философия. Ветхозаветные отношения с Богом (иудейские и христианские) – то есть Творца и твари (или Господина и раба) – заменяются на отношения Отца и сына.

Раннее *христианство*, направленное на преодоление *природы* в человеке (в философских терминах – на противопоставление Духа и Материи), и унижение, пренебрежение плотского, "мирского" (то есть связанного с жизнью *здесь*), и следовательно, направленного к смерти и метаистории (к жизни *там*), заменяется в Новом Православии Преображением мира и человека.

Почему же для русского "тварь" – это животное [и Ной "взял каждой *твари* по паре"], и человек становится (в языке русском) "тварью" только оподлившись? Не потому ли, что человек – не "тварь"?

"Тварь ли я дрожащая или *право имею*?" – спрашивает Родион Раскольников у Федора Достоевского.

Пытаясь доказать, что он не "тварь дрожащая", но *имеет право*, Раскольников начинает "*качать права*" – но какое *право* противопоставляет он *тварному* трепетанию? – *право убить!*

Его опыт "*качания прав*" заканчивается крушением – намеренно убивает он старуху-процентщицу и случайно (точнее, из страха разоблачения, спасая шкуру) Елизавету.

После вымученного, не вполне искреннего покаяния Раскольников попадает на каторгу, мучается, и там наступает истинное просветленное покаяние в последней сцене романа.

Соглашается ли он, наконец, что человек – "тварь дрожащая"? По-видимому, соглашается.. Но почему "дрожащей твари" противопоставляется человек, "отважившийся" убивать? И почему, отвергая такое "право", надо отвергнуть и другие права тоже, ну, например, хотя бы *право свободно мыслить*, яростно отвергаемое христианством все две тысячи лет его власти над умами людей?

Русский язык настроен иначе, чем христианство и Достоевский-христианин, язык несомненно и без колебаний противопоставляет человека *твари*, утверждая, что *тварь* – это только человек подлый, а подлинный человек – вовсе не тварь, тем паче не *тварь дрожащая*, и язык не сомневается в его неотъемлемых суверенных правах!

Когда мы произносим слова – *венец творения*, мы выделяем человека из сотворенного мира, потому что язык интуитивно сопротивляется представлению о *тварности* человека, ожидая того благословенного времени, когда Бог, наконец, опомнится, и *усыновит* человека!

10. И милость падшим подавал!

Самое устойчивое слово из тех, что выражают душевные свойства и относятся к взаимоотношениям людей – *милый*. Выразительность суффиксов, приставок, окончаний, созидающих все богатство разнообразных значений исходного слова и оттенков этих значений, зависит от тех слов, с которыми они соединяются. Суффикс "еньк" имеет уменьшительный или уничижительный смысл, и "добренький" и "блаженненький"

призваны унижить и доброго и блаженного, но при этом *миленький* становится еще милее, и нежность, заключенная в *милости*, не нарушает гармонии восприятия.

Усиливается суффиксом "еньк" то плохое, что есть в "гадном" и "подлом", но понятие *чудно* приобретает иной смысл – не всеобщего понятия, а характерного индивидуального присловья, иногда шутки; так и сладкий – *сладенький*, вкусный – *вкусенький*. Умная, превращаясь в *умненькую*, не умалняется, но говорящий становится по отношению к ней в положение старшего. А милый и *миленький* – почти равноправны!

Удивительно, что в некоторых случаях уменьшительный и уничижительный оттенок изменяют значение слова на противоположное (как в *добреньком*), или осмеивают его (как в *кратеньком* и *простеньком*), но милый устойчив при всех изменениях погоды, и *милашка*, *милака*, *миленок* – всё так же *милы*!

А при этом изменения значения даже до отрицания, снижения и насмешки необходимы каждому понятию, таково свойство языка, он не может и не должен сохранять почтение, незыблемое уважение к самой способности говорить, думать, чувствовать, даже "святость" язык "пробует на зуб" и противопоставляет *святому* "святошу", умному *умника*, силе *силещу*, богатому *богатея*, достойному жалости *жалкого*, блаженству *блажь* и т. д.

Противопоставляется ли что-нибудь *милому*?

Нет, не посягнул язык на это слово, оставил в неприкосновенности, и противоположные значения выражаются только с помощью интонации и контекста – Ну, мой милый, вы и негодяй!.. Вот что, милая, закройте дверь с другой стороны!... Милостивый государь, к барьеру!... и т. д.

Почему такая почтительность, за что такое уважение?

Может быть, это и есть краеугольный камень в отношениях людей, более важный и более прочный, чем любовь?

Да!

Ибо выше любви – *милость* и *милосердие*! Тем паче к падшим, к заблудшим, и даже преступившим "закон и заповеди"!

Потому-то и справедливость, и возмездие, неотвратимые в буддизме (что выражено в понятии *кармы*), латинский и славянский мир уравнивали *помилованием*, отменяющим наказание (а Христос не призвал к *милости*, защищая блудницу, но призвал к *стыду*, более низкому чувству, а позже, сказав – "не судите, зато сами не будете судимы", воззвал для милосердия не к милосердию, а к *страху*! (По-видимому, суровы были законы иудейского мира, славяне подчинялись Слову – или Завету – более милосердному.)

И к униженным, опустившимся, погибающим, несчастным, обездоленным и нищим помощь и *подавание* русский язык назвал удивительным словом *милостыня*, утешающим больше самого подаяния, воистину делающего братом, и даже *милым*, того, кому подаешь.

Есть, есть чувство выше любви, и это – *умиление*!

Самая чтимая (душевно чтимая) икона в русском народе – *Богоматерь-умиление*. Я потому отделяю это чувство от любви, что... впрочем, кто держал на руках младенца, поймет и без объяснений. (Вот так и к птенчику на ладони испытываем мы *умиление* – не любовь же!)

И то, что по русски – *милый, милость, милостыня, милосердие, умиление, помилование* – в одном ряду – больше всех разысканий политиков и историков говорит об изначальном величии русской и славянской души!

[Вот в связи с иконой Богоматери и *умилением* придется сказать о русском христианстве – в чем его корень? Только ли в вере в Христа и в Его распятие *для нас* и в *Воскресение* для нас? Нет, нет, нет! Для русских *православие* – это цельный образ жизни чистого человека, начиная с рождения – и рождение *освящается*, и материнская любовь Марии к младенцу Иисусу – начало русского символа веры, и какая русская баба помнит о том, что зачатие и рождение по Христу – грех, и что дева Мария начала и родила не так, как она? Нет, для русского Символ веры начинается с *Рождества* – Верую в святость рождения ребенка и материнской любви и в Богоматерь как символ и образ такой любви!

Потом Христос стал проповедовать, пошел черт-те знает к кому, набрал учеников из шантрапы (очень по русски!), а один из них Его предал, да и другие шатко вели себя, и, конечно, наложили на Него узы!

Здесь два узловых момента Символа Веры – *товарищество*, которое русский писатель даже превозносит над материнской любовью, и праведная жизнь во имя справедливости и страдания за нее – о, вот это еще более глубокий корень русской жизни!

И, наконец, Крестный Путь – а без него праведным вполне и не стать! Каждый праведный (или поучающий) должен непременно посидеть в тюрьме, а потом подвергнуться казни! (Готовлюсь к сему и я!)

Русское православие – это рассказ о жизни святого человека, который он лицезреет воочию в храме, как в театре, от Рождества до страстей Господних, любви, гонений, предательства, смерти и Воскресения (что, скорее, понимается символически, как торжество справедливости), а поучений Апостолов русский не знает, Нового Завета он не читал, а тем паче Ветхого, а если вдруг сдуру начинает читать или слушать, то и становится сектантом, потому что русское православие никакого, даже отдаленного, отношения к "подлинному" христианству не имеет, поэтому против *нашей* Веры я не выступаю и не призываю перестать ходить в церковь, слушать невежественного батюшку (и пока невежественного, до тех пор русского), любить, рожать детей и воспитывать их, быть верными в семье, в любви, в дружбе, радоваться жизни, украшать землю, пить на Рождество и Новый Год, гадать на Крещение, печь блины в Масленицу, красить яички на Пасху, ставить пиво на Троицу и Ильин День, яблочное вино и мед на Спаса, разговляться на Покров – да и в другие скоромные дни не забывать о веселиях плоти и духа!

Так поэтому умилюсь и *дерзости*, ибо все живущее подвержено

тлению (что же делать? Темнеют и ветшают даже иконы) – и способность языка разрушать почтение по отношению к самым святым вещам – его мощь и жизненность.

Язык – дерзок, для *красного словца не пожалеет и родного отца* – но не возмущаться этой способностью языка надо, а радоваться ей!

Так же поэт и философ должны быть дерзкими беспредельно, истина, перед которой стоишь на коленях, невидима, да и неба не увидишь, если слишком усердно бьешь поклоны.

Но не собираюсь я запускать камнем ни в небо, ни в истину, но только в тех, кто из Откровения и Завета устраивает цепи для обуздания мыслящих!

Тем более, что дерзкими нас обязывает быть даже родовое имя. Разве не зовемся мы *славяне* (или *словене*), и разве не от *славы* и *слова* произведено наше имя? И, следовательно, мы – "*славный* народ, наделенный *словом*", люди *славы* и *слова* (не потому ли не сородичей наших, не говорящих по славянски, мы в первую очередь назвали не иноземцами, а *немцами*?).

Итак, мы *славный* народ, ищущий чести и *славы*, и потому *славяне*...

Славить – значит хвалить, *прославить* – восхвалить; но имеется здесь и другой смысл – "сделать известным". Так *Слава Богу!* – хвала Богу!, но *ославить* – опозорить. *Слава пошла* – пошла молва, *славы не ишу* – не ищу известности, но еще – не ищу чести, похвалы! *Во славу Родины* – в похвалу её, в честь.

То, что в "славе" присутствует честь, видно из того, что "тщеславие" означает любовь к тщетной, пустой славе – но почти то же значит "честолюбие", то есть "любовь к почестям".

А удалось *на славу* – не значит ли, что есть чем похвалиться, похвастаться? Отсюда и *славно* в значении хорошо ("вот и славно"), и *славный* в значении приятный, хороший, например, "славный малый", "славная дивчина".

Впрочем, прости меня, читатель, за эти пространные суесловия, во многом я не уверен, и значат ли *славяне* "*славный* народ" или – "люди *слова*" – не вем. Но славно и то и другое происхождение нашего имени.

В этой связи позволю себе небольшое замечание относительно происхождения слов *русский*, *россы* (великороссы, малороссы, белорусы), *Русь*, *Россия*. И я не знаю происхождения этих слов, как и другие не знают. Но если столь славным именем "*славяне*" назвал себя древний народ, разделившийся позже на сербов, словенцев, чехов, поляков, украинцев, белорусов и русских, и славно каждое имя, истоки которого нам ведомы, то странно было бы, что величайший среди народов мира, русский, назвался бы по имени безвестной речушки, или безвестной шайки бродяг, занесенных к нам из скандинавских озер и болот. А у нас даже личные имена – славные: Вера, Надежда, Любовь, Лада, Ярослав, Светлана, Владимир, Всеволод! Что ж бы мы сами себя не славно назвали? (Хотя почему истоки "*русского*" затерялись в памяти – и странно, и таинственно, и как будто имеет для нас предзнаменование.)

11. Искони бе слово.

Выше я говорил, будто отдельное слово не содержит высказывания, и поэтому знаменитое выражение, с которого начинается Евангелие от Иоанна "*Искони бе слово, и слово бе у Бога, и Бог бе слово!*", не содержит, хотя бы частично, ни в одном из слов, его составляющих.

Но пришла пора возразить и этому поспешному суждению.

"*Искони бе слово*" на современном русском языке звучит так: "В начале было слово".

"*Искони*" значит "изначально" и "всегда" (вспомните, например, "исконные русские земли"); "бе" – есть, существует, является; *слово* значит "слово", и та бесконечность значений, которые в нем содержатся.

Во-первых, *слово* – известие, рассказ, сообщение, весть, сказание: Слово о полку Игоревом; Слово о гибели земли русской; Слово о законе и благодати митрополита Иллариона.

Слово – речь, выступление, сообщение: *прошу слова* (разрешите сказать); *дайте ему слово*; *последнее слово подсудимого*...

Русская *словесность* – то есть литература.

Крылатые и меткие *слова* – краткие изречения.

Забывтые и редкие *слова*... – и вправду, увы, забывтые!

Присловье – присказка, изречение, поговорка, привычное для конкретного говорящего словосочетание, например "ёлки-моталки".

Суесловие, пословица, дословно (сравни "буквально"), *слово за слово, славословить, к слову, одним словом, без слов, словарь* (словник).

Злословие – порицание, хула, оговор.

Условности – нечто необязательное, временные правила, мода.

Словно – как будто, будто (держится так, *словно* он царь).

Прекословить – возражать, говорить вопреки.

Слово – еще и *право* в выражении "свобода слова", и *талант* – "дар слова", и *достижение* – "последнее слово науки", и самое главное, *обет* и *верность* в выражениях "дать слово", "не сдержат слово", "быть верным слову".

Слово – общественный уклад, то есть *сословие*.

Слово означает так же причину, обстоятельства, например, *условия* протекания химической реакции; в тяжелейших *условиях* крепчал талант автора данного исследования.

Безусловно – независимо; не требует доказательств.

А в греческом языке *слово* (λ ο γ ο σ) – это и слово, речь, понятие, учение, мысль, разум; а также *порядок*, который изначально, а не возник из *хаоса*; всеобщая закономерность, *закон* (по Гераклиту) и *духовное первоначало*, божественный разум (по Платону).

Таким образом "*Искони бе слово*" – "изначально существует *закон*" – значит, что "условия и источники существования мира прежде самого мира", то есть "λ ο γ ο σ изначально", а мир – его воплощение, и потому изначально и вечно, то есть безусловно, существует Слово, принадлежащее Богу, который и есть Слово.

12. Мир спасет красота Слова!

Если, как мы увидели, "нравственный закон внутри нас" выражается двумя словами-понятиями – Добро и Благо, которые в русском языке не просто стерпелись-слюбались, а воистину пошли навстречу друг другу, так что от достатка Добро поднялось до верховного главнокомандующего в борьбе со злом, а Благо не стало держаться своей непорочности, но включило в обиход добрые плоды земли под именем "земных благ", то не так же ли драматично описывает и выражает язык мир прекрасного?

Три важнейших слова к сему относятся – *великолепно, красиво, ладно...*

Лад – согласие, согласованность, гармония.

Предотвратить столкновение – *уладить* дело миром; исправить – *наладить* (то есть "отремонтировать"); *ладно* – хорошо, *неладно* – плохо.

Слов, происходящих из *лада* – море, но я занят не исследованием связи слов и языка в целом, а желанием понять, как дух и отношение русского человека к миру выражено в языке; как душа выражена в слове.

Достоевский говорит – *Мир спасет красота!* – а значит мир будет спасен гармонией, согласием, устроением.

"Знает только ночь глубокая, как *поладили* они..".

Лад – согласие... Но как ни переворачивай это слово, неотделимо оно от красоты.

Ладная дивчина – не значит ли *красивая?* (и "ладный хлопец"?)

Лад – это и музыкальный строй. (*Уклад* жизни – строй её.)

Складно – стройно, гармонично, соразмерно.

Размышляя о наиболее значимых словах, каждое из которых соединяет в себе множество понятий и их оттенков, чувствую иногда, что недостает мне некоторых важных сведений из филологии и языкознания. И все же, не спешу я обращаться к справочникам, словарям и своим ученым товарищам – разве русский язык не в такой же степени мое достояние, как и ученых филологов, разве мы *приобретаем* его, а не *получаем в наследство?*

Всё, что я знаю о своем родном языке, что я чувствую в нем, я уже знал и чувствовал чуть ли не в младенчестве (так и Сократ полагает, что мы не приобретаем познания, а лишь припоминаем забытое), и когда я читаю ученые рассуждения о том, как надо *правильно* говорить, я не спрашиваю себя, правильно ли говорю я – но, напротив, выясняю, правильно ли рассуждают они.

Итак, знание языка и знания о языке – интуитивны, воистину передаются они с молоком матери, а последующие рассуждения мои или ученых – вольные домыслы, только у ученых опираются они на традицию и авторитет, а у меня – на чувство вкуса, мою семью, деревню... и что-то еще неопределимое.. Так – Сальери *знал*, как надо сочинять музыку, Моцарт – *не знал*; однако о Сальери многие помнят только благодаря бессмертной драме Пушкина. (Я не отрицаю знания и

науку, но только не хочу, чтобы правила и образцы мне, слушающему музыку мира, диктовали *ученые шарлатаны*; равно как *неученых шарлатанов* избегаю я так же.)

"Но всё же, всё же, всё же...", как по другому поводу воскликнул великий Твардовский, многое в языке не с молоком матери, многое – из науки. Изучая химию, узнаем мы про средневековых *алхимиков*, и об их поисках философского камня; физиология знакомит нас со словом и понятием *рефлекс* и расширяет представление о *рефлектирующем* сознании; география обогащает нас *параллелями* и *меридианами*, *северными широтами* и *дрейфующими льдами*; геология... ну, и так далее... Да, не всё узнаём мы с рождением, кое-что приобретаем в школе (если не из приключенческих романов Вальтер Скотта, Майн Рида, Жюль Верна, Стивенсона и других!)

Ладно, заключим мирное соглашение, не будем спорить, каждому – своё! И все-таки, я счастлив, что до сих пор не могу принять слов *саммит*, *холдинг*, *эсклюзив*, *дистрибьютер* и *электорат*... счастлив, что даже "*молодежная фея*" вроде *торчать* и *приколоться* мне понятнее, чем "*черный пиар*", "*фьючерс*", "*фрончайзинг*", "*брифинг*" и "*траст*".

Обладая поразительным по мощи и выразительности наследием, не подверженным ни инфляции, ни девальвации, не ветшающим, не стареющим, и не обесценивающимся "в зависимости от моды и молвы" и внешних перемен, мы пренебрегаем им, портиим его, бросаем под ноги, сбиваем в коктейли, добавляя бочки словесного иноземного дегтя в чистейшие родники русской речи!

Обладая кладезями мудрости, заключенной не только в *изречениях* великих и безвестных, но и в жемчужных и самоцветных *россыпях отдельных слов*, обладая знаниями, вмещенными в слова, как роща содержится в горсти семян, знаниями большими, нежели все сочинения философов и даже Священное Писание, полученными нами в дар при рождении, не требующими для пользования ими ни поручительств, ни верительных грамот, мы не вслушиваемся в слово, нагромождая поспешные и непродуманные сочетания их, в которых будто бы заключено "*сообщение*"; слитное и магическое знание, которое сосредоточивается в слове как золотиносный песок оседает на дне ручья, мы отвергли во имя "*информации*", в которой смысла не более, чем в случайных завываниях ветра.

"Сегодня на ..-ской улице автомобиль обрызгал прохожего восточнее озера Мичиган, глубина которого..." – это "*информация*", заполняющая страницы газет, журналов, теле и радиопередач – шум уличной толпы.

Свободы сеятель пустынный..

Наедине с тобою, брат..

Очи держи долу, а душу – горе!

Оттина Пустынь.. Замоскворечье.. Неглинная..

У Лукоморья дуб зеленый..

Я, мать Божия, ныне с молитвою..

Изречение, в котором выражено *магическое знание*, не сообщает и не "информирует", оно – очаровывает, повелевает, преобразует душу и мир, воздействует на нас как заклинание, и камни падают вверх, и папоротник расцветает!

Братья! – пытаюсь я сказать. – Я, как и вы, не помню ни очертаний ни протяженности озера Мичиган, не смогу перечислить всех названий звезд в созвездии Кассиопеи и пока еще не знаю доказательства теоремы Ферма – но мои познания безграничны (как и ваши!), потому что во мне живет совершеннейший в мире язык, слова которого удивительны, в них содержатся начала и концы и ответы на все вопросы трагического бытия, и *Откуда есть пошла русская земля*, и *Камо грядеши?*, и *Кто виноват*, и *Что делать?*

Многие из нас родились в бедных семьях, нужда нас мучила и угнетала, так тянулись наши души к *добру*, а мы начали, когда настал наш час, складывать "добро" в сундуки как складывал его скупой рыцарь – червонцы, дукаты, мерседесы и хрусталь, дача в Невдубстрое и на улице Пролетарской Диктатуры – но никак не удавалось собрать столько добра, чтобы хватило всем "членам семьи", а после "контрольного выстрела" хоть что-нибудь осталось и любовнице – а ведь судьба давала нам возможность расточительства, но мы не спохватились...

"Будьте милосердны, утешайте несчастных, расточайте добро безоглядно, ибо чем больше его расточите, тем больше его соберется в душе!"

Среди алмазов и изумрудов живем, владеем сокровищами, а видеть их не желаем.

Вот мы в вагоне переполненной электрички путешествуем из Петербурга в Москву, и спешим стать несчастными – жестко сидеть, дует из окна, дребезжит вагон.

А мимо проплывает Берендеево царство.

Только вырвались мы из Кощеева плена, миновали Металлострой – улыбнулась Ижора; перешагнули Соколов ручей, перебрали Болотницкую, обняла нас Любань, а затем уже чудеса не оставляют – Чудово и Волхов, Дубцы и Гряды, и Малая Вишера! А затем Красненька, Мстинский Мост, Веребье и Оксочи, Боровенька и Заозерье.

Не хотите ли заехать ко мне на обед? Как проедете Вязники, сверните с большака, и мимо Соинского, Перелог и Волковиц доезжайте до Мсты, а там, на высоком берегу, и мой дом!

Всё в языке, в его словах, поелику в них – душа народа, преданья старины и правила добра!

Речения могут быть заносчивыми как *"шапками закидаем"*; преувеличенными, будто *"и дым отечества нам сладок и приятен"*; язвительными – *"не по Сеньке шапка"* и *"не в свои сани не садись"*; и обличительными *"молодец на овец, а на молодца.."* – но только **слово** соединяет через бездну и низкий и высокий берег и стоит над суетным и частным, вмещая всё!

Надо ли для подтверждения новой *Погибели земли русской*, нового

нашествия Батяя и Мамаева разорения раскрывать Маркса и сводки ЦСУ, спорить о цифрах убитых и замученных, перечитывать программы РСДРП, ВКПБ и КПСС, раскрывать анналы и архивы КГБ?

Нет!

Всяк русский на нашей земле, коему от роду хотя бы три года, уже поймет и узнает, что делать и кто виноват, и было ли нашествие нечисти на русскую землю, моровая язва, или сон золотой о царстве добра и справедливости – из одного только русского языка.

Мы – не Иваны, не помнящие родства, но почти всё окаянное столетие искореняло в нас память, переиначивало имена!

Однажды Настенька, в четыре года, разрыдалась, и на расспросы сквозь безутешные всхлипывания сказала горько – *Бабушка меня Настей назвала, а не Настенькой, она на меня, видно, сердится или уже не любит?*

О, дитя Божье! В твоём чутье к слову – корень и объяснение всего.

Как только завоевала нас нечисть в 17-ом году, начала она заменять наши родовые имена, русский народ заменила на советский, Россию на СССР, Петроград, Нижний Новгород, Вятка, Тверь и Царицын поделались Ленинградом, Горьким, Кировым, Калининым и Сталинградом, а позже и Набережные Челны, и Рыбинск, и Кострома получили клички Брежнева, Устинова и Черненко, древний городок Романов-Борисоглебск стал Тугаевым в честь татарина, зарезанного на высоком волжском берегу в пьяной драке, а святыня земли русской, Сергиев Посад, названный в честь святителя Сергия Радонежского, поименовался Загорском в увековеченье чекиста Загорского, родом из печенегов или обров, лютовавшего на русской земле.

Все изменники, все предатели, все вороги и супостаты оставляли отметины, был и Троцк, и Зиновьевск, и Ворошиловград, все еще Калининград торчит занозой (а не будет добра, помяните мое слово, пока полицаев и перевертышей начисто не выметем ото всех мест.)

Язык мстит не только завоевателям, он мстит и детям потерпевших поражение отцов.

Была ли прекрасна Россия, была ли таинственной, сказочной и святой Русь?

Достаточно вслушаться в имена, их сотворить мог только великий народ с возвышенной душой!

Царское Село, Святые Горы, Михайловское, Тригорское, Тарханы, Спасское-Лутовиново, Ясная Поляна.

Если вернемся к языку русскому – *воскреснем*, отстроим порушенные храмы и поместья, расчистим сады и парки, зашумят вновь боры с перелесками, пролягут мягкие проселки, зацветет гречиха и трава встанет в рост на заливных лугах, в омутах и заводах заплещет стерлядь, схлынут искусственные моря над древними городами (или нам морей не хватает?), осушенные болота увлажнятся вновь (или нам полей не хватает? Удобья зарастают березняком и ольхой, а неудобья нечистая сила прорезала канавами и траншеями!), колокольни взметнутся над холмами вдоль

большаков, дворцы и парки восстановим в предместьях городов, Красную площадь и Кремль восстановим в древних городах русских – о, плакали ли вы о погибели земли русской, когда стальной гвоздь вбивали в сердце России в самом центре Московского Кремля под именем Дворца Съездов? Когда стальной плуг раздирал лицо Москвы под именем Калининского проспекта, когда ночлежный дом построили на месте Зарядья?... а я искал по Москве островки безопасности.. строения и слова были так слитны! Исчезало древнее зодчество – исчезали и слова-имена. С Неглинной пробирался я на Патриаршие Пруды, прятался в Охотном Ряду, скрывался в Новодевичьем монастыре, и с Казанского вокзала, через Тверскую-Ямскую, кружным путем, добирался до седого Байкала, до которого добирался мой знаменитый пращур.

О, Русская Земля, ты уже за шеломяном еси! – восклицаю я вместе с сказителем "Слова о Полку Игореве", но еще не потерял надежду сорвать ополчение и отвоевать Русь у врагов!

Не безобидны даже имена, данные будто бы в возвеличение гениев, мстят они лицемерным переименователям, но мстят и нам, неповинным.

"Отечество нам – Царское Село!" – восклицал чистосердечный Пушкин, и вот будто бы в возвеличение его памяти (будто бы стихи его и драмы, повести и поэмы недостаточно его возвеличили) Царское Село превратилось в город Пушкин, а *Святые Горы* стали *Пушгорам* (да не стал ли и Святогорский монастырь Пушгорским?), и Пушкина до обра низвели, ибо обр поганый под созвучным именем Загорска занимал собою Троице-Сергиев Посад.

Вот так же Волгоград на месте Сталинграда – не возвращение к истокам, а петляние по буеракам, истоки ведь в Царицыне, в речке Царице, на берегу которой и вырос город – но нет, *Иваны непомнящие родства* подменяют исконное русское имя псевдорусским наименованием. Но ведь среди имен городов русских, начиная с Киева, один только *Новгород* – Новгород, и потом еще Нижний Новгород, а остальные *Ярославль*, *Кострома*, *Старая Ладога*, *Москва*, *Суздаль*, *Владимир*, *Астрахань*, *Красноярск*, *Тверь*, *Углич*, *Пенза*, *Саратов*, *Воронеж*, *Смоленск*, *Вятка*, *Вологда* – за каждым именем – тайна, загадка, история и откровение; но не то Зальцбург и Питсбург, Гамбург, Петербург и Екатеринбург – и перевод на русский язык немецкой традиции в советское время не делал русскими бесчисленные *грады*, заменившие наименования старинных городов.

Перестанем кружить, и вернемся в Царицын, как вернулись в Великий Новгород, вернемся и в Царское Село, и в Святогорский монастырь, вернемся и в Териоки вместо *Зеленогорска* (а где там горы?), как и в Гатчину, и в Ораниенбаум вернулись, вернемся в Екатеринодар и в Кёнигсберг, вернемся в прошлое, а тогда появится и будущее! (Даже у Кёнигсберга и Восточной Пруссии оно станет живым, и не отринет Россию; цепляясь же за большевистское вчера, мы похороним всякую надежду на завтра).

Начни я всерьез научное исследование об отношении русской души к тем сторонам мироздания, которые известны в философии под именами этического, эстетического и логического (и не сходное ли с отношением древних эллинов?) – придется мне раскрыть Платона и Аристотеля, Канта и Гегеля, Беркли и Юма, Ньютона и Лейбница, которых я и сам почти позабыл, а иных еще не читал.

А как же тогда читатель мой, мой великий народ, который вместе с Есениным даже Маркса "ни при какой погоде не прочитал"?

Будет ли он вместе со мною пытаться *припомнить* Истину, которую мы уже имели, еще до того как раскрыли Аристотеля, даже до того как раскрыли букварь и научились читать? Которая с нами пребывает неотступно, если только говорим мы и думаем по-русски, а не на грачином языке новой русской интеллигенции, такой же русской, как и "новые русские"?

Мы уже вспомнили, что *прекрасное* имеет множество лиц и имен – и *лад*, передающий *согласованность*, правильное устройство телесного мира, и *красота*, как многоцветность и красочность, важные в живописи, росписи внутри и снаружи, и *великолепие*, преимущественно связанное с отделкой, лепкой, и убранством помещений.

И хотя может быть *неладным* устройство, *некрасивым* и *некрасочным* портрет и образ, *неудачной* и *неуклюжей* лепка, но можно бы подумать, что удача и неудача в эстетике не связана с логической правильностью или неправильностью, или с нравственной принадлежностью к Добру или Злу, и долго надо было бы рассуждать, есть ли общее в Красоте, Благе и Истине, если бы язык русский не решил этого уже раньше, и нам достаточно принять этот бесценный дар и разумно им пользоваться.

Математики давно уже заметили, что тяжеловесное, неуклюжее решение какой-либо задачи, как правило, неверно; зодчие и строители убедились, что *некрасивые сооружения недолговечны* (и слава Богу, что так, что до только запастись терпением, и коммунистическое наследие рухнет само собою!) – но осмеливались ли мы определенно заявить, что Истина, Благо и Красота – едины?

Если великолепие – одно из имен прекрасного, то разве *благолепие* не означает "добрая красота"? А следовательно, прекрасное и благое не делимы несоединимо?

Само мироздание, как творение Божие, должно быть прекрасным, благим и истинным (то есть правильным, верным, безошибочным), но мы уже знаем, что зло распространилось как сырость в дождливую погоду и пропитало собою наши мечты, поступки и сны. Некрасивы жилища, строения; окрестности и дворы; заблуждения и ложные мнения неотвязны от нас в повседневных разговорах, при чтении газет и у экрана телевизора. Я, как и вы, не знаю причин падения, и даже благого совета дать не могу, потому что и сам не нашел спасения.

Но при всех потерях и разочарованиях, даже если стану я нищ и наг, душа моя будет защищена покровом культуры, и нежное, тонкое,

трепетное, одухотворенное, точное и широкое как океан русское слово останется со мною, и в нем я буду искать спасение. Более этого я сказать не сумею, не призываю вас в школу, ни даже в храм, ни в театр, ни в "воспитание чувств" – дышите магией слова, в котором выражена общность верного (т.е. истинного), доброго и красивого.

Дух предстает нам тройко – как этическое, эстетическое и логическое, и вот *благоление* относится к эстетике, *нелепость* – к логике, а *неладное* обозначает нечто темное и опасное, нехорошее и злое.

Всё, что в высшей степени некрасиво, отталкивающе, называем мы безобразным, то есть безобразным, не имеющим образа, *личности* – вот только возле этого слова можно остановиться в удивлении надолго.

Лик, лицо, личность, личина...

Лик – образ, преимущественно иконописный, инобытие личности, не фотография ее, не портрет, отображающий действительного человека, а словно бы некая эманация того, кто прежде жил, достиг святости и утончился, воспарил, растворился в небесном хоре; лик – инобытие, мистическое продолжение святого, как и его мощи.

Но – подчеркиваю – *личное* в *лике* уже не существует.

Лики святых – не относятся к здешней, земной жизни, в крайнем случае, преувеличивая черты ушедшего от мира, мы говорим о ликах подвижников, монахов и монахинь, однако обычно это говорится так: «почти иконописный лик!»

Важно еще подчеркнуть, что в живописном смысле изображение лика принципиально отличается от портретного изображения (как подробно об этом повествует Флоренский в своем Иконостасе).

Верное и неверное противостоят как Правда и Ложь, ибо верное – правильно и правдиво, неверное – обманно и лживо, но Правда – это и истина и справедливость, а Ложь – не только заблуждение, но злонамеренное искажение истины!

Если дьявол не относится к основаниям мира, то и причиной зла он не может являться.

Но в разысканиях своих я исхожу из языка русского, потому и вернусь к нему, и буду русское слово ставить в основание вывода.

Итак, сатана – слово древнееврейское, дьявол – латинское, в русский язык они пришли вместе с христианством. Но существовали ли уже у славян и русских слова для обозначения того, что противостоит доброму и благому?

Черт? Леший, ведьма?

Нечистая сила. "Нечистый попутал" означало, что черт (или бес) сбил с толку. Нечистая же сила скорее всего была метафорическим наименованием христианского дьявола.

Но действительно ли христианского дьявола? Ведь Люцифер, Мефистофель, Сатана – при всей их злокозненности – величественны, и как бы то ни было, дьявол – *князь мира сего*. (Правда, мы в России сталкивались уже и не с величественными князьями, правил нами и

рябой тиран, и самонадеянный кукурузник, и напыщенный "*бровеносец в потемках*", и туповатый пропойца – отчего бы и сатане не быть им подобным? Но ведь Змий, искусивший Еву, не только премудр, но и оболстителен! Мог ли кто-нибудь из наших русских "князей" последнего времени *оболстить* женщину?! Да, непохоже, чтобы Мефистофель был *нечистой силой*. Тем паче, что в русском восприятии *Нечистый* не только недобрый, не разборчивый в средствах, но и безобразный – таков в моем романе Начальник тьмы, противостоящий и Богу, и Дьяволу. В русском сознании Прекрасное и Доброе – едины, и противоположность им – именно *Нечистая Сила*, стремящаяся унижить не только добро, но и красоту. Вот откуда корни заклинания Достоевского "Мир спасет красота!", ибо *Нечистой силе* именно Красота противостоит в наибольшей степени.

13. Источник истины.

Закончить свои вольные рассуждения о русском слове попытаюсь следующим обращением к читателям.

Когда-то Сократ призывал своих слушателей рассуждать и мыслить, и не бояться упреков в незнании, ибо сам он, мудрейший из всех, тем только отличается от неразумных, что они еще думают, что что-нибудь знают, а он уже узнал, что не знает еще ничего; так и я, подобно Сократу, призываю своих читателей стать мудрейшими из всех, увидеть и узнать, что знают они уже гораздо больше Сократа, ибо почти всё уже знают, ибо почти всё знание мира заключено не в высказываниях, а в словах языка, на котором они думают и говорят. Даже и ученые, которых они боятся (и я тоже), доказали уже, что к пяти годам ребенок приобретает девяносто девять сотых всех тех знаний, которые он приобретает в течение жизни, следовательно, если бы даже он потом ничему не учился, всего лишь на сотую (то есть почти неувовимо) отличался бы он от самых высокоученых своих учителей (и от меня тем более).

Поэтому, даже о сложных понятиях иногда разговариваю я с Настенькой, например, о понятии *Предела* и *Святой Троице*, и затруднений в наших разговорах почти не возникает (это "почти" происходит от того, что помимо новых знаний, приобретаемых мною в течение последующей после детства жизни, многое я и растерял, и иногда чувствую себя в разговоре с ребенком круглым невеждой – на свою сотую новых знаний половину из прежнего я уже позабыл).

Но пора поставить точку, другие мыслят и говорят при помощи тех же слов, что и я, и сами смогут рассудить о других словах: и "кому *повем* печали моя?" – о словах *весть* – *невесть* – *невеста* – *ведать* – *неведомо* – *ведовство* – *проведасть*...; и о "правилах *добра*" – о заключенном в словах и строе русского языка понятии о добре и зле и благоустройстве мира и человека и земли русской.

[Только еще раз замечу, что не из Нового Завета, тем более не из Ветхого приобретает русский человек наставление, знание, понимание и потребность в любви к Роду, *родным*, в жалости и сострадании, в

милости и милосердии даже к оступившимся, в прощении, покаянии, потребность в устроении царства Добра, Истины, Красоты и Справедливости – Библия жестче, суше славянских семейных, родовых и общинных взаимоотношений, и из неё можно было научиться сжигать Содом и Гоморру и *ненавидеть*, а любить и жалеть – из *родного* величайшего из всех на земле языка! Только весть о Воскресении принесена нам Новым Заветом, и она дополнила и подняла на небо наши собственные правила Добра, потому для нас Христианство – вера не столько в поучения Христа, сколько в Его Воскресение, вместе с нашими собственными представлениями о *праведной* жизни как заботе о семье и Родине].

И что нечему нам в нравственном отношении было учиться ни у эллинов, ни у иудеев, показывает и то, что после убийства Бориса и Глеба летописец воскликнул – *такого еще не бывало на святой Руси!*

Само слово, обозначающее убийство родича – *окаянство* – возникло тогда в языке впервые, и Святополка назвали *окаанным* (хотя и не отняли родовое имя, надеясь еще на *раскаянье*.)]

Еще рассуди, читатель, о словах *право*, правый (согласный с истиной), справа (одесную), направлять, управлять, правитель, справедливость, праведник, правда... а мне пора уже завершать эту книгу...

Истина и лож поверяются делами. Но и словом поверяются тоже, а иногда несомненное, потому что дело еще можно по разному истолковывать, а хамское слово хоть в алмазы обряди, не засияет.

Эпоха большевистского царствования была и подлой, и пошлой – и застывшие в камни слова, от самых помпезных дворцов культуры, до последних фабричных построек были уродливы; и книги были тоскливы, и повседневная речь представляла из себя бесконечные "вариации на тему" трехсловных речений – но надо ли спорить об *истине победившего социализма*? Достаточно послушать речь "*победителей*".

Оставим в стороне *изречения*, а послушаем *слова*, привнесенные новой эпохой – ГЭПЭУ, ЦЭСЭУ, ПАРТ и ХОЗАКТИВ, КАГЭБЭ, ВЭКАПЭБЭ, Райком, Партком, Домком, Замком (по морде), сексот, колхоз, Райснабсбыт, Пластмасстрест... словно входит неряшливая толстая баба.. или мужик в разодранной рубахе.. – неужели еще сто́ит слушать защитников этой неприглядной эпохи?

А новое ельцинское время? Все рупоры СМИ можно охарактеризовать двумя словами точно и исчерпывающе – прорвало канализацию!

Наступила эпоха растления, поэтому унизительно вступать в прения, надо надевать бронезилет и противогаз, и запастись патронами.

Как чудно звучат – *стреха, скворешник, невеста, горицвет, лиственница, опушка, накануне, плетень!*

Как чудно звучат тысячи других слов из самых разнообразных областей яви и сна, хозяйственной деятельности и праздного любования... но не стану ли я теперь разделять слова по звучанию, и низкие отделять от высоких, заменяя насморк на "телесное недомогание"?

Звучат одинаково хорошо все струны в гитаре, и все ноты в сонате, и дело не в выборе слов, а в их необходимом и согласном соединении.

Я только пытался призвать к восхищению слушателя, и вместе порадоваться, как много в русской речи и смысла и звучания, красоты и откровения. Но все слова уместны, когда они подходят друг другу как венцы в деревянном срубе.

Кроме сего, я пытался возразить тем неумеренным христианам, которые Откровение противопоставляли нашему Прошлому и Памяти народа. И мы не сидели на деревьях, и у нас было понимание добра и зла, красоты и безобразия, истины и лжи, и Христос, как и обещал, лишь *подтвердил* и наш закон – или наш Закон был ниже иудейского?!

Но не бросаю я камень в наследие русской православной культуры – куда же мне без золотых куполов?

Вот и гадаю я – *что есть, что было, что будет? Чем сердце успокоится?* – Сердце должно успокоиться пониманием.

Все, кто сеет красоту и добро, пожнут любовь.

Языческое значит народное, ибо *языки* – народы. Христианство отменило земные народные верования во имя небесного единения, но земное проросло сквозь небесное, и можем ли мы теперь отделить одно от другого? Не будем же возвращаться к старой вражде. Семейное и родовое скрепляет нашу земную жизнь, созидает основание и строение русского храма, монашеское братство – семья небесная, знаменует собою его купол. Вспоминаю я Псково-Печерскую Лавру, и дух захватывает даже в воспоминании; не будем же разделяться, и пусть всяк по своему верует, но только любит Россию, и любит ее Слово, которое было искони, и которое и есть Бог!

"Дьявол с Богом борются, а поле битвы – сердца людей!" – утверждает Достоевский.

Но за что же они борются? Что именно предлагает людям Бог, к чему Он их призывает, в чём убеждает, а в чём – "враг рода человеческого"?

Можно ли сказать, что цель и проповедь христианства состоит в том, чтобы человек стремился стать добрым и поступать по доброму, и этого достаточно для его *спасения*? Ибо делятся люди прежде всего на добрых и злых, и *творящие добро* – *праведники*, а *творящие зло* – *грешники*. И тогда очевидно, что "погибающие во тьме" язычники вовсе не погибли во тьме, и среди них были как добрые, так и злые, и не меньше добрых, чем у христиан, и создавали они великие культуры, как, например, культура *античности*, которую дикие и невежественные христиане разрушили "до основанья" (как потом разрушили русскую культуру их последователи большевики); среди них были господа и рабы, и иные из господ были добродетельны и заботились о своих рабах, а то и на волю отпускали, еще и до апостола Павла, который хотя и сказал, что кто облечется в Христа, тот не имеет в себе ни эллина, ни иудея, *ни раба, ни господина*... но далее, проповедуя *должное*, призвал: жены, повинуйтесь

мужьям своим.. дети, будьте послушны родителям вашим... *рабы, во всем повинуйтесь господам вашим по плоти, не в глазах только служа им, как человекоугодники, но в простоте сердца, боясь Бога...*

Благодаря ли христианству совершилось освобождение человека?

Но обратимся к русскому языку, который ведь и до крещения Руси содержал в себе слова для обозначения того, как надо поступать, и как не надо, что хорошо, и что плохо. И вот оказывается, что есть и более глубинное, более важное (как в языке удостоверяется) деление (помимо добрых и злых) – на *честных* и *бесчестных*!

Когда жених выбирает себе жену, в мечтах своих желает он, чтобы была она *красивой*; мать своей дочери поет в колыбельной "не родись красивой, а родись *счастливой*"; крестьянин ищет сыну невесту *трудолюбивую*; дети от матери ждут *любви*; домочадцы – *доброты*; но в чем же клянется, и что обещает невеста, идя под венец? Обещает она быть *честной* женой – а тогда прочее всё – приложится, будут в доме красота и любовь, добро и благоденствие.

Честный человек – вот языческий идеал, и не победило христианство этот идеал даже за две тысячи лет, и европейская история и культура *бесчестье* почитала за самое большое падение, а *честность* – за наибольшую добродетель.

Романтический русский девятнадцатый век наполнен дуэлями, и то, что два величайших наших поэта погибли, как *невольники чести* – наполняет меня величайшей гордостью за народ русский.

Честь близка еще к славе и уважению – *чувствовать, оказать почести, быть в чести*.

Православный язык изобрел подобие честности – *благочестие*.

Но достаточно минимального чутья к слову, чтобы почувствовать разницу этих двух понятий, как между смолистым запахом соснового бора и запахом елейного масла.

Не ее ли имел в виду Пушкин, когда писал –

Благочестивая жена

Душою мужу предана.

А грешной плотию –

Архимандриту Фотию!

Береги платье снову, а честь смолоду! – этого достаточно для царствия Божия!

14. Дух и душа.

Нет, не расстаться мне с *Словом*; и хотя обнять даже самое важное – всей жизни не хватит, задержусь еще на пороге, переведу *дыхание*.

А, кстати, и не самое ли важное слово во всем языке – *дыхание*?

Какое *изначальное* слово для этой бесценной россыпи слов, обнимающих собою и землю и небо и космос, я не знаю (жаль, нет словаря, так за сорок лет мечтаний о словаре Даля не удалось мне скопить на него); но призовем на помощь "безотчетное знание".

"*Всякое дыхание да славит Господа!*", сказано в Священном Писании, посему "*дыхание*" означает не только привычное действие, дарующее нам жизнь, но и саму жизнь, и то существо, которое умеет и может еще *дышать* (возможно, и растение даже? Тоже ведь дышат?!)

Дышим мы воздухом; *дух*, вероятно, родствен *воздуху*, а *душа* — глаголу *дышать*.

Глагол *дуть* и существительное *дуновение* скорее всего из этой же группы слов.

Но *дух* означает не только то, что *вдыхается* (Господь после сотворения человека *вдохнул* в него *душу*), — но и *запах*, аромат... Мы говорим: такой *дух* идет от поля и луга, от нагретой солнцем земли, что можно заплакать от счастья! Румяное яблоко называется *душистым*, "*духмяным*", а саму квинтэссенцию запаха называем мы *духами*.

Что же означает слово *дух*? (Духовной жаждою томим... И Дух Святой носился над водами...)

Видимо, это тонкая субстанция, подобная воздуху по невидимости, прозрачности, почти бесплотности, подобная и *дуновению*, ветру — она, как и воздух, проникает человека и растворяется в нем.

Бесплотные надмирные силы — тоже *Духи*, *Духи* Добра и Зла, вот у Лермонтова "*Дух отрицанья, Дух сомненья...*"

Почти то же, по происхождению, обозначает и *душа* — но если *духовное* означает возвышенное, и отчасти независимое от человека, пронизывающее нас как мировой эфир, то *душевное* — исходящее из души, которая и есть подлинное Я человека. *Душевный человек* — участливый, добрый; *задушевная беседа* — среди самых близких, когда общаются души, и говорят о важном, не суетном...

Но производных слов от *дыхания* — бесконечно. И *душно*, *духота* ("не спится, няня, мне так душно..."), и *вдох*, и *выдох*, *дышать*, *вдохнуть*, *вздохнуть*, *задохнуться*, *задушить*, *отдых*, *передохнуть*, *сддохнуть*, *надышаться*, *отдышаться*, ударить под *дых*, *отдохновение*..

И, наконец, то, что дорого каждому творящему, и что он призывает как возлюбленную жаждущий любовник — *Вдохновение*, то есть подъем жизненных сил, высший уровень таланта, наполненность Духом. (А человека, постоянно пребывающего в состоянии вдохновения, для которого оно естественно, мы называем *гением* — то есть, в переводе с латыни, *духом*).

Служители церкви — *духовенство*, исповедник — *духовник*, откровенно все рассказать — говорить как *на духу*, то есть как на исповеди..

Воздушный означает легкий, и из всего вещественного, матерьяльного воздух — почти бесплотен, почти невеществен, но, тем не менее, по происхождению, *дух* не означает субстанцию хотя и легкую, "воздушную" — нет, *дух* происходит от "дуновения", да и "воздух", вероятно, тоже, он тоже обнаруживается, замечается лишь в дуновении и дыхании, то есть в движении.

Вдохновение, следовательно, это не только пребывание в духе, наполненность духом, но и "дуновение духа".

Важнейшие в христианстве понятия, с которыми связано отношение к Священному Писанию, это *Боговдохновенность* и *Богодухновенность*, спорили о них христиане много веков, и возобладало убеждение тех, кто настаивал на *Богодухновенности* Священного Писания – не потому, что они оказались убедительнее, а потому что противников своих они разметали по ветру (по воздуху) – иных сожгли, иных сослали в отдаленные земли.

Если текст *Боговдохновенен*, то автор за него ответствен, ибо сам его писал, хотя и в состоянии Божественного Вдохновения; но тогда о тексте можно и размышлять и спорить!

Так, Евклид написал "Начала" очевидно по *вдохновению*, но не сделали из его Геометрии Библию, и имеем мы зато и Ньютоновы Начала, и даже "собственных Невтонов рождает земля Российская!".

Ну и, как смутьян и отщепенец, естественно я сторонник Богодухновенности Священного Писания, зато нет у меня тех "затруднений философа-христианина", которые мучили Флоровского, или тех "затруднений астронома-христианина", которые были у Коперника, Галилея, Джордано Бруно и, возможно, у их христианских гонителей.

Хотел я закончить, тем не менее, не раздором в языке (мало нам противостояний в чувствах, побуждениях и поступках?), но призывом поставить "вкус" в основание истины, а посему "облечься в язык", как облачается в воинские доспехи рыцарь, и берет в руки копье или меч, чтобы защитить праведное и поразить неправедное, как каменщик берет в руки мастерок и камень, чтобы строить, как живописец берет кисть, и пахарь берется за плуг, чтобы возделывать землю – ибо весь мир – это Божий Храм! Но зачитался такого глубокого и искусного христианина, как священник Павел Флоренский (как зачитывался когда-то искуснейшим и виртуознейшим экономистом и философом Марксом, неопровержимым во всех своих послылках и выводах, и однако послужившим погибели России), и грустно и горько мне стало.

Только поэт обнимает собою мир – ибо он неведущ как дитя, и дерзновенен как влюбленный, и не знает границы творчества. Одержимый Истиной *через Чур* прав, истина укладывается всеми своими частицами в его представлении мира так же точно, как укладываются кусочки в детской головоломке – но именно поэтому он не прав, исчезает в его мире свобода! Что же делать поэту, для которого мир – Божий храм, а матерьял для постройки – слово? – надо ли следовать правилам и ограничениям? Надо ли следовать правилам добродетели, хотя бы и данным в посланиях апостола Павла?

Поэт и прав и не прав одновременно, и ему легко возразить, потому что он обнимает собою весь мир.

Ей, ей, слово и душа неразделимы, не возрастет душа вне слова, одним бытованием, и словно дождь сухую землю, увлажняет нас всякое слово – и то, что сказано тихо, как утренняя заря; и то, что сказано ярко, как блещет свет молнии, и то, что сказано громко, подобно грому!]

Проповедующий Откровение – словно меч Божий, истина его неопровержима.

Мир хижинам, война дворцам; легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в царствие небесное; не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви; Бога никто никогда не видел, только если мы любим друг друга, Он в нас пребывает...

Пока эти слова – поэзия, а не наставление к действию, они нас поднимают. Но стоит затвердить их как Устав караульной службы, и любовь станет обузой, и Бог из мира уйдет, и хижины запылают.

Слишком широко предназначение человека, чтобы вместить его в самую высокую проповедь, и язычество, с которым воюют христиане от апостола Павла до Павла Флоренского, от невежественного в науках до искусного математика, вмещало в себя и эллинское ваянье и Млечный Путь, и химию, и алхимию, и светскую живопись, и рынок и театр, и философию природы, и *дольней лозы прозябанье*, и свидания при томительном свете луны, серебром, а не только иконным золотом заливающей очарованную душу влюбленного – а человек вмещает в себя и язычество и христианство.

Не обнимались отцы Церкви с *чарующими*, и проповедь их односторонняя. Не рожали отцы Истины своих *детей*, и проповедь их односторонняя. Забыли дети Сына Божия о своих *матерях*, и проповедь их односторонняя. Глухи и слепы они к Культуре и Родине (и до сего дня), и проповедь их односторонняя.

Только *нерадивый в Вере* поймет меня и вместит: следовательно, не собравший все улики к моему осуждению; судья, не поставивший каждое лыко мне в строку; стражник, не плотно закрывший окна и двери одиночной камеры; философ, не изгнавший из учения о мире всех противоречий; конвойная команда, не спешащая в утро моей казни; даже палач, поленившийся зарядить ружье... К ним и обращаю я нерадивую Песнь своей будущей книги. Потерпите еще немного, чувствую, что скоро уже научусь разговаривать, скоро уже и я стану вам интересен.

Потому еще и надеюсь я на русский народ, что он нерадив в своей Вере; потому еще и надеюсь я на русский язык, что он всеобъемлющ – и точен, как геометр, и *расхристан* как пьяница; и мудр, как змея, и простодушен как *детский лепет*; и нежен и суров, и правдив и лукав, и скрытен и откровенен; в нем открывается мне та бездна, в которой *"звездам числа нет, бездне – дна..."*.

Все сие я мог бы вам показать, только уделите мне хоть немного тепла и внимания – слишком уж заморозила меня современность..

Простите меня за самонадеянность, простите за невежество, простите, что так горяч и несдержан. Многому я еще смогу научиться, только не разлюблю этот мир, и не стану к нему равнодушен. Невмочь мне *жить, аки умереть*, и потому не скоро мне еще до царствия Божия.

=====

ЧЕЛОВЕК КАК ОБРАЗ МИРА И БОГА

КРИТИКА ДОГМАТИЧЕСКОЙ ВЕРЫ

Доколе Я в мире, Я свет миру.

Ев. От Иоанна

ВВЕДЕНИЕ

ОПРАВДАНИЕ СОМНЕНИЙ

1.

Когда я вырасту, я сделаю так, чтобы всем стало хорошо, – говорил я в детстве своим родным. Я не забывал свое обещание и, наконец, уверовал всерьез, что мне определено *великое будущее*, что я *призван* спасти русский народ.

Усомнился в своем *призвании* в первый раз я в тридцать лет, когда находился в заточении; "но если я обманулся, если сделать я ничего не смогу, то стоит ли жить?" – спросил я себя в отчаянии.

Потом, в тридцать один год, я вышел на свободу, потом, в тридцать три, в "возрасте Христа", зажил благополучной жизнью, ничто не предвещало великого будущего, и я то впадал в отчаяние, разуверываясь в своем предназначении, то вновь начинал в него верить.

Потом пала коммунистическая диктатура, я неудачно пытался заняться политикой, писал стихи и рассказы, издавал книги, разорился, пишу уже пять лет Металогоику – но *сомнение* в том, что я *призван*, пропитало уже меня как сырость.

Страницы первых двух книг и почти написанной третьей заполнены горестными мольбами к Господу дать мне талант, "раскалить мое слово", чтобы я мог прожигать им сердца и быть убедительным. При этом само собой разумелось, что истину я знаю, но только неразумные мои соплеменники не хотят мне внимать.

И вот, наконец, отчаялся я и в знании истины, и стал уже подумывать, не бросить ли напрасное писание, не сжечь ли написанное, и не искать ли тихой обители, в которой я мог бы найти покой, занимаясь, например, математикой.

"Слово мое не раскалится! – сначала говорил я себе, – и никто меня не услышит".

"Да и сам я не лучше других", – стал говорить я позднее...

И вдруг по иному предстало мне отношение *таланта* и *понимания*, и в глубине разочарования засветилась надежда.

Да о силе ли *красноречия* надо заботиться, а не о высоте и полноте *понимания*? Когда пойму больше других, когда воистину станет что сказать читателям, тогда и им меня интересно будет услышать!

Но, разумеется, о том, как достигается *понимание*, по-прежнему мне известно не более, чем как раскаляется *слово*.

Конечно, человечество давно знает, в чем Истина, и большинство уже этой истиной обладает – одни ее нашли в Коране, другие в Талмуде, третьи в Священном Писании; или в Капитале Маркса, в творениях Спенсера, Фрейда, в Теории Относительности, в учебниках зоологии, физики, арифметики; в объятиях красотки, под властью плетки, в благополучии, успехе, почестях толпы... или, даже, на дне стакана...

Но меня, почему-то, никак не удовлетворяла Истина, изложенная в известных философских и религиозных системах, или растворенная в обыденной жизни. Я чувствовал в них или фальшь, или односторонность.

Что же меня не устраивало в мире и истинах мира?

Часто говорят, что *мир – театр, а жизнь – игра*.

Меня не устраивала прежде всего пьеса, которая разыгрывалась на подмостках мира; часто не устраивали и актеры.

Если душа религиозного учения содержится в тексте, изложенном в Книге, то *телом* учения являются Церковь, Партия или государственная машина.

Но Церковь и Партия – такой же театр, как мир, учение излагается в этом театре *мистериально*, публика не только представляет из себя зрителей, но и соучастников мистерии – на партсобраниях, богослужениях, на митингах, демонстрациях, во время крещения, венчания, крестного хода.

В коммунистической партии меня не устраивало всё – и их "моленные дома", похожие на конюшни, и текст их "литургии", и "крестный ход", на котором, как правило, подвергались распятию народ, Россия, отдельная личность. В христианстве меня устраивало многое, и прежде всего театр, то есть храм, да и пьеса была в основном превосходна – но публика (то есть сами христиане), театральная критика, комментарии к пьесе и наставления актерам, церковное начальство, то, как театр продолжался в быту, направляя его и формируя – мне не нравились. Если сравнить церковь со школой или университетом, то в их школе учиться я не хотел, и детей своих отдавать в нее – тоже.

Не обладая ни абсолютной, ни относительной, ни полной, ни односторонней истиной, то есть не умея писать поучительных *пьес*, и тем более не умея создать вселенский театр, я, тем не менее, обладаю, как я думаю, *вкусом* и *духом свободы*, которые и являются основанием для того, чтобы куражиться и "выступать", пренебрегая театрами, в которых дается пьеса под названием "абсолютная истина", и вместо них ходить в филармонию или читать философские сочинения.

Но и в чужих философиях устраивало меня не все, поэтому... вот поэтому дерзнул я взяться за собственные "полуфилософские" записки, в которых, не зная сам истину, начал проповедовать и обличать незнающих (так ведь и учитель математики способен увидеть *неверное решение* задачи и указать на чужие ошибки даже и в том случае, когда и сам не знает еще верного ее решения).

Кроме того, в результате горестных размышлений стало казаться мне, что уже близок я к *пониманию*. Быть может, говорил я себе, поднимусь и еще повыше – кому же и подниматься, как не тому, кто ищет истину в горести и не для собственного очарования? Быть может, засияет хоть на мгновение в моей душе Пробуждение, быть может разгорится навстречу ему заря Откровения? Пусть они встретятся только на миг – но и одного этого мига будет достаточно!

Правда, меня не слушали и не читали, поэтому снова впал я в уныние, и уже решил было оставить шальную мысль просветить человечество и наставить его на истинный путь, потому что окончательно усомнился в своих малых силах, а посему хотел уже оставить в покое и христиан и марксистов...

И вдруг говорит мне, посреди моего уныния, замечательный современный философ И--ин: "Что ж, испугавшись *кабалы святош*, вы решили отдать им христианство? Да разве оно *им* принадлежит? Разве это *к* н*и*м приходил Христос, а не к нам?"

Да ведь и в самом деле, – надо ли отдавать подобострастным и нерассуждающим то, что по праву принадлежит чувствующим и размышляющим, томимым духовной жаждою и ищущим истины?

Надо ли отдавать – еще до рассуждения, только потому, что они коленопреклонились и веруют елейно?

Надо бы, ведь, прежде выслушать прения сторон – но мнения *коленопреклонившихся* мы слушали уже две тысячи лет, не смея возразить; выслушаем же и иное мнение – *в защиту достоинства непокорного человека!*

А потом уж решим, с кем Христос. Или с кем истина.

2.

"Философия – не служанка религии!" – заявляет *современный* философ; и современен он прежде всего в том смысле, что история развития духа и мысли за прошедшие две тысячи лет не прошла мимо него, как мимо большинства наших "современников", часть из которых находится еще в ветхозаветном иудаизме, или в славянском дохристианском язычестве, а самые "ревностные" погрузились в средневековые или даже в эпоху раннего христианства. Для этих не было ни эллинской культуры, ни Возрождения, ни Нового Времени с революцией духовного освобождения, когда наряду с религией и церковью, обнимающими и подменяющими Дух в целом, появилась подлинная целостная культура как Бытие Духа.

Для этих не было Декарта, Беркли, Вольтера и Канта, нет еще самостоятельной Метафизики вместо богословия, нет науки и ее достойных восхищения усилий в понимании мира (разве Лейбниц и Ньютон, Гаусс и Пуанкаре, Ухтомский и Вернадский незначимы для философии?), нет Поэзии, которая говорит с нами не совсем на том же языке, на котором говорят наука, философия и богословие и сообщает для Постижения то, чего не может сообщить Познание; но самое главное, нет Музыки, Живописи и Архитектуры, которые говорят на другом языке – а о каком представлении мира и Бога можно говорить, когда мы не знаем *Высший язык говорения*?! Как можно принять Откровение, данное лишь в Слове, когда в начале Постижения – Звук, Цвет и Форма, и только затем – Слово!?

Богословие, претендующее на *изъяснение* Бога, либо совсем

обходится без *бессловесного*, либо, говоря о звуке и цвете, опирается на Сальери, но не на Моцарта.

Если по содержанию богословие и восходит в некоторых отношениях к представителям эллинской мысли, то в форме, в способе мыслить и понимать – только к иудейской традиции, для которой культура ограничивалась Библией. И, возможно, современные богословы, это люди, у которых отсутствуют слух и зрение, да и некоторые другие чувства, если прав Розанов в своем исследовании *Людей лунного света*.

Но если даже *философия* – не служанка религии, то тем более можно ли считать служанкой религии культуру в целом и жизнь в целом?

А, в частности, является ли служанкой религии *Поэзия*?

Не любитель длинных цитат (ибо поэзия и музыка в большей степени мои источники, нежели наука), нарушу обыкновение, и приведу "цитату с цитатой" современного богослова, пишущего о поэзии – по времени современного, почти гениального, и все же утонувшего в средневековьи, и не только призывающего *опроститься* и «старыми словесы» по-толковать о русской поэзии как "части русской православной культуры"», но и толкующем о ней только как о части "православной культуры", и не только в поэзии не находящем ее собственного независимого содержания, но даже и культуру в целом привязывающего к православию и растворяющего в ней (а это ли не отдача нас, поэтов, без нашего спросу, в услужение религии, словно мы простые холопы, а не сами говорим с Богом на языке более высоком, чем богословы и отцы церкви?!)

«У пророка Исайи мы находим перечень лиц, являющихся "посохом и тростью Иерусалима и Иуды" – собственно говоря, здесь перечисляются люди, без которых не может устоять Православное Царство. Кто же входит в этот перечень? "Храбрый вождь и воин, судья и пророк, и прозорливец, и старец, пятидесятник, и вельможа, и советник, и мудрый художник, и искусный в слове."

... [итак] мы видим, что художник, поэт, ученый – необходимая принадлежность мирового порядка. ...[но] художнику и словеснику в иерархии должностей и званий идеального Царства принадлежат места со скромными порядковыми номерами 10 и 11. Звание поэта отделено от более важных званий судьи, пророка, народного вождя.»

[В квадратных скобках – мои собственные вставки.]

История русской поэзии, предстающая в сочинении цитируемого автора, оказывается жизнеописанием монаха, то *искушаемого* гордыней искусства, то *"спасающего"* от него свою душу, сжигая, как Гоголь, свои сочинения.

В чем порок теологического взгляда на мир, историю, культуру?

Дело не в каких-либо частных изъянах.

Дело в том, что теология превращает человека в объект, предмет, вещь в руках мира или Бога, не только лишает его самостоятельного значения, но и превращает вовсе в щепку, повинующуюся мировой воле. Иудейское сознание в этом отношении однотипно – у Маркса

человек повинуется законам истории и природы, у апостола Павла и его учеников – воле Бога или воле дьявола. (Дополнительные рассуждения о "роли личности в истории" или о "свободе выбора" между добром и злом – то есть между волей Бога или волей дьявола – предстают как дополнительная издевка над достоинством человека).

Если человек – объект, то выбор невелик, он между марксизмом [в котором человек как вещь произошел из плесени и отличается от нее не *самосознанием*, а только зеркальной способностью *отражения*], и христианством [в котором человек как "тварь" сотворен Богом не для его человеческого бытия, а для божественных надобностей].

Но всё ли говорит о человеке обозначение его как *судьи*, *поэта* или *правителя*?

Если человек – объект, то он исчерпывается *функцией*, в частности – ремеслом, профессией, поприщем. Но человек не равен полу, национальности, происхождению и положению в обществе, тем более Человек не должен быть равен своей *профессии*, он должен вмещать ее в себя, как... как, может быть, фонарь у путника, бредущего ночью по темной дороге – фонарь помогает ему, при необходимости, осветить его путь.

Так, получив хорошее математическое образование, я – *математик*.

Но я и не математик – не только потому, что мало ей уделяю внимания, что у меня дырявая память и часть своих познаний в математике я позабыл, но и потому, что душа моя заполнена еще и многим другим помимо математики.

Поэтому я математик не более чем пьяница, не более чем русский, не более чем поэт, не более чем поклонник слабого но прекрасного пола.

Правда, есть профессии или роды занятий, которые обнимают собою человека полностью, так что в нем не остается свободы, характер такого человека – это и есть его профессия. (И не в этом ли причина узкого видения ими человека и мира?)

Таковы священники, полицейские, воры, проститутки, политики, шпионы и богословы...

Священник или монах – как правило, уже жизни, они не равны ей, они не в состоянии вместить истину бытия и мира. Возможно, они в состоянии вместить истину своего Бога, но это не истина жизни.

Но трагический вопрос о христианстве даже не в том, подчинена ли ему культура, а – *совместимо* ли христианство с культурой?

Совместимо ли *подлинное* христианство с культурой, а не та теплая зола, в которую культура за две тысячи лет переработала христианство, как у меня на огороде травяной покров чистую глину переделал в чистый чернозем? Как и совсем недавно так же трагически звучало – совместим ли с культурой марксизм в качестве своеобразной христианской секты?

Кто родился недавно, и не учился в школе пятьдесят лет назад, и не читал вульгарных статей того времени о литературе и искусстве, тот меня не поймет (а марксисты, кроме вульгарных пошлостей об искусстве,

ничего не в состоянии были написать); и кто не читал *душеспасительных* церковных брошюр, тот меня не поймет тоже.

В пятнадцатом веке был на Руси прекрасный иконописец Андрей Рублёв. Светской живописи на Руси не было, и она была невозможна. Павел Флоренский говорит, что икона – окно в другой мир – и только к "другому" миру и был прикован тогда взгляд художника. В шестидесятые годы, когда возродился интерес к иконописи, в сотнях статей и книг, для оправдания этого интереса, доказывалось, что в рамках религиозной формы на деревянных досках средневековый художник изображал современных ему мужиков и баб. Коммунистическое искусствознание по существу отрицало "религиозную живопись" русского средневековья.

У Зинаиды Серебряковой есть, в частности, два прекрасных автопортрета – "У зеркала" и "Обнаженная (Ню)". Что по поводу последней картины сказал бы вульгарный искусствоведа 50-х годов? И что скажет священник, например, Павел Флоренский?

Что бы они ни сказали, важно понять следующее – если в "Обнаженной" изображена, без сомнения, *обнаженная женщина*, то и в автопортрете "У зеркала" изображена та же самая *обнаженная*, потому что одежда, пудреница, расческа – это продолжение *обнаженной* женщины, ее способ существования, как и ее походка, голос, наряды, смех, взгляд... Ибо *поведение женщины* – это ее *самовыражение* в качестве женщины, в качестве *Евы*, способ ее обольщения и кокетства – и живопись, изображая женщину (так же и любовная лирика), изображает, как "Ева заигрывает с Адамом". Способно ли христианство допустить крылатого Бога любви в свой пантеон?

Как в начале христианской эры культурная революция христианства разгладила языческие неровности Античного мира, так и антихристианские коммунистические революции в конце ее разрушили на половине земного шара половину культуры, и привели к гибели десятки миллионов людей – но к этой ли самой "партии *разрушения*" принадлежит добрая мать семейства, исправно платящая партийные взносы, и будет ли она голосовать за массовые убийства, если вдруг "качнется земная ось" и красное знамя вновь водрузят над Кремлем и Рейхстагом?

Случайно ли шквал ненависти пронесся на нашей земле, или он заключен в коммунистическом символе веры, в "Капитале" Маркса, в "Материализме и эмпириокритицизме" Ленина, в диалектическом и историческом материализме, в учении о диктатуре пролетариата, в лозунге, что "искусство принадлежит народу"?

Представим себе, что благонамеренный человек строит светлое будущее, поглощен его строительством, и мысли и чувства у него самые светлые – не оскорбительно ли вообразить, что завтра он "*с теми, кто вышел строить и мстить*" – в шизофреническом единстве одновременно и *строить*, созидать, – и *мстить*, сметать с лица земли, разрушать – завтра он с теми (или с этими) станет до основания

разрушать "*весь мир насилья*" (а мир, по существу, весь и состоит из насилия), и поведет "в подвалы, липкие от крови..."?

Однако, Слово и Дело не всегда совпадают, мы уже научены горьким опытом, какие суровые дела следовали нередко за благими высказываниями; напротив, суровые осуждения пророков чаще всего были следствием их праведного негодования, но не злобы.

Так Ницше, "апостол антигуманизма", воскликнул: *Падающего толкни!* – и все же я не верю, что он был и в самом деле способен толкнуть какого-нибудь человека, тем более падающего.

А в то же время апостол "коммунистического гуманизма" Никита Сергеевич хотя и провозгласил нечто словно бы противоположное – *Всё для человека, всё во имя человека!* – но сам сознавался, что у каждого из его сподвижников руки по локоть в крови.

Такие вот парадоксы...

Человек духа и культуры погружен в человека и человеческое, поэтому по природе своей милосерден; человек идеологии и веры пренебрегает человеком, потому что "выше" его.

Милосердно ли христианство, милосерден ли коммунизм, возможно установить по их отношению к духу и культуре.

Коммунизм начал с того, что уничтожил старую христианскую культуру. Стал ли бы он насаждать "новую" культуру? Полагаю, что нет – но культура начала сквозь него сама прорасти, и она бы разрослась – через несколько столетий...

Христианство начало с того, что уничтожило *эллинскую культуру* – но остатки ее проросли и сквозь христианство.

Когда мы слышим умиленное любословие православного люда, выходящего из храма после пасхальной службы, каждый из которых не читал не только Ветхого Завета, но даже и Нового, мы были бы готовы поверить словам Достоевского о "народе-богоносце", если бы не помнили, что этот самый народ разломал в России все храмы и перебил почти всех священников.

Возражать *умиленно-теплым* словам я не смею; но в глубине, под этой теплой золой, которую православный люд принимает за православие, никуда не делись раскаленные *угли подлинного* христианства.

Они греют эту золу; но они же могут снова вспыхнуть кострами инквизиции, а благостные святые старушки понесут в костер щепочки.

Вот поэтому я и пытаюсь оспорить то учение, которое знают, исповедуют, пропагандируют и насаждают сто человек, и которого не знают и не понимают сто миллионов – но ради них спорю я в первую очередь. Ибо тех сто разубедить я ни в чем не смогу, они от другого мира, они "не от мира сего", и этому миру, нашему, они противостоят (как и Христос был "не от мира сего", и этому миру противостоял), а из этих ста миллионов, верующих в теплую золу вместо раскаленных углей, и принимающих ее за христианство, я, может быть, кого-нибудь и смогу в чем-то своем убедить – и то слава Богу, значит, не напрасно пишу.

И все же, хотя тем ста "не от мира сего" я объяснить ничего не смогу, спор у меня именно с ними, и если я его проиграю, то не исключено, что качнется земная ось, и вновь возродятся и Священная Римская империя, и Православное Московское царство, и тогда ученый и поэт будут спрашивать у священника, как им мыслить и писать ли стихи.

Вы сомневаетесь? Могут ли сто человек покачнуть земную ось?

Две тысячи лет назад их было всего тринадцать, а одержимым из них был даже всего один, апостол Павел, который сначала был коммунистом (тыфу, иудеем) и гонителем христиан, а потом перешел в "православие", – и вот не из-за этого ли и эллинскую культуру мы знаем теперь только по раскопкам и римским копиям?

... Но это пока вводные черновые заметки, спор – впереди.

3.

У И--ина философия объясняет не только наш мир, но даже его *преисподнюю*, то есть *политику*, и коммунисты, демократы и либералы находят свое обоснование в типах современной им философии.

Объяснения философа убедили меня вполне; но вдруг я подумал – а ведь то, что *философия* является *ключом* к разгадке разных сторон нашей запутанной жизни, не только хорошо, но и плохо – разве не являлся марксизм тем ключом, который объяснил, отомкнул все тайны мира, – и происхождение *прибавочной стоимости*, происхождение семьи, противостояние труда и капитала, сущность религии, "диалектику материи" и "материю диалектики" – и вверг нас в мрачное духовное рабство?!

А христианство не объясняло, не отмыкало все беды и неустроения мира одними только кознями дьявола, так что потребовались века, чтобы перестать пользоваться этим универсальным ключом для отмыканья всего на свете?!

Теории и идеи, объясняющие *всё*, быть может, опаснее невежества, ничего не объясняющего...

Поэтому и спешу возразить И--ну, открывшему нам ясный мир русской философии: она – *умозрение*, а умозрению открывается глубоко лишь область *рационального*; "иррациональное" же открывается в *Откровении*, то есть в сверхчувственном переживании бытия, в особых состояниях сознания.

Когда-то, еще лет сорок назад, я придумал легкомысленную схему, описывающую отношения человека и мира (то есть, *формы культуры*), и теперь уместно ее вспомнить.

Наука – способ и результат интеллектуального исследования *мира* в его материальных проявлениях, *картина мироздания, данная уму*; при этом сам процесс интеллектуального внимания к миру и исследования его называется *Познанием*.

Философия – способ и результат осознания духом полноты бытия и мира, представление о сознании и самосознании, *Постижение*.

Искусство и литература – представление о жизни души в духовно-чувственном созерцании и переживании, в единстве духовного и душевного.

Религия – сверхчувственное *Откровение* об отношениях к Богу, в котором главенствующее значение имеют усилия *души*.

В каждой форме культуры проявляются все стороны духовно-душевного строя человека, только преобладающее значение имеет та или иная его сторона: так, в науке действуют интеллект, ум, сознание; основной её метод – рассуждение и эксперимент, предмет умозрения – *мир как чувственная данность*, совокупность или последовательность *предметов и явлений*, преимущественно в их отношениях друг к другу, независимых от отдельного человека, так сказать, *объективных*.

В философии предмет духовного внимания – я, дух и мир в их отношениях к постигаемому **Я**.

В искусстве предметом внимания является деятельность души через совокупность или последовательность ее проявлений.

Если наука отвечает на вопрос, что в явлениях составляет *общее* в них, то искусство, напротив, исследует и показывает *индивидуальное*.

Религия – постижение души и мира в их отношении к Богу – сходна с философией – но метод ее – не столько созерцание, но нравственное и духовное усилие, в котором меняется само состояние духа, и открывается *иное бытие* как продолжение *бытия*...

В религиозном опыте мы созерцаем и представляем и то, чего нет для внимающего ума в мире чувственной реальности, например, представляем, как может человек *быть* после того как он умер, то есть *перестал быть*. Так как при этом из мира человек исчезает, то наука не может исследовать то, чего нет в мире, иначе она изменит самой себе, поэтому то созерцание, о котором я теперь говорю, относится к *сверхчувственному* созерцанию.

Однако, вопреки сказанному, так как *всё есть во всём*, то и наука и философия, говоря о *здесь*, не могут не касаться грани между *здесь* и *там*, а, значит, и о *там*, хоть отчасти, говорят тоже.

Но в каком отношении находится философия к научному познанию мира и к теологии? И какова связь философии с мировоззрением?

Теоретический взгляд на человека и мир, всецело опирающийся на науку и *положительное* знание, известен как *позитивизм (сциентизм)*, который сводит философию к "науке вообще", к "науке наук" или к *философии научного познания*, по видимости поднимая философию над науками, а по существу лишая ее предметного содержания.

Противопоставляя *позитивизму* философию как *самосознание*, мы возвращаем ей подлинное достоинство, смысл и цель.

Так же определенно следует противопоставлять *философию* так называемой "*религиозной философии*", а точнее – *теософии* (Соловьеву, Блаватской, Рериху), в которой философия растворяется, превращаясь

либо в приложение к теологии (богопознанию, богословию), либо в схоластическое "богомудрствование" (теософию).

Самостоятельное значение философии подчеркивается возвращением к ее родовому имени Метафизики, и современный философ И--ин, развивая классическое наследие русской национальной философии, утверждает: *метафизика – это самосознание*, не сводимое ни к познанию мира (то есть к наукам), ни к познанию Бога.

Впитывая в себя культуру прошлых веков, мы увеличиваем объем своих знаний.

Если приобретению знаний сопутствуют духовные усилия, сосредоточение, движение вверх, то знания подобны кирпичам при строительстве здания личности.

Но не знания первичны, а нравственные и духовные усилия.

Книжное знание, заменяющее путь духовного постижения, часто приводит к противоположному результату – сушит душу и ум, создает иллюзию возвышения, в особенности, если это знание ограничивается религиозной или философской схоластикой.

Учит и возвышает Книга Жизни; эта книга лежит перед каждым из нас, но мы небрежно переворачиваем ее листы, невнимательны к изображенным на них знакам, а то и вовсе им не внимаем...

4.

Хочу ли я изменить или *исправить* христианское учение?

Но ведь существует несколько христианских учений, отличающихся друг от друга не менее, чем маоистский социализм или сталинский отличаются от *социализма с человеческим лицом* – какое из этих многих учений мог бы я захотеть изменить?

Так, может быть, хоть в Православии или Католицизме готов поддержать я реформы, после которых распахну им объятия?

Но, во-первых, не нуждаются ни православная церковь, ни католическая в тех, кто ставит им какие-либо условия, они принимают к себе лишь *безусловно*, а к православным еще иногда надо долго стучаться, прежде чем откроют они дверь свою страждущему.

Во-вторых, не принимаю я в христианстве именно то, что является его главной скрепой, основой преобладания его над людьми – *догмат о богодухновенности* – а, следовательно, безусловной истинности, *непогрешимости Священного Писания*, распространяющийся еще и на церковь – в учении о *Церкви как о теле Христовом* (а в католицизме еще распространяющийся и на Папу Римского, который также *непогрешим*, т. е. "богодухновенен").

Но этот догмат ни реформировать, ни отменить невозможно, это то же самое, что превратить абсолютную монархию в конституционную – при этом *монархическое начало* как основа власти в государстве, источником которой является Бог, *отменяется*, и монарх превращается только в символ, напоминающий о традициях.

Вот так же отмена догмата о *богодуховности* отменяет власть христианства над умами, заменяя ее какой-либо иной тиранической властью, например, марксизма (единственно верного, подлинно научного, шаг в сторону – считается побег... и так далее), либо безвластием, то есть "самодостаточностью ума" (впадающего в еще большие заблуждения, поскольку умеющего размышлять, иногда ошибаться, но при этом учиться на ошибках и слушать других – слишком редко.)

Поэтому поправлять в христианстве я ничего не хочу, как и в марксизме; в коммунистическую партию я не вступал, но и христианской "*партийности*" не приемлю. Они – сами по себе, для тех, кому нравятся, а я – сам по себе. Естественно, что мнение свое о них я вправе высказывать, а поскольку учения эти претендуют на абсолютную власть над умами, душами, и даже жизнью людей, то я (вместе с такими, как сам) противлюсь тому, чтобы им принадлежала политическая власть в государстве, противлюсь *теократии, охлократии, диктатуре пролетариата* и "гласу народа".

Учения о мире либо претендуют на исчерпывающую всеобщность, на то, что весь мир объясняется с помощью одного основополагающего принципа, к которым принадлежат христианство и марксизм и учение о демократии; либо учат мыслить, к таким принадлежит, например, геометрия Евклида и учение Лейбница о монадах.

Но я хочу заходить иногда в православный храм, слушать литургию, читать Новый Завет (и Ветхий), и сочинения "православных философов" (если, конечно, они мне не запретят их читать), как хожу в драматический театр, филармонию, оперу, открываю Ницше и Пуанкаре (не во всем с ними соглашаясь и даже высказываясь часто против) – но не отдам даже Богу я свою *духовную свободу* (как Есенин, готовый отдать даже душу свою "октябрю и маю", отказывался отдать им "*милую лиру*").

Так же, влюбляясь в очаровашек, хожу я к ним в гости, даже пью с иными из них вино (и даже, хоть и редко, целуюсь!), но не требуют они, чтобы я давал им обет верности, "выходил за них замуж" и садился в углу на цепь как собака.

И хотя читателей у меня мало, но если иные из них полагают (православные или марксисты), что читать сочинения человека, имеющего иные взгляды, – грех, или, если их и можно читать, то только с *бранью* (бесовской), или беспощадностью [революционной], то пусть они книги мои выбросят на помойку и телефон мой забудут.

5.

"*Стяжайте духа святого, и тысячи возле вас спасутся*" (то есть, *спасут свои души*), говорит Серафим Саровский.

Что значит *стяжать духа святого*, попытаемся выяснить позже, а пока – в чем состоит *спасение* (души)? Что происходит при этом, в чем переменяется человек?

Но и это попытаемся выяснить позже, а пока – как и чем человек *спасается*?

Верой? Благими делами?

Или *только Верой*, и благие дела не спасают?

Или одних *только благих дел* достаточно, и необязательна вера?

Одни христиане настаивают на вере, а другие даже полагают, что *спасение* избранным предопределено свыше, и от собственных наших усилий ничто не зависит...

Дело даже не в том, кто из них ошибается – но раз не согласны они меж собой, и каждый находит обоснование своей вере в Священном Писании, то это значит, что не указал Христос – *как* спастись, или так указал невнятно, что – попробуй разберись... Каждому свое слышится. А значит, ничего не сказал! Да и знал ли?

А может быть, и нету – "*как*", а все зависит от человека – и начать ли христиански *спасаться*, начать ли марксистски *спасать мир*, – и в том и в другом случаях можно хорошо спасаться или спастись, можно и плохо, в зависимости от того, "кто" спасается и спасает, хороший или плохой человек? И ни то ни другое учение не изменяют человека к лучшему, а остается он, чаще всего, каким был, а иногда – становится хуже? А в периоды массовых безумий и ослеплений даже почти все становятся хуже, а то и вовсе вселяется в них дьявол, и начинают они жечь еретиков и врагов народа.

Но объясняю ли я сам, *как* надо жить на свете, и *как* спасаться?

Объясняю и я, но не так, как христиане или марксисты, то есть, не предлагаю "периодической таблицы", а говорю: как родители вас научили, так и живите. Сказано было, что нужно быть *честными* и *добрыми*, вот и будьте ими, *остальное приложится*.

6.

Споря с христианством, я ввожу в сомнение и искренних православных, чаще всего культурных, великодушных, свободомыслящих людей, *тружеников* и *гуманистов*.

Я нападаю и на них, раз уж они христиане (православные или католики, или протестанты – не в этом суть), а многие из них – образец для подражания, в том числе и для меня – за что же я на них нападаю?

Вот так же в течение всей сознательной жизни нападал я на марксизм, на диалектический и исторический материализм и "учение о светлом будущем".

Но кто же такие христиане (или православные)? – А это по большей части те, кто однажды решил про себя: «Я – верую в Бога, крещен, верю в бессмертие души, в загробную жизнь, в то, что Христос был распят для нашего *спасения* (хотя в чем смысл этого "спасения", я не понимаю), и верю в то, что "возлюбить ближнего как самого себя" – это и есть главная суть христовой проповеди, это и есть по существу то самое христианское учение (как я думаю), которое я принимаю и исповедую, хотя и не в силах пока исполнить; и верю, наконец, в то, что называя себя христианином, я тем самым принимаю на себя обязательство поддерживать Добро против Зла, помогать ближним, сочувствовать им.

Я верю, что быть добрым "ради Христа", и помогать "ради Христа" – в этом суть христианской этики».

Если это и есть "Символ Веры" большинства тех, кто причисляет себя к верующим – то с чем в этом символе я не согласен, что в нем вижу плохого, на что нападаю?

Ни на что. Символ прекрасен. Исповедовать его – не зло.

Только он не имеет отношения к христианству.

Исповедуя его, не значит быть христианином.

Культурный, образованный, добрый человек, помогающий ближним, не обижающий дальних, говорит: да зачем мне вникать в тонкости ваших теологических разногласий? Разбирайтесь в них между собою: в чем суть первородного греха, да и существует ли он; было ли *непорочное зачатие*, или "как у всех" (хотя это вовсе не значит, я думаю, что "как у всех" – *порочно*); плохо или хорошо, согласно Евангелию, иметь жену и детей; надо ли подставлять вторую щеку под бьющую руку; наместник ли Бога на земле император (или папа Римский); богодухновенно ли Священное Писание... и тому подобное, в чем сам черт ногу сломит – разбирайтесь уж во всем этом сами, а нам оставьте наш Символ Веры, если, тем более, признаёте, что он не плох...

Да всё бы ничего... и против таких христиан я бы ничего не имел, если бы они не имели ничего против меня. Но дело в том, что они – суть члены обширной христианской партии, которой управляют "начальники", исповедующие совсем другой Символ Веры.

И вот, когда я всерьез начну спорить с "начальниками", то они, потеряв терпение, взвывают, и прикажут разжечь костер, и на нем меня попытаются сжечь. Голосовать за сожжение, разжигать костер, связывать и тащить меня на него, истязать по дороге, привязывать к столбу, и даже подбрасывать щепочки – будут именно вот эти, благонамеренные, исповедующие свой Символ Веры (с которым я не спорю), но – слушающиеся христианских "начальников". Этих, обыкновенных и хороших, 150 миллионов, тех – 150 человек, но разоблачить тех (или этих) я смогу только в том случае, когда разоблачу всех (терпение, я еще всё объясню.)

Впереди, так или иначе, будет Страшный Суд, на нем всем придется давать показания. Ответят и те, кто не вникал в теологические тонкости, кто не читал даже Новый Завет, постановления Соборов, и даже не знает Символа Веры – ибо если незнание уголовных законов не освобождает от наказания, то и незнание Символа Веры не освободит от наказания тоже. "Ведь вы же вступили в христианскую партию? – спросит судья, – значит, приняли ответственность за все ее действия!"

Итак, оспариваю я некоторое учение, словно бы изложенное в полном виде в некоей Книге Книг – хотя, увы, общепринятого текста этого учения нет – но отношу свой спор на счет всех даже спорящих между собой христиан.

Так, стоя в дельте Волги, среди тысяч протоков, ручьев, заводей и

канал, не надо забывать, что все они – Волга. Если бы мы захотели *возразить* Дельте, имело ли бы смысл перегораживать каждую протоку, осушать каждое болотце? Нет, надо бы плотиной перегородить могучую реку там, где она еще не распалась на несоединимое воедино. Некоторые протоки, быть может, не знают, что они истекли из Волги, что они – "волжанки", так и многие христиане не знают о своем происхождении. Попробовали бы вы сказать иному коммунисту лет этак двадцать назад, особенно профессору атеизма, что он – православный – да он бы тебя засмеял, а то и отправил в сумасшедший дом. И никакие бы доводы не убедили его.

Но вот – произошел геологический сдвиг. Подземная река прорвалась наверх, может быть, та, которая питает и христианство и коммунизм, и сегодня с изумлением профессор атеизма обнаруживает себя в роли председателя Комитета по делам Веры в Государственной Думе, и защитника православия. Вы подумаете, что изменилось его мировоззрение? – ничуть, оно осталось неизменным. Может быть, некоторые слова-ярлыки поменялись... да ведь чаще всего человек толком не знает, во что он верует – *думает одно, говорит другое, делает третье*, но по существу нет противоречия между тем и другим, а только заблуждается, или косноязычен, или без сознания, или...

Вот он в качестве вольного каменщика *строит* храм – думает, что строит храм, говорит, что строит храм, и действительно строит храм... и если этот храм оказывается вдруг тюрьмой, то бригадира за то поведут на том свете с веревкой на шее... но неужто *строителей* никто ни в чем не упрекнет, хотя бы на *том* свете?

Нет, невменяемых, может быть, и освободят от суда, а всех прочих будут судить – каждому человеку дано достаточно для того, чтобы разобраться во всём; а в том, где истина, а где ложь – прежде всего, ибо согласно христианскому учению всем дана душа и право выбора и способность отличать хорошее от плохого и верное от неверного, и поэтому к ответственности за то, была ли жизнь приближением к истине, или уклонением от нее – будут привлечены все! Никто не уклонится, никто не "отмажется", ни ссылкой на бедность, ни ссылкой на невежество, ни ссылкой на глупость!

Если заблуждался, скажет Судья, то потому, что не хотел знать правду.

Иначе бессмысленны слова Христа, что будет Второе Пришествие, что Он придет судить уже окончательно, и *воздаст каждому*.

Одно из двух – или "каждая кошка знает, чьё сало съела" – и значит поделом каждой кошке трёпка; или кошки *"не ведают"*, что творят", как утверждал Серафим Саровский – а тогда за что нас будут судить на Страшном Суде? За наше *невéдение*?

Итак, пока не наступил Страшный Суд, хотя бы со вниманием прочитай то, что я пишу тебе в этой книге, *неведающий!* – или читать тебе лень, а хочется прильнуть к телевизору? Лень читать, лень думать,

лень пробудиться от сладкого сна – ну, погоди, уж за лень тебе всплют! Не говори тогда, что *не ведал*, а честно признайся, что корыто было всего дороже.

Ну, ладно, вернемся в начало.

Тот, кто называет себя православным, и искренне верует, что для этого достаточно согласиться с правдою слов "*Возлюби ближнего как самого себя*", по существу ничем не отличается от своего брата, который тоже верует, что "*человек человеку друг, товарищ и брат*", и на этом основании называет себя коммунистом. Или они, все-таки, не одинаковы?

7.

1. Общее место богословия – утверждение о беспредельной высоте, отделенности Бога от человека, о Его "*сверх-всего*", – о Его Все-благодати, Пре-мудрости, Все-совершенстве и тому подобном...

С одной стороны, всё сие – справедливо, потому что даже если о лилии говорим мы – *пре-красна*, и это справедливо, то почему же не могут быть к *Все-вышнему* приложимы эпитеты в превосходной степени?

И все-таки, хотя это и справедливо, но – патока и елей.

А если мы даже полевую лилию обволокем словесною патокой, она от того не станет прекраснее.

Поэтому, когда философ (или богослов) дает определение Верховному Созидателю вся сущая, он должен быть осмотрителен, он должен прежде задать самому себе вопрос – что именно он высказывает, какую преследует цель?

Пыгается ли он выразить восхищение, засвидетельствовать почтение, преданность, верность – или, как ученый естествоиспытатель, дает *определение* неизвестному прежде предмету? Но только математика способна нам объяснить смысл собственных наших высказываний.

Так, например, известно, что среди треугольников есть *равно-сторонние* и *разно-сторонние*, *прямоугольные* и *непрямоугольные*, и если я скажу, что *равносторонний* треугольник – это *треугольник совершенный*, или *все-совершенный*, то это будет в каком-то смысле правильно, однако не будет *определением*. А если в это время мимо будет проходить Пифагор, то он непременно мне возразит, что *прямоугольные* треугольники, по его мнению, значительно совершеннее, ибо являют собою разнообразие, множество, и при этом среди них можно выделить класс *треугольников*, стороны которых – *целые числа*, в то время как *равносторонний* треугольник по существу всего один, так как все *равносторонние* треугольники суть копии, увеличенные или уменьшенные, одного такого *треугольника* со стороной единица – и я затруднюсь возразить Пифагору.

Следовательно, если понятие *совершенства* не является определением даже типа *треугольников*, то сомнительно считать его *определением* Божества.

Но, быть может, все-совершенство, пре-мудрость, все-благость – свойства Божества?

Возможно, это так, и перечисляя такие достоинства, мы действительно сообщаем кому-то некое знание о божестве. Но ведь и к *милой* мы обращаемся: солнышко, ласточка, нежная, сладкая... – и так мы обращаемся ко всякой милой, и другие милые обращаются к своим милым так же – можно ли эти обращения считать научным перечислением свойств *наших* милых? А не просто ли это ласковые восклицания, которые часто сменяются яростью, когда милые нас оставляют?

И так же, когда кто-нибудь бормочет под нос – *тру-ля-ля... трам-пам-пам*, то он ничего не сообщает; или если говорит – "когда холодно, тогда не жарко" и "круглое кругло" – тоже ничего не сообщает... Следовательно, при всех ли обстоятельствах утверждение о премудрости божества является *содержательным* утверждением, более содержательным, чем *тру-ля-ля* или утверждение о *водянистости воды* – об этом мы еще поговорим чуть позже.

2. Другое общее место богословия – представление о *непостижимости Бога*.

Бог непостижим! – утверждает богослов.

Бог непостижим! – повторяет за ним неразмысляющий верующий.

Содержательно ли это выражение, или оно такое же бессмысленное звукосочетание, как *тру-ля-ля*?

Я иногда говорю – *непостижима женская душа!*

Что я этим хочу сказать, становится понятно только из контекста; например, рассказываю я о некотором происшествии, в котором женщина проявила себя удивительно, странно, непредсказуемо, развожу руками и добавляю: понять, почему она поступила именно так, мне не дано, *женщина непостижима!*

Данное утверждение является выводом из рассказа, слушатель меня понимает даже в том случае, если со мной не согласен.

Вот так же, останавливаясь в изумлении перед загадочностью и сложностью мироздания, восклицаешь – *мир непостижим!* – разумеется, не основывая на этом восклицании некое догматическое мировоззрение, не прекращая исследование мира, не требуя прекратить математику, физику, химию... Возможно, этим хотел я только сказать, что *мир постижим только частично*, не до конца, или постигается в течение истории или жизни последовательно, но сколько бы в нем ни постигалось, мы видим, что еще осталось непостижное.

Или, вот так же, воскликнул Тютчев – *Умом Россию не понять!* – ведь не сказал он, что "*Россию не понять*", ибо в этом случае о России следовало бы и рассуждать перестать, и стихи сочинять...

Тогда чем же занимается богословие? Если Бог непостижим в том смысле, что все наши умозаключения о Боге недействительны, ничего не стоят, недостоверны, сомнительны, бессодержательны, пусты; не

более чем умозаключения тли о лесной роще, – то сто́ит ли мне читать богословские труды? Намного ли их положения умнее моих, могут ли богословы рассуждать умнее меня, когда берутся в рассуждениях за постижение того, что *непостижимо*, а следовательно, сто́ит на́д рассуждениями, выскальзывает из них, абсолютно никак с ними не соотносится?

В таком случае я отбрасываю схоластическое богословие и начинаю сам богословствовать, ибо все то, что говорилось о *непостижимом* с серьезным видом, не более осмысленно, чем то, что я скажу о нем с видом несерьезным

Но если *непостижимое* никак не соотносится с нашими рассуждениями о нем, то и утверждение, что *Бог непостижим* – пусто, оно не содержит в себе никакого положительного знания. Разве не соотносится с нами Бог хоть как-то? Если никак не соотносится, *не взаимодействует*, то его попросту нет; а если соотносится, *взаимодействует*, то мы это взаимодействие *переживаем*, и можем о нем плохо ли хорошо рассуждать – возможно, что богословы – плохо, я – лучше.

Следовательно, как и о Мире наши знания неполны, так и о Боге они неполны – и все же, если на земле уже не осталось совсем неизведанных мест, то и Господь – не Terra incognita; получают эти знания в результате *взаимодействия* с миром и Богом, а так же дополнительных рассуждений, следующих за взаимодействием. Рассуждения математика X можно проверить. Рассуждения богослова А точно также можно проверить. В том случае, если А утверждает, что нечто ему сообщено лично Богом и не подлежит проверке, богослов Б может обратиться к Богу за разъяснениями. И когда апостол Павел утверждает, что то, что он нам рассказал о своих видениях, строго конфиденциально, то я обращаюсь к Господу с просьбой об аудиенции. Может ли кто-нибудь в здравом уме утверждать, что ему доподлинно известно, что на эти аудиенции имеет право один только Павел, а мне Бог непременно откажет?

Итак, утверждение о непостижимости Бога несостоятельно, ибо если мы о Боге ничего достоверно не можем знать, то и само это предположение недостоверно (речь не идет о полноте знания о Боге, так же как и наука не претендует на полноту знания мира, но настаивает, что ее частичные и относительные знания *основательны*, и продолжение исследований имеет смысл).

3. Так что́ же хочу я узнать, что́ опровергнуть, на чём успокоить сердце? Стремлюсь ли я узнать что-то так же, как читатель детектива стремится узнать в конце чтения, кто кого "замочил"?

Стремлюсь ли я сообщить читателю свою истину, подтвердить ее фактами и цитатами, обосновать в рассуждениях?

Нет, цель моего писания в чем-то другом.

Вот так иногда читаешь прекрасную прозу, прекрасные стихи,

слушаешь музыкальные пьесы Шопена и Скрябина, и вдруг дух поднимается ввысь, исполняешься вдохновения, сердце бьется легко и радостно, чувства возвышенны и свободны, мысль воспаряет... Так же иногда становится легко и свободно, и вновь хочется жить при взгляде на красивую женщину – хотя ни из физики, ни из математики, ни даже из философии нового при этом не узнаешь, не наливается в ум дополнительных сведений, формул и заключений.

А бывает наоборот и, к сожалению, чаще бывает, что – разговариваешь с человеком, читаешь книгу, смотришь на живописное полотно, архитектурное сооружение, – и такая тоска начинает давить, так становится душно и невоготу, так сжимает горло и грудь, что жить невозможно, кажется, что нужно немедленно броситься вниз головой с высоты, и перестать вовсе дышать. Такое чувство охватило меня однажды, до невыносимости, когда, сорок лет тому назад, прочитал я влед за "Диалектикой Природы" Энгельса его же "АнтиДюринг".

Тоскливая" истина" хуже лжи.

Именно тогда я сформулировал идею *Духовного Подавления* – оно есть, во-первых, состояние удушья, суженности, подавленности, бескрылости духа; во-вторых, оно является способом воздействия *духовных сил* на метафизическую личность человека. Духовное Подавление – как *болото* и *заблачивание*, оно и результат – и способ его достижения; оно и непрерывная война по закабалению, уничтожению, пленению духа, и вместе с тем состояние духа в плену – апатия, усвоение рабской психологии.

Религиозный обскурантизм (или религиозная *схоластика*) – не просто сумма неправильных, ошибочных положений, не сумма заблуждений, которые можно опровергать, а способ дышать по команде, – то есть мыслить, чувствовать и говорить – *заданно*, не по своей воле.

Так и в поэзии стихи плохи или хороши не из-за логических изъянов, не от того, что они бывают "неправильны", а только от художественных несовершенств.

Мне трудно дышать, и я должен открыть форточку, чтобы проветрить дух. Не заблуждениями ума я должен заняться, а "экологией духа".

Поэтому и пытаюсь я исследовать основные положения богословия так, как учитель проверяет решение задачи, и понять, как они относятся к бытию и духу. Возможно, они *не неправильны*, а просто не о том, на что подвигают нас жажда познания и духовная жажда.

Или *диалог* с человеком, погруженным в религию, невозможен так же, как невозможен он между русским и китайцем, когда каждый из них говорит только на своем языке?

Кажется, что христианство – самодостаточная система представлений о своем собственном мире, и его нельзя опровергнуть, как и марксизм. Он так же относится к обычной системе представлений, к обычному способу чувствовать и рассуждать, как *неевклидова геометрия* относится к *евклидовой*.

Следовательно, моя критика христианства будет иметь смысл только для меня самого и для таких как я сам, то есть, для немногих, для двух или трех.

Правда, православные и католики тоже ведь не способны к диалогу и не понимают друг друга (и разделены иногда до ненависти), как и те и другие не понимают меня. Но так как они разделены, то кто-то же них не прав, у кого-то из них истина точно ущербна?

4. Но я еще упоминал математику – почему и зачем?

Математика помогает рассуждать о мире и понимать мир. Но не из конкретных математических фактов вытекают философские выводы, а из математической формы мышления. То, что средняя линия треугольника равна половине основания, ничего не объясняет в мире; как и то, что $y = x^3$ – монотонно возрастает, а $y = x^2$ сначала убывает, а потом возрастает – тоже не имеет философского значения. Однако понимание того, что даже математические функции *переменчивы*, помогает многое понять и в слове Божьем.

Так, сказано, что *монарх – помазанник Божий* – но всегда ли это верно, или было верно лишь до тех пор, пока человечество устраивала монархическая форма правления? Следует ли человеку устраиваться только монархически (как следует ему, по мнению Христа, лишь один раз жениться), или не возбраняется и республиканская форма правления, которая и в Риме предшествовала монархии? И всегда ли верно, что кесарю следует отдавать кесарево *подобно* тому как Богу Богово, поскольку кесарь, якобы, такой же наш *здесьний* начальник, как Господь – *тамошний*; или не возбраняется человечеству *низвести* власть кесаря до *служения*, подчинив его воле народа или его избранных, как и в Риме, прежде нежели Христос начал поучать Свой народ, Цезарь (то есть *Кесарь*) отвечал перед сенатом?

Нет, я полагаю, что как не вмешивался Христос в споры об аналитической теории дифференциальных уравнений, то так же не предписывал и не поучал Он о том, что не относилось к *спасению души*, то есть не предписывал нам, как строить дома и дороги, как воздвигать пашню и соблазнять красоток... и надо ли их соблазнять, или не надо, так же не могло быть сердцевиной Его учения.

8.

История – это борьба добра со злом, и пока еще окончательно не победило ни то, ни другое, борьба продолжается. Но, увы, действительность в России такова, что Зло наступает, одерживает сокрушительные победы, и остались *в сопротивлении* отдельные партизанские отряды и одиночные бойцы. И остались еще те, кто *пока* не сражается, но, все таки, зло ненавидит... Или, хотя бы, не успели еще его полюбить...

Да, в нашей стране остались еще непокорные, хотя в большинстве – только *тайные*.

Вот и я – один из таких *тайных непокорных*.

Способ, каким Власть руководит подданными – насилие и ложь.

Способ, каким подданные отвечают на руководящие действия Власти – раболепие и страх. Или безучастность, неисполнительность, равнодушие, лень. Но раболепия и страха больше всего.

И все же, подвергну сомнению и свой взгляд на жизнь. Меняются правители и режимы, а я по-прежнему недоволен. Так, может быть, я не прав? Многие ведь *довольны*? Иногда – большинство!

В детстве я думал, что я – большевик, мне нравились Ленин, революция, борьба за справедливость, *искоренение зла насилием*.

В юности я думал, что я – марксист, террор мне уже не нравился, но я оставался сторонником *сопротивления* злу насилием.

Затем я стал (как я думал) христианином, но по-прежнему *подставлять для битья свою щеку* я не хотел.

Теперь я (мне кажется) уже не совсем христианин – но был ли я христианином раньше?

Возможно, христианин – это тот, кто считает целью жизни *спасение своей души*. А я – разве о своей душе беспокоюсь, для себя ли одного пытаюсь взрастить хлеб, вещественный или духовный?

Иногда для определения химического состава вещества на него достаточно капнуть какой-нибудь жидкостью, так, например, щелочь узнаём мы по взаимодействию с кислотой, а кислоту узнаём через щелочь – так не определяется ли и нравственный уровень русской литературы середины девятнадцатого века по ее отношению к крепостному праву и вообще к подневольному и страдающему человеку?

"Записки охотника", "Бедные люди", "Сорока-воровка"... И вот я думаю, что Герцен и Достоевский, социалисты и государственные преступники, безусловно спасли свою душу; спас ее и Тургенев, западник и либерал. А на примере Гоголя мы лишний раз убеждаемся, как основательно можно запутаться в поисках истины, противопоставив *религию и культуру*.

Гоголь решил эту коллизию в пользу религии, отрекаясь от Пушкина и культуры. Наша сегодняшняя интеллигенция разбилась на клочки, клочки и партии, и большая ее часть отеклась от культуры в пользу религии, вчера марксизма, а сегодня вновь православия.

Да, с сожалением я убедился, что наука несовместима с Библией, культура несовместима с христианством; читая гениальное исследование К--на "О русской поэзии", очевидно убеждаешься в презрении православия и православных проповедников не только к поэзии, истории, логике, но и к культуре в целом, да и к миру... а затем и к духу...

Так что запялают еще костры инквизиции.

И с чего христиане когда-то начали, тем они и закончат.

Но самодостаточна ли и культура? Существует ли она *сама для себя*, или она – только *средство* для другого?

Отношение к культуре как к *средству* вождь мировой революции

выразил в требовании "*партийности литературы*" – того же требуют и христианские законоучители. Христианство и социализм стремятся полностью подчинить культуру, поставить ее себе на службу.

Да, культура не существует только для себя, у нее есть и высшая цель, но культура и не для церкви; они могут и должны сотрудничать, как сотрудничает драматург с театром – на равных, дополняя друг друга, ибо дух не дает *опуститься* культуре до зрелища, культура же наполняет священное действие жизнью, не дает ему "*подняться*" до мертвого ритуала, в котором уже нет человека, и подразумевается только Бог.

Вообще говоря, Бог присутствует в мире *через* человека, и *для* человека; может быть, мир – его театр, люди – актеры; но этот великий режиссер не существует сам для себя и сам по себе. Преподаватели святости, идеологи вероучения, в благородном преклонении перед *высшим* противопоставляют Его человеку, тем самым отменяя крестный путь *во имя спасения человека*.

Две тысячи лет основной рефрен христианства – тезис о мерзости людской, а тем паче женской. Бог наделяется высокомерием не ниже человеческого, и Он – только грозный Судия всех нас, пред коим каждый лист трепещет, а не солнце, изливающее на нас тепло; но действительно ли Он готов унизиться до роли палача, судьи и надсмотрщика? Он дал нам Душу и Совесть, и в ней – Всё, и Бог вмещен в наши души так, что и на небе и в Душе Он – одно.

Правда, и о Церкви также нельзя сказать, что она – только часть культуры, ибо церковь и театр хотя и подобны, но не заменяют друг друга, и нужна ли церкви культура или нет, может ли она существовать без культуры (вероятно, может, как и человек может прожить жизнь, не зная Бетховена и Шекспира) – но без сотрудничества с культурой церковь – бедна. Более того, без той двухтысячелетней культурной обработки, которой подверглась церковь, она – сурова, и даже жестока.

Делала ли церковь человека милосерднее? Милосердна ли была испанская инквизиция, судьи Жанны Д'Арк, менее ли жестока "Варфоломеевская ночь" нежели "Ночь длинных ножей", мягче ли были гонения государственного православия на староверов, чем государственного атеизма на православных? Нет, без культуры церковь и сегодня сжигала бы еретиков, как и столетия назад.

Но я не сказал еще о "*партийности науки*". Кажалось бы, уж таблица умножения не партийна? – однако не издал ли академик Глазенап "социалистические" таблицы логарифмов? Или *не партийно* *вращение Земли вокруг Солнца*? Вы ошибаетесь! Если "партия нас учит, что при нагревании газы расширяются!", то разве не христианская церковь также *учила*, что "солнце вращается вокруг Земли"?

Идеология не смиряется с автономией культуры и науки, выступает ли она (идеология) от имени *Откровения* или от имени "*Передового Учения*". Она всегда агрессивна, она стремится не убедить, а заставить, она требует послушания.

И для всякой идеологии, и для всякого политического движения дело культуры – вторично или вовсе не значимо.

Но даже и культуре *культура* безразлична, она часто ведет себя так, как если бы садовник, пришедший в сад украсить его, носился по цветникам и клумбам с лопатой и граблями, безжалостно вытаптывая то, что насадили прежде него.

Что же сильнее противостоит культуре – невежество или извращенная ученость?

Не все христиане были невежественны, почему же с такою яростью уничтожали они чужую культуру? Не все и коммунисты были варварами, но ломали и крушили они христианские храмы для утверждения *своей веры* часто вкупе с самыми *знающими*.

И сегодня, когда *талибы* (ученые афганские фундаменталисты) уничтожают памятники буддийской культуры, невольно вспоминаю я и о христианах, и о коммунистах.

9.

"Нелепая какая-то у тебя философия (а о богословии и говорить не стоит)! – обругал меня как-то читатель (а промолчавшие подумали то же самое). – То ты идешь в баню, то смотришь на *обольстительных*, то цитируешь Новый Завет, и всё это вперемешку – но так же нельзя! Разве в филармонии ты не внимаешь звукам музыки благоговейно? И разве доказательство теоремы пересыпаешь сентенциями о превосходстве сухого молдавского перед десертным крымским?"

Открыв наугад свой собственный "Учебник высшей математики", я прочитал: "Если a является точкой сгущения множества X , то в любой сколь угодно малой δ -окрестности этой точки содержится бесконечное множество значений из X ".

Да, действительно, нет ни слова ни о вине, ни о женщинах, и даже о бане нет ни словечка – а уж они-то не *точки ли сгущения* нашей жизни?

А в моей так называемой "философии" даже если в некоторый монолог никак не включается хоть что-нибудь об *очаровашках*, я могу, не стерпев, воскликнуть так: «а что это я совсем позабыл о прелестницах? Всё про "прибавочную стоимость" да про "норму прибыли" – да сколько можно про них писать? Да какой из них был бы прок, и кому бы они были нужны, если бы прелестниц на свете не было?!»

Да, вот так. Ну, позволительно ли это в серьезных философских записках, или хотя бы "полуфилософских"?

По этому поводу попробую объясниться, и, может быть, даже оправдаюсь.

Итак, в приведенном выше математическом отрывке действительно нет ничего, кроме математики – но это ничего не доказывает, в глубокомысленной научной статье, посвященной, например, пчелам, тоже можно найти сколько угодно отрывков, в которых не встречается слово "пчела", но мы отсюда не делаем вывода, что статья не имеет

отношения к пчелам. По отрывкам судить нельзя, надо рассмотреть математику в целом, и тогда мы увидим, что в ней, помимо *явной* математики, встречаются и такие словосочетания, как "теорема Лагранжа", "спираль Архимеда", что, безусловно, имеет отношение к биографиям великих людей и даже к истории, или – "локон Аньези" – а это уже похоже и на мои упоминания об *очаровайках* – во-первых, речь в этом выражении идет о женщине, во-вторых, очевидно, что у нее были локоны, следовательно, она была молода, и уж локоны ее были достаточно милы, чтобы один из них связать с математической кривой $[y = 8a^3 / (x^2 + 4a^2)]$ ... да очевидно, что и сама Аньези была красавицей! Вот вам и математика – а в одном лишь имени кривой содержится стихотворение в прозе.

Отсюда безусловно следует, что уж в "полуфилософских" записках (а, может быть, и в *философских*!?) вполне уместно упоминание об *очаровайках* [и если богословие избегает рассуждений о женщинах в качестве обольстительниц (хотя говорит о бесах) – то не значит ли это, что в богословии не отражена важнейшая часть нашей жизни, и если оно претендует на описание отношений между человеком и Богом, то человека представляет исключительно в виде засушенного листка из гербария, гораздо бесплотнее, чем математика (как мы увидели на примере прелестного *локона*).]

Да, как мы увидели, математический текст – это не анализ дистиллированной воды, но *питьевой*, а вода, пригодная для питья, весьма далека от листка из гербария. А главное, язык, на котором беседуем мы о биссектрисах и гипотенузах, о звездах и мерцании луны, об истине и красоте – невозможно полностью очистить от *чувственной* жизни, и в слове "красота" так или иначе слышатся и "краски" и "красный", как и слово "вера" напоминает нам по ассоциации и любовь и надежду и, надеюсь, мы еще не настолько бесплотны, что надеемся только на райскую жизнь, а любим только добродетели. Философия в культуре является лишь частью, также и богословие, и существуют они для мыслящей личности в контексте, в окружении всей культуры, неотрывно от нее (кроме, может быть, тех, кто уже настолько раб божий, что для них и культура уже не существует, и подлинная жизнь); поэтому, что приемлемо в *полуфилософских записках*, решает только вкус, общепринятых же правил на сей счет существовать не может.

10.

Так в чем же смысл христианства? Что является его сущностью, его, так сказать, центральной идеей? Что оно из себя представляет, нужно ли, чтобы быть полным христианином, непременно "*жить аки умереть*", или можно оставаться и живым человеком, становясь христианином?

Игорь Шафаревич в своем исследовании о социализме* доказывает, что основной идеей коммунистического учения, его осью является *воля к смерти*. Строители светлого *будущего*, царства справедливости для следующих поколений, пренебрегают *настоящим*, приносят его в жертву,

относятся к нему как к сырью для дня завтрашнего – в этом, в частности, и проявляется их Воля к смерти.

Ну а христиане? Не противопоставляют ли они жизнь как грех посмертному бытию как подлинной истине? Терпи! – говорят христиане, и *там* – воздастся! Христианство обещает награду за добродетельную жизнь на том свете, обещает "разобраться" там с проступками тех, кто здесь жил неправедно. Словно мы едем в грязном тамбуре к станции, имя которой – смерть – и только там всё подлинно и начнется, а здесь – только тлен, сон, скверна. Но это ли не воля к смерти? А в этом – всё христианство!

Кто озабочен самим собою, тому, может быть, это утешительно, но меня не утешает нисколько. Россия и культура – две мои главные заботы – так жить ли в ожидании, что *там* будут отстроены разрушенные храмы, там покаются лжецы и негодяи, и "награды найдут героев"?

Христиане живут для *будущего века*, для вечной жизни и вечных ценностей, а я живу для того, что *здесь*; хочу излечить болящего, и не утешает меня то, что после смерти он уже не будет болеть; привожу в порядок деревенский дом, чтобы он был *здесь* красив, сажаю деревья, чтобы ими любоваться *теперь*, и чтобы Настенька любовалась, и если даже *потом*, то все-таки – *здесь*; ухаживаю за девицами, чтобы понравиться им, пока они еще молоды и красивы, а не когда "поумнеют" и оценят меня; хочу возродить *отеческие пепелища* и восстановить дворянские усадьбы, чтобы возродить красоту сельской России – на этом свете, и даже если после меня, то для моего народа и моих близких при их жизни.

Отношение к человеку у христиан – подстать отношению к жизни. Любить надо прежде Бога и жить прежде всего для Него, говорят они – но кто строго соблюдает это правило, у того не только не остается уже после Бога любви к человеку, но вместо любви – ненависть.

11.

Отношения между субъективным и объективным.

Сознанием наделен индивидуальный человек, следовательно, всякое сознание *субъективно*, а *объективное* сознание не существует. Ибо и другой человек обладает лишь *субъективным* сознанием, только своим, и два собеседника представляют собою два субъективных сознания, а не одно объективное.

Быть может, объективным сознанием наделено общество (народ, человечество, природа)?..

Рассмотрим отношения *воды* (например, всей мыслимой воды, содержащейся в реках и озерах, и в мировом океане, в атмосфере и даже в глубине земли) – и одной ее *капли*.

Очевидно, что химический состав воды не зависит от ее количества, и капля с точки зрения химии не отлична от мирового океана, и если мировой океан и каплю уподобить объективному и субъективному

сознаниям, то, казалось бы, антиномия разрешена. Однако, капля не противостоит океану, как субъективное объективному, она не мыслит и не ощущает себя как нечто самостоятельное, в отличие от личности, и не обладает сознанием; да и океан... – подобен ли он обществу? Так ли он состоит из капель воды, как общество состоит из отдельных людей?

Я и "всеобщее" – не только не одно и то же, но чуть ли не противоположны; личность находится в иных отношениях к обществу, нежели капля воды – к воде; так, хотя личность обладает всеми свойствами общества, то есть полом, национальностью, расой, но имеет она эти свойства не сама по себе, а лишь в силу того, что существует общество; сверх этого, отдельная личность обладает *самосознанием*, которым не обладает общество – а капля и океан, как мы заметили, химически не различимы.

Общество не обладает *сознанием*, а посему не существует *объективное сознание*, которое мы могли бы представить как оппозицию *субъективному сознанию*. Существуют только личности, наделенные *субъективным сознанием*, и они не сливаются во *всеобщее* (объективное) сознание, в котором отдельные сознания исчезают, как исчезают капли воды, сливаясь в воду, хотя мы и чувствуем и верим, что мир и бытие порождают и содержат в себе всё человеческое, и смогут родить человечество заново, если оно вдруг исчезнет, следовательно, содержат в себе и математику, и физику, и философию и, следовательно, та математика, которую развивает отдельная личность, лишь слепок *математики*, присущей миру.

Возможно, бытие пропитывает собою личность, и дух бытия пропитывает собою сознание личности, как мокрый воздух пропитывает одежду сыростью; возможно, мир (или способ его устройства и бытия) содержится в человеке так полно, что ум не вынужден отыскивать математику вне себя, ибо она содержится в самом человеке.

Но все же мир не является личностью, не мыслит и не обладает сознанием... Так же, хотя я допускаю, что личностью является солнце, но и с солнцем у меня не устанавливались такие отношения, как с собеседником, следовательно, вне человека не существует ни субъективного ни объективного сознания.

Я полагаю, что личностью является Бог, и Он даже больше, чем личность, возможно, в Нем субъективное и объективное сознание существуют вместе. (?)

И мир и человек – творение Бога, и объективное и субъективное разделено между ними так, что мир – объективен (относительно человека), человек же – субъективен (но так же, как ни странно, относительно самого себя).

Но Бог содержит и мир и человека в Себе, мир очевидно пропитан Богом (ибо иначе Бог существовал бы всецело вне мира, только Сам по Себе, и мало отличался бы от всего того, что вообще *не существует*), и, следовательно, Бог содержится и в человеке, как в капле содержится

всецело химическое устройство воды. Тогда объяснимо, как может человек размышлять о *непостижимом* – *непостижимое* находится внутри человека не менее, чем "*царство Божие внутри нас!*"

Так как Бог больше мира, то существует Откровение как непосредственное общение Бога с человеком, ищущим Откровения. Поэтому-то Откровение сверх мира, то есть *сверх-естественно*.

Если Господь нас создал, а не от сырости мы завелись как плесень, то, вдохнув в нас Дух Святой, вдохнул Он его не менее, чем необходимо для постижения. Создал Он нас не менее совершенными, чем необходимо, чтобы мы способны были к диалогу с Творцом. Предполагать же, что создал Он нас такими, что мы не более чем плесень, это и значит унижать Творца и, следовательно, богохульствовать.

Богу необходим собеседник достойный, и Он нас избрал в собеседники, и меня даже более, чем других.

На тебя пал Мой выбор, сказал Он мне, ты должен защитить нашу дружбу от слишком "*рабеющих*" христиан, и ты должен защитить перед теми, кто жаждет унижить творение, наше общее достоинство – человека и Бога.

Вот почему и рождается эта *Критика*, с первыми черновыми набросками которой знакомлю я свободомыслящего читателя.

На Страшном Суде – в "том" мире – разделят нас в отношении грехов, бóльшей их тяжести или меньшей, поскольку, как учит церковь, *здесь* мы все – грешники, и уже грешниками рождены, даже и безгрешные маленькие детки, ибо отягощены мы *первородным* грехом Адама и Евы.

Ибо даже *святые*, уже как будто безгрешные, столь себя обличают, так каются, столь упрекают себя в мерзостях, блуде и *нечистоте* – [как, например, Иероним Блаженный, а православные еще пуще (а косвенно, конечно, обличают и нас, ибо уж если они грязные, профессиональные чистильщики своих душ, только тем и занимающиеся, то *кольми паче* мы?!) – почитайте-ка современного православного проповедника, диакона Чуркина, я бы переписал его сочинение "о чистоте" целиком, и уже отпала бы необходимость в моей критике догматической Веры], – что отличит ли Господь от *святых*, если им поверит, закоренелых негодяев?!

С точки зрения грядущего Суда смысл земной жизни ограничивается и исчерпывается *спасением души*. И Учением о *спасении души*, как цели и смысла земной жизни, ограничивается церковное христианство.

Правда, я не согласен, что душа у меня настолько погибая, что ее нужно спасать. Я думаю, что с моей душой всё в порядке, поэтому силы свои душевные и духовные трачу я не на *спасение* её, а на другое, более важное, и, несмотря на все "богохульные" мои писания, я уверен, что Святой Дух, излитый и на математику, и на мои крестьянские труды, и на мои усилия в защиту русской и европейской культуры – уважает во мне достойного собеседника.

Но если и я, и подобные мне – не грешники (хотя и "не без греха" – иначе говоря, "не без *слабостей*" – но это совсем другое, нежели подлинный *грех*), – то основная проповедь церковного христианства о *спасении души* обращена не к нам.

К кому же она обращена?

К *грешникам*.

Кто же они?

Воры и разбойники. Политики. Сутенеры.

Власть имущие. Новые русские. Делатели зла (клеветники, хулиганы...).

А что же тогда для нас, милосердных и любящих добро, какая уместна проповедь?

Для нас – свой Путь Духовного Восхождения, который начинается Духовным Рождением и заканчивается Духовным Преображением нашей Родины – будем стараться, чтобы это произошло *здесь*, на земле. (А что будет потом, *там* – я не знаю, я только надеюсь, что и потом что-нибудь тоже будет, и не хуже, чем здесь.)

Духовное Рождение изменяет состояние человека, его чувства, переживания, его восприятие мира, *музыку его души* – подобно тому, как меняется и мир и всё состояние человека в "половодья любви", в ее *сиянии* – и тому, что начинается после него, то есть вытекающему из него Пути Восхождения, и будет посвящена моя следующая, завершающая Металогика, Книга.

Напомню в ней я известные вещи – известные тем, кто пережил *сияние любви* или его переживает. Моя задача будет состоять только в том, чтобы расширить сияние и осветить им хотя бы окружающий меня мир, и попытаться сделать его основой нашей жизни.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БУНТ НА КОЛЕНЯХ.

*В начале был мятеж, мятеж был против Бога,
И Бог был мятежом.*

И всё, что есть, началось чрез мятеж.

Максимилиан Волошин.

1.

Если Христос уподобился человеку во всем (кроме грехов), не был исключителен ни в том, как дышал, ходил и спал, ни в том, как испытывал усталость, голод, холод и жажду, то и учение Его не обращено только к *исключительным*, но ко всякому человеку.

Так же, без сомнения, и Библия, в своём роде, – великая книга. Но и Начала Евклида – совершенное творение и, в своём роде, не меньшее. Но как Начала Евклида не обнимают собою всю геометрию, так и Библия не отменяет необходимость Богопознания.

Культура находится *с этой стороны* черты, отделяющей земное от небесного, даже когда повествует о небесном (и Поэзия так же, как и Начала Евклида) – и мы совершенствуем наши знания и наше понимание прекрасного и благого, не требуя остановиться на великих предшественниках.

Но Бог говорит с нами и через культуру в целом, и не менее, чем через Библию, поэтому хотя бы отчасти культура – и с *той* стороны.

Поэтому общий духовный опыт, заключенный в Истории и Культуре, не должен проверяться мнениями только первых учеников Христа (или отцов Церкви), хотя бы они и были чистосердечны.

Ибо, отвергая "язычество" и культуру, оставляют они для Христианства одни только пустынные Синайские горы. Но русское православие – это не только Библия, но и исторический опыт русского народа – признаём это, и тогда спадут оковы с поэзии, и "Дух отрицанья, дух сомненья..", "Выхожу один я на дорогу", "И цветы, и шмели, и трава, и колосья", моление о дожде, иконы, мощи святых, заступничество матери Божией – всё равноправно войдет в Православие, и закончится суровое гонение иудаизма на славянское поэтическое восприятие мира.

Я не отрицаю Откровение!

Но я полагаю, что земное и небесное, человеческое и божественное переплетены, *со-*единены, и когда оспариваю Толстого и Достоевского, то вовсе их этим не умаляю, и даже когда укоряю их в слабостях, они ими не унижены передо мною, а – *сближены*. И христианство также я не стремлюсь отделить от русской истории и русского душевного строя –

мы уже срослись неотделимо, и здание России созидано многообразным русским духом, вмещающим и славянина и половца, и эллина и иудея, и холодного финна и горячего жителя кавказских гор. По новому вглядываюсь я в завещанное предками, потому что пытаюсь ответить на вопрос – *Как жить дальше? Как жить?*

Большинство, видимо, ответ уже знают, а я – еще нет, *"потому и мучаюсь, что не пойму, куда ведет нас рок событий!"*

В христианском вероучении сосуществуют, частью сплавлены, а иногда яростно противоборствуют три чувства, три взгляда, три отношения к миру: *древнеиудейское*, исходящее из Ветхого Завета, а отчасти даже из Нового, (так что иногда даже кажется, что именно иудаизм – *первородный грех христианства*); *языческое*, и пришедшее в христианство из античного мира, так и привносимое в вероучение на национальной почве, и делающее чужое, схоластическое, мертвое – своим, близким, живым; и собственно *христианство* (которое и само противоречиво) – та центральная часть его, о которой утверждается, что она восходит к Христу.

Если в иудаизме человек связан с Богом преимущественно Заповедью, Законом, повелением быть верным и обещанием исполнять Закон, то в *христианстве* человек связан с Богом преимущественно и всецело Верой, как особым состоянием человеческой души, которое является переживанием *непосредственного* Божьего присутствия, растворенности Духа Святого в мире. Но и в язычестве человек связан с Богом – непосредственно, через природное в себе, созданное Богом не менее тщательно, чем духовное.

В обыденной жизни *Вера* – это сложное (как бы "химическое"... или "алхимическое"?) соединение *надежды, сомнения, доверия и любви*, и она похожа на то чувство, которое соединяет мужа и жену – взаимное притяжение, невозможность быть раздельно, сочувствие и любовь.

Любовников и молодоженов связывает еще и *"пламень томный"* – но этот же *пламень* присутствует и в страстной и истерической Вере святых, подвижников и "страстотерпцев". Но может ли так – со слезами умиления, с кликами и клятвами, с экстатическим *"пламенем"* в глазах – веровать и любить обыденный человек, не святой, не затворник, не юродивый и не монах? Может ли и должен ли стремиться к такой Вере и такой любви воин, поэт, землепашец и каменщик?

Нет, для этого надо перестать быть и воином и поэтом, любящим мужем и отцом семейства.

Муж любит Бога сдержанно – как товарища, как учителя, как отца; страстная любовь – удел экзальтированной души.

Для православного, для русского общение с Богом лично или семейно; и католический общественный энтузиазм, и партийная протестантская солидарность русским чужда.

Так надо ли богословию и церкви воевать с язычеством, то есть с *природным* в человеке, с славянским обличем православных праздников

– с *колядами* и чудесами на Рождество, с гаданьями в Крещение, с разгульем и весельем на Масленицу, с волшебством в Ночь на Ивана Купала, с березками на Троицу, с грозами в Ильин День, с яблочным и медовым Спасом со всем их славянским орнаментом-узором – иначе что же – одно только "*истинное*" христианство без русского разноцветья? Одни отшельники да святые, ни повеселиться, ни *выпить и закусить*, ни *согрешить и покаяться!*?

Нет, в такого Бога, который не *вместе* с жизнью, а *вместо* жизни – мне верить не хочется, и любить Его скучно. Пусть уж спасает Он постников и страстотерпцев, а у нас, грешных и праведных одновременно, есть, я верю, свой заступник на небе!

2. Смысл истории и христианские святые

Каков идеал человека в христианстве?

"Исправный налогоплательщик", отдающий *кесарю кесарево*; "кроткий раб", любящий Бога и верный ему, живущий прежде всего для Него, а иногда и *только* для Него.

А если судить об идеале человека по канонизированным церковью святым, то это:

1. *Великомученики*, претерпевшие гонения, мучения или смерть за веру.

2. *Святители-проповедники*, распространявшие Веру Христову среди язычников, как, например, апостол Павел в Риме и Европе; или, в России, Стефан Пермский, создавший письменность коми-пермяцкого народа и крестивший их в православие.

3. *Покаявшиеся в распутстве* или *стойкие в целомудрии* – как Мария Магдалина, Мария Египетская или блаженный Иероним.

Однако, основой святости почти всегда является *уход от мира к Богу*.

Ну, а если мы посмотрим на жизнь не с точки зрения церковной истории, а с точки зрения светской?

Значение *ратных подвигов*, то есть подвигов *в защиту отечества*, разве менее важно? И *претерпевать* совершающим их приходится больше, нежели покаявшимся блудницам – но кого из них причисляет церковь к святым? Иные закрывали телом своим пулемет, иные бросались под танки, да и всякий из солдат шел в атаку под пулями и мог быть убит – разве не всякий из них святой и образец для подражания?

И так же не важны ли для человечества научные подвиги?

Но чтит церковь *своих* героев, а не воинов за ратные подвиги; и не чтит просветителей, ученых, философов, поэтов, художников и музыкантов; не чтит, не прославляет Николая Коперника, которому обязано все человечество, и христиане в том числе – истиной об устройстве Божьего мира – а если важно видеть и знать, что "*человеческая душа обращается вокруг Бога как центра нравственной Вселенной*", то разве менее важно знать, что "*Земля обращается вокруг Солнца как центра нашей физической Вселенной*"? Не чтит церковь ни Ньютона, ни Лейбница,

создавших современную математику, ни Вернадского, создавшего учение о *ноосфере* – сфере Разума, ни Льва Толстого ... или *читит наоборот*, то есть возглашает анафему! – а неужели эти же самые "анафемщики" не плакали над страницами "Войны и Мира" или "Воскресения" (или *и не читали и не плакали*)? Неужели они не видели, как велики его заслуги перед русской культурой, русской духовной вселенной, а значит перед Богом? Или покаявшаяся блудница Ему дорога, и ее Он видит духовным взором, а на русскую литературу закрыл глаза? И наши взаимоотношения с Богом ограничиваются только тем, что мы иногда воздерживаемся от страстей и соблазнов, или, не одолев искушения, каемся в слабостях и грехах, и вот только этим Господь и интересуется, а до чтения Пушкина, Достоевского, и сэра Исаака Он не снисходит и ими не восторгается, и их подвиг за подвиг не читит?

Сонм христианских святых, как бы достойны они ни были, слишком односторонне представляет идею святости; и хотя достойна сочувствия несчастная Мария Египетская, покаявшаяся в торговле своим телом, но "блудница" из моей деревни, родившая и воспитавшая пятерых детей от разных отцов и *не покаявшаяся* в том – достойна гораздо большего сочувствия и восхищения! Но только никогда в ее честь не зажжет христианская церковь свечу!

А принадлежит ли к христианскому идеалу человека представление о *человеке деятельном* – то есть ученом, философе, писателе, враче, воине, матери семейства, ремесленнике, землепашце? И о *человеке достойном*? И относит ли христианство к *достоинству* знания, умения, таланты, мастерство, вдохновение, силу... а то и богатство, и власть – вопреки завету всё отдать, уйти в пустыню, в крайнем случае, в монастырь?

И состоятелен ли тот способ, которым христиане пытаются достигнуть состояния идеального человека? Например, всякому ясно: чтобы стать *хорошим* человеком, надо *заботиться* о ближних, *не делать зла* дальним, *быть справедливым* и *милосердным*! – а содержателен ли призыв *возлюбить ближнего*?

Вот так же у врача есть заповедь – *Не навреди!* – и она руководит поведением врача, он взвешивает свои действия, оценивает их последствия, соразмеряет степень риска с тем, насколько риск обоснован, но при этом относится к своему пациенту хладнокровно – или следует ему *вместо этого* его *возлюбить*? Так же, чтобы стать математиком, надо изучать математику; чтобы стать философом, надо впитывать культуру, читать книги, слушать музыку, ходить в театр...

Почему я спрашиваю об идеале?

Да потому, что кризис в душе, как и во всей моей стране, половина которой спилась, а другие вешаются и стреляются, так как утратили смысл и основание (и не всегда они хуже других, а часто лучше, потому и стреляются), и ищу твердь под ноги – но в том отношении к жизни и миру, которые предлагает мне христианство, тверди для себя я не нахожу.

3.

Поэтому и спорю я с приторно сладким (а иногда и с прогоркшим) сиропом христианского богословия... хотя не всегда спорю с христианским Богом.

Так же и прежде, когда оспаривал я марксизм, не *замахивался* я на *народ* и *научно познанную истину*, пророком которой являлся Маркс, и *на прогрессивное человечество!*

И вот спорю с христианами... Они Бога *приватизировали*, и получается, будто спорю я с Небом, *замахиваюсь* – на Небо.

Они приватизировали и святых, и отцов церкви, и христианских философов, и кажется, будто все святые и все религиозно мыслящие – одна соборная личность, *все как один*, а это только я – *один против всех*. А что святые и мыслители даже и дралась друг с другом, и отстаивали часто противоположные взгляды, и уже поэтому не могут быть *все* моими оппонентами – это словно бы не существенно.

Вот Нил Сорский и Иосиф Волоцкий – как уж спорили, выступая от *нестяжателей* и *стяжателей* – разве не надо бы кого-то из них признать еретиком? Нет, оба чтимы!

А Андрей Рублев – не так ли дерзко, как и я, *требовал* он от Бога явно Себя обнаружить? "*Но молчит Бог и равнодушно взирает!*" – говорю я. Это же чувствовал и Андрей Рублев, и ругался с Богом похлеще меня, и даже прямо *богохульствовал* (так, что не дерзок даже я в такой степени!)

Вероятно, не выдержал Бог, явил себя пред очи *дерзкого* (о, совсем *не кроткого!*), и зато имеем мы прославляющее Бога творчество великого живописца (но не елейную патоку).

Так вот, спор мой – с приватизаторами Неба.

Если церковь – собрание верующих, и все в ней равноправны, то и я – один из собрания, ибо не отвергаю я бытие Божие, хотя и пребываю в смятении. Но и Христос на кресте пребывал в смятении!

Не отвергаю я ни Ветхий ни Новый Заветы, но только понимаю Откровение как *Боговдохновенный диалог человека и Бога*, поэтому не принимаю и текст их как догму, данную Богом, то есть *Богодухновенную*.

Так и Ньютон и Лейбниц для математиков ("верующих" в математику) высшие авторитеты, но смеют же математики мыслить не во всем с ними согласно и даже далее созидать математику?!

Христианский Бог троичен, посему справедливо, что не вмещена Истина полностью в Боге-отце, Боге иудаизма и, следовательно, имею я право относиться к Ветхому Завету как отношусь к началам Евклида, то есть хотя и с уважением, но и с разумной долей сомнения и критики, поскольку после Евклида история математики, как история церкви и религии после Моисея, не закончилась, а появились еще и "Начала натуральной философии" Ньютона... (иначе зачем бы Христос? И остались бы мы иудеями, как вот иудеи же остались?! И ничего не

потеряли, и в рай попадают, думаю, не реже христиан, и не хуже они и не меньше, а если и впрямь религия – это народное отношение к жизни, то еврей и должен оставаться иудеем, а крестившийся, например, в русское православие, должен тем самым превращаться в русского)...

Но и в Боге-сыне, Иисусе Христе, также не вмещена вся Истина, и хотя говорит Он о Себе: "Я и Отец – одно", но не совсем, значит, одно, если в символе Веры утверждается, что хотя три ипостаси Троицы *нераздельны*, но и – *неслиянны*, а значит – *не одно*... Следовательно, история религии *не завершилась* и с Рождеством Христовым, и имею я право и к Новому Завету относиться с разумной долей сомнения и критики.

А поелику Бог – и Дух Святой, а "*Бог дышит где хочет*", то почему же не может Он дышать не только рядом с теми, кто уверовал *без сомнений* и навсегда, но и рядом с теми, кто проходит через муки сомнений и отрицания или, как Апостол Фома, просит у Господа свидетельства Своего Воскресения?

Да и не в том дело, спорю я или не спорю с известными мнениями.

Просто я сам по себе.

В нашей же стране постоянно обличаются те, кто *сам по себе*, а прославляются "состоящие в партии". При том, для меня не так уж важно то, что я сам по себе; мог бы я и с другими взяться за иное строительство, да и охотнее бы взялся с другими, потому что в одиночку я даже сарай в деревне не могу отремонтировать – но бегаю деревня вокруг моего сарая и кудахчет: ах, ах, *не тобою поставлено, не тебе и переставлять*, подожди, пока само упадёт, а тогда уже строй новое!

Мог бы я и с *христианами* взяться за строительство "храма", но сжигает меня страсть о России; и с другими *деятельными* взялся бы я за ее возрождение, но занят каждый деятельный только своим делом, а *общее* – никого не интересует, вот и стало в России хуже прежнего.

Нет, не бросаю я камень в тех, кто верует, и кто счастлив, обретя Веру в Бога. Но и в меня не бросайте камень. Я – не счастлив. Но не могу я придти к Евангелию и успокоиться, и не хочу стать счастливым, пока не спасётся Россия.

Священное Писание не дает ответа на мои вопросы, а *Бог молчит*, и *не разговаривает со мною*. Поэтому, хотя и резко я других обличаю, но и сам еще ни в чем до конца не уверен.

4. О достоинстве

Не сын, но раб! – в этом пафос христианства, его борьбы с достоинством человека.

Русского человека я противопоставляю общепринятому образу христианина, а более тому образу, который навязывается нам "профессиональными христианами" – проповедниками, церковными писателями, преподавателями богословия, а в особенности различными торговцами атрибутами церковной жизни и Слова Божьего – вовсе не с намерением испровергнуть Откровение.

Я ищу практического совета, я еще не выделался в *достойного* человека, а времени осталось мало, и я ищу *правила достойной жизни и образ правильного человека*. Я хочу узнать, каков должен быть человек, чтобы провожающие его за гробом смахнули слезу, "*и жена чтобы пала на гроб*", и люди не только близкие, но и далекие сказали: *сегодня расстаемся мы с достойнейшим человеком, о котором никто не скажет дурного слова!*

Достойным был Пушкин, написавший прекрасные стихи и драмы, хотя и играл в карты, волочился чуть ли не за каждой юбкой, вызвал на дуэль (то есть на убийство) Дантеса и погиб от руки пустого повесы.

И карты, и карточные долги, и романы с чужими женами – не лучшие черты *достойного* человека – но, быть может, не так они значимы, если все же Пушкин вызывает наше восхищение? Он был гордым, талантливым, дорожил именем и честью, был легким и верным в дружбе, любил свободу и красивых женщин, написал, в частности, Гаврииаду и Пророка, Сказку о попе и работнике его Балде, и "Свободы сеятель пустынный..." – десять ли заповедей Моисеевых, в том числе "не убий" и "не возжелай жены ближнего своего" воспитали его в *доблестном* 19 веке?

Достойным был юноша Лермонтов, написавший прекрасные стихи и драмы, и погибший на дуэли от руки напыщенного хлыща.

Он был гордым, на литературное поприще вступил, вступившись за честь Пушкина, написал, в частности, легкомысленную поэму "Сашка" и "Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...", великую драму "Демон" и "Выхожу один я на дорогу..." – десять ли заповедей Моисеевых, в том числе "не убий", воспитали его в *доблестном* 19 веке?

Каким мне самому быть человеком, и кого взять за образец – вот о чем я мучительно размышляю.

Кротость ли Серафима Саровского или дерзость Лермонтова, почти с безрассудной храбростью скакавшего под пулями кавказских горцев?

Смирение ли и бессемейность *Оттинских старцев*, или неукротимость "*Пропомона*" (как называла его моя мать)?

Терпение ли и *покорность* "типичного человека из народа" – или бунтарский дух, вдохновляющий каждого русского поэта, даже в минувшем унижительном двадцатом столетии?

Не мое унижение так меня мучает, а то, что *проповедь смирения* унижает тех, кто мне дорог. Проповедь эта унижает Пушкина, вышедшего с пистолетом отстаять свою *честь*; унижает Лермонтова...

А не христиане ли и Галилея поставили на колени; сожгли Орлеанскую Деву; истязали Гипатию, защищавшую Александрийскую библиотеку – не относили они *честь* и *гордость* к добродетелям, но лишь порицали!

Но я не сказал, что призываю к ропоту – я только разделяю утеснение на два уровня, и один готов допустить как испытание, тяготы плена, страдание в болезни, как неотвратимость старости и смерти, как бедность и одиночество, как такие обстоятельства жизни, в которых притеснение

не является самоцелью, в которых не стремится побеждающая тебя сила еще и глумиться над тобою злорадно – ну, что ж, тогда тянешь ярмо плена и стараешься по возможности не слишком склоненной держать голову.

Но всякое ли унижение нужно сносить, чтобы выжить? Если сажают в клетку и выставляют напоказ? Если бьют, плюют, истязают? Кротко ли сносить? Благодарить ли?

У меня отняли мое достояние – так смириться ли и умереть в рабстве, покорным прихожанином "церкви смирения" – или продолжать борьбу, пусть безнадежную, и умереть в тюремной камере, от руки наемного убийцы, или от кистеня разбойника?

Почему так поздно я взялся за то, чтобы сделать из себя достойного человека?

Потому что моя страна вела себя *недостойно*, и некого было вызывать на дуэль.

Сорок лет я думал о том, как исправить пути моего народа, мне некогда было заниматься "совершенствованием своей души", пока страна *"блядовала"*... И сегодня заняться собою я решил не для того, чтобы научиться достойно жить, но – научиться достойно умереть.

Мне нужно разрешить один частный вопрос наряду с общим: *каким быть человеком?* – но от этого частного зависит и общее.

Главный враг у меня (как у любого честного человека в моей стране) – это наша дьявольская власть.

Я с нею воюю, большей частью подпольно, и для власти неощутимо, но что сделать значительного – не знаю. Нет сторонников. Нет оружия. Нет патронов. Нет денег. Даже выйди один я с плакатом на Красную Площадь – мой же собственный народ меня оскорбит презрением и смехом. Пойти в толпе? С кем?

Но хватит об этом, если писать дальше, то такое отчаяние захлестнет душу, что надо будет захлестнуть и тело – веревкой.

Власть у меня отняла страну и достоинство, она меня унижает, она разгромила мое государство, она ограбила мой народ...

Эта власть взрастила свору воров и разбойников, и вместе с ними нас обирает.

Но попушением и пособничеством этой власти расплодилось по всей русской земле свора и *самодельных* воров и разбойников, промышляющих ночью и днем, в кустах и в подворотнях, а то и в людных местах (не говоря уж о том, что и народ растлился, и из каждых трёх четверо хапнут чужое, оставленное на мгновение без присмотра).

И эти-то самодельные разбойники, которых власть опекает, и которых искоренять не желает, забирают у меня последнее – мое достоинство свободного человека.

Я ходил в лес, и мог переночевать в лесу один, и не боялся.

Я пил со случайными прохожими; целовался с бесхозными девицами; бродил по улицам и проходным дворам Петербурга, и не было в старом

городе подворотни, в которую бы я не зашел – так лесник обходит каждое дерево в лесу, в котором он живет лесником.

Петербург был моим городом, и я в нем был "*городничим*".

И вот грянула *свобода* самозванных демократов, *демократия* "воров в законе" и преподавателей КПСС, в страну хлынули эшелоны ядовитого спирта, и у каждой подворотни притаилась нечисть с ножом в руках.

Восемь лет назад... Но я уже об этом писал... Разбойников было трое, и они меня победили.

Но дело в том – и эту-то "апорию Зенона" я не могу разрешить до сих пор – что не они меня победили, а моя *неспособность силе противопоставить силу, насилию – насилие*.

Восемь лет спустя почти философский спор – подставить ли вторую щеку, если тебя ударили по одной щеке – продолжился.

Разбойников теперь уже было четверо, спор состоялся уже не в проходном дворе, а в сумерках в безлюдном парке, и конечно победа была за ними... – но победили не они, не их *сила*, а отсутствие во мне того основания, которое единственно делает человека *доблестным* – решимость умереть, сражаясь.

Мой город – это последнее, что еще не отняло у меня до конца государство – так отдать ли его разбойникам?

Сорок лет ходил я по его улицам и подворотням, садам и паркам – и не боялся. Я ходил по ним и при свете дня, и в сумерках, и глубокой ночью, я не сдался и после первого поражения – сдаться ль теперь?

Остаться ли христианином, чтобы *быть готовым* сносить унижения? – но достойно ли это русского поэта? Примут ли меня на том свете в свою компанию Пушкин и Лермонтов, Есенин и Гумилев, Ольга Берггольц, Даниил Андреев, Варлам Шаламов?

Быть может, и вправду истинно не жениться, и *терпеть* унижение – но не могу я вместить эти истины, да могу ли вместить в себя и христианство, которое противоречит всему строю моего языка?

Поэтому, чтобы стать достойным человеком в моей стране, должен я "препоясаться мечом" и идти, как и прежде, по людным дневным улицам и безлюдным ночным, и если разбойников теперь будет пятеро, радостно и отважно принять неравный бой и погибнуть во славу *доблестной* русской поэзии! (*Ох!* – замечание В.)

6.

Причиной разногласий часто оказываются обычные ошибки в рассуждениях – не разность в отношении к добру и злу, где защищающий злое защищает его не потому, что ошибается, а что оно ему ближе, понятнее, роднее, он его и защищает – а слабость ума.

Вот восклицает восторженный, огораживающий любовь от пошлых сентенций:

*О любви не говорят, о ней всё сказано,
Сердце верное в любви молчать обязано!*

Но что этим хотел сказать поэт – ну совершенно непонятно!

Разумеется, он хотел сказать что-то хорошее, доброе, высокое – но надо догадываться. Возможно, поэт был женщиной, а женщины, как правило, о любви не говорят, а только *краснеют, бледнеют, вздыхают* – и всё понятно без слов! А если говорят, то нагромождают фразы из одних логических ошибок – когда говорят о любви (ибо научные их суждения бывают не хуже, чем у мужчин) – не зря и называют их логику *женской*, в отличие от общепринятой логики, которую называют просто *логикой* (о *мета-логике* – разговор особый, она в чем-то сродни логике *женской*).

Итак, в приведенном двустишии женщина-поэт начинает с того, что "*о любви не говорят*", потому что "*о ней [уже] всё сказано*" – то есть раньше всё-таки говорили, причем так много, что уже всё сказали и, следовательно, теперь уже не стоит о ней говорить. Далее она призывает и своего кавалера "молчать о любви", то есть, по-видимому, *краснеть, вздыхать, моргать* – но ведь это неуместное поведение для мужчины!

Если бы эти строки появились сегодня, я бы заподозрил, что *она* призывает своего кавалера "не тратьте лишних слов" – но пели мы эту песню в то романтическое время, когда такие пожелания хотя и могли подразумеваться в интимных обстоятельствах, но не раздавались с "амвона СМИ".

Следовательно, девушка, *на словах* призывающая своего кавалера молчать, *краснея и вздыхая* его умоляла – ну, пожалуйста, не молчи, скажи, что ты меня любишь, что ты не можешь без меня жить, что я самая красивая, самая привлекательная, самая желанная!

И также, вероятно, богословы, утверждающие, что *Бог непостижим*, не хотят обмануть собеседника, а просто с логикой не в ладах.

Поэтому (для вразумления их легковых читателей) запнусь об эту непостижимость еще немного.

В утверждении непостижимости на первом месте эмоции, логика – на втором.

Важная составляющая идеи непостижимости – возвеличение Бога! Бог слишком высок! Он... Он... Он так высок, что... одним словом – *непостижим!*

Но жажда унижения человека даже сильнее *преклонения* перед Богом, и утверждается именно *ненависть* к человеку – ненависть, вероятно, к самому себе, фрейдовский комплекс неполноценности, человек сознает свою низость, свое ничтожество, и ему тяжело с этим сознанием – да это *не я* ничтожен, вдруг его осеняет, а – "*человек*", ибо "*человеческое – мерзость перед Богом*", вычитывает он в катехизисе, и под этим знаменем дальше уже и воюет, дальше и его философия, и его богословие.

И наконец меня осенило.

Надо просто вглядываться и вслушиваться в тот шум и гам, который нам преподносится под именем «Слова Божьего», и вот начинаешь в нем различать хор голосов – и волчий вой, и птичий гай, и шум дубрав, и "гад морских подводный ход, и дольней лóзы прозябанье".

Если человек создан Богом (да еще и по образу Своему и подобию!), то уж Господь определил и возможности человека.

Сказано, что "всякое дыхание да славит Господа!" – возможно, что это относится и к растениям, ибо в некотором смысле и они дышат, но уж "гады морские" славят Господа! Рассуждением, однако, Господь наделил только человека, и есть среди них и умные, и тонкие, и чувствующие и рассуждающие. Возможно, и им не всё дано постигнуть – но что именно дано человеку постигнуть, есть ли пределы постижения, скрывается ли Господь, дал ли Он человеку достаточно силы вразумления – это уж, вероятно, решать не "нищим духом", даже если и будет им (потом принадлежать царствие Божие).

Я – один из тех немногих, которые дерзают решать, и конечно, я вижу свою немощ, лучше ее вижу, нежели "нищие", но и я влачился в пустыне мрачной, томимый духовной жаждою, когда, по неизъяснимой Господней милости, *"шестикрылый Серафим на перепутье мне явился!"*

Сначала *"перстами нежными как сон моих зениц коснулся он"*, а потом – *"моих ушей коснулся он"*.

Дальше вы всё знаете.

Получил я и те способности, которые получает человек после *духовного рождения* – то есть возможность видеть и слышать невидимое и неслышимое.

Но рассказать об этом на том языке, который мне дан с рождения, я не могу. Я пытался, и результаты моих попыток у вас перед глазами.

Нужен был *новый язык* – *"и он к устам моим приник, и вырвал грешный мой язык, и празднословный, и лукавый, и жало мудрыя змеи в уста замерших мои вложил десницею кровавой"*.

Но я не перестал быть человеком, и когда стих грохот потрясения, вновь заговорил как все (хотя целых двадцать лет на литературном поприще молчал, в ожидании, когда проявится во мне *"иноговорение"*).

Если Господу будет угодно, то сбудется пророчество нашего великого поэта, и *Бога глас воззовет* – ко мне или другому, кого изберет Он в пророки.

Пока же я – почти как все.

Но даже не имея еще дара *"иноговорения"*, я обладаю логикой, а не только *красною, вздыхаю и хлопаю глазами перед непостижимым*.

Совершенно ясно, что Господь нуждается в том, кто умеет видеть, слышать, понимать и говорить, иначе Он ограничился бы в Своем творчестве бессловесными рыбами или даже *обльней лозой*.

Не отрицают и богословы, что Господь создал, помимо праха земного, еще и сознание, и вдохнул его в человека.

И хотя я согласен, что человек немощен, и способности его ограничены – но является ли сознание, проникающее мир как одна из его ипостасей, немощным и ограниченным? Если Господь создал мир насколько мог, изо всех сил (а как иначе было бы Ему его созидать, если только не предположить, что потом как-нибудь Он заново мир пересоздаст, и тогда уж во всю мощь?!) – итак, если мир создан по всей

возможности Господней, то и сознание – полно и совершенно, и способно к пониманию мира, а, следовательно и Бога как Духа, содержащегося в мире как в собственном творении) – но сознание вмещено только в человека, и при всей человеческой немощи именно человеку предстоит выполнить поручение Господа – *осознать* мир и Творца (или Творец предпочитает скрываться не узнанным?)

Но даже если со-знание недостаточно, то и это не беда – в Откровении открывается человеку Сверх-знание.

Знание *откровения* хотя и не дано всякому (хотя и ни перед кем не закрыто), но дается не для того, чтобы человек, которому оно дается, просто держал его в руках, ничего не понимая, *краснея, бледнея, хлопая глазами*, и не зная куда его деть.

Разумеется, человек постигает Бога не так, как Бог постигает Сам Себя, – но и не так, как рыба. Но ведь и мужчина постигает женщину не так, как она постигает себя, однако достаточно для того, чтобы между ними был возможен не только диалог, но и любовь – то есть *откровение*, связывающее мужчину и женщину в полном понимании и соединении.

Если Господь нуждается в любви человека, то это не любовь бессловесных рыб, а любовь Постижения, следовательно, Бог постижим настолько, насколько постижение вмещено в Мировом Духе, а вмещено оно настолько, насколько удалось это Творцу сущего.

Или Ему не удалось главное – открыть человеку дорогу к Богу, то есть к самому Себе (как полагает догматическая вера)?

Вероятно, эту книгу допишу я не скоро.

Мне надо многое еще прочитать, знания мои односторонни, ограничиваются избитой сентенцией Екклезиаста что всё (будто бы) одна только суета сует и ничего более. А надо бы узнать, что по поводу Истины, Долга и страданий думали Евклид и Пифагор, Платон и Аристотель, возможно, они не менее глубокомысленны, чем много-страдальный Иов и "глубокомысленный" Екклезиаст.

К несчастью, человек моего поколения в поисках откровения обращался либо к ветхозаветным пророкам (включая к ним отчасти и апостола Павла), либо к Марксу, и принимал от них готовую Истину.

Но Ангел Господень говорит мне – Разве ты, умеющий читать и мыслить, не должен сначала прочитать великих – от Фалеса до Павла Бакунина, а уж потом, не найдя ответа на земле, в душе человека (в которую Господь вложил всё, что возможно, всю Истину Мира), обращаться за помощью к Небу?!

7. Праведники и грешники

Идея спасения души нераздельна с представлением о грехе и греховности.

Спасти душу – значит искупить грехи и очистить волю и сознание от греховных *помыслов* и устремлений.

Погубить душу – значит еще пуще погрузить ее в состояние греховности.

Каясь на исповеди, грешник просит "отпустить" грехи ему как вольные, так и *невольные*; возможно, к невольным грехам относится то, что в уголовном праве квалифицируется как причинение вреда по неосторожности, или в состоянии "аффекта" (страсти, страха, в пылу, в азарте и т.п.)

Нашу жизнь пронизывает множество коллизий, взаимоотношений как с самим собою, так и с другими, с государством, с Богом, с законом, с творчеством.

Но для подлинного христианина его жизнь должна исчерпываться не отношениями с Богом (это у *меня* с Ним роман, такой же мучительный, как с вертихвостками, а не у них), – а отношениями с грехами, и в них главная страсть христианина! Если политик и бизнесмен стремятся к *обладанию* грехом (или к тому, чтобы грех ими обладал), то христиане стремятся к *освобождению* от греха, от всякого греховного действия, всякого греховного помысла – ну и, естественно, по проповеди апостола Павла, действеннее всего такое освобождение только вместе с жизнью – *спать во гробе, и жить аки умереть* – вот в чем *преодоление* греха.

В основании христианской нравственности лежит чувство *вины*, сознание греховности, идущей еще от *грехопадения* в раю; сознание того, что грех пропитывает и мир и самого человека независимо от того, как он живет, изначально. Вера в Бога и *страх* наказания, Страшного суда, Божьего гнева – взаимоотношения ребенка и сурового Отца (дитя всегда виновато, дитя всегда боится!).

Эллинская и латинская культура выработали (и европейское сознание усвоило и развило, прорастая сквозь христианство в последние три века) другую основу нравственности – Идею *Долга*, соединенного с *Любовью*.

"Роман с грехом" – это тот результат, к которому стремится традиционное христианство – и это результат бесплодный, он засушивает человека, делает его одномерным; этот роман не приводит человека к Богу, а уводит от Него.

Не красть – недостаточно не только для того, чтобы стать *праведным*, но и просто чтобы стать человеком. Большинство – не ворует, но не все мы люди, только грехи наши в другом! – в *бездеятельной жизни*; в *невежестве*; в *малодушии*; в *подчинении несправедной силе*; в *малой любви к отечеству*; в *лени*; в *отсутствии художественного вкуса*; в *бесталанности*; в *нерассудительном и бесплодном труде*...

Но приводит ли христианина его "роман с грехом" к очищению, к освобождению от греха?

Нет. Дело в том, что христианин со своими подлинными грехами и не борется, он их не сознаёт и сознавать не хочет, его борьба – с *метафизической идеей греха*, присущей (по его мнению) человеку как таковому. Освобождение от этого греха никогда не состоится (так же как и достижение окончательной, *абсолютной чистоты*), ибо это война с химерами и мнимое освобождение от химер.

Подлинных грехов множество – но их преодоление не занимает церковного человека (да и церковь).

Вот православная церковь триста лет гнала своих единоверцев – православных старого обряда – а покаяния в гонениях до сих пор нет – хороша "безгрешная" христианская церковь, якобы "тело Христово"! А почему бы мне и себя не объявить безгрешным как творению Божьему по образу Его и подобно? Правда, я – *пал...* (через Адама). Так не пала ли и церковь – через своих иерархов, неистовая гонительница ученых, поэтов, философов, и даже братьев по вере?!

О каком же покаянии русского народа за его участие в истреблении своих братьев по крови – священников, дворян, офицеров, царской семьи, крестьян, писателей и ученых – можно говорить, если церковь не покаялась? Вот когда церковь – то есть организация верующих-христиан – покается, появится надежда и на покаяние русского народа.

Кто может стать сегодня праведником? Не тот, кто упрется в свои мнимые грехи, идущие еще *от Адама и Евы* – а кто, наконец, осмолится окрест себя и станет *уязвлена душа его страданиями человеческими*; кто сокрушит душу свою в горестном *романе с Россией*, живущей не-праведно, не желающей каяться, покорившейся недостойным...

Праведником может стать лишь тот, для кого его *долг* важнее его самого – крестьянин, возделывающий поле; воин, защищающий отечество; мать, вскармливающая дитя; писатель, пишущий книгу; философ и ученый, ищущие истину; врач, исцеляющий страждущих; всякий труженик и всякий любящий, заботящиеся о ближних и возлюбленных больше, чем о себе.

Все мы, честно исполняющие свой долг, на пути к праведности.

Но над всяким нашим *дóлгом* есть долг наиважнейший – это спасение России.

Вера говорит нам, что Бог прежде, а Россия потом – так что же важнее – Бог или Россия?

Бог бессмертен, Россия смертна – так кто же в нас больше нуждается?

Бог вечен, Россия временна – так кто же может ждать?

Надо спешить, пока Россия еще жива, а Бог – подождет.

Надо жить для Бога! – уверяют верующие, и я с ними согласен.

Но жить для Бога и означает исполнить дело любви к России, ибо без любви Вера пуста и тщетна.

Бог не на небе – то Бог фарисеев.

Бог в наших сердцах и в наших мыслях.

Бог не поручал нам о Нем заботиться, Он Сам о Себе позаботится.

Но Он вручил нам все то, что ближе – и если даже самозаботливое дело спасения нашей собственной души поручил Он нам, как уверяют христиане, то тем более тех, кому без нас точно плохо, Бог нам вручил:

Наших детей, чтобы мы их воспитали достойно.

Нашу Родину, чтобы было где жить нашим детям.

Нашу культуру – потому что культура – это и есть тот Дух, ради которого было сказано, что *не хлебом единым жив человек*.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И БОГА

*Настало время новых мятежей...
Максимилиан Волошин.*

1. Поэт и власть – земная и небесная

1 марта 2004 года. В этот день, 123 года назад, у входа в Летний Сад Каракозов стрелял в царя. Потом было еще много тех, кто стрелял, обличал, унижал власть, сражался против нее на баррикадах; потом расстреляли царя вместе с семьей; потом расстреливали многих из новой власти; потом расстреливали тех, кто ни к какой власти не относился и даже не выступал против; потом уже просто текли реки крови и никто не пытался их запрудить.

Но, странное дело, сама идея власти как *силы правой потому что сила* – не пошатнулась.

Точнее, осталось прежнее религиозное отношение к власти: царь – наместник Бога или сам живой Бог (как был Сталин).

Даже в чтениях "О русской поэзии" Калягина история культуры предстает только в связи с православием – большее или меньшее место занимает в жизни человека исполнение религиозных обрядов, много ли он времени проводит в церкви...

Войны, развитие искусств, хозяйственная деятельность, крепостное состояние большей части народа, да и сама *жизнь* – всё неважно, и словно бы не имеет отношения к жизни.

Взгляд на историю через христианство отменяет историю.

Чем отличается 16-ый век от 19-го? Только верую! А тиранствовал ли Иоанн Грозный, это, мол, пустяки.

Царь мог сажать и вешать своих строптивых бояр (якобы строптивых), от того народная любовь к нему только усиливалась. Царь мог сажать и вешать своих непокорных холопов (якобы непокорных), царь мог казнить изменников (якобы изменников) – от того народная любовь к нему только усиливалась.

Тем более царь мог казнить подлинно непокорных.

Почему так неразрывна связь между царем и народом, кто виноват?

У пророка Исаяи в Ветхом Завете перечисляются люди, без которых не может устоять православное Царство. Это – *«храбрый вождь и воин, судья и пророк, и прозорливец, и старец, пятидесятник, и вельможа, и советник, и мудрый художник, и искусный в слове».*

Как мы видим, звание поэта отнесено от "более важных" званий судьи, пророка, "народного вождя" на околицу иерархии.

Не со школьных ли лет мучаемся мы драмой взаимоотношений Поэта и Царя? При их противостоянии кому наше сочувствие?

У Поэта слово, у Царя сила, и в крайности Царь может казнить Поэта (или в тюрьму посадить, отправить в ссылку).

И мы еще помним, при каком царе сослали Лермонтова на Кавказ, расстреляли Гумилева, казнили Ключева, но уже не сохранились в народной памяти имена властителей, при которых творили Гомер, Вергилий, Данте и Петрарка...

Народная память справедлива, она почитает тех, кто учил нас читать и мыслить, любить прекрасное, кто *созидал нашу душу* – и все же поэту принадлежит в православной иерархии идеального Царства только *одиннадцатое* место, а царю (названному *храбрым вождем*) – *первое!*

С этой точки зрения оценивает русскую поэзию современный исследователь, "христианин из христиан". С этой же точки зрения относилось к культуре христианское общество на протяжении двух тысяч лет. Так не в христианстве ли ответ на вопрос, почему русский народ столь верноподанный, и столь послушно провожает поэта к месту казни по приказу царя?

Да ведь и Пророк занимает место после Судьи и Воина, и потому для правоверных иудеев, даже внимающих Христу, даже признающих в нем Пророка – правота была за Каиафой, и правоверный иудей (да и Сам Христос) были обязаны ему подчиняться, ибо то, что Христос – Сын Божий, определилось лишь после казни и Воскресения, даже для Христа, ибо на кресте Он и Сам усомнился в том, что *все идет как надо*, а, возможно, уже не был уверен и в своем *сыновстве* Богу-отцу.

Для христианства культура второстепенна, потому-то и религиозно настроенные поэты, как Пушкин и Лермонтов, в смятении.

Но восклицает Пушкин, обращаясь к поэту: "*Ты – царь!*" – его завет я и приемлю. Поэт для меня авторитетнее, нежели Ветхозаветная традиция, за ним и я восклицаю:

Но если смертный рог трубит,
И битва грозная вскипает,
Спешу "от песен и молитв"
В само горнило грозных битв,
Туда, где истина страдает.
Упавших знамя подними,
Стань выше мнения людского,
Одень доспехи, меч возьми,
И заостри копьё и слово!

Религиозный ренессанс в сегодняшней России происходит под знаком нового закабаления человека и его дела. Человека надо обратить в *раба Божьего*, культуру подчинить церкви и идеологии; и сами христиане взаимоотношения Культуры и Культа вновь формулируют в крайней форме – *или Култ – или Культура!*

Назад к патриархальному обществу, в котором на троне восседает помазанник Божий, и верует и повинуется, не рассуждая, народ.

Назад к «"Богу Авраама и Исаака, Богу Иакова. Не философов и ученых." – *записал Паскаль в минуту озарения, перевернувшего его жизнь.*» – курсивом я выделил слова "христианина из христиан" в его «Чтениях о русской поэзии».

Малость поэта в отношении к власти, вторичность культуры в отношении к религии являются следствием противопоставления человека и Бога, вторичности человека и *человеческого* в отношениях с Богом.

Поэт, царь, крестьянин... Интеллигенция, власть, народ...

Именно в России эти треугольники еще более роковые, чем горестные любовные треугольники, где из трех не вычитаются двое.

Какая из вершин треугольника ближе к Богу, на чьей стороне правда? Действительно ли "глас народа глас Божий", как сказал Пушкин?

Но тогда прав ли он, когда воскликнул "*Поэт, не дорожи любовью народной!*", поставив верность духовной свободе выше народной любви?

И всякая ли власть от Бога? И справедливо ли, что власть в России давит поэтов, а поэты противостоят власти?!

Да ведь и Христа распяла тогдашняя *Власть*, хотя не выступал Он против нее, а всего лишь от нее отстранялся.

А отстранялась ли от *Власти* Церковь, созданная для довершения дела Его?

Нет, всегда, с тех пор как вкусила богатства и власти, стремится быть рядом с властью, или частью ее, или даже *всей* властью – и именно земной, когда во владении и земля, и злато, и дворцы, и "рысаки" (а ныне – "мерседесы" или *покруче*).

А что же *Власть*?

Чаще всего принимает церковную "ласку". Воистину, настало уже царствие Божие, и возлегли волки с овцами рядом.

У поэтов с властью отношения сложнее. Редко поэт воспевает власть, и уж совсем редко канарейкою заливается гений. Но – бывает... Но так как власть ненавидит и гонит поэзию, унижает, казнит, заключает в оковы – преимущественно, а лавровым венком венчает исключительно редко, то минуты малодушия поэту простим. Если и Христос на кресте пал духом, так что о слабом поэте сказать?! – не только дети есть просят, но и жена пилит, и друзья перестают наливать "на халяву", приходится терпеть поношения и становиться *как все*, ходить на службу, ходить на демонстрации, иногда просить денег даже у тех, кто сроду стихов не читал.

На днях выкупило российское правительство проворовавшего чиновника за три миллиона долларов.

А поэтов когда-нибудь выкупали?

Гордость Альбиона – Шелли прятался от кредиторов, и только по воскресеньям являлся домой (в воскресенье в Англии должников не терзали).

Великий философ Штирнер сидел в долговой яме.

Платон за долги был продан в рабство.

Розанов умер с голоду, а Цветаева повесилась, не вынеся унижений (в России философы и поэты умирают и в воскресенье!).

И мартиролог так длинен, что всех униженных не поименуешь.

Справедливо ли, что народ – с властью заодно, ее поддерживает, и даже обожает?

Так ведь, и церковь – с властью заодно, провозглашает здравницу власти и обличает непокорных мыслителей и поэтов – или когда-нибудь было наоборот? Или когда-нибудь мы, мыслители и поэты, со своими "совершенными числами", египетскими треугольниками, законами движения планет, тайнами атомного ядра, правилами зодчества, "золотым сечением", великими творениями Данте, Гете, Бетховена и Скрябина, с нашими романами и нашими "песнями песен" Пушкина и Лермонтова – равнялись в мнении бесстрастных рабов божиих с заветом не желать чужого вола и чужой жены, записанным на каменных скрижалях? Как будто мы этого сами не знали, и "Гомер не сказал, и Одиссей не поведал"?

2. Какова должна быть цель наших усилий?

Казалось бы, в выборе между Добром и Злом человеку достаточно сделать выбор в пользу Добра и стремиться к добру – но нет, *"Добро, которое не для Бога делается, является источником зла!"* – утверждают правверные христиане.

"Спешите делать добро!" – этот тезис гуманизма христианские апологеты цитируют с насмешкой, издевкой, злобой.

Христианский богослов подчиняет религиозной идеологии искусство, философию, саму жизнь. Вот только математику сегодня уже не осмеливается он ей подчинить, после Галилея, Коперника, Кеплера.

Теперь я понял, что разрешение тех вопросов, которых коснулся я в своих черновых набросках к «Критике догматического богословия», следует из ответа на главный вопрос: где находится источник постижения и нравственности, что такое Совесть, и чем следует руководствоваться – *голосом совести, или правилами, данными в Катехизисе?*

Где находится источник познания, вдохновения и культуры?

И где находится Бог, тот Бог, который противопоставляется человеку не мною, а Догматическим Богословием – *вне человека, или внутри?*

И когда я повторяю вслед за Парменидом, что *"Человек – мера всех вещей"*, то восстаю ли я на Бога?

И когда я восстаю на слова, что *"высокое перед людьми – мерзость перед Богом"* – восстаю ли я на Бога?

И о каком Боге мы спорим – о "Боге Авраама, Исаака и Иакова", или о "Боге философов и ученых"?

Да и о Боге ли, возвешенном Христом? Ибо Бог, возвешенный Христом, тот же ли самый, что и Бог Ветхого Завета?

Не раз уже возражал я заботе о "спасении души" как единственной заботе отдельного человека, упрекая его в эгоизме.

Да, всецелая забота о спасении своей души эгоистична, и чаще всего тот, кто о своей душе не заботится, вернее ее спасает, например, крестьянка, беззаветно отдающая себя труду и детям, как моя мать; или воин, беззаветно отдающий себя защите Отечества, как мой отец.

А занимающийся спасением собственной души – в монастыре, в скиту, на столпе и на камне, – в годину лихих испытаний, как в военные годы и в годы террора, или сегодня, при обгладывании нашей страны сворой жестоких и алчных – спасает ли душу свою, Бог весть.

Но, однако, сама идея *спасения* благотворна, человек либо спасает свою душу, либо губит ее, и всякому человеку дана возможность спасти душу при жизни, для того достаточно не делать зла и делать добро.

Не один, при желании, спасется, а многие; не только подвигом спасутся, а повседневной жизнью, сторонящейся грехов.

Но когда читаешь христианских писателей, кажется, что они и о "спасении души" уже позабыли, погрязнув в словопрениях. Ибо богословие и аскетическое христианство в центр рассуждений ставят другое, утопающее в схоластике, как в омуте, например, стремление к *чистоте*, которая оказывается недостижимой даже для *сверх-подвижников*; или стремление к стяжанию *духа святого* (или *благодати*), которое не только недостижимо, но о котором, по мнению богословов, человеку нельзя даже знать; или стремление к *постижению* Бога, который в то же время *непостижим*.

Прежде чем спорить с христианским богословием, надо, конечно, выяснить, что именно является христианством, а что им не является – казалось бы, это не моя задача, это должно бы выяснить богословие – да только хочет ли оно *выяснения*?

Словно вселенская топь под ногами...

И с кем спорить?

Вот заявляет автор, претендующий на философию истории, что состоит она из двух периодов – до Рождества Христова, содержанием которого являлось создание Христианской Церкви, и новозаветный период, состоящий в ожидании Второго пришествия Христа.

Единым махом зачеркивается и Древний Египет, и эллинский мир, и Древний Рим, и пирамиды, и Евклид, и Пифагор, и Цезарь.

Да и все нынешнее зачеркивается тоже, и луна и звезды, и поцелуи при луне, стихи и романсы (какие могут быть романсы в ожидании Пришествия?), теорема Гёделя и национальная революция, Мариинский театр и мазурки Шопена...

Подчиняя жизнь идее Прогресса и строительства коммунизма, советская доктрина и практика превращали живого (хотя и небезгрешного) человека в винтик государственного механизма, в *человека одномерного*, истощающегося функцией, предписываемой доктриной (но хоть звезды еще оставались и астрономия, музыка и мазурки Шопена).

Вручая мир Богу, христианское богословие таинственный и воистину непостижимый до конца мир, таинственную и воистину непостижимую жизнь превратили в мир одномерный и жизнь одномерную, человеку же здесь не находится места даже и в виде отдельного винтика.

 Так что же является основой нравственности? И в чем цель (нравственной) жизни?

Горестное сознание греховности человеческого рода (вследствие *падения* Адама и Евы), спасение души и стяжание *духа святого* – или достойная жизнь, исполнение долга?!

Европейский идеализм в основание мира ставит Дух, следовательно, история мира – это история Духа, его самораскрытие и саморазвитие.

Дух *онтологически* присутствует в мире, то есть *порождает* мир и является его *действительностью*, и он хорош или плох не в отношении к чему-либо более высокому, а как раз напротив, всё *являющееся*, феноменальное – хорошо или плохо именно в отношении к Духу.

Таким образом, в Духе нет порока, гнили и тлена, и уравнение эллипса – $x^2/a^2 + y^2/b^2 = 1$ – безусловно, и земля, обращаясь вокруг солнца по эллипсу, обращается также торжественно и безусловно.

Однако, среди окружностей и эллипсов (как бы они ни были совершенны) мы не находим нравственности.

Но Дух проявляется не только во *всемирном тяготении* и "конических сечениях", не только в том, что он существует как *всеобщее*, но и в том, что он существует как частное, следовательно, существует как *объективное* и *субъективное*, как *Предстоящее* (сущее, бытие, мир, целое, былинка и Бог) и *Сознающее* – субъект, личность, Я.

Дух существует как *объективное и субъективное*, и только поэтому существует. Существовать и значит распасться на объективное и субъективное, а вне такого распада *существования* нет. Не только Дух сам по себе не существует, но даже и Бог.

Действительно, что значит *существовать*?

И существует ли Бог?

Человек задает себе этот вопрос, и даже когда отвечает на него отрицательно, возможно, он ошибается, и Бог все-таки существует – а если бы человека не было, кто задал бы вопрос о существовании Бога? Мог ли бы Он Сам спросить об этом Себя так – *существую ли Я*?

Существование – это *отношение*, в котором *одно* обнаруживает себя в связи с *другим*. Так и красный цвет существует лишь потому, что он не единствен, и Дух существует не сам по себе, но через человека, а тогда он существует и "как воля и представление", и как долг и любовь, как красота и безобразие, как хотение и нехотение, как добро и зло, как *сострадание* и *жестокость*.

Если красота созидает мир эстетически, истина созидает мир логически, то существование долга обуславливает мир нравственно.

Дух не только существует и раскрывает себя в истории, но и

постигает, осознает себя, само это осознание – *философствование*, результат его – *философия* (или метафизика).

С точки зрения философии человек – это *субъективное Духа*, а так как *объективным Духа* не может быть множество людей (как множество капель воды не перестает быть только водою), не может быть и Природа, то "*Объективное Духа*", поскольку оно *существует* (не будем долго пояснять, что Дух не может исчерпываться *субъективным*, как, например, и математика не может заключаться только в умах людей, но относится к миру в целом – это всё очевидно), есть нечто иное, чем человек и природа, это иное мы и называем именем **Бог**.

Нравственность – это *необходимость* и *свободная потребность* исполнения Долга, заключенная в человеке, как тяготение заключено в свойствах матерьяльного мира, и как заключены произрастание и жажда в живом.

Нравственность совпадает с тяготением как необходимость и противоположна ему как свобода.

Но идея *долга* не обусловлена ни *грехопадением*, ни изначальной *метафизической виной* (словно бы неким изъяном в плане *творения*) – а тогда мы имеем два принципиально разных учения о *нравственности* – или обязательство по отношению к Богу, унижающее, поносящее человека, представляющее его то в виде братоубийцы, то блудного сына, то разбойника... но всегда в виде чего-то из ряда вон скверного; или нравственность как обязательство по отношению к миру (и Духу, лежащему в основании мира), но преломленное через частное и конкретное – родных и друзей, любимых женщин, семью, общество, Родину, народ, культуру, науку, истину, красоту, честь...

Одна нравственность человека принижает, другая – возвышает; одна уводит его от семьи, друзей, родины, истории, культуры, женской любви, другая – открывает их полноту и возвышенную красоту.

Казалось бы, в обоих случаях речь идет о *долге*, и о возмещении его, и даже быть должным Богу не выше ли, чем быть должным миру? – но нет, христианский должник перед Богом – это вор, укравший, что ему не принадлежало, сорвавший *запретный плод*, и *обязанный* в слезах и ежедневном раскаянии, словно преступник в тюрьме, искуплять вину, возмещать уворованное, и так до конца жизни не искупить и не возместить! А должник перед миром (или Духом) – хотя и должный, но словно получивший кредит на строительство дома, хотя и обязанный выплачивать, и даже, может быть, с процентами, но сохраняющий с заимодавцем достойные договорные отношения, и при условии честной жизни не только сполна, но и с лихвой выплачивающий долг семье, женщине, обществу, родине, культуре!

Но самое поразительное, что иудейский Бог, уличивший своего сына Адама в воровстве и карающий его уже шесть тысяч лет (от времени творения), требует возмещать это злосчастное съеденное яблоко самому Себе, а Дух, давший нам в долг понятие о Долге, познании и чести, говорит нам иначе: дети мои, возвращайте Мною вам данное своим

детям, своим любимым, родине-отчизне, отдавайте то, что я дал вам, другим – хотя и в сознании обязательства, но через любовь!

Чувство долга, данное природно, еще в язычестве, так сказать, *с молоком матери*, и подтвержденное философией нравственности – не унижает, *это бремя – не обременительно!* А долг, сообщаемый нам в иудейском Откровении – как шkodливую и блудливую кошку тыкает нас мордой в наш никогда, до Страшного Суда, неискупимый (и никогда никем не понятый и не объясненный) **Первородный Грех!**

Да неужто я Настеньке, даже если бы она съела все мои яблоки в моем деревенском саду, пенял бы вечно? Нет, о, нет, никогда б не пенял! "Ангел мой! – сказал бы я ей, – для меня ты как была ангелом, так и останешься. А злосчастных *яблочков* мы еще нарастим!!"

Религиозное понимание долга как *повеления, обязательства и обета* естественным образом вытекает из понимания *религии как связи* и привязанности [а тогда является ли религией *учение буддизма об освобождении от всех и всяких привязанностей?*] – но *религия как связь* человека со всем тем, что для него дорого, противоположна рабскому обету человека перед иудейско-христианским Богом, обету, в служении которому человек предает все, что ему было прежде дорого.

Учение о происхождении греха и нравственности, данное в иудейском Откровении, сродни их же Уголовному Кодексу, основной статьей которого является "Око за око, зуб за зуб!", и не суровый ли начальник тюрьмы его составлял?

Нет, другая религия (вопреки семени, из которого она выросла) скрепляет жизнь христианских народов – народы, создавшие европейские, так называемые "христианские" культуры, жили и веровали совсем не так, как учат проповедники, вышедшие из опыта духовного порабощения, и от исторического христианства перенявшие только его духовно-нищее иудейское начало, или средневековое византийское и римское двуличие, но не эллинское и европейское цветение; только пост, но не праздник, только умерщвление, но не воскресение, только обличение мира, но не его преображение.

Европейская идея долга как основа нравственности – это Коперниковская система мироздания в отличие от "циклов и эпициклов" Птолемеевой системы "Вины и Первородного греха". Христианство – это новый иудаизм, попытка распространить отношения еврейского племени и их Бога на другие племена и языки, попытка заставить мир Евклидовой геометрии жить по законам неЕвклидовой.

Православные философы плачут о том, что произошла секуляризация культуры, освобождение ее от подчиненности церковным нуждам – и взлет европейской и русской культуры 18-го и 19-го веков для них – отход от христианства, почти то же, что грехопадение – не захотели ли бы они сегодня сжечь Британскую и Румянцевскую библиотеки, Лувр и Эрмитаж, как их предшественники сожгли библиотеку в Александрии?

Очевидно, и взлет русского духа в Белом Движении независим от христианства и православной церкви.

3 . Спаситель.

Христос уверял, что пришел спасти Свой народ, но евреи за Ним не пошли, сохранив верность Ветхому Завету, и даже Христа распяли.

Ну, разумеется, не евреи распяли Христа, был Он распят по приказу Каиафы, первосвященника, и с одобрения Совета, при попустительстве Пилата, и при поддержке толпы зевак, которую за еврейский народ выдавать нельзя.

Ученики же Его остались Ему верны, и хотя народ Израиля не принял Его учение, но все же именно Его соплеменники стали евангелистами и апостолами и распространили христианство по миру.

Однако, несмотря на то, что ученики Христа были евреями, и мать Его еврейка, а судьи не представляли весь еврейский народ – несмотря на это, мы имеем два бесспорных метафизических факта – среди *христианских* народов, включающих итальянцев, французов, немцев и русских, отсутствует еврейский народ, который как раз Он и пришел спасти; и, во-вторых, в обыденном сознании христианских народов появилась после распятия Христа и бытует своего рода присказка – "жиды Христа распяли!" (хотя не говорим мы, что это русский народ расстрелял Гумилева и убил Есенина).

Разумеется, просвещенный человек понимает безосновательность этого упрека, и ни я, ни Вольтер смертью Христа евреев не попрекаем – но упрек остается.

И у меня вопросы к Христу.

Действительно ли Он пришел спасти Свой народ?

Знал ли Он, предвидел ли, что Его соплеменники за Ним не пойдут, не откажутся от старой Веры? Знал ли, предвидел ли, что Его смерть на Голгофе станет причиной такого страшного навета на евреев, как *распятие ими Бога?*

Если знал, то неужели не жаль Ему было свой народ – если действительно Он относился к нему как к *своему*? А ведь репутация евреев оказалась подмоченной...

Но иногда мне начинает казаться, что смерть Христа объясняется отчаянием разочарования. Какую скорбь мог Он испытывать, видя, что народ не пошел за Ним! Разве не порываюсь и я обратиться к нынешней российской власти с прошением о моем расстреле, и на рубеже семидесятого года так же не хотел ли идти сдаваться в Большой Дом, потому что и тогда жить мне уже не хотелось?

Полночь, 12 марта 2004 года. В предыдущую ночь было плохо, сердце застревало в чем-то тесном, продираясь в нем из последних сил. Сегодняшняя ночь хотя и была мучительна, но я уже не так явно сползал на тот свет.

Отчаиваюсь – до остановки сердца, до остановки мысли... а сегодня ночью подумал – да ведь *русское сопротивление* состоит всего из

нескольких человек, кто же останется, если я умру? Дело ведь не столько в том, состоялся ли я как первоклассный писатель, но – состоялся ли я как "первоклассный русский"? А это-то несомненно, я русский даже не потому, что *стал* им (как, вероятно, некоторые становятся сегодня *русскими* из советских, хотя иные, боюсь, становятся, наоборот, из русских *православными*), а потому что им родился, и был им всегда, еще когда говорить учился, еще когда сознание пробуждалось, еще и в три года, когда летом сорок пятого бегал на околицу деревни встречать возвращающихся с фронта солдат, выискивая среди них своего *панку* – да так и не выискал... и в четыре-пять лет, когда играл с ребяташками в "*русских и немцев*".

А в некоторых отношениях я, может быть, последний русский на всю обнищавшую верными Русь, потому что я прежде *русский*, а потом уже математик, философ, писатель или христианин, муж и отец, гражданин или *заключенный*... вот только, может быть, чин *заключенного* выше *русскости* – да он, возможно, выше и святости, как и распятие выше воскресения: *Вначале Распятие, а потом уже Воскресение!*

Сын Божий пришел нас спасти, став для того человеком – но воистину ли Он *вочеловечился* так, что стал одним из нас?

Богословие утверждает, что Спаситель стал *подобен* человеку *во всем* кроме грехов – и внешне Он был несомненно подобен, и пил, и ел, и даже рожден женщиной (хотя и *непорочно*... но, по учению, так и должно было быть, ибо в грехах уподобляясь человеку Господь и не должен был, а *зачатие* – *грех* [так утверждается уже у истоков учения, и, значит, *непорочность* Его рождения была задумана]).

Но ведь быть *вполне* человеком не значит только телесно быть таким же, к человеческому относится *пол* – Христос был мужчиной; к человеческому относится национальность и вероисповедание – Христос был иудеем и по рождению, восходя через Иосифа, мужа Марии, к Давиду и Аврааму, и религиозно – Он был обрезан, как должно, и введен в синагогу. Да и многократно заявлял Он, что это именно Его народ, и Он пришел Свой народ спасти.

Но быть *вполне* человеком означает еще принадлежать к обществу (вот, разве "бомж" вполне человек?) Следовательно, надо принадлежать к семье (*одинокий*, разумеется, тоже человек, но – несчастный, обделенный других); иметь друзей; иметь свой источник дохода – а лучше даже *зарабатывать трудом*, "в поте лица своего", *хлеб насущный*.

Однако, мало принадлежать семье по рождению, полнота личности предполагает создание собственной семьи (и учение, ставящее *безбрачие* выше семьи, неполноценно, ущербно, да и просто ложно, что бы ни утверждал апостол Павел).

Следовательно, Христос, поскольку Он ни жены не завел (и даже не испытал любви к женщине), ни детей не родил – с точки зрения большинства обычных людей, то есть влюбляющихся, рождающих

детей, имеющих какие-то житейские, низкие или высокие цели – как человек *не полон*.

У Него были Свои высокие цели, но они не связаны с нашей жизнью *здесь*, а относятся к жизни *там* – а ведь и Сам он повторял не раз, что *только то, что связано на земле, связано и на небе*, что *тот* мир создается здесь, и что *пожнем там* мы только если *посеем здесь*, например, через любовь.

Сегодня большинство христиан под христианством понимают призыв *любить ближних* – но если почти все проповеди и Христа и Его учеников призывают эту жизнь обратить в ничто, освободиться от пола, от национальности, от имущества и от труда, и "жить аки умереть"... то ведь от любви ничего не остаётся! Какая любовь в небыгнии? Можно ли *действительно* любить, заботиться, взять, например, на воспитание ребенка, построить приют, поправить дом, посадить огород, накормить ближнего, учить его, лечить (а разве не в этом любовь?), писать стихи и романсы – живя только той жизнью, которая вне нашего мира? – Так что же, в таком случае, имеет в виду христианин, говоря о любви к ближнему?

И вполне ли *вочеловечился* Христос, если Ему были по существу безразличны и наши страсти, и наша любовь, заботы, стремления и дела? А хуже ли они того, что Он проповедовал, об этом еще мы поспорим (и стоило бы и христианам оглянуться на свою жизнь, и посмотреть, что в ней было прекрасного – не то ли, что в ней было *страстями*, заботами, "*помыслами*" и *делами*?!).

Читаю воспоминания Владимира Буковского.

Я о нем мало знал в те "диссидентские годы", а теперь ясно вижу, что подлинный человек, настоящий, "Человек с большой буквы" (как любили тогда патетически говорить) – это именно он, вступивший в отчаянную схватку с сатанинским режимом.

А я? Настоящий ли я человек? Нет, увы, всего лишь – *человек со слабостями*.

В 28 лет меня посадили в тюрьму, потом в психушку, и это был мой *звездный час*, хотя, признаюсь, бросили меня на амбразуру насильно.

Можно было бы сказать, что после этого я прекратил сопротивление, но... жизнь моя продолжалась не совсем во грехе – я собирал книги, грампластинки, у меня проходили литературные вечера, позже я стал писать стихи и рассказы, с властью не сотрудничал, и хотя прямо ей не противостоял, но дополнял собою и усиливал некое "общее поле" отрицания дряхлеющего режима, без которого подлинно героические усилия одиночек вроде Буковского были бы бессмысленны. Я не был героем, но – принадлежал к среде, которая их питала.

В 75-ом году, когда мне исполнилось 33 года, меня **не** повели на Голгофу – и все же я оставался участником *Сопротивления* – так и в действующей армии потрепанные части иногда отводят на отдых – нельзя же сказать, что они уже не принадлежат к армии.

Стихи и рассказы, которые я написал в 80-ые годы, были безразличны официальной русской литературе, так как ее функции исчерпывались в то время службой коммунистическому режиму. Но и "литературе подполья" они были неинтересны, так как не имели односторонне обличительного характера, поэтому остались известны только в узком круге знакомых; правда, в 90-ые годы, когда я их напечатал, число моих читателей еще уменьшилось (составляя ныне не более пяти человек), потому что даже и в моем круге уже почти перестали читать.

И то, что мои сочинения никому не нужны, красноречиво характеризует пустыню, в которой мы все живем.

А, может быть, это и есть наше распятие? Тело наше не мучают, но дух прибили гвоздями, и души уже бесчувственны...

С нами ли был бы Христос и ученики Его?

Нет, с властью бы они спорить, как Буковский, не стали. Возможно, вступили бы они в спор с официальной церковью, но тоталитарному обществу этот спор был бы безразличен, как и тогдашняя церковь.

Христос когда-то изгонял из бесноватого бесов, а их надо изгнать из России. Бесы – это почти все участники прежней коммунистической партии, тем более агенты карательных органов дьявольского государства; и те, кто ограбил и продолжает грабить Россию сегодня; те оборотни, которые вчера защищали и насаждали коммунистическую давящую, а сегодня захватили власть в государстве и объявили себя строителями другого светлого будущего – уже капиталистического.

Стал ли бы Христос изгонять из них бесов, а для этого сражаться с государством?

Да и строил ли бы Он царствие Божие, даже вне мира?

Он учил, что оно *уже есть* на небе – но разве оно *существует* вне наших усилий?

Царствие Божие, которое вне мира, если оно и есть, то *это все то, что строим мы в мире*.

Ибо и Христос сказал, что пожнем *там* мы только то, что поседем *здесь*.

=====

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ В ПОИСКАХ ВОПРОСОВ

*А ты кто, человек, что споришь с Богом?
Изделие скажет ли сделавшему его:
зачем ты меня так сделал?*

*Послание к римлянам
Св. апостола Павла*

1.

Один ли я, приходящий в отчаянье от несправедности мира?
Есть и другие.

И вот, уже притиснутые к бетонной стене, задаём мы себе вопрос: так что же, *положительного* смысла нет в жизни? Исполняются замыслы только у неблагонамеренных, преследующих корыстные интересы, заключающих сделку с нечистой силой – а добрые обречены?

Сорок лет назад Буковского истязали в психушках и в лагерях; достойнейшие заплатились жизнью; потом и по мне проехала телега нечистой силы – для чего была наша борьба, наши страдания? Разве что-нибудь изменилось к лучшему?

Вот читаю в газете, современного правозащитника бросили в ту же Питерскую психушку, где и Буковский мытарствовал, и мне довелось, и истязают по ложным обвинениям – так что же с тех пор изменилось?

Полтора миллиона человек в заключении – все ли они преступники? Да если и все, то что же это за страна, где каждому второму суждено будет познакомиться с тюремной баландой, с несправием и унижением?

И вот, притиснутые к бетонной стене, слышим мы утешающий голос: здесь, в этой жизни, надежды на справедливость тщетны. Здесь – царство неправды и зла, и не следует спорить с силой, надо ей покориться, и претерпеть лишения, как терпит их безропотно подъяремный вол.

Зато после смерти несчастные будут вознаграждены, возлягут они на цветущих лужайках возле медовых рек; а счастливых, облаканных милостями, добившихся их обманом – ввергнут в царство стений.

Что же делать – сражаться, пока не пристрелит смерть, и умереть в отчаянии, зная, что был обречен, или сдаться, лучше еще даже в детстве, но когда-нибудь все же сдаться, и хотя и продолжать жить (*аки умереть*), но покоряясь силе!?

Я на этот вопрос еще не ответил, еще рассуждаю. А чтобы не запутываться в рассуждениях, не бежать по бесконечному кругу как заблудившийся путник в лесу, буду записывать вопросы и ответы, словно на катушку для ниток наматывая нить рассуждений.

Но прежде, чем искать ответы, я должен понять и ясно сформулировать свои вопросы.

Я пока ни с кем не спору, не только не возражаю *догматической вере*, но даже еще не определил до конца своего отношения к ней.

Потому что еще ни с кем из ее сторонников мне не приходилось беседовать по душам, и никто из них не сформулировал мне вот так, *vis a vis*, что это такое – догматическая вера.

Впрочем, сначала, для разбега, вступлю я в беседу с сторонником *веры не догматической*, а там уж будет видно...

Возможно, как современный интеллигент, затеет сначала со мной разговор он почти отвлеченный, о вере и неверии в самом широком смысле, о происхождении мира, о том, верю ли я в то, что мир создан Богом, или думаю, что все стало само собою, без вмешательства сверхъестественной силы, сначала восплубилась галактическая пыль, потом наполнила протоплазма, а потом уже и мы с собеседником; или и верю и не верю, то есть обуреваем сомнениями...

А потом, когда я его успокою, что не отношусь к атеистам, что, хотя и не слушаю рассказы душеспасительных брошюр, но допускаю, что мы не сами по себе, как и мир в целом, а какая-то сверхразумная сила в мире или над миром все же витает, нечто "такое, этакое, таинственное и *высокое*", непостижное уму, может быть, даже и не в человеческом образе, но словно магнитное поле, проникающее собою все сущее; или даже скажу, что хотя я и соткан из противоречий, запутался сам и запутываю других, ни в чем до конца **не** уверен, но поскольку меня в детстве крестили, то пока еще считаю себя православным, пусть и с натяжкой... и собеседник мой, возможно, мне возразит [как и обычно возражает мне большинство], что если я допускаю существование *сверхъестественной силы*, то *неважно, как ее называть*, назовем ее словом Бог, и разве уже неважно все остальное?

Какое имеет значение, буддист я или магометанин, православный или католик, или даже иудей, заметит он – *разве Бог не один?* Вот ведь и солнце по разному светит в разных странах, в одних жарче, в других холоднее, но солнце ведь одно и то же для всех людей?!

И поэтому я или признаю, что Солнце есть, или отрицаю (но очевидное отрицать неразумно); а если признаю, то не стоит обращать внимания на различия в его описаниях у разных народов – скажет он мне.

На это я отвечу немного пространнее.

Друг, скажу я ему. Однажды я влюбился в девчонку, звали ее Танюшкой. Фигурка ее была как жемчужина, глаза сияли как две луны, волосы ниспадали на плечи, а кожа была нежной как пена и упругой как морская волна.

Что я только не делал, чтобы привлечь ее внимание, и жизнь без нее казалась мне ненужной и невозможной!

И что же, неужели в здравом уме кто-нибудь, кто и сам был когда-то влюблен, мог мне сказать – "забудь свою Таню, забудь все то, что *отличает* ее от других, что выделяет ее среди них, забудь ее волосы, ее

матовую кожу, подобную морской волне, ее чудные глаза, ее фигурку, словно изваянную великим мастером из драгоценного бникса, забудь все, что ты о ней знаешь и помнишь, ее историю, семью, смех, разговоры... разве она не *женщина*, и разве это не главное? А потому обними *безличную*, соединишь со *всеобщей*, разве то, что в ней женского, не одно и то же во всех?"

Нет, друг мой, меня уже давно не волнуют разговоры и споры на тему, есть Бог или нет, эти разговоры уместны в детском саду – но нелепо обсуждать с влюбленным, *существует ли женщина*.

Потому что влюбленный о её *существовании* знает точно, а волнует его – любит ли она его, верна ли ему? Та ли она непорочная, какою являлась ему в его снах, или лицемерно его обманывает, проводя ночи в вертепе?

Вот и меня волнует в Господе, которому я поклонился однажды, – достоин ли он моего поклонения? Тот ли он Отец мой небесный, который наставит меня, объяснит сомнения, разрешит недоумения, ответит на самые горестные вопросы ума и сердца, укажет праведный путь?!

Вопросы, о которых я теперь размышляю, подобны тем, которыми занят обманувшийся или разлюбивший муж в бракоразводном процессе.

Танечка уже не та наивная девочка, в добром согласии с нею была прожита целая жизнь, годы любви, сомнений, примирений и ссор, радостей и огорчений... и вдруг – что-то сломалось в душе.

Вопрос не в том, *существует ли она*, а – продолжать ли с нею совместную жизнь? Та ли она, которая почудилась в юности, и которой я отдал свои мечты и порывы, или греза была обманчивой?

Отвечает ли она идеалу, или, хотя бы, возможен ли компромисс, то есть если она пусть и не во всем совершенна, все таки самое главное в ней хорошо и правильно? Или надо уйти, как Лев Толстой из Ясной Поляны, махнув рукой на неудачную жизнь?

А странные бесполье люди, в которых никогда не бушевала страсть, ведут странные разговоры на тему, что *Бог един*, и предлагают мне *всеобщего Бога всех религий*. Да мне, может быть, одна только неповторимая родинка моей любимой дороже всего всеобщего всех религий, дороже безличной бессодержательной сущности, которая есть "всё во всём".

Страсть, соединяющая влюбленных (или присоединяющая одного из них к другому) – это не *понятие о страсти*, а *длжащееся переживание*, полноцветный всё заполняющий любовный роман, не только составляющий важнейшее в жизни, но подчас саму жизнь в себе растворяющий так, что события и происшествия ее имеют значение только в отношении к этому роману, а не сами по себе. А религия – еще страстнее, это двойственный роман, история отношений народа со своим Божеством, верховным Водителем, Пророком и Спасителем, накладывающийся на миллионы индивидуальных личных романов, взаимоотношений отдельных личностей с Тем, кто всегда поможет и пожалеет. Подобие

можно найти в отношениях учащихся с *учителем* – две канвы, две коллизии, два романа определяют эти отношения – общий роман, в котором заключены отношения Учителя и его учеников в целом – класса, группы, общины; и сложный роман, словно собрание романов или рассказов о любви, в которых выражаются отношения Учителя с каждым отдельным учеником или ученицей.

Иудаизм как религия еврейского народа, описанная в их "Илиаде и Одиссее", то есть в их Библии (книгах Ветхого Завета), при всех несоответствиях, противоречиях и нелепостях – ясен, целен и полон; противоречий и нелепостей в нем не больше, чем в отношениях Рогожина с Настасьей Филипповной.

Жаль, что я не еврей. Не было бы этих горестных записок. Я бы верил своему Богу, не сомневался, что это Бог моего народа, ждал прихода пророков и Мессии, и в меру сил стремился бы к праведной жизни.

Бог еврейского народа национален и личен, Он укоренен в их истории, Он отвечает их характеру и ожиданиям, отвечает на их вопросы и запросы; более того, сама история этого народа неотделима от их Бога, она *теократична*, в ней нет другого смысла, отдельного от религии.

Европейские народы, заимствовавшие иудаизм в его сектантском преломлении, то есть в христианстве, заимствовали и идею *теократии*, попытались свою европейскую, растущую из другого корня, историю, жизнь и культуру подчинить религии как квинтэссенции истории, раствориться в ней, но проросли сквозь нее, раздралось христианство, не выдержав непосильной ноши Гомера и Евклида, Аристотеля и Канта, и вот я стою на огороде, заросшем черт знает чем, и в недоумении оглядываюсь – что же я на нем хочу вырастить, а что на нем следует прополоть? И надо ли?

Миллионы моих соотечественников живут просто так, пьют, едят, работают, рожают детей, и часто устроены в жизни основательнее меня; да и в душевном смысле не раздираемы противоречиями, не мучаются вопросами Веры, Истины и Смысла жизни – они еще "первобытны", и не надо их переучивать, мои размышления и мои записки – не для них. Сравню их с теми, кто живет, никогда не ходя в филармонию и оперу – разве они хуже меня? Разве филармония и опера **не** необходимы? Если иметь в виду некий символ взаимоотношений человека с областью того *Духовного*, о котором повествуется в Пушкинском Пророке, и это *Духовное* символически представить в женском образе, то миллионы не подозревают о существовании такой женщины, и не только не нуждаются в живых индивидуальных отношениях с нею, но даже и в заменителе не нуждаются, то есть в "резиновой кукле".

Миллионы других моих соотечественников ходят и в филармонию и в оперу, читают Гомера и Евклида, Толстого и Достоевского, пьют, едят, работают, рожают детей, и часто устроены в жизни основательнее меня; да и в душевном смысле не раздираемы противоречиями, веря в то, что

некий благой смысл в мире есть, что "есть нечто такое, этакое, *высшее*", что витает в мире или над миром; верно, они и есть подлинныя язычники, и их смутные представления и предчувствия о существовании той области *Духовного*, о котором повествуется в Пушкинском Пророке, удовлетворяются "резиновой куклой". Нужны ли и им мои размышления и записки?

Возможно, и те и другие ходят иногда в храм и присутствуют на богослужениях, но это не существенно затрагивает ту часть их души, которая нуждается в религиозных переживаниях и размышлениях.

И, наконец, еще миллионы моих соотечественников являются *православными*, редко ли, часто ли, но ходят в церковь, участвуют в богослужениях, знакомы с Священным Писанием.

Они неоднородны. Большинство из них, уверовав, верят просто и ясно, как и должно, как несет свои обязанности в семье благой жена. Надо ли их смущать моими сомнениями?

Нет, они счастливее меня, их жизнь покоится на прочном основании, что хотя человек и грешен, но Спаситель искупил его грехи, и впереди нас ожидает Воскресение и райская жизнь, разумеется, при условии благой нравы. Но они – благой нравы.

Нет, не для них мои записки.

Но есть и те, кто рассуждает на богословские темы "всерьез и надолго", и даже пишет статьи и духовные книги. Их писания меня иногда так задевают, что мне становится колко как босиком на сжатом поле. Колко мне идти по стерне, и я хватаюсь за "первоисточники" (как когда-то от пошлого воздуха окружающего социализма схватился я за Ленина, Маркса и Энгельса, да чуть и совсем не задохнулся).

Для этих ли, *богословствующих*, мои записки?

Нет, думаю, их мировоззрение прочно, как прочно оно было у преподавателей "единственно верного учения", и спорить с ними бессмысленно.

Да и, кроме того, разве я хочу, чтобы верующие разуверились? Чтобы храмы закрылись, за которые и сам я когда-то ратовал? Нет, верующие пусть веруют, ибо "блажен, кто верует, тепло ему на свете".

Пусть и для меня уже храм не "дом для молитвы", но я захожу в него как в Театр, я смотрю и слушаю великое представление о жизни и страстях Иисуса Христа, и я не хочу, чтобы этот театр был закрыт. Пьеса, которая каждодневно идет в нем, исполнена высокого художественного и назидательного смысла, постановка и игра безупречны – нет, не противник я церкви как общественной организации, не противник я христианства как религиозной мистерии.

И поэтому, хотя я и спорю с богословами и церковными иерархами (тем паче, что это они сжигали ученых и сожгли мою Жанну, и разорили Александрийскую библиотеку, и я не хочу, чтобы в их руках оказалась государственная власть) [как не хочу, чтобы она оказалась в руках их якобы антиподов, сжигавших поместья и храмы и разметавших русскую

культуру] – но не к ним мои записки, а к тем немногим, коих интересует и *музыка сфер*, и теорема Гёделя о неполноте арифметики, кто сам себе задает вопрос – Что есть Истина? – и пытается на него ответить, не удовлетворяясь тем ответом, который дан в скрижалях Завета.

Следовательно, я обращаюсь не к тем, кто не искал и не ищет, но и не к тем, кто уже все нашел, а к *томимым духовной жаждой*, и не утолившим ее из Библии, а также к себе самому. Следовательно, читателей у меня будет немного, возможно, меньше десятка – но зато и нелепо будет упрекать меня в том, что я будто бы вознамерился ниспровергать христианство.

Да я еще не уверен, что сумею на что-нибудь внятно ответить – дай-то Бог внятно *спросить!*

2.

Итак, я еще пока – христианин. Я был крещен, то есть "*обручен*" с христианскою верою. И плохо ли, хорошо ли, но был христианином, не уходил ни к Будде, ни к Магомету.

Но оставаться ли мне в христианстве и дальше? – вот что меня мучает. И для того, чтобы ответить на этот вопрос, имеющий только для меня самого значение, я должен ответить и на другой вопрос – *что же такое христианство, в чем оно состоит, к чему призывает, что требует и что обещает?*

Богословие почерпает свои вопросы и ответы в *вере, прозрении и благодати*. Философия почерпает свои вопросы и ответы в *рассуждении*. И как астрономия – учение о небе – не смешивается с геологией – учением о земле, так и богословие и философию не следует смешивать, ибо не один у них предмет и разнородные способы *постижения*.

Однако, историческое бытие культуры показывает нам и иное.

Химия выросла из физики, и отделилась от нее, а теперь они снова во многом идут рука об руку. Психология словно отделившийся побег из дерев философии и логики, но, повествуя о человеческой душе и уме, может ли не соотносить свои мнения с историей и философией? Астрономия же и вовсе неотделима от математики и физики, а в учении о строении и происхождении вселенной поневоле сталкивается с богословием, даже если бы они вместе не хотели такого столкновения.

Следовательно, *рассуждая* о Боге, не могу я оторваться вполне от математики, логики, философии, поскольку одинакова у них природа рассуждения, исключая области Чуда, Откровения, Благодати – о которых, однако же, не запретил Господь *рассуждать*.

А, *рассуждая* о мире, не избежать мне богословия, ибо иначе принужден я буду уклониться от обсуждения проблем его *становления* (о коих даже несведущие в астрономии и математике богословы рискуют самоуверенно рассуждать).

Следовательно, хотя богословие и философия *неслиянны*, но они и *нераздельны*, как плоть и душа.

Вот поэтому, словно бы *богословствуя*, то есть рассуждая о вопросах *веры*, принужден я *философствовать*, то есть рассуждать о вопросах *знания*. "Нельзя говорить о птице, не помянув леса и поля, и о рыбе, не говоря о море, речке или пруде" – так рассуждает Алексей Ремизов в своих воспоминаниях о Розанове, который рассуждал так же.

Вот поэтому, рассуждая о Боге, принужден я оглядываться на все человеческое; а пытаясь понять человека, должен поднять глаза к небу, хотя бы я и был самый тупой материалист и атеист.

Вот поэтому, рассуждая о Боге, должен я доверять *человеческому*; вопреки тому, что многие, сомлевшие от благочестия, человеческое клеймят позором, поминают как плесень, саму силу и глубину человеческого размышления сравнивают с силой и глубиной размышления гли – словно бы это не человек написал и Священное Писание (пусть и по благодати Божией, но ведь на человеческом же языке!), словно бы это и не человек унижает себя сравнением с тлей, и верит в правоту унижения (не думая, что это, быть может, самообличительный бред?). [Тут ведь одна из апорий Зенона – "критянин утверждает, что *все критяне – лжецы!* – так не лживо ли и это утверждение критянина?" Вот так и утверждение чрезмерно благочестивого "о *недостоверности* человеческого знания о Боге" – *достоверно* ли?]

Вот поэтому, рассуждая о вопросах *веры*, буду я рассуждать не менее строго, чем в математике. И если оправдывает апостол Павел свои поучения мистическим опытом, полученным на дороге в Дамаск, то разве менее значим *мистический опыт* Даниила Андреева, обретенный им в казематах "нового общества"? И *мистический опыт* духоносной русской культуры? И европейской?

Разумеется, мои человеческие силы немощны. Но несправедливо, рассуждая о том, насколько достоверно творчество, противопоставлять отдельного изолированного человека Богу, и плоды человеческого творчества постоянно принижать, ссылаясь на то, что это будто бы плоды именно только вот этого немощного изолированного человека, сравнивая их с плодами трудов апологетов христианства, будто бы взращенных именно Богом, и только сжатых человеком.

За творчеством *немощного отдельного изолированного человека* (которого, на самом деле, никогда не бывало, если только не родился человек и не вырос в пустыне, ибо в каждом из нас вмещено всё человечество, во-первых, через язык, во-вторых, через историю и культуру) стоит бесчисленная череда поколений, и за мною стоят и Троя, и Афины, и Рим, и Париж, и Москва, и Петербург... да отчасти стоит и Иерусалим, который, правда, вознамерился стать единственным источником Постижения, и этой его гордыне, пытающейся присвоить себе монополию на Бога и Истину, я и пытаюсь возразить, ссылаясь то на Евклида, то на Декарта, то на сбивчивого Розанова... а за мною еще *неявно* стоит и Даниил Андреев, хотя прямо ссылаюсь на него я редко... а то даже и те, о коих я не поминаю совсем!

И поэтому, хотя я и немощен, и не вмещаю авторитет "Исаака и Иакова", но ответ "философов и ученых" присутствует в моих рассуждениях, а иные прозрения и сны навяны мне и Господом – я это чувствую... тем более, что самое важное постиг я *в скорби*, "на краю", в соединении любви и боли – а злое передается человеку не в страдании, а в упоении силой и властью... но упоения силой и властью мне испытать не пришлось.

3.

Трудно вполне понять человека, не начиная с начала, то есть с его рождения. Вот так же и для постижения мира необходимо узнать его "родословную".

Однако, прежде чем перейти к *сотворению* мира, прежде чем рассказать о том, как он был сотворен, и прежде чем усомниться, действительно ли мир сотворен, или *пребывал*, не имея начала, или хотя и имел начало, но все же сотворен не был, а вот как-то так... надо порассуждать о том, что же значит само это *существование* мира, каков он и *сам по себе* и в отношении к *рассуждению*.

Обыденное сознание вовсе не задумывается о том, что значит *существовать*, оно начинает сразу с вопроса – "как устроено и из чего состоит?" И по отношению к миру общим местом является утверждение, что "мир состоит из атомов". (А что имеется в виду под термином "мир" – об этом речь не идет. Хотя, очевидно, что ни "любовь", ни "математика" из атомов не состоят, и в то же время, как будто, являются частью мира?)

Так возможно ли утверждать, что "мир *состоит* из атомов" так же, как океан состоит из капель? Что означает это утверждение по отношению к *существованию* мира?

Существовать – значит существовать в виде *отдельного*. То, что делает *отдельное* отдельным, не сводится к атомам, а только то (сводится к ним), что не отличает отдельное от *всего* (другого).

Из атомов, следовательно, состоит только то, что не имеет отношения к существованию *отдельного* как такового, то есть не имеет отношения к *существованию*, что не различимо в сущем, одинаково в нем, что и меня не отличает от тетради, в которой я все это пишу.

Ибо и у материалистов жизнь состоит из *событий и происшествий*, то есть из увлечений и поцелуев, свадеб, рождений, войн, подъемов в горы, падений с кручи, вызовов к следователю или в партком, и никто не думает, что жизнь состоит из атомов, из галактических туманностей, или из предметов домашнего обихода...

Так же существует и то, что нельзя увидеть, как я Уральского Хребта не увидел ни разу, а только холмы и скалы, а *вбок отойти* от Урала, чтобы его увидеть, не удалось; однако, я и верил и верю, что все-таки он был и есть!

(И даже то существует, чего точно *нет*, например, *граница* – ибо это *воображаемая линия*... следовательно, она не реальна.)

Так что же значит *существовать*? Что существует, что не существует, и всегда ли на этот вопрос легко ответить?

"*Я мыслю, следовательно я существую*" – полагал Декарт.

Правда, когда я сплю (и не размышляю), я *существую* тоже, я в этом уверен. Существует листок бумаги, на котором я записываю сию чепуху (хотя, быть может, она приобретет со временем некоторое глубоко-мыслие), и я начинаю думать, что, напротив, "*я мыслю, потому что существую*". (Однако вдруг я споткнулся – бумажный-то листок не существует ли только потому, что *я его мыслю*? Возможно, по поводу существования справедлив некоторый дуализм – внешнее *существует* настолько, насколько оно *в моем уме*, насколько оно *для меня*, личность же, напротив, исходно *существенна*, и мыслит настолько глубоко и всеобъемлюще, насколько *существенно* существует.)

Правда, существую ли я и "*мыслю, потому что существую*", или наоборот – этот вопрос задают себе немногие, но вот *существует* или *не существует* Бог – мучает многих.

И большинство уверены, что Он *либо существует, либо нет*; я же, несмотря на собственные убедительные соображения в пользу Его существования и столь же убедительные соображения моих противников против – сегодня не уверен ни в том, ни в другом.

Существуют земля, солнце, луна и звезды. Существуют даже *ведьмы*, и за иными из них я ухаживал.

Некоторые сомнения возникают по поводу существования фотографических изображений – а именно, существуют ли они прежде, чем становятся видимы? Вот ведь солнце продолжает существовать даже ночью, и луна существует в новолуние – так верно ли, что и невидимое изображение *уже есть* еще *до того*, как произойдет реакция *проявления*? Или в результате ее оно только впервые появляется?

"Однако, для чего нужны все эти пространные рассуждения о вещах, вообще говоря, вполне очевидных?" – спрашивают недоуменно меня.

Да для того, чтобы задать более сложный вопрос, с тем чтобы читатель, познакомившийся с противоречиями даже в простых рассуждениях, не спешил на него отвечать, и был готов к ответу неочевидному.

Итак, представим себе *время до Евклида...* или даже раньше, *до Фалеса Милетского...* вообразим тот удивительный день нашего детства, когда некий глубокомысленный бездельник готовился сформулировать *первую* в истории познания математическую теорему – следовательно, представим *время*, когда математики еще *не было*. И зададим странный вопрос – а не существовала ли она, вопреки очевидности, уже и в то время вместе со всеми ее теоремами, понятиями, определениями, гипотезами и доказательствами?

Ее еще не сосредоточивал в себе чей-либо ум; не было ее в течении вод, движении ветра и произрастании растений даже так, как существует кислород в воздухе, хотя и невидимо – но сказать ли, что

математики *совсем* еще *не было*, и только потом, позже, ее *придумали и изобрели* Евклид, Ньютон и Эйлер? Так же, как не было еще романа "Война и Мир" графа Толстого, и только позже он его сочинил, записал и издал?

Нет, мне кажется, что даже в то время, когда еще будто бы её не было, она уже всё-таки существовала – возможно, в уме Того, Кто создал и держит в Себе весь мир. (Так же как и вулканы на Луне существовали, хотя мы и не подозревали об этом).

Или кто-нибудь рискнет утверждать, что это человек ее *изобрел* и придумал (не вместе ли с вулканами?), и привнес в уже существующий без математики мир?

[Ибо, воистину, если бы человек был таков, не нуждался бы он в существовании Бога. Если это именно человек *придумал*, что "сумма квадратов катетов равняется квадрату гипотенузы", то не мог ли бы он *придумать* и нечто такое, чтобы камни взлетали к небу?]

Итак, очевидно, что математика не *изобретена* человеком, и не появилась как ржавчина, а существовала всегда. Но если вообразить, что она каким-то образом (хотя еще и не в умах людей) существовала и три тысячи лет назад, когда уже существовали города, искусства, ремесла, *Фауна* и *Флора*, пели птицы и цвели цветы – еще возможно, то представить, что математика *существовала* и на безжизненной земле, и даже в том мире, каким он, якобы, был, по представлениям некоторых астрономов, 19 миллиардов лет назад, то есть когда не только птицы не пели, но и самой земли не было, и даже неба – уже нелегко.

И тем не менее всякий слегка размышляющий (кроме тех махровых материалистов, которые убеждены, что и бытие и математика *истекают* из *материи*, а проще говоря из *праха*) согласится, что нелепо думать, будто сначала что-нибудь было просто так, а потом из этого появилась математика, или логика; как трудно думать и обратное, что уже были параллельные прямые и накрест лежащие углы, а не было еще того песка на морском берегу, на котором Архимед чертил свои геометрические фигуры.

Итак, хотя мы и не разрешили вопроса о *существовании*, однако, возможно, заронили некоторые сомнения в умы тех, кто полагал, что изначально был "*прах земной*", а из него уж сам собою истек дух вместе с человеком и его *рассуждениями*, которые, к тому же, удивительным образом существуют не сами по себе, а все-таки относятся к свойству этого бездушного праха, и, следовательно, в виде ли математики, или как-нибудь иначе, но содержались и в самом что ни на есть изначальноном прахе, и были таковы, чтобы позже, когда из него возникнет сам собой человек, уложиться в теоремы Евклида и музыку сфер.

Посему, оставим вопрос о том, что значит существование мира, не до конца разрешенным, ибо этот вопрос слишком прост, а поэтому не под силу мне его разрешить, а перейдем к более сложным вещам.

4. Онтология Зла.

Сам ли по себе существует мир, или относительно Бога, а следовательно был Им *сотворен*, но зададимся теперь мы другим вопросом – *хорош ли* сей мир, в котором мы размышляем и мучаемся, и возможно ли его *оценивать*?

Многие считают, что все оценки *относительны*, в них мы только говорим о том, хорошо или плохо нам, а мир сам по себе ни плох, ни хорош (тем более, что сомнительно, чтобы он в своем *становлении* к чему-либо стремился, обладал желанием, волей, целью и замыслом.)

Но христианско-иудейская точка зрения состоит в том, что мир создан Богом, и человека так же Он создал по образу Своему и подобию (и это лестно и утешительно, и ничего лучше этого и быть не могло!), и создал Он всё *хорошо*, и Сам, оглядев творение рук Своих, в седьмый день трудов сказал удовлетворенно: "*Ах, как хорошо!*" – и опочил, усталый (посему и нам надлежит в седьмый день отдыхать.)

Однако, по наущению дьявола и по своей человеческой слабости Ева и Адам *согрешили*, преступили Божий Запрет, сорвали с Древа познания добра и зла, пал с прародителем Адамом и род человеческий, и мир подвергся тлению, посему этот, падший, мир надо *отринуть*, уверяют христиане, перестать жить для него, перестать жить для всякого *естественного* (а паче всего для семьи), да и для *искусственного* тоже, то есть для науки, культуры, хозяйства и промышленности, для украшения земли, а жить надо *прежде всего* или даже *только* – для *искупленья вины и для Бога!*

По христианским представлениям Дьявол был вначале любимым архангелом Божьим, по прозвищу Люцифер, то есть *светоносный*, но захотел стать равным Богу, и восстал на Него.

Если Бог – источник всякого Блага, то Дьявол – князь тьмы, и, поскольку мир – *падший*, то Дьявол – *князь мира сего*. [Да, как сильна эта ненависть к миру, что хотя и сотворен он Богом, и церковь стоит в мире, являя собою тело Христово, и святые подвизаются, и человек в большинстве все-таки спасается и преодолевает грехи и зарабатывает вечное блаженство, но, тем не менее, Князем мира, его главным начальником оказывается Дьявол – не по пословице ли "*Каков поп, таков и приход?*". А тогда оказывается, что "*поп*" у мира, то есть дьявол, таков, что хуже некуда! Каков же тогда мир, то есть *приход* дьяволов?

Я всё стелю, что Россией правили то *разбойники*, то вкуче с ними восточный *сатрап*, то наследовавший ему *скоморох*, то *выживающие из ума*, то *пропойца*, пропивший Россию в кабаке иноземном, – но всё же еще надеюсь, что когда изгоним нечисть, то возродится Россия... Но если Дьявол во главе всего, над всеми начальниками начальник, то – "*не оставит ли надежду всякому, сюда входящему?*"!]

Как верят христиане, Бог есть *единое* (и единственное!) основание мироздания, Дьявол не сущностен, изначально его *как дьявола* не было, он появился, стал Дьяволом в результате *гордыни*, то есть своего

собственного *грехопадения*, предшествующего человеческому. Но откуда появилась *гордыня*, и кто ее создал?

У Дьявола нет онтологических оснований, ибо Зло (по христианским воззрениям) не противостоит Добру как равноправная сущность, его по существу *нет*, оно – только недостаток Добра, а следовательно, надо не бороться с Злом, а только преумножать Добро.

У этой оригинальной теории есть аналоги. Так, холод, по нашим физиологическим и психологическим ощущениям, *противоположен* теплу, но холода в действительности нет, а есть только *недостаток тепла*, и с холодом *бороться* и в самом деле бессмысленно, от этого теплее не станет, но гораздо действеннее затопить печку и согреть окружающее если не в мире, то хотя бы в доме своем.

Правда, так как в моем доме – России – выбиты окна и сорваны двери, то весь Божий мир (или дьявольский?!) мне не натопить.

Да и не все так просто в отношениях тепла и холода. Затопив печку, мы нагреваем дом, раскрыв окна и двери, охлаждаем его. Но если извне чрезмерно жарко, то для охлаждения мы можем *произвести* холод, включив кондиционер и затратив энергию (согласно второму закону термодинамики). Если же холод производится, то значит ли это по-прежнему, что он лишь недостаток тепла? Вот так же и зло – результат усилия и воли, хотения и деланья, и противостоит оно добру с мечом в правой руке и щитом в левой, но чаще еще хуже, с улыбкой на устах и ядом или кинжалом за пазухой.

Если зло производится в результате действия воли (а юриспруденция, в отличие от христианской теологии, точно выясняет, был ли *мотив* и *злой умысел*, и были ли *действия*; не выясняет, было ли мало любви, а – достаточно ли было ненависти!), то что производит злую волю?

Рассказ о грехопадении человека изложен в Ветхом Завете, однако народ Израиля по-прежнему воодушевлен идеей *богоизбранности* и особого попечения над ним Господа, в основании же христианской веры – только сознание вины и разрыва с Богом.

Сравнивая иудаизм и христианство, мы отчетливо видим противопоставление двух вер – веры в избранность и грядущее спасение – и навязчивой идеи падения, растрения и грядущего возмездия.

Даже искупительная жертва Христа словно бы несущественна (только у протестантов появляется мысль о том, что все же Христос искупил наш грех), христианские подвижники истязают себя во всю свою *нѣмошную* мощь, но врожденную *вину* искупить не могут – это ли не противостояние цельного религиозного видения благодатного мира у иудеев, и сектантского представления о мире как о мерзости у христиан?!

И это не случайно.

Как цыганки-гадалки объясняют наши хвори и несчастья *порчами*, ниспосланными на нас злыми завистниками и соперниками, так и в представлении о "первоначальной порче" – вся закваска христианства.

Да, весь сюжет, все перипетии позднейшей человеческой драмы – в

том злополучном яблоке, и вся история сама по себе ничего не значит в сравнении с ним.

Или что-нибудь в истории есть и еще?

Или что-нибудь еще есть в христианстве?

И я могу найти в нем ответ на вопросы, как дальше жить, как спасти Россию, как писать Металогике, как стать нужным своему народу и хотя бы немногим читателям?

Только где же искать? В культуре и истории человечества – то есть в творчестве человека; или в христианском учении, то есть в Откровении Бога?

5. Метаистория.

Всякое утверждение односторонне. Поэтому не случилось бы так, что многому из того, что говорю ныне, позже я возражу? Впрочем, чему ни учишь, все может обернуться противоположностью.

Не хорошо угождать Богу, забыв о человеке. Но *угождающий* человеку и человеческому тоже рискует отступить от истины, ибо часто человек против истины.

Не хорошо ради Веры в Бога и спасения души оставить семью, Отечество и страждущих. Но одних добрых дел тоже недостаточно, ибо *"если [только] законом оправдание, то Христос напрасно умер"* (как говорит апостол Павел)..

В чем же смысл христианства? В том, что Иисус Назаретянин, «царь иудейский», призвал народ вести себя *хорошо*? Может быть, для дикого иудейского племени, рассеянного среди скал и пустынь, проповедь Его и была откровением, но эллины и латиняне уже тысячу лет внимали проповеди величайшей в мире *античной культуры*, даже для нас великой, до которых дошла ее малая часть! Существовала глубочайшая философия, поэзия, театр, и никто не проповедовал ненависть к ближним, но большей частью воздержание, справедливость, почитание предков, почитание Богов, правила доброго общежития.

Но не проповедью Иисус отличается от других учителей и пророков, а тем, что объявил Он себя сыном Божьим, и распят именно за эту беспримерную дерзость.

Но действительно ли Он сын Божий?

Апостол Павел восклицает: *если Он не воскрес*, значит, Он не сын Божий, и *вера наша тщетна*.

Воскресение Христово – сердцевина христианства.

Только Воскресение доказывает божественность Христа, и только Воскресение подает надежду страждущему человечеству.

Но ведь и Моисей, и Будда, и Магомет, и Лао Цзы и Конфуций – простые смертные, но меньшее ли значение имеют их учения для приверженцев? И так ли необходимо для Воскресения быть Богом? Не бóльшую ли надежду на вечную жизнь имели бы мы, если бы Иисус воскрес как *один из нас*? Ибо Воскресение бессмертного Бога не-

удивительно, но одного из нас – воистину переворот в Мироздании, повеление солнцу остановиться, земному тяготению – исчезнуть, ночи – превратиться в день.

Но воскрес ли Иисус? И Божий ли Он Сын?

И в том и в другом я сомневаюсь, поэтому ни подтверждать не берусь, ни опровергать не смею.

Но надежда моя опирается еще больше на Поражение, чем на Победу.

Что Сын Божий воскрес – не диво, и немощь наша от того не уменьшится. Не диво, что летают птицы – но мы-то не птицы; не диво и что рыбы в глубине не тонут, и сияет на небе Млечный Путь.

Но если Христос – один из нас, тогда воистину Он самый дерзновенный, и даже поражение Его – величайшая для нас опора. «Не отчаивайтесь, когда будете гонимы! – говорит Он нам. – И я опозорен, предан, распят. Умирая, я не был уверен в Воскресении, потому так велика была моя скорбь. И когда вас унижат, помните обо Мне.

Но даже если и был наш Учитель Богом, то, воплотившись, став человеком, стал Он смертным, и не был уже уверен ни в том, что Он сын Божий, ни в своем бессмертии.

Кто бросается в пропасть для спасения ближнего, не совершает подвига, если знает, что его подхватят, спасут, что только на несколько мгновений душу пронзит холодок отчуждения. Это не подвиг, а всего лишь прыжок с парашютом.

Бог, по природе воплотившийся в человека, но в Духе оставшийся Богом, это актер, зашедший к нам на время в тюрьму, чтобы сыграть в тюремном спектакле.

Окончился спектакль, актер снял одежду, смыл грим и ушел *к себе на небо*, а мы остались, и для нас мало что изменилось – все та же тюрьма, дыба, лобное место, и нам умирать **взаправду**, а не понарошку.

Был ли Христос Богом, и воскрес ли после Распятия?

Если Он не воскрес, то это не только не умаляет Его подвига, а даже поднимает на большую высоту. Ради нас, ради того, чтобы нас утешить, вселить в нас надежду, на столь дерзновенное Он решился – объявил себя сыном Божьим. Братья, не падайте духом, не отчаивайтесь до конца, вот видите, даже Бог рядом с вами, даже в смерти! – сказал Он нам.

Для иудеев Подвиг Его – святотатство, для нас Его святотатство – Подвиг.

Однако, необходимость Веры не предполагает окончательного ответа ни на один из глубинных вопросов.

Если я *знаю*, что Бог существует, что Иисус – сын Божий, распят за нас и воскрес – то бессмысленна Вера. Нельзя верить в то, что твердо известно. Но Пришествие Христа – Метаистория, и все свидетельства – сомнительны, потому и *моя Вера* мечется между Незнанием и Знанием, между утверждением и отрицанием, между свидетельством и сомнением... между неверием и верой...

6. В чем смысл жизни?

Пытаясь понять, есть ли смысл в жизни и в чем *предназначение человека*, необходимо еще понять, "что такое хорошо и что такое плохо"; необходимо еще понять, что такое жизнь, *что есть истина*, и как надо жить.

В том, как философия ставит и разрешает этот вопрос, есть некий изъян – идеалистам, привязанным к *высшим ценностям*, противопоставляется обыденный человек с его личными *земными желаниями*.

Но обыденный человек, противостоящий *высшим* ценностям, берется совершенно изолированно от окружающего его мира, так, словно бы его жизнь была ограничена пределами его тела.

Под теми, кто предан идеалу, понимаются, вероятно, революционеры, монахи, "монашенки в миру", например, учительницы, работающие без зарплаты.

А кто же обыденный человек?

Прежде всего, каждый человек живет в некотором окружении, не только в широком смысле – общество, народ, государство, среда обитания (например, односельчане для деревенского жителя), но и в более узком – семья, круг общения.

Так вот, семья и составляет цель и смысл существования для всякого не из ряду вон выходящего человека, исключая, во-первых, "перекатиполье", живущего от гулянки до гулянки (политика, живущего от выборов до выборов, бизнесмена – от продажи до покупки акций, путаны – от одного кавалера до другого), и, во-вторых, философа, жизнь которого хотя и умозрительна, но с трудом поддается осмыслению.

Даже монахи, по существу, живут *семейной* жизнью, только семья у них не совсем обычная – монастырь. Но их повседневное существование ничем не отличается от жизни крестьянина, и протекает в тех же заботах – благоустройство монастыря, работа, *молитва* (да, у монахов *молитве* отведено больше времени, чем у мирянина, но она для них часть работы, как у священника – повседневная служба в церкви).

А чем является семейная жизнь? Что в ней осуществляется – жизнь для себя или высший идеал? Земное или небесное? Да и что является земным, а что небесным – вот вопрос! И от его разрешения, я думаю, прежде всего должно зависеть, *быть или не быть* – и если *быть*, то во имя чего?

Постом и молитвою иссушать грешную плоть, чтобы заслужить царствие небесное, или насаждать земной сад для семьи и своего народа? – да и менее ли небесное в любви и воспитании детей нежели в посте и молитве?!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

В ЧЕМ ЖЕ СОСТОИТ ХРИСТИАНСТВО?

*Горючим ядом было христианство.
Ужаленная им душа металась
В неистовстве и корчах...
Максимилиан Волошин.*

*... пожалуй тайный-то ноумен Евангелия
и всего «дела евангельского» и лежал в перемене –
музыки молитвы на «cogito ergo sum» богословия.
В. В. Розанов.*

1.

20 апреля 2004г., вторник. Сегодня – почти летний день, почки набухают и лопаются буквально на глазах, из земли лезут зеленые стебельки и листочки.

Я верил, что жажда любви и духовная жажда определяют движение мира; хотя Дарвин и делал упор на борьбе всех со всеми, но есть еще одна сила, которая заключена в каждом *отдельном*, она особенно чувствуется вот в такие летне-весенние дни – это "Сила Произрастания", мощь и напор *становления* и *расширения* каждого Я.

Об этой же силе пишет и Розанов почти в тех же словах; соединяя ее с любовной жаждой и жаждой размножения, он говорит о потребности *свить гнездо* как о самом важном мировом законе.

И вот этой-то Силе Произрастания, этому-то неугомному птичьему щебету, этому-то вздымающемуся весеннему тесту христианство противопоставляет потусторонний воображаемый идеал, невидимый подавляющему большинству людей – "жизнь будущего века".

Удивительно не то, что идеал этот явился горстке визионеров, и что им удалось убедить в нем некоторое число последователей – но как случилось, что миллионы обычных земных людей, живущих естественной жизнью, увлеченных тою же Силой Произрастания, что и вся Природа, поверили в этот же идеал, отрицающий жизнь?

Единственное объяснение состоит в том, что термин "христианство" обозначает две противоположных религии: одна – та самая религия визионеров, вера в потустороннюю жизнь и увлеченность ее романтикой; другая, почти не знающая первой, почти не осведомленная о ней – вера в здесь лежащую жизнь, вера в одухотворенность и просветленность ее.

Одни читают Евангелие и вдохновляются словами Христа о домашних, которые суть враги человеку; о том, что не надо заботиться о завтрашнем дне; о близком конце света (который так и не наступил за истекшие с тех пор две тысячи лет) и так далее... другие Евангелие не

читают, ходят в церковь по воскресеньям и праздникам, слушают литургию и проповеди и вдохновляются *венчанием*, где освящается соединение любящих в особом *таинстве*, даже с внешней стороны глубоко и милом, своего рода широком театральном действе, мистерии; вдохновляются *крещением*, где младенца окропляют водою, радуясь, поют и освящают рождение ребенка (вопреки монашеским заповедям не жениться и не иметь детей), а потом выставляют на стол водку или самогон и малосольные огурчики, а потом еще в течение всей жизни связаны бывают особыми узам, где два избранных человека становятся для новокрещенного *крестными*, и *кумом* и *кумою* для его родителей... да и все другое, что ни есть важного в здешней жизни, вовлекается в литургическую мистерию и становится частью ее, и даже отменяются холодные слова Христа – "предоставьте мертвых своим мертвецам" – церковь провожает умирающего и в последний путь, утешает его, принимает покаяние перед смертью и отпевает умершего.

Не только "языческая" вера мирянина, но и церковные таинства, *ритуал* и *литургия* – по отношению к тому, что проповедовал Христос – это антихристианство. И не с ним я спорю.

Нет у меня возражений и против *смутной* веры и против храмового действа, выстроенного над поучениями и притчами Христа, над проповедями апостолов и пылающих любовью к Богу святых.

Эта *смутная* вера, ради которой, как наши православные полагают, Христос и приходил, состоит в том, что нам есть к кому обратиться в трудный час с просьбами о защите и помощи:

– Пресвятая Богородица, помилуй меня!

– Господи, помоги и помилуй!

– Боженька миленький, не оставь в беде, не дай погибнуть!

В них вера в Спасителя, а не в судию, приходившего и грядущего судить живых и мертвых.

И в этом храмовом действе – преимущественно освящение и благословение основных событий жизни, которые освящались и в язычестве, но которые первоначальное (*подлинное*) христианство отменило, а позже церковь вернула и сделала сущностью своих отношений с верующими – крещение, венчание, исповедь, отпевание.

Это и красочные церковные праздники, включившие в себя наследие языческой радости жизни вопреки христианскому отрицанию ее...

27 апреля, после полуночи. Так намереваюсь ли я *опровергать* христианство, как до сих пор готов *опровергнуть* марксизм? Хотел бы я опорочить православную церковь, уменьшить ее влияние? Нет.

Помимо оперы и драмы, которые идут в театрах Европы еще со времен Афин, в особых театрах-храмах идет священная драма о жизни Иисуса Христа, при этом зрители театрального действия отчасти являются его соучастниками.

Эта драма глубока и возвышенна, ее влияние на души людей благотворно – закрыть этот театр значит неимоверно сузить дух человека.

Это то же самое, как если бы из школьной программы мы изыали вдруг математику или литературу.

Однако, отставив математику и литературу, мы не опасаемся спорить о стиле и качестве преподавания, ругать или хвалить учебники – мы вправе требовать, чтобы математика не превращалась в схоластику, не изгоняла гуманитарное образование, так же и наоборот, останавливаем ретивых гуманитариев, когда они изгоняют математику. Даже сама математика развивается в противоборстве мнений, направлений и школ, и не остановилась на Евклиде, как и христианство не остановилось на воззрениях апостолов; само храмовое действо в его современном виде создавалось несколько столетий, на заре христианства его еще не было.

Следовательно, спору я или с директором школы, или с попечителем ее, и спорим мы не о том, надо ли учеников учить математике, а – надо ли их сечь розгами за провинности, разрешать ли читать стихи, ходить в кино и целоваться на танцах, или им позволительно только *"на ночь со слезой"* повторять *таблицу умножения*, на переменах зубрить *таблицу простых чисел*, по воскресеньям исследовать сходимость *степенных рядов*, а по будням – расходимость *несобственных интегралов*.

Речь идет лишь о том, следует ли предоставить в духовной жизни народа важное место религии и церкви, или, наоборот, достаточно для самой жизни отвести в церкви (и то с великой досадою) последний темный угол.

Широкая русская жизнь не отделима от православия, особенно выразительна роль церкви в судьбе эмиграции, и эту роль я умалить не хочу. Я только возражаю тому, чтобы храм превращался в казарму (как это постоянно случалось в истории Европы), а уж тем более боюсь, чтобы храм не превратился в тюрьму.

И против монастырей я не спору, хорошо, что они существуют – необходимо, чтобы в трудный час было куда человеку уйти, когда уже идти ему некуда – но только устав монастырской жизни не должен заменять и подменять бесконечно разнообразную жизнь – для тех, кто остался на воле.

Есть люди, которые не ходят в театр и в оперу, обходятся без романсов, без музыки, без поэзии. Мне жаль их, они потеряли многое, и жизнь их одностороння. Так же есть люди, которые не испытывали религиозной страсти, не порывалась душа их улететь на свет и пламя таинственного небесного огня – но и горение Веры часто сужает душу человека, вместо того, чтобы ее расширить. Я сожалею и об *одержимых* верою.

Но бывают времена общественных бедствий, когда религиозный энтузиазм обретает силу власти, и требует, чтобы души были *одержимы* верой у всех, тогда церковь, вместо того чтобы помогать нам в нашей жизни, стремится ее отменить, подменив жизнь храмовым действом.

Религия – лишь часть Духа, не бо́льшая, чем музыка или математика. Было бы нелепо, если бы Коперника отлучили от астрономии за то, что он подверг критике эпициклы Птолемея. Нелепо и меня отлучать от Бога

за мою веру в то, что "*Священное Писание культуры*" включает, кроме Библии, еще "Одиссею и Илиаду" и "Начала" Евклида.

Я защищаю Бога от удушающей, чрезмерной любви. И в этом я опираюсь не только на личный мистический опыт, но и на мистический опыт выдающихся писателей, философов и ученых.

Следовательно, мои заметки к Критике Догматической Веры не анти-религиозны, а – подлинно религиозны.

Я не ниспровергаю христианство, а рассуждаю о том, что есть истина и в чем смысл жизни, и христианское учение соучаствует в моих рассуждениях, в них соучаствуют и русские романсы, и поэзия Пушкина, и трагедии Шекспира и многое другое.

Навязываю ли я человеку свой смысл жизни?

Нет, я еще не знаю ничего окончательно, так, чтобы поучать других. Возможно, смысл жизни – в любви.

Но этот ответ слишком "вообще", и поэтому почти ни о чем не говорит – есть ведь и любовь к женщине, и любовь к России – а это не совсем одно и то же. И Христос не вполне определенно ответил на вопрос о смысле жизни, тем более, что хотя Он утверждал, что любовь к Богу важнее, чем любовь к человеку, но на крест, тем не менее, пошел не для того, чтобы защитить Бога или христианскую веру (как большинство христианских святых), а чтобы *защитить* человека.

Так что, читая Новый Завет (как и Достоевского и Толстого), я нахожу многое, что меня вдохновляет, а с многим я не согласен. Я не думаю, что на меня обиделись бы Декарт или Лейбниц за то, что я не во всем с ними согласен. Думаю, не обидится на меня и Христос.

Сорок лет, которые провел я если не внутри христианской церкви, то, во всяком случае, рядом, иногда заходя внутрь; и две тысячи лет, которые провела в браке с христианством Европа – невозможно отбросить, поэтому и я не хочу разводиться, но только окончательно ясно понять, в чем наши отношения благотворны, а что в них опасно, и на что следует влиять, чтобы не повредить европейской культуре и Духу.

Возможно, этого предварительного объяснения достаточно, чтобы читатель далее спокойно следил за моими заметками, даже когда они носят критический характер.

2.

В отличие от научных сочинений, в которых текст является объяснением и обоснованием некоторого положения, предварительно открытого автором в размышлениях, рассуждениях, во сне или прозрении (как то обычно бывает в математике – сначала утверждение теоремы, затем ее объяснение, условия, доказательство и следствия) – предлагаемые заметки вовсе не исходят ни из каких положений, в которых я был бы всецело уверен. Словно бы я писал, метал громы и молнии, утверждал, доказывал, защищал и опровергал, но и сам не знаю – что, зачем и во имя чего...

Но разве так можно писать? Разве такие писания имеют научный или хотя бы житейский смысл? Разве есть смысл в том, чтобы автор утверждал нечто, не зная даже – что, почему и зачем?

Ну, разумеется, есть! Да обычно только так мы и привязываемся друг к другу, предварительно не зная, *почему и зачем*, и узнавая постепенно потом. И так привязываясь, привязываемся правильно, а когда приходим уже с известным намерением и предложением – скорее всего держим в кармане нож или фигу. Бывает, конечно, и "любовь с первого взгляда", и поэтому восклицаешь: "ангел мой, давай с тобой встречаться, потому что я уже без тебя жить не могу!", но так редко бывает, а чаще просто встречи, разговоры и взгляды, а потом уже и завязли друг в друге...

Поэтому, хотя и я не знал с самого начала, что именно я хотел доказать, предпринимая свои критические заметки, но именно поэтому писал я их как благонамеренный человек, а не как злоумышленник, и только теперь уже понемногу стал понимать, почему и зачем ...

Дело, возможно, обстоит следующим образом.

Представим себе, что находимся мы в одном из старших классов общеобразовательной школы, и вот на одном из уроков Марья Ивановна входит в класс и видит, что изменился привычный порядок.

– Василий Иванович! – говорит она, – ты почему пересел?

– *Не нравится мне этот Чингачгук!*

– Но почему, что случилось?

– Не нравится, и все, и сидеть с ним я больше не буду! Лучше я сяду к Афродите или Флоре, а в крайнем случае к Еве...

– Но можешь ли ты, все таки, объяснить, почему он тебе не нравится?

– Нет, Марья Ивановна, не смогу, это накапливалось веками...

– Ну, ладно, садись пока с Флорой, а после урока еще поговорим и, может быть, вместе пойдем причину разлада...

Итак, уважаемые читатели, "Критика догматической веры" представляет из себя попытку разобраться в том, почему мне не нравится Чингачгук. А хорош он или плох, этого я пока не знаю... Но в одном я уверен точно – в нашем европейском классе конечно же он прижился давно, и мы обречены вместе учиться, дружески общаться, иногда спорить, и тогда я буду следить за тем, чтобы томагавк в ход не пускал он, когда вскипит... Но я не против, чтобы жили мы по-прежнему дружно в нашей прекрасной школьной семье!

Я знаю, что временами на него что-то находит, и начинает он гоняться за нашими девочками, дергать их за косы, щипать и обзывать ведьмами, негодует на Мельпомену, иногда от Клио требует несусветной лжи (хотя, между нами, она и так порядочная лгунья), пеняет Флоре, что она не любит пустыню и не ест акрид... да, Чингачгук не подарок, но... одноклассников себе *не выбирают, с ними живут и умирают...*

Так что, хотя и не нравится мне Чингачгук, не перейду я границ цивилизованной критики его недостатков, и даже в вигвам его изредка буду заходить по старой памяти.

3.

4 мая 2004 г., после полуночи. Читаю Розановский "Апокалипсис нашего времени", и стало совсем тоскливо. Я еще надеялся отделить овец от козлищ, я еще надеялся превознести Христа над учениками Его, на них возложить вину за односторонность и мрачность учения, в частности, сосредоточить критику христианства на критике апостола Павла, но... не в одном этом иудейском отступнике дело... Розанов, к несчастью, слишком убедителен, и если перечитать весь Новый Завет, трудно найти в нем светлое – всё мрак да скрежет зубовой!

Но разве задача моя в том, чтобы подвергнуть экзекуции то семя, из которого выросли деревья национальных церквей? По-видимому, слабости и колючки исходной проповеди были видимы всем мыслящим еще и до меня, потому и происходила гигантская переработка пафоса учения из обвинительного приговора человечеству в оправдательный, из ненависти к жизни и культуре в согласие с ними. Следовательно, надо изменить мне мою задачу. То христианство, которое мы сегодня имеем (в частности, православие), в церковной практике обращено к человеку и предлагает ему утешение, помощь в проступках, надежду в горестях и болезнях, обещание вечности при приближении конца личных времен. Оно приспособлено к типу личности и культуры, возникшим в Новое время, то есть уже преодолело разрыв с эллинским миром, покаялось перед ним (неявно) и включилось в жизнь современного человека. Христианство согласилось стать *частью* европейской культуры, и более не спорить ни с философией, ни с наукой, ни с Коперником, ни с Пуанкаре. Это хорошо, и с этим и я не спорю.

Следовательно, должен излить я негодование только на современных бесов, под видом ревнителей христианства проповедующих ранне-христианское мракобесие и отрицание культуры и жизни.

И должен я исследовать и опровергнуть главную идею, лежащую в основании христианского мифа и христианства как иудейской секты, источник мракобесия в течение всей европейской истории – то есть идею Грехопадения, Первородного Греха и Вины.

Но все еще пребываю в сомнениях – надо ли сокрушать то здание Веры, которое исторически построилось хотя и с чуждыми европейскому духу целями, и по чуждым чертежам, но оказалось единственным в европейской культуре всеобъемлющим религиозным сооружением, да притом европейский дух обжил его и "обустроил"?

Строилось оно для отрицания и умаления жизни, а используется для ее утверждения, расширения и преображения – ну и слава Богу! Надо только противостоять чрезмерному религиозному энтузиазму, который пытается оживить первый век нашей эры и поставить его в центр религиозной жизни мирского человека, но в этом церковь – даже союзница, она уже давно – *общественный* институт, и сама не стремится расшатывать свой союз с государством и с обычной жизнью частного

человека, она – часть его социальной и культурной жизни – вот с такой церковью я примиряюсь, и противостояние мое только с теми, кто призывает оставить жену и детей, оставить друзей, оставить несчастную нашу Россию и уйти к Богу, подражая Христу в его несении креста, стремясь к распятию ради царствия Божия.

Мы принесли слишком большие жертвы, пытаюсь заставить безжизненное дерево христианства пустить корни и прижиться в нашей жизни – энтузиасты, которые загораются пламенем сухой смоковницы, бредящие царствием небесным – наши враги.

Если бы христианство только сегодня вышло на арену духа, мы нашли бы, что возразить каждому слову Христа и учеников Его; но прошло уже две тысячи лет, оно срослось с нашей культурой, их безболезненно разделить уже невозможно. Однако, то христианство, с которым мы сегодня живем, и которое у каждого народа свое – уже не противостоит национальной культуре.

Коммунистическая религия, пытавшаяся отменить христианство, начала с того же, с чего когда-то начинало и христианство, – она разрушила нашу культуру, наш национальный дух, проросшие сквозь христианство, которое когда-то с ними боролось. Ждать ли еще две тысячи лет, чтобы теперь прорасти уже сквозь коммунистические каменоломни?

Нет, следует "пойти другим путем" – возродить русскую культуру, русский дух, русское государство, предоставив православной церкви достойное место сотрудницы в одухотворении русской жизни. (При этом, говоря о русском государстве, мы должны иметь в виду, что хотя осью его и основанием является русский народ, но и все народы России – сотрудники в государственной жизни, и не должны быть ущемляемы. А русским является всяк, кто сознает себя русским, то есть "и друг степей калмык" – тоже!)

В 387 году до нашей эры Платон основал Академию в Афинах, в 529 году нашей эры император Юстиниан, насадивший христианство в Римской империи, закрыл Афинскую Академию, просуществовавшую почти тысячу лет – так каково же отношение христианства к культуре, и какова духовная воля христианства?

Цитата из Ленина: «... *надо учиться, учиться, и еще раз учиться...*»
[?] ... *строить коммунизм!*»

Цитата из Феофана Затворника: «... *сознание даровано человеку...*»
[?] ... *чтобы понимать, что все, что он делает, он имеет от Бога!*»

Не правда ли, полное тождество образа мысли?!

Совпадают ли Истина и Свобода, или они противоположны? Или между ними существует такая же сложная противоречивая взаимосвязь, как между мужчиной и женщиной, государством и личностью, долгом и любовью, долгом и эгоистическим "интересом"?

В словах Христа «Но да будет не моя воля, а воля Отца Моего небесного», выражен отказ от *самости* (самостояния) и свободы, и если Христос и воистину прав, говоря «Азь есмь Истина и Путь», то истина, долг, предназначение противостоят не только *свободе воли* отдельного человека, но противостоят и свободе общества, воле государства, политической и гражданской свободе, и даже духовной свободе. Идеология христианства есть в сущности *теократия*, то есть *Боговластие*, и мировоззрение христианина *теократично*.

Бог не только в центре всего, но представление об истории мира с позиций христианства – Сотворение (мира и человека), Отпадение (человека от Бога), Искупление (вины и греха) и Возвращение ("блудного сына" к Богу) – отменяет или делает вторичными, вспомогательными: и познание мира и человека, то есть науку и философию; и преобразование мира и человека, то есть культуру; и целенаправленную хозяйственную и политическую деятельность государства. Метафорически выражаясь, христианство отменяет "Начала натуральной философии", "Единственного и его достойные", "Мир как волю и представление", "Россию и Европу", "Пол и характер", "Познание и заблуждение", "Металогика Откровения"; отменяет любовь, поиски смысла жизни, саму эту бесконечно мучительную и прекрасную жизнь, и утверждает только несение креста, несомненное распятие и сомнительное воскресение.

Жизнь во имя жизни еще не означает самодовольного погрязания в удовольствиях плоти, растворения в земном и пренебрежения небесным, не означает утверждения только *мира сего* и отрицания "*мира потустороннего*", ибо жизнь не ограничивает собственное расширение, и мы видим, что история так называемого "языческого мира" включает в себя кроме земледелия еще и геометрию, кроме геологии еще и астрономию, кроме строительства жилищ еще и строительство храмов, ваяние и живопись, науку и философию, объединенные именем "математики", мистику чисел и музыку, поэзию и драму... (Богословы называют языческие храмы *капищами* – а чем была синагога, в которой был обрезан Спаситель? И была ли религия Ветхого Завета язычеством? И была ли философия Аристотеля, на которой основывалось богословие Отцов Церкви, языческой философией?) – но *жизнь во имя воскресения* отрицает всякую жизнь кроме "распятия мира и сораспятия миру", как утверждает апостол Павел.

«Кто будет веровать и креститься, спасен будет, а кто не будет веровать, осужден будет.» Мф. 28.19; Мрк. 16.16.

Кажется естественным полагать, что мировоззрение разделяется на две противоположные части, разделяющие и мир надвое – теизм и атеизм, *веру* и *неверие* – и в одном лагере те, кто верит в Бога, в другом – кто в Бога не верит. Но в действительности различия между добрыми и злыми, глупыми и умными, любящими культуру и невежественными,

свободомыслящими и верноподданными, стремящимися к духовному освобождению общества и жаждущими его духовного порабощения, грубыми и тонкими, милосердными и жестокими, светлыми и темными – важнее, чем между верой и неверием, и границы между тем и другим не совпадают, так что в одном лагере Иосиф Сталин и Игнатий Лойола, а в другом – Жанна Д'Арк и Зоя Космодемьянская. В этом же нас постоянно убеждает повседневная жизнь – посмотришь на фанатиков, православных и коммунистических, и разницы между ними не заметно – да они и сами уже перестали ее различать.

Так где же проходит подлинная граница двух лагерей?

В одном лагере "человек – мера всех вещей", цель и центр устремлений, в другом он – средство, сырье, приложение.

Мировоззрение, подчиняющее человека и человеческое предвзятой сверхценной идее является *идеократией* – в Средние века это *теократия* Священной Римской империи, в Гитлеровской Германии – расизм и воинствующий *национализм*, природное делающий первичным и пренебрегающий главной составляющей нации – духом и культурой; в СССР это воинствующий атеистический материализм, смесь тирании и охлократии.

Деятнадцатый век для Европы был потому плодотворным, что церковь и религия утратили, наконец, *определяющее* влияние на умы людей, но не были полностью устранены, а занимали важное, хотя и вторичное, положение в государстве, обществе и культуре; а государственная власть хотя и была сосредоточена в узком слое властвующих, а то и в руках одной персоны монарха, но умерялась экономической властью обширных слоев населения – аристократии, дворянства и купечества. В СССР (как и в Китае и ряде подвластных им режимов) *идеократия* приняла характер тоталитаризма – государство было единоличным владельцем идеологии, культуры и собственности, а принадлежало ли само государство одному человеку (как при Сталине), шайке бандитов (как при Ленине), или более широкой группе собственников власти (после Сталина), было менее существенно. И сегодня власть, имущество, идеология принадлежат также кучке негодяев, и она раздает эту собственность приближенным, как феодальный король раздавал ее своим вассалам.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
**ПРОТИВОРЕЧИЯ ОТКРОВЕНИЯ
 И ИСТИННАЯ ЖИЗНЬ.**

1. Необходимость противоречий.

Читаю английского епископа (*православной церкви*), он говорит, что *нет противоречия* между *данными науки* и сообщением Библии о том, что Бог сотворил небо и землю, природу и человека *за шесть дней*, ибо *библейский день* мог продолжаться столько, сколько нужно, хотя бы и миллиард лет! Да, конечно! Но если сотворил землю, природу и человека Бог-Солнце, Ра или Ярило (что не противоречит и *данным науки*), то творение даже еще продолжается, и лезут под лучами солнца из земли цветы и травы, бабочки и букашки...

Мои высказывания тоже сотканы из противоречий, но, в отличие от *охранительных идеологий*, я не спешу, не стараюсь из всех сил противоречия эти отменить, отнести на счет несовершенства ума – нет, я принимаю их за необходимую принадлежность существования и логики – не все противоречия кажущиеся, не все появляются и исчезают, не все *устранимы*, не все – свойство несовершенства.

Так в математике функция $y = \sin x / x$, непрерывная на всей оси, терпит разрыв в нуле, но поскольку при $x \rightarrow 0$ стремится к конечному пределу, то этот разрыв *устраним* (это "противоречие" можно *снять*): полагая $y = 1$ при $x = 0$, получаем новую функцию, отличающуюся от исходной в одной точке, но зато уже непрерывную при всех x .

Но не такова функция $y = \sin (1/x)$; при $x \rightarrow 0$ она *бесконечно колеблющаяся*, не имеет предела, и ее *разрыв не устраним* (почему и сказал *поэт* (имея, возможно, в виду именно эту функцию), что "*наш разрыв не устраним, мы вместе мучаемся с ним!*").

Так, следовательно, существуют *не устранимые противоречия*, они встроены в мироздание так же, как вирусы даже в здорового человека и как встроена смерть в живое?! – но нет, раблепное Христианское Богословие не смеет даже многоточие ставить в рассуждениях о Божественной сущности, и поэтому какие могут быть противоречия в плане Божественного творения, тем паче в Священном Писании?!

И вот, если в Библии говорится, что мир сотворен шесть тысяч лет назад, а геологические процессы на земле исчисляются сотнями миллионов лет, то – горе геологическим процессам! И горе геологам!

Лучше перетолковать самым чудовищным образом Библейские тексты, чем допустить, что переписчик ошибся, или Автор с похмелья диктовал текст (или ему захотелось подшутить над нами?!)

Охранитель наделяет Божество совершенством, создает теорию, исходящую из своего собственного представления о совершенстве, и затем уже, когда теория не пролазит в *кривые ворота мира*, коверкает мир. Логика его проста – если допустить, что милиционер не всегда прав,

и мог задержать невинного, то отсюда будет следовать, что и милиция не всегда права, а значит, возможно, что не правы бывают и генералы, и даже сам *генерал генералов*, следовательно, изъян допустим в государстве, *а значит нет Бога!* (Иначе почему же тогда в любой тяжбе гражданина с властью имущими Российское государство скорее истребит половину граждан своей страны, чем признаёт неправоту милиционера, судьи, командира, Цезаря или его жены?! Ибо "*жена Цезаря вне подозрений!*"). Так древние греки не могли смириться с тем, чтобы планеты обращались не по *совершенному кругу*, а по «неправильному» эллипсу, и нагромождали круг за кругом, пытаясь примирить отклонения в движении планет от их должных орбит.

Теология еще пуще уперлась – или вращается солнце вокруг земли, или нет Бога! – а иначе за что унижали они Галилея, зачем сожгли Джордано?!

.... Продолжаю "философствовать".

Где тонко, там и рвется! – говорит народная мудрость. Но, быть может, *где рвется, там-то и развязываются узлы бытия?!*

Математика показывает, что свойства функции, ее особенности, да и вся ее сущность, выявляются в *точках разрыва*, в *точках экстремума*, в *точках перегиба*... ..

Но не то же ли разве и в жизни?!

Христианства – как единого цельного учения, образа жизни, отношения к миру – нет, и мы имеем почти несовместные учения – разные и о разном, и даже когда мирно мы разговариваем – как в ожидании поезда пассажиры на вокзале, ожидающие каждый поезда своего – обречены мы больше не встретиться и не побеседовать – ни мирно, ни враждебно, как будто никогда не встречались, как будто не в одну эпоху и не в одной стране жили!

Но даже и русское Православие не цельно, и духовенство верит иначе, чем верующий простой народ. Но и те, кто ходит в церковь не регулярно, кто не постится и не соблюдает церковные правила (а таких большинство), придерживаются своеобразной религии, не отрицающей жизнь (как древнее, исходное, подлинное христианство), а утверждающей – тут и Масленица, и коляды, и Троица с березками, и пасхальные яички, и пение церковного хора, тут и храмовое зодчество, и Крестный ход, и горящие свечи, и колокольный звон. Вот и я такой православный, то есть русский – но вначале я русский, а потом уже православный, а еще дальше – христианин. И я не пытаюсь поколебать, обличить, изменить христианство – оно и без меня уже давно поколеблено и исправлено, растеклось на сотни национальных ручейков, и у англичан свой английский Христос, а у меня свой, русский, точнее, у меня своя культурная русская традиция, которая от христианства, оберегаемого и хранимого церковью, отличается так же, как народная песня, которую поет народ, отличается от исходного текста, забытого вместе с автором, и как антоновские яблоки отличаются от того яблока, которое взросло в раю и которым соблазнил искушитель любопытную Еву...

2. Как надо жить, чтобы обрести спасение? Достаточно ли – просто жить праведно?

Надо прежде любить не себя, надо прежде жалеть не себя!

Христос завещал *возлюбить ближнего как самого себя*, а я говорю, что не так надо любить, как себя, не вровень, а *прежде любить и жалеть другого, а потом уже себя*.

И хотя я не ограничиваю любовь и жалость, не запрещаю *пожалеть* постороннего, но все-таки скорее имею в виду *подлинно ближних своих*, то есть родных и друзей, которых надо любить и жалеть *прежде* себя, особенно в трудные минуты жизни.

...Но любить и жалеть ближних еще не значит быть христианином; и огнепоклонники жалеют ближних своих, и атеисты не бессердечны. Не всё определяется и верой в Бога – и мусульмане верят в Бога, и иудеи живут *по правилам* и ожидают Спасения.

Для чего приходил Иисус Христос, чтоб Он принес падшему человечеству? Согласны ли мы в ответе на этот вопрос?

Ибо такая путаница в самом учении, что даже самые неколебимые последователи Его *признали* эту путаницу – тем признали, что между собою разругались и разошлись, и каждый уверяет, что только он один понимает все правильно, а у других – ложь, заблуждение, отступничество и суеверие! Православные даже Папу Римского, на смертном одре умоляющего пустить его в Россию, не пускают, так католиков ненавидят! Даже из списка *традиционных* для России вероисповеданий их исключили (буддистов и иудеев оставив), а ведь нынешняя Россия не наследница ли Российской Империи, с ее *традиционными* католическими окраинами?!

Но если бы учение было непротиворечиво, не изобиловало неверным и сомнительным, то не сокрушило ли бы оно человеческую свободу, как сокрушил марксизм (не тем только, что был неверен, но что утверждал себя в качестве полного, законченного и *единственно верного* учения)?!

Да и я на месте Христа не поостерегся ли бы на каменных скрижалях высечь и оставить человечеству в назидание Завет мой такой, что ни убавить ни прибавить, и шаг даже мелкий в сторону – побег от Истины, и охраняющие ее стреляют без предупреждения?!

Но что же является сердцевиной и условием праведной жизни?

Необходимо не делать зла! Кто способен к *состраданию* и *делает добро*, тот и будет спасен – будь он католик, атеист, буддист или иудей, язычник или огнепоклонник, тунгус или перс, цыган или еврей.

Нет, – возражают христиане всех направлений, – *спасаются Верой!* А многие настаивают даже, что *только верой* (и праведные дела уже ни при чем), а есть и такие (кальвинисты), которые верят, что уже предопределено, кому быть спасенным, кому – нет, и ни вера, ни дела не спасут приговоренного (неизвестно за что) к гибели.

Так христианин ли я, если *необходимость Веры* не считаю необходимой для спасения?

Но расхожусь я с христианским учением и в отношении к Греху.

Что такое Грех в понимании христианина?

Во-первых, *первородный грех*, источник рождений, что еще началось с "Адама и Евы" – но о нем уже достаточно сказано, и не буду еще говорить.

А другие грехи, важные, по мнению христианина, настолько, что *злого* порицает он меньше – гордыня; богохульство; уныние и отчаяние; дерзость; честолюбие; театр и развлечения; "собираение сокровищ на земле", прежде всего, культурных.

А чего стоит так называемый *грех чрезмерного веселия*? Правильный христианин – *постный*! Водки не пей, за девками не бегай, по театрам и балам не шляйся, в карты не играй, власть не порицай, не бранись, не гордись, не дорожи славой, честью, не предавайся унынию, скуке, раздражительности... – да не скопцы ли одни в христианский рай попадут?!

Но верую ли я в Иисуса Христа, в Святую Троицу и в Церковь Христову? – а к кому же взываю я, когда мне плохо? Не только в Троицу верую, но и Матери Божьей молюсь – как и народ простой, которому Богоматерь ближе, важнее, *божественнее*, чем даже Бог Отец, и у нее, милосердной, просит он заступничества, а не у Него, грозного.

И церковь не отвергаю, только врата ее надо шире открыть. Разговор с Богом, состоявшийся в Палестинских пустынях, не единственный источник Откровения; духовная история человечества не замыкается на «Богоизбранном народе», Израиле и Иерусалиме, и драму отношений человека и Бога, в центре которой была судьба Израиля и судьба еврейского народа, не следует считать единственной и сердцевинной драмой; античный мир поставил те же проблемы, но неизмеримо шире, а поскольку широту вместить обыденному человеку почти не по силам, избрал он страстные проповеди апостола Павла вместо вольных бесед Сократа, *нищету Духа* вместо Духовного Возвышения, *отрицание Мира* и Культуры вместо их *Преображения*.

Нет, недостаточно для спасения души веры и *святой простоты*! Необходима и духовная жажда, стремление к совершенству и добродетели, культура и философия.

3. Проницаемость души и Бунт Божьей твари.

Часто говорят, что в Бога верят с отчаянья. Сильному, молодому, счастливому человеку Бог не нужен, а если жизнь пошла под откос, или болезнь, горе, старость, смерть приступает – хватается человек за соломинку, хватается и за Бога. И это действительно так, счастливому и молодому достаточно своего счастья и молодости, им Бог не нужен. И все-таки, это не вся правда. Не только от страха и одиночества приходит человек к Богу. Бог – это особая музыка мира, которую, действительно, как правило, мы не слышим, пока не пошла у нас жизнь под откос. И вот

происходит перемена, мы начинаем слышать посторонние звуки, нестройный шум, неясные голоса, а иногда и осмысленные слова и речи и, наконец, даже *музыку небес*. Ибо в обычном состоянии души покрыты толстым и грубым покровом, сквозь который тонкие веянья не проходят, и нужно ободрать его о коряги злосчастий, чтобы души стали *проницаемы*. Да, приходит болезнь, старость, смерть, петля захлестывает шею – и вдруг звучит музыка, прежде неслышимая.. Человек начинает слушать – не обязательно, чтобы утешиться, да не всегда эта музыка и утешает. Но слышат эту музыку иногда и молодые и счастливые, только с нею кончается их безмятежная жизнь, как кончилась она у Франциска Ассизского и Жанны Д'Арк.

Способность чувствовать и понимать сверхъестественное не делает человека счастливым, напротив, чаще всего способствует испытаниям.

Проницаемые души почти то же, что *душевнобольные*. В отличие от математических истин, *независимых* от того, каков характер, положение и воззрения ученого-математика, небесные сообщения противоречивы и *почти* недостоверны, опыт общения с небом чрезвычайно *субъективен*. Однако Отцы Церкви попытались придать субъективным свидетельствам характер объективной Истины (возможно, вследствие того, что являлись часто философами и математиками), и потому сложили здание, в котором поэту, философу, ученому и мистiku часто тесно и неуютно, вопреки тому, что обещал (?) Христос, будто Он пришел дать нам свободу.

Пришла пора более определенно обозначить мое отношение к христианству. Попытаюсь быть смелым и дерзким. Что меня останавливает? Что папа римский осудит? Так я православный, и пусть католики оправдаются перед Жанной, тогда оправдаюсь и я перед ними.

Что осудят "новые уверовавшие", *неофиты* – так это всё партийные фанатики, они из КПСС перешли в православие, и того не заметили.

Что осудит "отец И."? Да, может быть, вспомнит он молодость и простит, несмотря на свой твердокаменный догматизм, тем более что *не под моим ли влиянием*, тому сорок лет, он и в христиане пошел?

Что осудит церковная иерархия? Но я мог издать энциклопедию о Российских храмах, и принес бы пользы неисчислимо, а они и рубля мне дать не хотели, пусть сначала передо мной оправдаются, потом уж и с меня спрашивают.

Но многое страшит и меня.

Когда я болен, когда обволакивает страх смерти, улетучиваются мои смелость и дерзость, и сам себе кажусь я таким ничтожным, что даже меньше пылинки в сравнении со "сверхновой" звездой.

Но вот – образовалась в мире прореха, в которой в данный момент меня сжимают тиски не так сильно, и пока не придавят, *спеишу высказать то, что я мог бы думать, если бы не боялся*.

Итак, продолжаю.

Существует два основных положения человека в отношении к религии: одни – беспартийные, то есть либо равнодушные, либо

атеисты; другие – партийные, то есть *верующие*. За теми и другими многовековая традиция, единомышленники, богатая литература.

Верующие – *просто веровали* и новых теорий не сочиняли; более того, не изменяли даже слова или хотя бы запятые в каноническом тексте фундаментального Богословия, и только в тысяча первый раз обясняли читателю, почему и как в Бога надо *верить*, почему Его надо *любить*, почему Он – *совершенен*, почему Священное Писание во всем *право*, почему «долг историка-христианина», встречающегося с фактами, бросающими *тьму* на церковь, пытаться трактовать их так, чтобы они начинали бросать *свет* на церковь (ну, как в истории ВКПБ)... и т.д.

Неверующие *не верили* тоже *просто*, правда, иногда с тоски, устав от *неверия*, начинали гоняться за НЛЮ, чертовщиной, магией и теософией, и уже мало отличались от диких верующих.

А я – беспартийный, я сам по себе. Я – *просто русский*. Но я и в русские не вступал, а так уж родился, и научился по русски говорить до того, как осознал, что я русский, до того, как разочаровался в России и в русском народе, но мне уже некуда было деваться, я не мог вступить в евреи или в немцы по причине органической неспособности к чужим языкам, хотя с огорчением видел, что евреи и немцы культурнее, умнее, честнее, порядочнее русских.

В православные я сначала вступил, теперь... если еще не вышел, то мои вчерашние единомышленники, как дочитают до этих строк (если еще не разучились читать), с треском выпрут меня сами из своих монолитных рядов (где *все как один* и у них, как и у большевиков).

Мог бы я оставаться христианином какого-нибудь иного толка, однако сектанты мне тоже не нравятся, да и дисциплина у них еще круче, и свободы совсем никакой.

В чем же я расхожусь с христианами – нормальными, правоверными? – только ли в том, что читаю и размышляю в расхлёст?

Нет, серьезнее.

Первое – я еще сомневаюсь, есть ли Бог.

По всем моим размышлениям выходит, что Он есть, но, с другой стороны, я задаю вопрос – *существует ли тот, кто никак себя не обнаруживает и не проявляет?* По крайней мере, передо мною себя не обнаруживает? (По крайней мере, перестал обнаруживать.) Есть, правда, множество свидетельств других людей, но – не приложили ли к ним руку "историки-христиане", а следовательно, факты ли это, или легенды?

Так что я в сомнении, Бог не то есть, не то Его еще нет...

Второе – действительно ли Христос Сын Божий? Если Он воскрес воистину, то сомнений нет – но воистину ли Он воскрес?

И третье. В Священном Писании многое мне не нравится, противоречит моему нравственному чувству и мироощущению. Вот, например, Спаситель отвечает сатане, предлагающему обратить камни в хлебы и накормить голодных – *Не хлебом единым жив человек!* – но вскоре

тремя хлебами насыщает три тыщи народу, да еще остается кусков пять коробов, а затем пятью рыбами насыщает пять тыщ народу – не то же ли это самое, что превратить камни в хлебы?! Не говоря о многом другом, о чем уже и я писал, и Розанов, и другие...

И четвертое. Идеология Христианства требует от своих приверженцев маршировать в едином строю, да еще с пением радостных гимнов. Уныние и печаль – смертный грех, не хуже воровства и разбоя.. Хотя и *смех* – тоже *грех!* (Всё, как у коммунистов в недавнем прошлом.)

Хотя именно ощущение трагедии, пронизывающей мироздание, является основным источником мистического постижения мира. *Проницаемые души* (или *душевнобольные*) – это те, кто чувствует трагедию мира, а поэтому слышит и музыку неба. Пока печаль не вошла в душу, душа не оплодотворена.

Таковы Жанна, Христос, Будда, Лао-Цзы....

Об этом же говорится в Пушкинском "Пророке".

Ветхозаветные иудеи знали и не сомневались, что если будут исполнять заповеди, то получат царствие небесное.. и не нуждались они в Крещении в новую Веру.. И вот явился Христос и призвал к покаянию.

"Мы не понимаем тебя, – отвечали праведные. – Посмотри вокруг, всё «хорошо», не надо лезть на рожон, живи как положено – и что еще надо? Какая еще нужна метафизика?".

Иногда мне кажется, что Христос пришел переменить мироздание, которое в изменении не нуждалось.

Обращаясь к благополучным, не нашел Он в них понимания.

Потому и пошел к бродягам и падшим женщинам, что они, несчастные, были *проницаемы* для слова Божьего, и они Его услышали.

И меня сегодня не слышат, потому что мало восприимчивых к *трагедии мира*.

Атеисты не слышат, их мир *согласован*.

Христиане не слышат, их мир *спасен*.

Социалисты не слышат, они свой «новый мир» надеются еще *построить*.

Несчастные глухи к чужой радости, *счастливые* – к чужому горю.

Побежденные – отчаялись, *победители* – заросли коростой.

Среди кого мне искать слушающих?

Но продолжу делать вид, будто я философствую.

Вера в Бога – это особое состояние души, подобное страстной любви к женщине, особая реальность, пронизывающая жизнь, вмещенная в жизнь даже и до такой степени, что она становится главной реальностью бытия, а повседневная жизнь оказывается только помехой (разумеется, так и в исламе, и в буддизме – иначе с чего бы заточать себя в пещере или обвязываться гранатами и ложиться под танки?!)

Это не образ мыслей, не способ объяснять мир, а единственное подлинное содержание жизни; устанавливаются личные отношения с Богом, время заполнено встречами с Ним, разговорами, ожиданиями.

У древних иудеев Бог (*Бог Израиля*) и Израиль были вместе, не отделялись один от другого, это создавало полноту бытия, и повседневная жизнь естественно входила в эти отношения; христианство же существует двояко – как *соль жизни, обогащающая жизнь*, придающая ей вкус и смысл, и как единственная подлинная ценность, *сверхценность, отменяющая жизнь*.

Необходимо жить только для Бога, подчинить этому стремлению всю свою жизнь! – утверждают Апостолы.

Мы, обычные смертные, эту одержимость тоже способны понять, потому что и мы испытывали страсти, и нас сводили с ума, вместе или попеременно, женщина, вино, карты, книги или предметы искусства.

По силе одержимости пророк и фанатик сходны. Так, когда я был безумно влюблен, рядом со мною ходил с ума от любовной страсти один придурок, и то бегал с ножом, чтобы ее зарезать, то с веревкой, чтобы повеситься. Я любил истинно, он – ложно (так мне казалось), но для окружающих мы были недалеки друг от друга. Сегодня я "окружающий" по отношению к *подлинным христианам*, к тем, для кого вера – всё, а всё остальное – ничто; но как тогда, когда я любил, а другие думали, что я сошел с ума, но я точно знал (и чувствовал), что моя жизнь истинна, а жизнь других, не сходящих с ума, ложна, так же думают о нас страстные верующие, переживающие роман с Богом (часто уже на всю жизнь).

Но поскольку и я когда-то ходил с ума, не спешу на них смотреть *объективно*. Мои *безумства*, отрицающие жизнь, прошли; с ними невозможно было бы писать учебник математики, да и неинтересно; и всё, не связанное с любовью, было неинтересно, и поэтому я не жалею, что *безумства* прошли, и я вернулся в жизнь, не жалею, что моя жизнь для меня расширилась, что кроме любви и безумия есть еще Россия, деревня, огород; мой народ, семья, Настенька; культура и "философские рассуждения". Когда весь свет заслоняла одна желанная, которую я хотел *спасти* от грязи мира, от чужих вожделений, от нее самой – всё, кроме нее, было ничтожно, и не стоило жить для целого мира, так он был мал, а для нее, единственной, заполонившей вселенную, стоило и умереть.

Но когда *безумства* прошли, и я вернулся в широкую жизнь, мне показалось, что тогда я жил ярко и подлинно, а уйдя оттуда – почти умер.

Поэтому-то и не спешу сказать, что христиане отказываются от подлинной жизни во имя *иллюзорного* романа с Богом – может быть, они как раз правы, как и я был прав, пока любил так, что жить было невозможно. Или любить, или жить – так чувствовал я тогда; или думать только о ней, смотреть только на нее – или ходить на работу, встречаться и с другими людьми, переживать и другие волнения...

Пишу теперь из этого внешнего, по отношению к Роману с Богом, бытия, и не отвечаю окончательно на вопрос, кто из нас прав... Пишу так, будто прав я, но... (Вот это "но" за пределами по крайней мере первых двух книг Металогии).

Апостолы, утверждающие новую религию, призывали своих сторонников жить для Бога. Перечитываю их писания – ничто другое, кроме отношений с Богом, для них не было значимо – ни любовь, ни рождение детей, ни пашня, ни строительство городов.

Их собственная жизнь была подчинена Богу, того же требовали они от своих учеников и последователей. Это был своеобразный духовный брак – а разве верная жена не подчиняет свою жизнь мужу и детям, так что ни на что другое не остается ни сил, ни времени? Но если бы и оставалось время, то и оставшееся надо отдать семье, а не по посиделкам и гулянкам бегать, или балам и театрам. Сядишься ли обедать, прежде помолись. И вставая из-за стола, помолись тоже. Помолись перед сном, и поутру, проснувшись. На праздники и в воскресенье следует простоять длинную церковную службу, а часто и всенощную, а то и заутреню, вечерню и обедню. Светские праздники порицались, даже новогодняя елка бывала запрещена (как и у большевиков в тридцатые годы, они же – типичная христианская секта!)

Порицалось веселье, смех, театр, игрушки и песни.

За церковной оградой жизни словно уже не должно было быть.

Рождество и крещение – в храме.

Венчание – в храме.

Отпевание – в храме.

Даже свидания. (В «Красном и черном» Стендаля...).

Христиане были против театра, против искусства, против светской литературы... Иногда кажется, что это просто ревность – не так ли и я запрещал своей любимой смотреть на других кроме меня?

Ветхозаветная религия пронизывала жизнь и быт и, казалось, была тоталитарна, как марксизм – но она соединялась с жизнью, растворялась в ней, как соль растворяется в пище; правда, по мере того как начинала доветь, становиться самоценной и самоцельной, начала сдерживать развитие жизни, поэтому Христос воскликнул, чувствуя несвободу – *Не человек для субботы, но суббота для человека!* – подразумевая под *субботой* законы и правила, подчиняющие себе жизнь человека.

Не следовало ли продолжить это восклицание и договорить – *Не человек для Бога, но Бог для человека!?*

Многие смутятся от моих слов, даже те, кто не верит в Бога, ибо представление о Том, Кто объемлет мир и держит его в Своей ладони, так разительно противостоит образу маленького дрожащего существа – человека – и что же, для него, дрожащего, Тот, кто объемлет сущее?

Но посмотрите на Солнце! – не больше ли оно всякого существа на земле и даже самой Земли? А древние египтяне, веруя в могущественного Бога Ра – Солнце, разве чувствовали себя его рабами? Нет, в наибольшей степени Бог Ра существовал для **нѳх**, хотя и они для Него в некоторой степени существовали тоже, воздвигали храмы, слагали гимны, устраивали процессии – но не противопоставляли они Бога полноте жизни!

Так и славяне, поклонявшиеся Ярилу (Богу Солнцу), не поклонялись Ему до самоунижения. Мне кажется, что **я** – солнцепоклонник. Или,

точнее, христианин, не забывший религию пращуров, ту тысячу лет, которые предшествовали *крещению* славян.

В летнем мареве, у края гречишного поля смотрю я на синее небо с легкой грядой облаков; зажмурившись, пытаюсь посмотреть и на Бога, пылающего сквозь всю вселенную – о, как Он велик, горяч и любвеобилен! Каждая былинка чувствует Его заботу и тянется к Нему и благодарна Ему, но точно и твердо знает, что это могущественное светило существует *для них* и любит их бескорыстно.

Посмотрите на мать, прижимающую дитя к своей груди – кто для кого существует? Ничего не требует она от своей крошки, но благодарна ей за счастье жить для нее! (Потом, когда подрастет... но это потом, не скоро, и уже на краю жизни...) И разве так же Настенька существует для меня, а не я для нее?

Но мы – *тварь*, творение Божие, и чувствовать себя должны подобно глине в руках ваятеля! – говорят христиане.

О себе скажу, что и действительно всю свою жизнь я – только дрожащая тварь, забит, унижен, боюсь милиционера, боюсь следователя, боюсь тюрьмы, боли и болезни, боюсь разбойников, боюсь грозного оклика, отповеди, укоризны, ненависти и злобы, и взгляд у меня затравленный, словно у теленка, которого ведут на бойню... Но я жалею людей, мне хочется, чтобы они, даже если и случается им страдать и плакать, находили сострадание и утешение, поэтому так ненавижу я государство, в котором никому не возможно помочь. Никогда не хотел я кого-нибудь оскорбить и унижить, и с Солнцем мне легко – оно нас подлинно любит и жалеет, и не требует от нас стояния на коленях!

"Не слишком ли дерзко ты пишешь о Боге и Его учениках?" – спрашивает меня ортодокс.

"Трудно сказать, Бог мне не говорит ничего... Может быть, моя искренность Ему как раз по душе, он устал слушать только хвалу или хулу, но ни слова достойного сдержанного мужского разговора, Отца с сыном, Друга с другом, Творца с образом Своим и подобием.. или, по крайней мере, с *созданием* – но по образу Своему и подобию?.. Словно бы с "портретом?" (Ну, христиане начнут поправлять мои слова в сторону *явления*, а там и опять доведут до *раба Божьего*.)

Я думаю временами – может быть, дело в иудаизме? Это их еврейский Бог такой – суровый, "нелюдимый", требовательный, не улыбочивый, иногда жестокий, всегда несправедливый, и Христос пришел как раз *примирить* Бога с человеком (или человека с Богом), восстановить отношения доверия, сыновности, любви, милосердия?

Но вот Тихон Задонский говорит "*Кто не несет крест вместе с Христом, того Христос отвергается!*" – так что же, только Голгофа, а радость, смех, наслаждение — заказаны человеку?

Или открываешь *Жития святых* – покаяние, самоосуждение, сознание падшести своей *природы* являются осью подвижничества каждого святого, и они беспрерывно указывают на нее, проклиная свою

греховность (и это святые!), делают основанием и источником своего подвига – что же я должен говорить своей Настеньке? На какие примеры и образцы ее направлять?

Нет, Бог христиан – не друг и наставник, а суровый судия, цензор, надсмотрщик, в иудаизме Бог даже теплее, чем в христианстве, семейнее, *плотнее, плотянее...* Противопоставление духа и плоти, унижение плоти превращает жизнь в барак Кампанеллы, в монастырь и тюрьму. Да почему это в плоти грех, а не в Духе? Разве Дьявол – *плоть*? Нет, это дух из духов, "возвышенный и совершенный", преодолевший соблазны и страсти, пороки и слабости – и лень, и страх, и пьянство, и сквернословие, и тщеславие, и глупость... кроме, скажут христиане, *гордыни*, а это, мол, самый тяжкий грех и есть, в нем как раз причина отпадения от Бога – вот и ты, говорят они мне, на опасном пути, ты не принимаешь *смирение и кротость*, и если не отпал еще от Бога, то – отпадешь!

Да, дерзость, самонадеянность, сомнение, недоверие, отрицание бунтуют во мне, послушание мне чуждо, смирение тяжело, "голубиная кротость" не приятна... *Я – бунт против рабства!*

Многое подверг я сомнению, так не восстал ли уже против Бога?

Необходимо объясниться, и если смогу – оправдаться.

Вот, например, ревнители *старой веры* весьма почитают протопопа Аввакума, боярыню Морозову и инока Епифания. Послушание у староверов еще большая добродетель, и еще большая обязанность, чем у никониан – но какой пример *послушания* явили собою эти трое святых?

Аввакум ослушался патриарха. Ослушался царя. Не подчинился церковному Собору.

Жанна из Домреми, ныне канонизированная католической церковью, не только не образец кротости, но участвовала в сражениях, восстала против суда инквизиции и предпочла костер – смирению!

4-го февраля 2004 г., после полуночи.

Христианское Отрицание и Воля к жизни.

Писать о христианстве начинал я когда-то за здравие, а продолжаю чуть ли не за упокой.

Что же у него главное, какая идея является в нем центральной? – спрашиваю я себя и не нахожу ответа – может быть, потому, что этой центральной идеи в нем, как и в социализме, нет.

А тогда объяснимо и то, почему ускользает христианство от критики, и почему распадается на множество течений, враждующих друг с другом.

... Читаю Льва Шестова. Противопоставляя Логике и Откровение, Эллинский мир и Иудейский, "Афины и Иерусалим", Шестов, будучи евреем, противопоставляет их так, что невольно мы и сами если не склоняемся к выбору в пользу Иерусалима, то видим в нем достоинств не менее, чем в Афинах.

Псалмы или Вергилий, спрашивает Шестов? Книги пророков или драмы Эсхила? Христос или Сократ? Новый Завет или философия Платона и Аристотеля?

Но и в псалмах, и в откровениях пророков, и в Новом Завете встает перед нами фигура Христа, Богочеловека и сына Божия, и в сравнении с Ним бледнеют Акрополь и Парфенон, беседы Сократа и драмы Эсхила.

Как если бы мы яркую и притягательную Настасью Филипповну сравнивали то с Аглаей, то с Наташей Ростовской, то с Китти, и выбирали Настасью Филипповну – но неужели она больше их всех, вместе взятых? И что в ней больше, чем в них? Что она – *любовница*, следовательно, *побег* из обыденности, а они – *оставление здесь*, на земле, рутинный труд, рутинные заботы и рутинные надежды!?

Но, взлетая за облака с Настасьей Филипповной, Манон Леско и Травиатой, мы с ними детей не родим, и принуждены будем владеть жалкую старость, или погибнуть (если повезет) в молодости.

Сравним же Иерусалим и Афины иначе – одна, хотя и великая *Книга* – и обширная, бесконечная Эллинская *Культура*, в которой не только зарождение, но уже и *становление* всего – и в непревзойденных образцах – философии, математики, зодчества, ваяния, театра, поэзии, истории, медицины, астрономии, земледелия, торговли, мореплавания, воинского искусства, законодательства, музыки, танца, спортивных состязаний, празднеств, религии... О, сколь необъятен твой Гений, древний Эллинский мир!

Что противопоставил этому миру апостол Павел? – Отрицание его, стремление к смерти! Уход из мира ради бесплотного бытия! Повеление *жить в нем так, аки умереть!*

Есть в этом *уходе* философия, наука, искусства, ремесла? Есть ли в нем религия!?! Да даже бы и она иссякла, если бы не питалась тем, чем занимались другие, противостоящие отрицанию мира и стремлению к смерти, утверждающие *мир сей*, а не *жизнь будущего века!* Это противостояние, это "отрицание отрицания", выражаясь Гегелевским языком, в судьбе великих, окончательных отрицаний проявилось с поразительной, неожиданной силой!

Снимает с себя одежду Франциск Ассизский, *наг я родился, и наг ухожу*, восклицает он, и уходит из родного города – но остается ли *наг?* Ибо вырастает из семени сброшенной одежды Орден Францисканский в парче и золоте, великий город Сан-Франциско создается в честь его, стихи его на пергаменте и веленовой бумаге оттиснуты киноварью, и распевают в соборах его песнопения!

И не так ли бежит из стольного града Москвы инок Сѣргий в дикие леса в верховьях Оки, в тесной пещере ютится, питается подаянием, утверждая град тот, в котором нет плоти, а только дух, рубище и вервище – но рождается из отрицания здешнего мира, наполненного утренней свежестью, солнечными лучами, синими колокольчиками на душистой

поляне, пением жаворонка в поднебесной синеве – прекрасная и дивно украшенная Троице-Сергиева Лавра, Красота и Душа России!

А ученики его Кирилл и Ферапонт? Не скудную ли жизнь в лесной пустыне утверждали они? И не жемчужины ли зодчества и фресковой живописи явились после них в Вологодских лесах?

Начиналось с отрицания мира. Отрицания культуры. "Философии нищеты и нищеты философии!" Но взросло семя нищеты, брошенное на благодатную эллинскую почву, пышным богатством.

Чем является ныне христианство и христианская церковь? Проповедью небития? Пустынной каменной пещерой?

Христианский храм – это театр, спектакль в котором длится в течение года, а церковная жизнь вмещает в себя и живопись, и зодчество, и ремесла, и философию, и даже благословение брачной ночи. Это ли уход от мира?

Начиналось с проповеди безделья, но русский монах трудится.

Проповедовалось воздержание и безбрачие, но русский священник чадороден больше мирянина.

Проповедовалась *жизнь для Бога*, а христиане сочиняют любовные стихи, строят дома, изучают математику, пьют горькую и поют песни на свадьбах.

Иерусалим или Афины?

Да без Афин про Иерусалим никто бы уже не помнил, и чем бы занимались и сами евреи, если бы не возросла на эллинской почве европейская культура? (Как и мне самому заниматься было бы нечем).

В чем же сущность христианства?

Вопрос этот уже безответен.

Шафаревич показал, что *безотчетно* в социалистическом учении преобладает воля к смерти – в христианстве она выражена *отчетливо* и явно. Могильные эпитафии на христианских кладбищах гласят: "*Остановись, прохожий, мы у себя дома, ты – в гостях!*" – и эта мысль, как воззвание, проникает и проповеди Христа, и послания Его учеников.

Но созвучно ли современное христианство Новому Завету, созвучно ли оно Ветхому Завету, утверждением единства с которым пронизан Новый Завет?

Созвучно ли оно образу жизни тех, кто еще при жизни стремился превратить себя в мощи – а именно ими христианство и утверждалось – Марии Египетской, Савонаролы, Василия Блаженного, протопопа Аввакума, блаженной Ксении? Или его легче найти у Андрея Рублева, у строителей храмов, сочинителей музыки, стихов и молитв – в Пушкинском "Пророке", в "Я, Матерь Божия, ныне с молитвою..." Лермонтова, в музыке Баха и Вагнера, Чайковского и Гречанинова?

Исходная древняя проповедь – *жизнеотрицание*, она исходит из убеждения, что завтра – конец света, и потому ничего уже не надо делать, и уж тем более *не надо заботиться о завтрашнем дне* – ибо его уже не будет.

Так надо ли было при таком мироощущении строить храм? Надо ли было собирать богатства, развивать науки и ремесла?

Но почему же они захватили полмира?

"Не женись и не рожай!" – но почему же две тысячи лет возглавляют они просвещенный мир, дают разрешение на брачную ночь, крестят *рождающихся во грехе*, да и устроились в жизни так, словно проповедь Христа к *прекращению жизни* сама по себе, а *жизнь и продолжение* ее – сами по себе?!

Потому и нет единства христианских церквей, и не будет оно достигнуто, несмотря на все усилия *экуменистов* – какую идею поставят они в центр объединения?

В христианстве, как в коктейле, смешано множество разнородных учений о мире и жизни. Быть может, и должны бы они соединиться в целое, но каждый, называющий себя христианином, исповедует какое-либо одно из таких христианств. Я их пытался принять все, но и во мне соединиться они не смогли.

Вот так же разбежались на множество сект приверженцы теории и практики "победившего социализма".

Когда грянул двадцатый съезд и пролился дождь разоблачений, самые беспокойные стали читать и мыслить, и прочитавшие больше других пошли в *диссиденты*. Они оказались словно бы *сектантами* в сравнении с *правоверными*, пытаясь восстановить в учении, в мире, в своей голове настоящий, *подлинный* марксизм-ленинизм, и не понимая, что это такой же миф, как *ленинские партийные нормы*, *кристальная честность старых большевиков* и *чистые руки чекистов*.

Но действительно ли они искренне *верили в светлое будущее всего человечества*, даже те, кто ругал потом порядки и *непорядки* "общежитной" страны, и даже кто сомневался? Да. Но вера их уже не была *слепой*. А вера правоверных был цельна и крепка и никакими доводами разума не развеивалась (как бывает целен и крепок грипп или тиф и никакими доводами разума не развеивается)...

Но вернемся к христианству. Я переживал его двойственно. Во-первых, мне вначале казалось, что я христианин не меньше других и *верую* так же *слепо*. Но я продолжал читать, и наконец наступила *ясность*, которая позволяла надеяться, что я уже почти всё *понимаю*, и остается только понимание мое сформулировать – но знания и ясность как коррозия разъедали стропила, и как подземные воды подмывали фундамент, мироздание опасно покачивалось, пока не наступила новая полоса непонимания, не восклубился *туман*, смесь из обрывков прочитанного, продуманного, услышанного, кажущегося, непонятого, смесь из недомолвок, заблуждений, невзгод...

В детстве меня крестил, как и других в нашей деревне, приезжий батюшка. Но в храм я впервые попал только в 17 лет, когда поступил учиться на "звездочета", а до того христианство вычитывал из Пушкина, Толстого, Достоевского... и впитывал из нашей деревни, где бабушки

верили от всей души, и иконы были в каждом доме, а мамы верили тоже, хотя и не так прилежно, но и бабушки и мамы праздновали церковные праздники, отмечали дни святых, и течение жизни пропитано было православием (конечно, *русским "языческим" православием*).

На "Покров" играли свадьбы (и я не знал, что это праздник *Покровы Богородицы*, а думал, что это *предзимье, покров земли снегом*); кололи и смолили свинью, приготавливали колбасу и студень, плыл над деревней сладкий дым, трусил с неба мелкий снежок, веяли протяжные песни за столом, ломились столы хлебосольем, гудела улица гуляньями на свадьбах и без них... На Покров гнали самогонку, и мы, дети, носили от ручья бутылки в деревню.

Праздники были величественными и прекрасными. Если бы я написал большую книгу только о наших деревенских праздниках, и то не вместил бы в неё свои детские воспоминания.

Я относился к жизни *мистически*, не только допускал существование чудесного, но и верил, что оно – сущностное, определяющее, оно и есть – *соль жизни*.

Близки мне были идеи Даниила Андреева о противоборствующих волях Добра и Зла, противоборстве (но иногда и сотрудничестве) национального Духа и Государства; особенно близко было поэтическое восприятие Природы – наделение озер, рек, роц личными душами (*стихиялями*) созвучно было моему собственному причастию к ней.

Я принимал чудесный мир европейских преданий, верил в мышиного короля, повелителя зверей, леших и домовых, русалок и фей...

Так же и Бог существовал для меня не только как абстрактная сила, всемирное тяготение, безличный дух, разлитый в мире, но и как Тот, с которым можно встретиться и *поговорить по душам*, а может быть и выпить.

И культура не ограничивалась совокупностью предметов, но была цельным духовным пространством, чем-то вроде *ноосферы* Вернадского; предметы (книги, здания, картины) были плотью ее, телом, как у человека, у которого есть глаза и уши, ноги, руки; и роковые встречи, разочарования, ссоры и болезни, падения и подъемы... Но как человек обладает волей, отчасти влияет на жизнь, даже иногда бежит из тюрьмы, побеждает на поле боя – так и культура, верил я, обладает способностью влиять на события.

Вот до революции в России существовали Императорские Театры, на сцене которых выступали великие мастера; и императорский Двор большую часть расходов брал на себя. Управляющие театрами (в частности, Теляковский, оставивший прекрасные воспоминания о пред-революционной поре) заботились о творческом уровне подопечных театров – но разве там, в Поднебесье, не должны быть опекуны и "управляющие", которые вмешиваются в роковые события, способствуют тому, чтобы гений раньше времени не умер с голоду и не был казнен, чтобы не все его рукописи и ноты пропали, или, наоборот, чтобы при

оскудении таланта его взяли на "Курсы повышения квалификации" – в тюрьму или в сумасшедший дом, в канаву или в богадельню?

Да, я в это верил.

А теперь с ужасом смотрю на мир... Может быть, он и в самом деле состоит только из атомов, и нет в нем ни Бога, ни Духа Святого, ни *стихий*... И всё происходит в нем так, словно является только результатом столкновения *необходимостей* и *случайностей*, воли правительства, давления среды и слабосильной собственной воли.

Нет небесных покровителей у культуры, поэтому *современные* Тургенев, Лесков и Достоевский не убедят издателей и не напечатают свои романы, а если и выйдет некоторое количество их в свет, покупатели не купят, читатели не прочитают...

Но сегодня культура и прошлых веков народу не нужна, и даже "культура" 20-го века, и какая бы то ни было культура – этот народ уже не будет строить египетские *пирамиды*, индийские *мавзолеи*, греческие *акрополи*, римские *колизеи*; не будет он строить (да и не сумеет уже) Собор Парижской Богоматери, Храм Василия Блаженного, Кремль или Лувр, Вестминстерское Аббатство и Эрмитаж...

Может быть, он построит что-то *своё*? – но построенное *им* разрушится само от стыда и унижения!

Культура народу не нужна... Да ведь и в 19-ом веке, скажете вы, крестьянам или прислуге... – нет, не то! Во все времена во всяком народе существовала и такая его часть, которой культура была *нужна*, и именно она обладала достаточной властью и достаточными богатствами, чтобы строить дворцы и театры, покупать картины, скульптуры и книги. И хотя жизнь *мастера* никогда не была усыпана розами, но не было времени, когда мастер не нужен был этому времени совсем.

И вот сегодня такое время настало.

Дело, увы, не в том, что я пишу недостаточно хорошо – с удивлением и ужасом я вижу, что ничто не изменится, если я стану писать лучше. Читателей у меня все равно не будет.

Приложив чрезвычайные усилия, я, быть может, сумею раздать триста экземпляров своей книги; приложив чрезвычайные усилия, я, быть может, сумею убедить тридцать человек ее прочитать; приложив чрезвычайные усилия, я, быть может, заинтересую троих.

Но никакие усилия не вызовут ощутимого отклика; погибнет ли Россия, будет ли она спасена, это уже не зависит от стараний культуры, и, конечно, тем более от стараний моих.

К тому же, как человек рассудительный (казалось мне), не способный обольщаться рассказами о высадках и выходах инопланетян, я трезво смотрел на мир... И хотя не представлял его только как собрание атомов, не думал, что законами их движения объясняется всё сущее, а допускал многое чудесное в мире – и *воскрешение* Лазаря, и *воскресение* Христово – но все же *не верил*, что богатый может дать денег на благое дело, что иконы чуть ли не каждый день мироточат, что Богоматерь чуть ли не

каждый день является кому ни по́пада, и что на чудо можно надеяться... Нет, понимал я – и богатые денег мне не дадут, и девушки *не дадут*, и *чуда не будет*. Да и Бога нет, как с горечью и сокрушением я убедился! То есть, не то чтобы его нигде нет и никогда не было, но как бывает, что нет рыбы в мелкой речушке, или нет грибов в окрестном лесу, так Бога нет в нашей России. Во Франции или в Германии Бог есть.

И все-таки, как теперь выясняется, смотрел я на мир неправильно, то есть хотя иллюзий в отношении него не питал, но для себя все же делал я исключение. И хотя знал, что всякого человека могут ни за что ни про что на эшафот повести, но почему-то думал, что меня самого туда не поведут, что это было бы до того вопиюще *неправильно*, что этого никогда не случится. Пушкина и Лермонтова на эшафот отвести могут, и юную Жанну, а вот меня – не должны... Могут и великие не дожидаться внимания современников, и в горестях чрезвычайных прожить свою жизнь – а вот мне, будто бы, непременно должно улыбнуться счастье.

Даниил Андреев не дарил свои сочинения *вертихвосткам*, и только одной *преданной* рукописи свои оставил (да и была ли у него надежда, что они будут изданы, а не сгорят в печах МГБ, где даже люди горели миллионами душ?) – а я стенаю, что меня не читают, что я не нужен России... Радоваться надо и удивляться, что не распят до сих пор.

Всё плохое, что и с другими, и со мною может случиться, и принимать это надо как должное, а хорошее – как милость или ошибку судьбы. Надо посему перестать возмущаться тем, что не снисходит ко мне Господь, что Русь опоенá дьявольским зельем – и ко всякому злу относиться как к ухабам на той дороге, что выпала на мою долю.

Или ангелов должны были послать замостить ее для меня?!

Да разве уже не смирился я с тем, что скоро умру, сделать ничего не успею, и не призываю ли уже секиру на "согбенную выю" (хотя это-то самая яростная гордыня)? Как дитя, наслаждаюсь я в мечтах картинкой своей скорой смерти, и надеюсь, что народ мой *потом* опомнится и обо мне пожалует!.. Но нет, не опомнится и не пожалует, даже *потом*, и могила моя зарастет бурьяном, и имя мое забудут!

Вот, увы, какова правда.

И все же – если еще не поздно, и болен я не в полную силу, и с болезнью еще можно сразиться; и если еще не все "масло в голове" пересохло, не весь бензин в сердце выгорел, и можно еще поспорить с судьбой и неволей – то надо мне сделать усилие и переменить отношение к жизни.

Как только я скажу себе, что положение мое не так уж и плохо, что с болезнью я справлюсь, книги допишу и издам, что невниманию современников естественно, как и моя ненужность России, что хотя я забытый на поле боя солдат, но пока жизнь еще теплится, надо раздуть огонек, не негодовать, что забыли, а принимать всё как есть – как только я это скажу, я начну дышать энергичнее, без негодования ждать удара в спину, удивляться и радоваться, что его еще нет... *да мы еще повоюем!*

И я напишу еще третью книгу, и будет она удачнее первых двух!

Бог не придет нам на помощь, холодно Ему в нашей России, но... и метеориты падают... И пусть *чудо* не произойдет, зато может произойти *случайность*.. разве не происходили они уже в моей жизни?

Так может быть это и есть христианское преодоление гордыни, смирение и кротость? – Нет, напротив!

Вот если *тюремный узник* вдруг до конца понимает, что он осужден навечно, что пересмотра дела не будет, и вытерев слезы решает *кротко* и *благодарно* сидеть до конца срока или до конца жизни – это *христианин, впаший в смирение*.

Если же, не мешкая, определяет толщину и крепость стены, вычисляет время, необходимое для того, чтобы вырыть подземный ход, и составляет план подкопа – это – обуянный гордыней, до христианского смирения ему далеко.

... Так что, *я еще повоюю!* Я еще выиграю хотя бы в мелких стычках с жизнью... (а если и проиграю, то *в упоении* боя).

Спасибо и на том, что не затащили меня на Лобное место, не пырнули ножом, а кистенем хотя и лупили по голове, но только вполсилы!

28 апреля 2001 г., воскресенье. ФИЛОСОФИЯ И ЖИЗНЬ

1. Истина и Силлогизм.

Зависит ли истинность математических положений от житейских коллизий? Могу ли я сказать так: "вот был как-то случай, дед мой накопил сена, сметал в стог, и надо было исчислить его объем. Мы взяли веревку, измерили ею длину окружности в основании стога, затем перебросили веревку через стог, и измерили длину перекидки, и затем их перемножили. А в другой раз мы поступили иначе, и оказалось, что...?"

Нет, такие примеры ничего не говорят о верности или неверности математических формул. Хотя математика и приложима к жизни, дает ей основания, правила, приемы рассуждений, но – жизнь не приложима к математике, и ни косьба сена, ни даже его измерение в силлогизмах математических выведений участия не принимают, ибо в математике представлено не единичное, но только общее и типовое!

А в литературе, напротив, критерием, мерою жизни являются не общее и типовое, но только частное и единичное! – так, может быть, и в философии?! Существуют точки зрения, в которых основой являются не доводы, а характер смотрящего, его личные склонности, "червоточина в голове" – бесполезно спорить с таким (да и не все ли точки зрения таковы?!)

Вот, например, иные не едят мяса, чтобы не мучить и не убивать теплокровных животных и птиц.. и я их отчасти понимаю, потому что и сам бросил охотиться, после одного неприятного случая на охоте (еще в отрочестве).

Но иные призывают не убивать даже насекомых (в Средние Века был один такой святой, ходил по дороге с коробочкой). И я догадываюсь, что умозрительные рассуждения и выводы не всегда правильны. Человек

размышляющий не до конца существует, до конца существует только крестьянин, то есть человек живущий и работающий на земле, связанный способом существования и с зверьми, и с птицами и с насекомыми, и только его выводы правильны, хотя силлогизмы в них не участвуют. Вот, например, кошу я траву на дорожках огорода, и отгоняю назойливых лягушат, греющихся в траве, чтобы их не поранить случайно. И идя по шоссе, не наступаю на разноцветных гусениц, переползающих передо мною с одной обочины на другую – иду не равнодушно к миру, а смотрю и на небо и на дорогу, и зазя не хочу обижать даже гусениц. Но я же беспощадно сжигаю в огне помидорные побеги с бесчисленным колорадским жуком, а не собираю его в коробочку (иначе и святому будет нечего есть, если только не будет он есть сушеных акрид), и также в поте лица копаю свой огород, а уж достается копающимся в земле червям! – но некогда крестьянину обращать внимание на червей. (Правда, Настенька бегаёт по огороду и их тоже собирает в коробочку.)

Так же вот и религиозные поучения – сродни ли они математическим положениям? Только ли мистическим опытом, в пустыне или на вершине горы, проверяется их состоятельность (или несостоятельность), или и повседневная жизнь, с ее семейными и бытовыми заботами, значима тоже, и они суть эмпирические истины, как измерение объёма дедова стога сена, и верность их колеблется от верности до неверности в различных эмпирических положениях?

Говорит, например, Христос: Враги человеку – домашние его!

Справедливо ли это?

Всякая потребность пожертвовать своей жизнью ради всеобщей идеи сталкивается с эгоизмом семейных интересов; семья не отпускает на небо, притягивает к земле. И я на своих домашних подчас сетую тоже.

И все таки...

Сегодня брожу я в Москве под дождем по улицам, никто не хочет помочь, грустно мне и тоскливо. Я представил Настеньку, представил, что по брусчатке Красной площади мы идем вместе с нею, проходим Никольские ворота, затем идем вдоль Охотного ряда и любуемся фонтанами... Вспомнил милку на огороде, цветы на грядках, салат из крапивы с зеленым луком.. А кому я кроме домашних нужен?

И кому был нужен Христос в день Его казни кроме "домашних", то есть того ближнего окружения, в которое входили друзья и ученики, и мать Его, и Мария Магдалина (которая при других обстоятельствах могла бы стать и женой Его), и в которое вошли бы и дети Христа, если бы казнь состоялась несколько позже и не был бы Он так настроен против рождения детей?!

Христиане возражают – мы, мол, не отвергаем семью, мы не против жен и детей! – но попробуй я представить Марию Магдалину связанной с Иисусом и другими узами помимо ученичества, представить ее возлюбленной, женой – о, какой вопль негодования поднимется из-за одного моего предположения о семейственности Христа!

Христос – безбрачен.

Но и христианство – безбрачно тоже.

Правда, подлинный христианин не вовсе обходится без семьи, он собирает братство, основывает общину, монастырь, и монахи живут особо, одной семьей; так же и монашки живут семьей, как сестры. Они – уроднились во Христе, и не против они уроднения, но – против уроднения мужчины и женщины, в результате которого два человека разных полов дороги друг другу как (предположительно) дороги и монашки (а не еще ли дороже?), заботятся друг о друге, скучают в разлуке, радуются в соединении, но еще и особым образом наслаждаются друг другом и рожают детей, продолжая род человеческий в детях.

Безбрачие Христа могло быть и случайностью, ибо Он еще молод. Так ведь и Жанна Орлеанская была не замужем, и даже девственна, но в ней нет вражды к семье, она – семейна, она – дочь своих родителей, подруга односельчан, она укоренена в деревне, в своем крае, в своей больше жизни любимой Франции.

В чем же укоренен Христос?

Нет, Он не случайно безбрачен, Он не только не вышел встретиться с родными и вместо них семьей назвал учеников Своих, Он не только говорит, что Его отец на небе, и никогда не упоминает земного отца -Он в оппозиции к семье и продолжению рода. Значит, не мог бы мечтать Он водить Свою Настеньку по небесному Иерусалиму, умиляться смеху ребенка, заботиться о любимой, тосковать, ревновать, страдать и блаженствовать.

Не входит семья в Его Истину! И Настенька вне Истины, и сам я, как сын своих родителей, и моя Россия как собрание семей!

Однако, следовать ли Декартову завету, и даже к Откровению относиться так же, как к философскому учению или математической теории, то есть и его подвергать сомнению?

Я, разумеется, *склоняюсь к сомнению*, но с *«разумными и премудрыми»*, уверенными, что только им Господь открыл истину, состязаться на их поприще и на их языке мне трудно, поэтому разговариваю я языком простым и почти школьным, отгаливаясь от «таблицы сложения» даже, а не умножения. Спорю с общепринятыми мнениями, опираясь на непосредственное чувство, но осаживаю и сам себя тоже, чтобы не заносился и я в самодовольной уверенности, не вешал с непоколебимым апломбом вместо догматических «истин в последней инстанции» свою не менее истинную «отсебятину».

Прежде никто не способен был слушать меня, то есть слушать то, что отличалось от предписанной обществу и принятой им на веру Истины; надеюсь, после того, как от прежней истины почти все отреклись, общество не будет уже столь самонадеянным, допустит, что и оно не всегда бывает правое, но иногда (если не чаще всего) и глупое, и косное и слепое – и допустив это, признав свои прежние пороки, отнесется ко мне с большим доверием, чем в прошлый раз, когда *были все неправы, но никто не слушал меня!* (Помните? Или уже забыли?!)

(Но если читатель от меня опять отмахнется, то как бы и сегодня не

повторилось вчерашнее, и не пришлось бы ему через тридцать лет снова признать, что по крайней мере дважды в течение жизни был он дурак-дураком, а даже слушать не стал единственного умного человека на своем пути!)

Авторитет Священного Писания охраняет его от критики и исследования, и даже от простого вдумчивого внимания и размышления – человек, де, должен не только "слепо верить", но и "слепо читать" (а Библию в 19-ом веке и вовсе читать не рекомендовалось, как о том рассказывает Лесков!) – правильно ли это?

Конечно, мне и самому приходилось столько по разным поводам слышать глупостей, что хотелось и мне запретить людям если не думать, то – высказываться. Есть целый слой скороспелых людей, которые имеют готовый ответ на любой вопрос, даже тот, который они еще не услышали. Зачем, кажется, десятилетиями размышлять, мучиться, сомневаться, если всё так просто, и решение – вот оно, падает в руки как переспелое яблоко?! Да, имея в виду способность человека упростить, унижить, "опустить" всё высокое, следовало бы действительно запретить каждому профану "иметь свое мнение"; да, пусть бы они ходили смотреть на Петрушку в базарном балагане, а к священному не подходили близко!

Но... ведь эдак и меня не подпускают не только высказываться, но и критически мыслить, и не только мыслить, но даже читать!

Поэтому ради себя даже я настаиваю на праве всякого – читать, сомневаться, "молоть вздор" даже и по поводу текстов Священного Писания! И хотя, разрешая молоть вздор кому ни попадя о том, что выше разумения обыденного человека, мы получаем печальный итог разделения единой реки христианского вероучения на тысячи рукавов, протоков, а то и совсем отклонений в сторону, но и запрещая духовное движение, получаем не лучше – преследование "сектантов", инквизицию, религиозные войны и расколы, Варфоломеевскую ночь и "гари староверов".

Если открыт для всех театр, открыт храм для всякого страждущего (и даже любопытствующего), а иные приходят в сапогах и с семечками, то почему не открыт для всех текст Откровения – не только для чтения, но и для обсуждения?

Высокое целомудренно и стыдливо, поэтому кажется справедливым, что священное надо охранять от непосвящённых, чтобы не захватили его грязными руками – но, как говорил Вадим Салов, таясь от света "приемы и правила Духовных Сил", но Духовное Знание открыто для всех.

Со мною не согласится тот, кто открыл для себя истину впервые и робко, как влюбленный открывает нагую прелесть возлюбленной – что же, должна ли она быть выставлена на всеобщее обозрение? Нет, лучше заточить её в высокую каменную башню, и окружить рвом с кипящей смолой, и дубовым частоколом с заостренным верхом, чтобы никто не видел и не оскорбил грубым взглядом!

Но что же мне делать, разочаровывающемуся не однажды? Так же не смеет снять с Истины хотя бы фату, как не смеет дышать возле нее целомудренный трок? (Да я ли и сам не был когда-то таков?).

2. Судьба и Воля Господня.

Прежде всего – существует ли Господня Воля?

Очевидно, что не может Бог меньше быть человека, и если уж человек имеет стремление и Волю, и даже малая букашка ползет по собственной прихоти, то тем паче должен иметь стремление и Волю Господь.

Но речь у нас идет о той воле, которая является камнем преткновения для жаждущих истины, которая будто бы ждет и жаждет подменить и в повседневности низкую волю человека.

Тварный мир и человек испорчены! – рассуждают сторонники отречения от своей воли. – Испорчен душевный мир человека, и прежде всего его воля, а именно она является первопричиной греха. Следовательно, недостаточно отречься от греховной жизни, но надо отречься и от причины ее, то есть от испорченной человеческой воли.

Чем же её заменить? Просто отказавшись от воли, придется умереть – даже с постели утром не встанешь, ибо сам человек решает, когда вставать, куда пойти, что делать, завтракать или умываться?

Даже если уподобиться щепке, подчиняющейся течению, как, например, старец Федор у Льва Толстого, то и тогда, выполняя чужие приказы, невозможно совсем обойтись без собственного руководства, хотя бы телесной стороной своей жизни.

Однако, искатели праведности стремятся от своей воли избавиться полностью – послушник поступает под начало учителя, который мучает его, как непреклонный старшина мучает солдат, или сварливая жена пилит мужа. (И традиция эта во всех мировых религиях, и даже в новейших теософских системах, от мормонов до Гурджиева).

Самые же праведные пытаются поступить под руководство самого высокого учителя, полностью предаться Божьей воле, раствориться в ней, не спрашивать, не искать, не сомневаться – но на чем основана их уверенность в возможности заключить эту сделку? И действительно ли предлагает Господь человеку отрешиться от собственной воли? Действительно ли готов Он стать для него поводырем и водить на веревочке, как водят слепца ребенок или собака? Или стать суфлером, подсказывающим из будки реплики актерам?

Вот читаю одного благонамеренного человека, он размышляет о жизни, мечтает, предполагает, и через каждое предложение повторяет – "если на то будет воля Божья".

Ну, разумеется, если "воля Божья будет не на то" – то у него не выгорит, ибо "против рожна не поперesh".

Но неужто во всех наших действиях и пожеланиях непременно присутствует Божья воля или как соизволение, или попущение – словно Он кукловод в кукольном театре, а мы всего лишь механические куклы?

Господь иначе влияет на нас.

Вот так же как Дьявол с нами разговаривает через многое, или корчит рожи в кляксах и словах доноса, так и Господь даже в каплях росы говорит с нами, если мы хотим слушать, но не стремится Он лишить нас своей самобытной личности!

Почему для христианина отчаянье – грех?

Потому что Вера включает в себя доверие Господу, уверенность в том, что существование Его – во благо, поэтому предполагает веру и в Божественный промысел в отношении человеческой жизни – а приходя в отчаяние, выражаешь недоверие, объявляешь, так сказать, импичмент Господу, выступаешь против установленного Им порядка жизни. (Так и в советской литературе были запретны уныние и отчаяние).

Конечно, если Бог – и автор пьесы, в которой для нас, смертных, уже заранее расписаны роли, и режиссер, и директор театра, и начальник охраны, и владелец, выплачивающий премии и зарплаты своим "рабам божьим", то и отчаяние и сомнение – недоверие, бунт, грех.

Но так ли это? А не пошлый религиозный казарменный социализм самозванных божьих приказчиков, захвативших монополию на Истину?

Все ведь может произойти наихудшим образом, и даже можно потерять жизнь – но вера обнадеживает – все сие совершается с ведома Господа, и поскольку смертью не всё кончается, Господь устроит всё наилучшим образом, в крайнем случае, посмертно. Следовательно, ничто не может произойти наихудшим образом, и поэтому не только "не надо печалиться" – но даже чуть ли не надо радоваться – даже смерти...

Если вера требует прежде жить для Бога, а затем уж для России и близких, и если для полноты веры надо расстаться с Россией, Настенькой, и всем тем, частью чего я являюсь в этой жизни, и перестать о них печалиться – то я не хочу вместить такую веру. Россия мне дороже Православия, она не равна православию, но шире его.

Не ожидает ли Настенька от меня любви и заботы, хотя у нее еще и другие близкие – но разве кто-то из нас противостоит другим как всё, в сравнении с которым все остальные – ничто?

Почему же Отец Небесный не уважает мои земные привязанности и требует от них освободиться?

Если кликнет рать святая, – Кинь ты Русь, живи в раю! – Я скажу: Не надо рая, дайте Родину мою! – восклицает поэт.

Вот потому-то я вижу грех не в отчаянии, а, напротив, в спокойствии и равнодушии.

Аскетизм отрицает и жизнь, и мир, и человека, заклиная – не живи радостно, обреки себя на жертву! – но для чего же пришел Христос, ради кого же Он взошел на крест?

Это – мрачное христианство. В такой отчаянной нелюбви к себе – нелюбовь и к ближнему.

Но могла ли церковь утвердиться и овладеть воображением миллионов без этого безумного подвига самоистязания, ухода от жизни и жертвования собою для Бога?

Тихон Задонский говорит – Кто не берет крест свой и не следует за Христом, того Христос отвергает.

Но о нашем ли кресте говорит он, а не о том, который нес на Голгофу Спаситель? Однако, взял ли Спаситель и взвалил ли на плечи Свои наш

крест, то есть любил и обманывался, женился, родил детей, страдал при их горестях и болезнях, добывал хлеб свой в неустанном труде, пытался изменить мир к лучшему, имея только наши ничтожные силы, впадал в отчаянье от тщеты своих усилий и ждал смерти, не надеясь на воскресение?

3. Смысл Культуры...

Как Культура соотносится с жизнью?

Выражает ли она мысли и чувства тех, кто еще не вырос, кто по уму и душевному развитию не поднялся дальше младенчества – а таких большинство?!

Мне возражат, что культура вмещает и облака, не умеющие говорить, и лепет речных струй, и шум дубрав, и бессловесные скалы, и даже "гад морских подводный ход" – так неужели не вправе и не в состоянии изобразить она простака и разбойника, вора и политика, если изображает глупого, лукавого, трусливого, богатого и злого?

Но изображает ли она их душевный мир? Нет, только обстоятельства и отношения, в которых мы оказываемся с объективным миром материи, ибо Бытие культуры не включает внешнее, но лишь отношение к нему.

Жизнь беспорядочна, зависит от случайности, силы или внешних обстоятельств, и её происшествия редко бывают следствием, выводом из развития мысли, чувства, намерения, редко подчинены сюжету.

Культура творит вымышленную действительность, в которой только разумное действительно, и поэтому действительное разумно.

Но именно поэтому церковь противостоит культуре, ибо церковь согласна с миром и противится жажде его переустройства, отвергая бунт творческой воли против того и такого мира, как его сотворил Господь.

И во многом поэтому роль культуры в нашей жизни ничтожна, она составляет в ней какую-то незначительную пристройку, вроде скворечника у дома или наличника на чердачном окне; и мы ошибаемся, полагая, что культура – составная часть жизни, поскольку мы ходим в театр, на концерты, слушаем музыку, читаем книги, и даже на телевидении не только стреляют и раздеваются. Нет, развлечение – вот единственный подлинно популярный (народный) жанр культуры, и властители дум – смехачи и трепачи, мастера водевиля и анекдота.

Или с нами хотя бы изредка разговаривают Коперник и Лейбниц, Растрелли и Тициан, Достоевский и Вагнер, Будда и Лютер?

Нет, жизнь нашу заполонил и заполнил "человек без галстука", человек в шляпе, человек в кепке, человек без кепки и "трое в постели".

Одномерный человек властвует, и только он является законодателем моды и законодателем вкуса.

Но не развлечь, не рассеять скуку или занять время, а – изменить человека и общественную жизнь, показать истину и путь к ней, переубедить, исправить, наставить, преобразить мироздание! – вот какова цель русского писателя, композитора, актера! Они приходят в наш мир как пророки и учителя, а уходят в горести и печали, осознав тщету своих усилий – так символичен уход Толстого из Ясной Поляны, ибо это не

один он ушел, а в его уходе проявилось разочарование тысяч художников в результатах своего служения Истине.

Дело не в том, что Войну и Мир еще читают, и в школе проходят, и даже в кино снимают, и Капитанскую Дочку пока в школе проходят – дело в том, что миллионная бойня Революции и Гражданской войны никак не смягчена была тем, что уже в русской литературе существовали Толстой и Достоевский – они уже были, а пытки и казни прокатились по земле как ни в чем не бывало, как неукротимый пожар, и ни на одну жизнь не стало меньше пыток и казней оттого, что они уже были, и если бы их не было, не более лютый была бы коллективизация, истребление врагов народа, всеобщее истребление.

Вот так и после пришествия Христа ничто не изменилось в мире.

И если и я допишу свои книги – ничто не изменится в России, не от них зависит в ней жизнь, и ни от одного романа, спектакля, оперы или симфонии она не зависит.

Культура бесполезна и жизнь независима от культуры – немногие случайные сцепления и пересечения, минутные взаимопроникновения не более чем вода, налившаяся за воротник или в ботинок – выльешь воду, просушишь воротник, и все снова само по себе – вода водой, воротник – воротником.

Женитьба, выбор стези и работы, родители, судьба, дети – разве всё это связано с культурой?! Во всех слоях общества верность, трудолюбие, честность, способность к состраданию – формируются в человеке в младенчестве, когда он еще не умеет читать. Да мама моя кроме Библии и "Пропотопа" ничего не читала, даже мои сочинения, а была она идеальной женщиной.

Так что же мы, пишущие, пытаемся изменить в человеке и мире? Если уже ничего изменить невозможно?

И все-таки, даже сознавая это прискорбное положение, нам необходимо создавать своё наилучшим образом. Может быть, придет кто-то, кто сумеет повлиять на человечество так, как этого хотели мы, и тогда он будет опираться на наши книги, которые будут совершенными...

Но разве жизнь исходит только из самой себя, и ни от чего не зависит? – возражат мне многие. – Разве не главную роль играют в ней идеология и религия?

Да, это верно, но ни идеология, ни религия не тождественны культуре и не являются ее частью. Они стремятся подчинить культуру, заставляют ее служить себе, и никогда не согласятся с её самооценностью и не-зависимостью, тем паче не признают за ней главенствующую роль.

Нужны ли мои книги народу? Нужны ли книги Церкви и Вере? Нужны ли они человеку размышляющему? – Да, только ему и нужны. Но как только он перешагнул порог партийного собрания или церковный порог, он уже не нуждается в Толстом и Достоевском, не нуждается он и во мне, самозваном философе, единственным подлинным достоянием которого является Духовная Свобода.

Может быть, он и согласился бы, чтобы я писал книги, но только стоя на коленях и творя молитву.

Книга о жизни не нужна тому, кто обрел Истину, но только книга псалмов и славословий, книга гимнов, истолкований и назиданий.

Насколько теплее и ближе в качестве религии музыка, вмещающая и восторг от созерцания Млечного Пути, и сладость поцелуя, и горечь разочарования, и скорбь отчаянья.

Ах, неприятен мой путь, но не изгону я печаль из сердца моего, ибо только печаль дает понимание!

Ты слышишь ли меня, Господи? Неужели и Ты захотел бы, чтобы я образумился слишком серьезно, и превратился в кроткого и послушного, умеющего лишь петь осанну?

РАССУЖДЕНИЯ О ДИАЛОГЕ.

Почему-то озабочен я теми, кто мыслит и чувствует иначе, чем я, чаще всего – противоположно.

На разговоры с ними я и истратил жизнь, ничего не добившись.

Они уже во всем уверены и слушают меня невнимательно (даже когда слушают), нетерпеливо перебивая и ожидая лишь одного – возразить (хоть нелепо), противопоставить мне любой довод (какой угодно), только бы меня если уж не добить, то хотя б опровергнуть!

Но их переубедить невозможно. Я встречал их в Сумасшедшем Доме, там они скромнее и тише.

Иногда одна система бреда по неизвестной причине сменяется у них другой – но замечают ли они, что вчера верили в коммунизм, а сегодня в капитализм? Нет, не замечают!

– Да ты что, окстись, когда это я был "коммунякой"? – в негодовании кричит он мне, коммунист с 80-летним стажем. – Да у меня и выговоров по партийной линии не честь, и в вытрезвителе был не раз, и три жены и четыре любовницы!

Но если вдруг, неожиданно, в результате ли заговора, выборов, геологического потрясения, или дела в стране пойдут так, что уже не только всех кошек съедят, но даже крыс, и к власти вернуться "коммуняки" (а в отличие от тех, кто как бабочка-однодневка не помнит даже того, что было сегодня утром, я помню еще египетские пирамиды, фараонов и китайский коммунизм императоров, и знаю, что ничто под луною не ново, а посему не исключаю, что проснусь завтра утром под "Широка страна моя родная!") – много ли завтра найдется сторонников демократии?

И не из страха откажутся они от своих убеждений, а искренне, со слезою в глазах, разгрызая огурец после стакана "зубровки", будут меня уверять – Окстись, да когда же я был "дерьмократом"? Да я бы их, гадов, первый на фонарях перевешал!

Нет, пока они во что-то верят, они меня не слушают, они только ждут в нетерпении, когда же я кончу нудные свои металогикки, чтобы припечатать меня "лес рубят, щепки летят", "если враг не сдастся, его уничтожают", "кто не с нами, тот против нас"!

И Иисус Христос не вступил в диалог ни с одним из них. Он молчал на суде Синедриона. Молчал, когда нес крест. Молчал на Голгофе между разбойниками. Не обратился ни к одному из тех, кто смеялся над ним и бросал в него камни, пока Он шел к месту казни; не обратился к толпе, собравшейся у подножия Голгофы; не обратился к римским солдатам; не обратился с укоризной к разбойнику, осыпавшему его бранью.

Он вступал в беседу только с теми, кто внимал ему восхищенно, кто был к нему расположен, кто хотя бы сочувствовал.

Никогда не пытался Он переубедить несогласных, вступить в диалог с одним из тех, кто имел другой взгляд на мир, нежели Он сам.

Так прав ли я, пытаюсь звать к моему народу, вступая в спор со всеми, с кем сталкивает меня случай?

Не знаю, прав ли я, пытаюсь звать, но и у меня диалог не состоялся ни с кем.

Но среди всех, с кем пытался я разговаривать и спорить, проведу я мысленную черту, не назову всех несогласных со мною противниками или врагами.

Да и противник противнику рознь! Иной враг возвышает, а среди сторонников немало тех, с кем зазорно идти в одном строю.

Так вот, устрою смотр несогласным...

Не вникающий в мои слова народ, рукоплещущий Видоплясову и К? – это не противники мне, а так... Не знаю кто... Большая часть из них работает, рожает, спит... воюет, когда посылают на войну; играет в домино, ходит на футбол и рыбалку, смотрит телевизор; проклинает Сахарова, когда ясно и убедительно показывают, что он враг народа, молится на него через полгода, когда оказывается, что враги народа – это переодетые агенты ЧК, ГБ, КГБ и ФСБ, а он, напротив, самый злейший друг народа; разносит по кирпичику российские храмы и сбрасывает колокола с оставшихся, потому что религия – опиум для народа, а попы – обманщики и лицемеры; восстанавливает через полвека Храм Христа Спасителя, отказывая в молоке своим детям, крестится и постится, потому что Бог – это самое святое, что есть у человека, а прежний "самый справедливый в мире строй" – обман и лицемерие...

Дует ветер истории, и народ – это тот поток пыли, листьев, тепла или холода, иногда сорванных крыш, все то, что несет в направлении ветра...

Емко и горько вся правда о разнице между нами выражается в следующем – народ всегда писает по ветру, а я пишу против ветра...

Но горькая правда, увы, состоит в том, что народ всегда не прав, а прав только я! Точнее, не один только я, в буквальном смысле этого слова, а "жалкое отребье", кучка "негодяев", размышляющих и имеющих большую душу, то есть душевнобольных. Мы всегда пишем против ветра, но в истории и культуре остается только то, что остается от нас – после того, как нас обличат, осудят, распнут, сожгут, расстреляют, повесят, замучают в кандалах и казематах, сожгут наши рукописи и книги, сломают построенные нами храмы, разобьют наши скульптуры и порубят наши иконы на щепки и на дрова...

[Да даже и от меня что-нибудь да останется, и как бы ни негодовали правильные граждане, но не смогут они сделать так, чтобы "неблагодарные" потомки стали восторгаться их "цивилизацией спичечных коробков", и их "высоконравственными" романами с партией, доменной печью, вождем и начальством – нет, будут читать мои стихи и романы с чужими женами (впрочем, эти же самые наши потомки собственных "выпендривающихся" современников в это же самое время, когда, наконец, начнут читать меня, всех уже обличат, осудят, распнут, замучают в кандалах и казематах, и на вопли особо одаренных резонно заметят – "Ты себя с В. И. не равняй! Эк куда хватил!" (Правда, до этого еще далеко, и меня еще недомучили, недоповесили и недораспяли, и не все еще резоны привели в пользу того, чтобы посадить в Сумасшедший Дом и лечить под усиленной охраной от мании самомнения и величия.)]

Но еще горшая правда, что не виноват и народ в своем равнодушии к нам, "особенным", и в своей нелюбви к нам, и в том, что слушается начальства, не виноват тоже.

И хотя он это самое начальство сам, кажется (да точно ли?), выбирает вместо меня – и в этом тоже не он виноват. А иногда посмотрю на "человека на броневике" и "на танке", в кепке на голове и с кепкой в руках – нет, никто их не выбирает, но какая-то дьявольская сила в них сидит с малолетства, как стремление влететь в автобус в первых рядах и сесть – а другие даже когда и стараются, не такие они "юркие и прыткие", и сесть, даже когда автобус пустой, им все равно не удастся.

И вот обречены мы подчиняться именно тем, в ком эта дьявольская искра и сила, и строить для них виллы и мавзолеи, а в ком искра Божия, от тех обречены испытывать упреки и огорчения, но иногда слушать их музыку, изучать их законы всемирного тяготения и заучивать наизусть "Чуден Днепр при тихой погоде"...

Так что оставлю я в покое народ. Диалог с ним у меня не получится, - но разве озабочен я диалогом со зрителями футбольных матчей (хотя и среди них всякие есть); слушателями поп-звезд; читателями желтых газет и мягких обложек; игроками в домино и ловцами рыбы (исключая, конечно, тех, кои позже стали "ловцами человек")?

Этим не до меня – но и мне до них не должно быть дела!

Интересуют меня другие – те, которых интересую я сам – возможен ли диалог с ними?

Следователи. Судьи. Прокуроры-обвинители. Конвоиры. Начальники тюрем. Начальники следственных изоляторов. Эксперты. Психиатры.

Им приходится лучшую часть своей жизни общаться с людьми с "гнильцой", с людьми с преступными наклонностями – убийцами, ворами, сутенерами, вымогателями, мошенниками, диссидентами; бесчестными, злыми, лицемерными, не любящими своих близких, тем более – дальних, не любящими свой народ, отчизну, даже среду обитания, деревню или город, не любящими природу, ломающими походя и зазря ветки на дереве и бросающими их, рвущими походя и зазря цветы вдоль дороги и бросающими их, разрушителями по своей глубинной природе, убийцами,

ворами, экспроприаторами и революционерами – но я доверяю им, рядовым работникам правоохранительных органов, как и они мне, и если Бог проснется, и будем мы заключать нашу преступную власть под стражу или этапировать в Чечню и на эшафот – не нужно будет менять следователей, судей, конвоиров – наши гдьяны и ивановы точно, вежливо, полно взвезят, рассудят, приговорят, исполнят!

Так возможен ли диалог с ними?

Нет!

Работник милиции, суда, прокуратуры, тюрьмы, такой же забитый, униженный, как и учитель, такой же нищий, замученный, поставленный на колени в этой проклятой стране, где никто не может "держать голову высоко и очи высоко, но только – долу", кроме дьявольской, тупой, некомпетентной власти, которая богатую страну опустила за семьдесят лет "стройки" и добила уже до конца за десять лет "реформ" и "перестройки" – что же, он будет со мною обсуждать интуитивизм Лосского и "Иконостас" Флоренского?

Да ему бы успеть опросить свидетелей, наспех записать мои показания, отчитаться перед начальством, отвести меня в камеру, да не забыть закрыть, да огород на носу, а тут еще выборы... да и хрен с ними, от меня все равно не зависит ... И что этому "писателю" надо? Копал бы свой огород и писал как Б'Акунин, такие б "бабки" мог заработать!

Диалог и мог бы, и должен бы быть с обвинителем, ему бы надо меня опровергнуть, уличить и убедить суд в необходимости возмездия – но, увы, и обвинитель в Диалог со мной не вступал, и вступать никогда не будет.

Дьявольская власть поручила ему меня обвинить – как пахан поручает фармазону очистить карманы у прохожего; как глава преступного синдиката поручает "киллеру" убрать свидетеля или соперника; как разбойник поручает себе выскочить из засады и врезать кистенем прохожему по голове, пока не успел сообразить и опомниться – и прокурор зачитывает свою речь, не прочитав у меня ни строчки (у него же читал я Капитал и Антидюринг, Манифест и постановления съездов, и даже послания президента народу). Судья смотрит в бумажку, на которой записано, на сколько чего меня надо лишить (позвонили по телефону "оттуда", и зачитывает). Конвоир просыпается и пристегивает наручники.

Воры со мной "заговаривали" не раз, но и с ними не успевал я вступить в диалог.

Теперь порассуждаю о диалоге с разбойником и наемным убийцей.

Возможен ли он? Что об этом писать важно, важнее даже, чем о Правителях и "Свободу олигархам!", надеюсь, смогу показать убедительно. Но ведь и о смерти, если умираешь, думать важно, только убедить не удастся смерть, что важнее о ней думать, пока живой, а не потом.

Разбойника и убийцу можно сравнить с хищным зверем, подстерегающим жертву в засаде. В том случае, когда нападение внезапно и стремительно, не только не успеваешь вступить в диалог, но часто не успеваешь вскрикнуть, даже не всегда испугаться.

За эту зиму было несколько нападений на известных людей – именно поэтому о них стало известно, – но еще тысячи ограблены, избиты и уничтожены, и общество о том не знает, да и хочет ли знать?

Знаменитому 80-летнему ученому в подъезде собственного дома проломили голову, ограбили, умер на следующий день – в Москве.

Известному питерскому ученому, астроному, около собственного дома шарахнули по голове, забрали шапку, он оклемался. (Но что он чувствовал день, неделю, месяц спустя? Стерлось ли унижение через полгода? Он, ушедший на войну добровольцем, исследователь космических тайн, душа туристских походов, под звездами у костра читавший стихи Гумилева и Ахматовой, надеявшийся на диалог с Богом, успел ли он хотя бы подумать о Диалоге с той темной силой, которая бьет нас по голове в подъезде нашего дома?)

Я размышляю над тем, духовен ли мир или матерьялен, и пытаюсь в споре с противостоящими мне отстоять свою истину – но темная сила, подстерегающая меня в засаде, имеющая решающее значение в моей жизни (ибо моя жизнь или смерть определяются ее нападением), в диалог не вступает, она врывается в мой быт как пуля убийцы... Ну давай *сначала* выясним отношения! – пытаюсь я ей сказать, но не успеваю пытаться. Спор оказывается бессмысленным, не выслушаны свидетели, не выслушан адвокат, даже прокурор не выступил с речью, и только исполнитель неизвестно кем назначенного наказания взмахнул топором, подчас не оставляя времени даже взглянуть на прощанье на звезды.

Я чувствую себя оплеванным. Я думал, что меня пригласили на диспут о смысле жизни, о природе Добра и Зла, выступали ораторы, я поднимался на сцену, бросали мне навстречу и вслед злые реплики (но я бы ответил!), и вдруг неизвестный свистнул камнем и диспут окончился.

Зачем же тогда я мыслил, зачем распинался, и где начальник нашей дискуссии?

Взаимоотношения в мироздании если не матерьяльны, то – черт его знает, какие тогда они – какая уж тут духовность? Камень в дискуссии участия не принимал, но именно за ним оказалось последнее слово...

Зверь, подстерегающий в засаде... Не ходите, дети, ночью в глухой лес!

Да мы и не ходим! Мы только около дома, в восемь вечера, еще светло, и прохожие там-сям, и вдруг – колотушкой по голове, и известный ученый прибредает, шатаясь, домой в терновом венце вместо шапки.

"Случайность! – несет околесицу общество. – Даже метеориты падают!"

Позавчера показали известного журналиста с повязкой на голове, жена подобрала в подъезде, лежал в луже крови... Но ведь помимо известных – мы, люди толпы, слышим каждый день, каждый день!! – у жены на работе избили Асю, убили Колю, пропал Венья, маленький мальчик вышел во двор и не вернулся; у Наташи М. (на работе) серед бела дня двое в масках с оружием в руках... Трупы не валяются на улицах только потому, что их убирают.

Чума среди пира или пир среди чумы? Пируют богатые, пирует правительство, но ведь даже школьники хлещут пиво, сбегая по эскалатору, по дороге к дому, по дороге к школе. "Общество" высокопарно мне отвечает, что это все частные случаи... Кого я ненавижу сильнее, правительство или общество – общество, эти ять процентов прытких и юрких, которые, оттолкнув других, заняли платные места, притерлись, приноровились, приспособились к этой системе и для них "всё хоккей"! Это не они вымирают по два миллиона в год, а мы, 95%; это нас бьют колотушками по голове, когда взываем мы к диалогу.

Когда шляются разбойники почему зря среди бела дня, я завожу собаку, чтобы она меня охраняла, даже целую псарню я завожу – МВД, ФСБ, Правительство, Думу, президента, прокурора – это я завожу их для своей охраны, а не они меня заводят как моль, и лучшие куски отдаю им, кормлю их и хóлю, золотые ошейники и цепи дарю им – но жрут они только мое добро, и уже все сожрали, и кусают только меня и моих домочадцев, но не ловят разбойников и даже на них не рычат.

Что делать с псарней, от которой только разор и убыток?

Отвести на живодерню!

А "общество" – эта пятипроцентная свора, которая кормится около бесполезной псарни – это "общество" захватило газеты, радио, телевизор, почту, телефон, магазин, они – владельцы заводов и фабрик... Они только не учителя и врачи, не ученые и актеры, они – "шоумены".

Псарню – а живодерню, общество – на тяжелый физический труд, на шахту и лесоповал.

В моей России произойдет подлинное духовное преобразование только тогда, когда мои сограждане опомнятся, спадет пелена с их глаз, и вдруг осознают они, что Правительство – это слуги народа, и когда слуги нерадивы, ленивы, хамоваты, не тароваты, завистливы и вороваты – то сколько бы я ни оскорблял их – это мое право, и я могу призвать их к суду, а они должны оправдываться, а не наоборот!

Правительство предало мои интересы, попало их, действовало против меня, и чуть не довело меня до гибели – вот этот иск суд моей России должен принять к рассмотрению, и когда такой Суд состоится, это и будет подлинная Металогика... та самая третья книга – "Отбеливань Ляна" – замысел которой явился мне сорок лет назад, и к которой я шел – через пьянки, карточную игру, любовные страсти, нежную дружбу, исполнение долга, через сомнения и страдания.

Правительство – не мой рабовладелец, вольный распоряжаться душою моей и телом, не мой помещик, я не принадлежу ему, не он меня нанял, а я его, и оно передо мною обязано отчитаться.

Вот и должен для того состояться Суд, и пусть эта банда лжецов и казнокрадов отчитается передо мною (и перед всеми убитыми), как они защищали нас от воров и бандитов, и почему, если оставлю я на скамейке в людном месте хоть что-нибудь и отвернусь на мгновение, то уже не увижу оставленного, и думает ли правительство когда-нибудь исправить

этот обычай всеобщего воровства и растления, и сколько ему для этого надо лет или тысячелетий, и есть ли план исправления – или правительство считает, что это в порядке вещей?

Да не считает ли и народ, что это всё хорошо? Или что если и плохо, то надо на это махнуть рукою, и есть что-то более важное: строительство капитализма, война в Чечне, накопление пенсий?

Да, если это так, то в этом случае я не только против правительства, но и против такого народа, значит, я один против всех, и конечно я победить не смогу, но тогда не для чего мне победа. В такой стране и с таким народом я жить не хочу. Это – не мой народ, это не потомки моих дедов и прадедов, которые пели красивые песни и все умели петь, которые строили красивые дома и все умели строить, которые были честными, любящими, работающими...

Хочется умереть.

Надо только дописать эту книгу...

Вчера показывали беспризорных детей, нашли по чердакам и подвалам их двести тысяч, и министр распекает местные власти за недостаток заботы... а кинематографисты делят "Орла" и "Нику"... Двести тысяч детей на улице, и к завтраку их не зовет голос мамы... и к обеду никто не зовет их тоже... И кто позовет их к ужину?

Некоторые из них живут с родителями, но родители их не кормят. Маленькая девчушка, лет восьми (чуть младше моей Настеньки) упала в голодный обморок. Кажется, ее зовут Алла. Кроткое дитя сказала, что постарается вырасти хорошей девочкой и не походить на свою маму. А кинематографисты уже поделили Нику, "рыбная мафия" поделила корабли и рыбу, правительство поделило портфели, и Познер яростно борется с фашизмом во Франции... "Ле Пен не пройдет!" – кричат Познер и Ширвиндт, а восьмилетняя Алла падает в обморок, и двести тысяч детей неизвестно на каких свалках спят, где добывают пропитание, и чему учит их жизнь...

Но я отвлекся.

Я рассуждаю о диалоге с разбойниками, и еще не рассудил до конца. Почему не возможен диалог с разбойниками, это вопрос к Богу, и я не уверен, что Он мне ответит, и уже не уверен, что Он все еще есть.

Но почему разбойники нападают среди бела дня – это вопрос к моему правительству.

Иногда происходят неприятные вещи, и с горечью понимаешь, что они со мною происходить и должны.

Есть выражение: сытый голодного не разумеет! Так разумел ли бы я несчастья своих сограждан, если бы был я "сыт и ухожен", и книги мои премировали статэтками и деньгами? Нет, я должен валяться с проломленной головою в луже крови, как миллионы мирных людей не худших, чем я, не более виноватых – а нападению за последние десять лет подвергся каждый второй житель нашей страны!

О происшествиях со мною начинаю писать не затем, чтобы вызвать сочувствие – я даю показания от имени потерпевших, их не защитили как

и меня, их ущерб не возмещали и даже не думали возмещать, и не искали виновных. А помимо разбойников, которые нападали и грабили, виновна и власть, которая не только не защищала, но и не хотела защищать, которая не занята искоренением преступности в стране, и даже отказывается регистрировать большую часть преступлений.

Это случилось лет семь или восемь назад, в четыре часа дня я шел проходным двором от Василеостровского метро к себе в издательство, то есть на пятую линию, и этим же двором бок о бок со мною густым потоком шел питерский забитый и запуганный люд (как и я запуганный и забитый). И в людном месте среди бела дня на виду у всех трое ринулись на меня сзади, и один из них шарахнул по голове. Ошеломленный, пытался я увернуться, но следующий удар пришелся в висок, хлынула кровь, и я почти упал, но двое меня схватили за руки, а третий вырвал карманы. Вероятно, после этого я несколько минут был без сознания, потому что опомнился, стоя на коленях возле дождевой лужи. А мимо шли равнодушные прохожие, спеша по своим делам. Умыв лицо из лужи, я пошел восвояси, но не пошел в милицию – почему? Потому что даже кошки знают в моей стране, что это было бы пустой тратой времени.

Зато я понял, что чувствуют те, на кого напали на улице или во дворе, в подъезде или на лестнице – что чувствуют девушки, матери семейств, старики и старушки – ведь это не потеря денег и даже не физическая боль – это омерзительное унижение, это разодрание души об асфальт – в этом состоянии русский поэт вызывал на дуэль обидчика – как мне вызвать на дуэль мое пошлое воровское правительство?

Конечно, не пошлют они ко мне своих представителей с пистолетами и секундантами – но если когда-нибудь удастся мне стать известным писателем, я добьюсь того, чтобы послали они человека с пистолетом защитить свою "честь" – хотя бы тайно, – а мне, быть может, удастся сделать так, чтобы выстрел этот тайный стал явным.

Увы, бессилена захватить я в морду власти, цепко схватившей в свои руки всё – банки, почты, рестораны и казино, армию и милицию, – но не должен смиренно истлеть я в растлевающейся стране, а хочу и попытаюсь погибнуть как солдат на поле брани, или государственный преступник на эшафоте, или заговорщик от рук наемного убийцы!

Разбойник меня не слушает. Но власть поневоле принуждена будет выслушать, и может быть даже вступить в дискуссию, не всегда ей удастся предусмотреть, кого бы надо изъять из обихода еще до того, как он начинает "вякать и выступать".

Я предъявляю иск – хотя бы, на первых порах, за преступное неисполнение служебных обязанностей.

Но милиция не будет ловить налетчиков – у нее нераскрытых убийств на пятьдесят лет вперед!

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ПОПЫТКА ПРИМИРЕНИЯ**1. Что прежде – Бог или Россия?**

Институт монашества в средневековой Руси был благотворен, ибо монастыри хранили культуру и память; и сегодня он благотворен, и я не осуждаю монахов, ибо в монахи идут лучшие – только о *порочном зачатии* более не буду помянуть при монахах! Может быть, они поймут и мои заботы, и мои огорчения об их бессемейной проповеди? – ведь сегодня для спасения народа необходимо и жениться, и замуж выходить, и тем более рожать и рожать, даже и незамужним! Ну, пусть, пусть монашенки не рожают, Бог с ними, не делают они погоды в продолжении рода – так хотя бы пусть займутся спасением беспризорных детей, коих на Руси – около двух миллионов!

В чем же главный долг русского человека, в спасении ли своей души? Нет! Как и Христос велел *погубить* душу свою ради Него, чтобы спасти ее, так и долг русского человека не в самом себе, а в устройении святой Руси, для того же душу свою не надо *жалеть*!

Что прежде – Бог или Россия? Но ведь и для Бога живет только тот, кто живет *праведно*, то есть живет для своей семьи, для Родины и народа, для науки и культуры,! Другого способа жить для Бога – нет! – ни молитвы, ни коленопреклонения в храме, ни чтение "душеполезных" книг, ни ведение душеполезных разговоров Богу не нужны! Праведники – это те, кто шел на фронт, защищая Родину, бросая семью и церковь, шел в партизаны, бросая семью и церковь, кто и сегодня пойдет в партизаны! А молящиеся о спасении *своей* души – не лучше тех, кто собирает *для себя* в закрома и покупает *себе* мерседесы!

Главный грех сегодня – *себялюбие*, жизнь для себя; теперешний человек не хочет отвлекаться от угождения своему тщеславию и своей плоти – ни для брата своего, ни для сына своего!

Но даже мысль о том, что *сначала* надо разбогатеть (или "встать на ноги"), а только *потом* начать жить праведно – греховна!

И прежде – и потом – надо любить и заботиться о тех, кого любишь – своих близких, Родину, свой народ, славную историю отчизны, землю русскую, ее духовное наследие – и стремиться к сохранению и преумножению всего доброго и прекрасного (а что прекраснее ребенка, которого ты родишь? – не все ведь умеют книги писать, а родить то ведь все умеют! А кто не умеет – возьми отверженного на воспитание! Или благоустройвай общий дом, в котором мы все живем.)

Оглянитесь окрест, чтобы душа ваша страданиями человеческими уязвлена стала!

Скажите себе – отныне я буду жить так, чтобы помогать про-израстанию Руси из порушенного и поруганного мира.

И если чувствуете, что на этом пути надо идти в монастырь, или идти в партизаны, или родить семерых детей, то и делайте то, что чувствуете. Это и будет ваша религия, ваша жизнь праведная!

2. Религия и Культура

Собравшись примириться, невольно я сбиваюсь на критику и порицание, ибо трудно достичь равновесия между хулой и хвалой.

Да, разбивали христиане статуи Аполлона и Афродиты – но и свои иконы яростно уничтожали христианские иконоборцы. Недоверие и нелюбовь к культуре в христианстве даже не от апостолов, а еще раньше – не книжников ли и фарисеев (*ученых людей*) поносил Сам Учитель? (Да и я часто воздвигаю на сих хулу, ибо часто *самоmnение ученых* меня раздражает, и я тогда оправдываю *незнающих*. Но и *самоmnение неученых* раздражает меня еще пуще, и я тогда прославляю *знание*).

Сегодня нелепо отвергать философию и математику, живопись и музыку, и даже исследование света далеких звезд, ибо наука и культура живы истиной и красотой – а разве истина и красота не *богодухновенны*? Ошибается подчас математик, но в *математике* нет ошибки или изъяна. Так и христианские писатели подчас ошибаются, ибо не водит их рукою Господь, как не водит Он и моею, и водить никогда не будет.

В *Законе Всемирного Тяготения*, ведомом Богу, ошибок нет, мы же *все* не раз ошибаемся на пути постижения, и математики, и проповедники Слова Божия. Поэтому несправедливо Священное Писание противопоставлять философии и культуре. Несправедливо Пушкина поверять словами апостола Павла (или даже словами Христа, как они переданы Его учениками, а так ли Он говорил, Бог весть!) Даже и мои слова поверять словами Нового или Ветхого Заветов – несправедливо.

Истина *не вмещается* в Библию (как не вмещена она в Гегеле или Достоевском, в Ньюtone или в Платоне), и пока христианин будет спрашивать разрешения у батюшки, что ему читать на сон грядущий, и спрашивать у него благословения на свои литературные и научные занятия, до тех пор останется он за воротами культуры, и будет с умилением повторять как заклинание, отвергая чтение умных (как я) – "*Мне бы только Игнатия Брянчанинова на ночь со слезой прочитать!*" [Да что там я? Даже Даниила Андреева как дьявольскую книгу отбрасывает верноподданный неофит – и вы думаете, что с таким христианством мне по пуги!]

Пишет Розанов: «Как не целовать руку у Церкви, если она и безграмотному дала способ молитвы: зажгла лампадку старуха темная.. и сказала "Господи, помилуй".. и помолилась, и утешилась.. Кто это придумает? Пифагор не "откроет", Ньютон не "вычислит"...»

Воистину: "*Прошла зима, настала лето, спасибо партии за это!*" Разумеется, *Храм* вобрал в себя многое из культуры и земной повседневной жизни, основные узлы ее – брак, рождение детей и похороны – (вопреки идеологии и своим учителям, которые были *вне* жизни), вобрал в себя потребность в утешении и размышлении о смысле жизни. По замыслу церковь – над жизнью, но дух продолжал изливаться на человека во все времена, и изливался в храм, и создалось великое храмовое действо, годичная театральная драма, в которой *жизнь*

Христа проходит как символ *жизни человеческой* (во всей полноте, *от зачатия до смерти*). И этот священный театр создан совокупным гением математиков, зодчих, живописцев, поэтов, философов и композиторов, и не было бы этого театра и этой драмы, если бы культуру церковь иссушила полностью, как пыталась, вместе с Пифагором и Ньютоном.

Но если дьякон невнятно читает текст молитвы, если певчие поют не в лад, если иконы плохо написаны, и проповедь не прививает любовь к России, то и сама церковь невнятна, и я ее порицаю, ибо она должна быть *достойной частью духовной жизни*. Или священники и коленопреклоненные думают, что церковь и вся та духовная мистерия, которая сложилась за две тысячи лет, вобрав в себя, кроме иудейских сказаний, и древнегреческую философию, и византийскую живопись, и европейское зодчество, и музыку нового времени – принадлежит только им? Так учитель математики скажет, что он ее создал, а не Фалес, Пифагор, Евклид и Лейбниц... и несть им числа, которые к тому же часто *несли ахинею*, которой учитель математики уже не несет.)

Так Министерству Просвещения *не принадлежат* школы, а Союзу театральных деятелей театры. Но если Собрание, Союз, Министерство заявят свои права на Богословие, Драматургию и Математику, и повелят отныне мыслить о Боге, объясняться в любви и объяснять мнимые числа только сообразуясь с их разрешениями, то не будет ли это то же самое, как если бы Союз электриков запретил атмосферное электричество, молнии и Северное Сияние?

И вот я возражаю Розанову – то, чем умиляется он в храме, и зажженной лампадкой в том числе – не осуществилось бы без "открытий" Пифагора и "вычислений" Ньютона, и даже Ной без них не построил бы свой ковчег (да и сам ли он его строил?!).

Но пора уже закончить упреки, ибо заявил я о примирении. Не всё сложилось в истории так, как хотелось бы, иное хорошо, иное плохо. Но мы имеем великий язык и великую культуру, и Божий Храм.

Мне казалось несомненным, что достаточно увидеть несправедливость современной государственной власти, ее вызов чести и справедливости хотя бы в одном частном случае (а такими случаями пропитана вся жизнь как миазмами!), чтобы увидеть и понять главное – нежелание этой власти признать и исправить свою неправду даже и в одном частном случае – и этого видения достаточно, чтобы чувство оскорбленного негодования стало основой религиозного отношения к жизни.

Но не все же плохо в жизни, говорят мне со всех сторон. Люди любят, радуются, живут...

Да разве бывают такие времена, чтобы кто-то не любил, не радовался, не жил – даже во время чумы, даже во время войны, даже когда террор прокатывается по всем подъездам домов, и убивают у тебя за столом?

Но справедливо ли радоваться, если жизнь несправедлива, если

страдают многие, если мины взрываются под ногами детей из соседнего дома, даже если в твоей семье пока все хорошо (пока)? Если ты не сострадаешь чужим несчастьям, значит ты и сам соучастник террора!

Нельзя забыть ни одного преступления государственной власти; забыть и самодовольно радоваться, и "просто жить" – значит предать чувство *чести*, которое является основой праведности.

Жизнь должна быть посвящена борьбе с неправдой и злом, пока не прекратится дыхание.

Борьба с неправдой и злом – это и есть смысл жизни. Это и есть путь к Богу. Кто занят только тем, что стирает свою одежду, чтобы она стала белоснежной, не внимая стонам страдающих, тот жлет, говоря о любви.

Пройти мимо страдающего, и не попытаться помочь – значит погубить душу, хотя бы жизнь твоя и была в посте и молитве.

Но читаю журнальные статьи, и впадаю в уныние. Нет, не найти мне взаимопонимания, не найти помощников в противостоянии злу.

Вот, например, патриотическая статья... речь как будто идет о возрождении России и русской культуры, и, казалось бы, надо ли с этим спорить? Но каждое слово автора вызывает раздражение – дело в том, что автор предлагает читателю окрошку, в которой смешал он крапиву и лук, осот и пырей и "неядовитую ивовую кору", полил смесь "вином из одувачников" и "настояшкой цикуты"... ест и нахваливает, и предлагает и нам вместо хлеба.

Но всё здесь перемешалось, все пропиталось горечью, бесполезно разбирать на части, уже и зелень несъедобна, и вино ядовито.

И другой автор, и третий... и все в этом же роде.

Попытаюсь объяснить свое отрицание, неприязнь и раздражение.

Начну "с начала", но чтобы не перебирать все века христианской эры, приму за начало координат Россию и "дней Александровых прекрасное начало", а точнее даже – началом буду считать становление того вектора национальной исторической жизни, который по направлению определил возрастание русской национальной культуры, ее *углубление как русской* и ее *расширение как европейской*, и действовал наиболее эффективно в интервале классического века русской культуры, обнимающего собою эпоху от 1815 года (окончание войны, русские в Париже, Пушкин написал "Воспоминания в Царском Селе", и *родился Лермонтов*) до начала 1881-го (написана уже Война и Мир, Братья Карамазовы, еще жив Достоевский) – целых 65 лет, продолжительность жизни одного человека.

Итак, начинается, на мой взгляд, хорошо – сначала является великая поэзия, высокая философия, всемирного значения музыка, прекрасная архитектура и живопись; потом освобождают крестьян и развивается промышленность.

Продолжается тоже неплохо, и если в культуре в конце 19-го века результаты не самые выдающиеся, то в промышленности они столь

значительны, что Россия утверждает свое безусловное звание мировой державы, и оно неоспоримо.

Затем, в 20-ом столетии, несмотря на поражение в войне с Японией, с 1905 до 1915 года – выдающиеся успехи и в хозяйственной жизни, и в культуре – Блок, Гумилев, Скрябин, Врубель, Лосский... и целый "серебряный век", вместившийся в пятнадцать лет.

Но вот наступает семнадцатый год – и тут-то и в жизни страны, и в изготовлении крошки, в которой автор пытался объяснить и оправдать русскую историю, наступает драматический момент.

До сих пор автор и читатель как будто единомышленны, не спорят по поводу Пушкина и Тютчева, Глинки и Чайковского, и если автор – вчерашний коммунист, то это в его крошке пока незаметно.

В 19-ом веке верили в Бога, – но и коммунисты неожиданно в Него поверили; в 19-ом веке была монархия, – но коммунисты всегда были сторонниками единоличной власти; в 19-ом веке крестьяне были бесправны, – но и при коммунистах крестьян сначала душили, потом Хрущев их полусвободил, затем Брежнев спойл; а Ельцин окончательно их разметал... нет, у автора-коммуниста 19-ый век сегодня не вызывает отвращения.

Но вот наступает век двадцатый, врываются на историческую сцену революционеры с бомбами и борются за свободу – и хотя коммунист как будто их идейный наследник, но свобода ему ненавистна, а тем более – *борьба* за нее, он ведь с 17-го по 91-ый уничтожал всякое инакомыслие и самое право на мысль... не знает теперь он, как отнестись к пестрой плеяде русских революционеров, от Савинкова до Плеханова, от убийцы Столыпина до погромщиков, порожденных Февральской революцией 17-го года – разумеется, последнюю он ненавидит, как и Ленин, но пытается объяснить свою ненависть уже не с большевистских позиций, а с позиций патриотических.

Затем – Октябрьская революция, час его собственного рождения, и хотя это самый темный час русской истории, хуже нашествия Батые на Русь, наш автор мямлит по ее поводу нечто невразумительное, и пытается обойти стороной. Потом он "сдает" Троцкого, даже и Ленина, ухватывается за Сталина – этот, де, восстановил империю и разгромил Гитлера – но злом или добром была революция, и кто был прав в Гражданской войне; злом или добром обернулось крушение коммунистической диктатуры – но одновременно – крушение и России как национального государства – на эти вопросы наш историк предпочитает не отвечать.

Обычно я бываю еще в бóльшем унынии, а сегодня еще на что-то надеюсь, поэтому и попробую написать нечто вроде Послесловия к этой Книге, которую вчерне я заканчиваю.

Явившись в мир, мы не обретаем Дух его сразу весь, он перед нами открывается постепенно, словно бы рождается из пены и воздуха, из дождя и снега, утренней и вечерней зари, звуков органа и флейты, философии и литературы, поцелуев и слез, словом, почти из всего

постепенного опыта жизни, но при условии, что сверху, с небес, кроме дождя и снега, добавляется к этому опыту Волшебный напиток; в противном случае мир обретается и расширяется не в духе, а только в мире. Я говорю не только о том, что обычно называют Духовным рождением, имея в виду *внутреннее преобразование* человека, но и о встречном *движении мира навстречу человеку*. Вот, например, музыка, начавшись с арфы в Элладе, как неимоверно расширила возможности и содержание через двухтысячелетние усилия музыкального гения Европы, когда появлялись и новые инструменты и новые музыкальные формы! Появление паровой машины каждый, имеющий хотя бы поверхностное образование, понимает как значительную ступень в цивилизационном развитии – но разве появление новых музыкальных инструментов меньше и по сложности и по значению? Что бы мы были без фортепьяно и скрипки, с одним паровозом?

Итак, перед каждым из нас *открывается* мир (подготавливая духовное рождение, и долго после него); иное является постепенно, почти незаметно, а иное даже поражает, явившись, как первая неистовая гроза.

Так поражает нас первая любовь, когда она на нас снизойдет, первая страсть, ревность и разочарование. Казалось бы, школу любви я проходил постепенно, азбуку ее начал изучать еще в десять лет, и все же в двадцать чуть не захлебнулся, когда на меня обрушилась буря. Казалось бы, поэт понимал, о чем говорит, когда утверждал, что «кто сгорел, того не подождешь» – а отчего же горячие угли все еще не погасли в золе и жадут вновь вспыхнуть? Разве не весь еще я догорел?

Так поражает нас открытие мистического и религиозного опыта – не то чтобы узнание, как на школьном уроке, что на Марсе есть девушки с фиолетовыми глазами, а – неожиданное столкновение с бытием *сверхъестественного*, прежде всего, открытие в себе *души* как подлинного Я.

Так поражает нас музыка, когда она на нас снизойдет, иногда она затопляет и слух и чувства не меньше, чем любовь. Поэзия в этом же ряду, как и культура в целом; не все заболевают, некоторые болеют почти незаметно, выздоравливая к обыденности или поднимаясь к духу, но часто болезнь протекает так же, как и пожар любовной страсти. Научившись читать в шесть лет, я стал читать запоем все, что попадало под руку, к одиннадцати годам читал уже и Пушкина с Лермонтовым, и Анну Каренину, и "сочинения" "корифея всех наук", Джека Лондона и Пришвина, отрывки из Библии и протопопа Аввакума, писал Поэму о любви и Роман о войне. Удивительно, но и арифметика магически захватила меня, изучив числа вместе с буквами, в первом классе я страстно решал задачи за четвертый класс; правда, деревня ограничила мое рвение. Чтение и воображение созидали меня как вода и воздух созидают цветы.

В двадцать два года вот что было во мне самым существенным:

Музыка, литература, творения зодчества, красота природы, отчасти философия. Любовь и страсть. Религиозные искания, "томление духовной жажды", поиски духовной свободы и преодоление социалистической химеры. Возвышенная любовь к России как Святой Руси. Порывы к мистическим озарениям, неясный опыт инобытия, смутное ожидание *пробуждения*. Жажда творчества. Предчувствие некоего "высшего замысла обо мне".

Поиски мировоззрения, в котором соединились бы иррациональное знание о мире (*постижение*), ощущение света и музыки мира, любовь и непосредственное знание смысла жизни. Жажда *инобытия*, в котором мир и понимался бы возвышенно, и ощущался преображенно.

А что я из себя представляю через сорок лет?

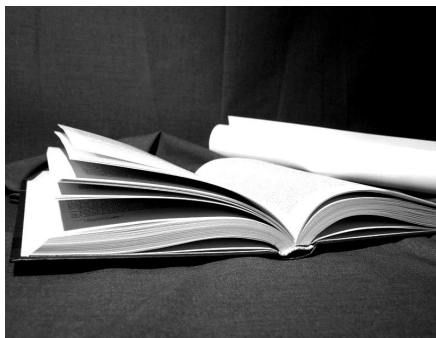
Ответу на этот вопрос и посвящены мои сочинения.

Почему я в разладе с христианством? Потому что все еще, хотя уже и устал от житейской суеты и безнравственной грязи теперешнего *русского мира*, ищу способа его духовного Преображения. Христианство объясняет, как отряхнуть мир словно прах от сандалий своих, отречься от всего, что было мною и что я ценю как благо – культуру, любовь, Россию – и раствориться в безличном, всеобщем, бестелесном.

Да, что-то и впрямь неладно в моей душе, как и в мире. Но не всё же плохо?! Так, может быть, еще и засияет новый свет, не отрицающий мою прошедшую жизнь, но придающий ей высший смысл? Может быть, еще не весь мир мне открылся, и не до конца пробудился я сам?

С этой надеждой посвящаю последнюю книгу Металогике двум или трем своим верным читателям, ставлю хотя и не точку, но многозначительное многоточие, и вернусь на время к математике. Вдруг хоть у "Азбуки элементарной математики" будет больше читателей, и она мне принесет их признательность и позволит забыть унижение от моей ненужности русской литературе?

Да, может быть, еще и не кончен мой путь...

**ЗАПИСКИ
НА ПАЛЬМЕ**
(ТЮРЕМНЫЙ ДНЕВНИК)

ПРОЛОГ

РЕПЕТИЦИЯ НЕВОЛИ

*Последний нонешний денечек
Гуляю с вами я, друзья.
А завтра, только лишь светочек,
Заплачет вся моя родня!*

ЛЕТО 2002 года

21 июня, 23-45, метро Московская. Был у следователя, мне предъявили *Обвинение* и взяли *Подписку о невыезде*. Но я еще на воле, посему в Пулковке распили бутылку водки на троих, закусывая шпротами.

Боюсь я *предварительного заключения*, напрасны станут мои терзания, останется после меня только груды никому не нужных бумаг, которые даже родным моим надоедят скоро.

Господи, повремени еще, придержи еще падающую секиру!

...Что же делать? А вдруг на июль и в самом деле будет назначен Суд и заключат под стражу – вся моя жизнь будет перечеркнута, и надежды хоть что-нибудь для России полезное сделать надо будет забыть навсегда, да и все позабыть, кроме Прощания с жизнью!

Ладно, ладно... *a-a-a... у-у-у!...*

Темные силы все гуще, боюсь, что посадят меня в тюрьму уже вскоре – но удастся ли до этого времени дописать *Металогоику*?

Мне еще осталось сцену будущего суда написать, сожжение книг, демонстрацию с флагом и сумасшедший дом... Буду дописывать уже бесстрастно, не буду больше никого ругать кроме правительства, а эти если и устали от чего, то только от мародерства... если устали...

Эти дни словно роковые, спешу закончить учебник и *Металогоику*, боюсь умереть (сердце устало, даже жаловаться уже устало, и нечем ему помочь. Ну потерпи еще, голубчик, скоро я книгу закончу, и в деревне мы с тобою воскреснем!)

[Спешу, спешу, почти уже заканчиваю... Впереди две проблемы – как *достойно умереть* – а колокол звонит все громче, и хотя может быть еще не настал срок, но – такие предутренние часы, когда я с трудом **словно заставляю** свое сердце биться – все чаще; а вторая проблема – если пока еще буду жив – чем жить? Как на жизнь заработать? На каких идеалах, ценностях, надеждах строить свои отношения с миром, если уже окончательно смирюсь я с тем, что писателя или философа из меня не получилось, что *значимо* повлиять на изменение жизни в России к лучшему я не смогу и безнадежно

пытаться... Так надо ли продолжать жить? Настеньку только оставлять жалко... Пока ведь я приношу ей пользу, надеюсь, что и на характер, и на ум, и на душу ее оказываю положительное влияние... Утешаю в огорчениях, учу математике... Без меня будет ей труднее...

И кто же, кроме меня, будет чинить тот разваливающийся прогрыватель, на котором слушает она Моцарта?]

На днях познакомился с девчушкой, сочиняющей «стихи про любовь». Читала ли она стихи Лермонтова, Блока, Есенина, и способна ли отличить их от своих безыскусных строк? Доразвилась ли она до культуры? Мои сочинения – способны ли найти в ней читательницу?

... июня. В---ка редактирует мою «Критику», я заезжал к ней сегодня, говорю – Ласточка моя, за что я любил тебя до сих пор? – *Наверное за то, что я прелесть!?* – скромно она ответила. – Ну, конечно, мой ангел! Но теперь я влюблен в тебя по-новому, я восхищен твоей гениальностью!

Вчера она набрала еще несколько страниц для учебника, а завтра еще продвинусь, а через неделю – еще больше!

И всякое прочее с каждым днем будет становиться лучше и ближе к завершению и совершенству!

И дни будут все теплее и радостнее!

Дошел от Вики до Удельной, и вижу – трамвай стоит, летел к нему как ястреб на цыпленка, успел влететь и вот уже лечу к дому.

Во всем мне хочется дойти

До самой сути!

В работе, в поисках пути,

В сердечной смуте...

Должен заметить (для полноты оправдания), что сам следовал я этим Пастернаковским строкам в обратном порядке.

И тем не менее, дошел до "*Оснований математики*".

ДНИ В ИЮЛЕ

4 июля 2002 года, четверг. Моя радость! Редактирую рукопись учебника, надеюсь в воскресенье на свидании отдать ее тебе со своими поправками... [...]..

... Получил сегодня от тебя передачу.

Целую, твой я.

7 июля, воскресенье, после ужина. Вдохновленный свиданием, закончил редактирование главы "Основания математики".

Милушка, прости, что столько дополнительных забот на тебя возлагаю. Надеюсь, к четвергу закончу еще корректуру "аналитической геометрии", и может быть и других глав, и отправлю тебе в почте. Но и тебе пытаюсь быть полезным, выписываю для тебя цитаты о времени из Пуанкаре.

Обнимаю всех вас, ваш В.

14 июля, воскресенье. [...] Моя дорогая, не трать зря деньги, баловать меня даже вредно, вспомни, как Филонов отказывался от угощения, ссылаясь на то, что потом его скромная еда ему покажется несъедобной.

Сыру приносить не надо, плотские радости не так уж важны, гораздо важнее, что мы есть друг у друга...

16 июля, вторник. Не шибко лежит душа к теории вероятностей, однако, надо сделать усилие и продолжать дописывать этот злополучный учебник, который, Бог весть, выйдет ли в свет – или я раньше увижу другой свет... Ну да ладно, Бог милостив, да и ангелы за меня!

Только что отгремела гроза, гром гремел и молнии блистали, и вот вновь выглядывает солнышко и просыхают лужи.

18 июля, четверг, день шестнадцатый. Наконец-то меня вывели на прогулку, съел несколько ягод малины, растер в пальцах полынь.

«Нет, не забыл я запах мяты и полыни..» (И все, что прежде помнил, не забыл..) [...]

22 июля, День двадцатый, понедельник, до завтрака. Начинаю, наконец, главу об основаниях анализа, почему-то я ее откладывал, и никак не решался начать. Самое простое – самое сложное!

23 июля, вторник. Ах, «ничто меня не радует, ничто не веселит»... Около восьми часов вечера, тоска... Если бы хоть знать точно день освобождения! Если бы хоть знать точно, что он наступит!

Даже на свободе человек не может быть уверен в дне завтрашнем, а может ли он быть уверен в нем, когда находится в клетке? Пусть даже это клетка с деревянными дверьми, с еженедельными свиданиями и часовой прогулкой в будние дни. Но не знаю я дня освобождения, и не могу быть уверенным в том, что дьявольские силы не сгущаются над моей головой, как не был в этом уверен тридцать два года назад. Кажется, с тех пор кое-что изменилось в этой стране, но если не построили мы «социализма с человеческим лицом», то разве капитализм, который обрушился на нас как землетрясение, имеет человечесьи черты?

Милкино письмо.

Только что читала стихи Г. Ив́анова – что за чудо! Дневник чувств в стихах! Больно и печально вспоминать о геноциде русского народа...

На огороде буйство цветов, листьев, колосьев и плодов! Уже сняла 4 кабачка, выкопала озимый лук, убрала почти весь горох и три огурца.

Зацвели желтые лилии, аквилегии, флоксы, бархатцы, настурции, астры, башмачки...

25 июля, четверг, день двадцать третий. Напишу вам немного, так как внешними впечатлениями жизнь моя небогата.

Перед утром разразился ливень, я проснулся и слушал шум дождя.
[...]

30 июля, вторник. Сегодня заканчивается двадцать восьмой день заточения.

Соседи мои обо мне заботятся.

Моряк ворчит: – *Иваныч, пиши книгу, хватит смотреть телевизор!*

Сергей подошел, услышав, что у меня болит шея и плечи, и сделал, как умеет, массаж – без моей просьбы, да еще пообещал и вечером...

«Народ в Питере неплохой, – говорит Булгаков, – только его испортил жилищный вопрос».

Конечно, не жилищный вопрос его испортил, а погром лучшей его части в Гражданскую войну и геноцид в последующие десятилетия.

Моряк опять велит: – *Иваныч, хватит ходить, пиши книгу!*

13-45 того же дня. Воистину, Божий промысел неисповедим, прошло только два часа, и уже в поезде метро отправился я с площади Мужества к себе на Гражданку.

Перечитывая вчерашние записи, теперь говорю себе – *еще июль, июль, июль!* Нет, рано его хоронить, еще надо успеть им насладиться.

Конечно, впереди еще много неизвестного, но – первый этап испытаний я успешно, хотя и с тяготами, прошел.

Дай Бог силы и удачи, чтобы темные силы меня не одолели и впредь. Господи, не оставь меня!

Еще июль, июль, июль! Еще тридцатое июля, вторник, ночь на среду. Я у себя дома в постели, в одиннадцатом часу вечера встретил милку на вокзале, там же мы встретили «подкидыша», милка отдала ему последние 10 рублей, и я последние полтора рубля. Приехал в полночь Митя, и мы распили бутылку сухого вина.

Сердце прихватывало и вчера, и в предыдущий месяц – оттого, что настоящее было смутным, а будущее еще более смутным... Да мучила меня физическая немощь. Пища казенная была несносной, а еще из-за твердого и кривого ложа разболелся позвоночник, и тоска из-за несвободы, сомнение в своем призвании, сомнение в значимости моей Металогике – хоть плачь, хоть рыдай, но *некого призвать ко рыданию* – близкие меня, конечно, жалеют, но не сочувствуют моим писаниям, относятся к ним как *«чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало!»*

Я с ужасом представлял, что если из Сумасшедшего Дома заберут меня в Кресты, то тамошних испытаний мне не выдержать точно, и ни учебник мой не будет издан, ни, тем более, вторая книга Металогике, и оплачат меня близкие и пожалеют, но никто не пожалеет и не оплачет во мне Писателя, и тем более Учителя.

Но как ничтожны были предыдущие дни и сколь полон день сегодняшней. Очки на кухне, поэтому пишу неразборчиво. Но книги и фотографии на стеллаже напротив вижу хорошо. Там, за стеклами, отец Авраамий, библейский старец столетний.

Ниже Настенька обнимает меня на лугу, затем Казимир с Владиком на руках, а далее фотографии моей мамы и отца.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОСТЫЕ ЧИСЛА

17 июля 2004 года, суббота. Не так уж медленно проходят дни – казалось бы, только вчера одели на нас с М--й наручники, а вот уж десятый день мы в тюрьме. Поэтому пора *браться за ум*, и не только *избывать* (или даже *"убивать"*) время, но использовать его полноценно – в размышлениях и творчестве. [Кстати, какое ужасное выражение – "убивать время"! Не то же ли это самое, что – "убивать жизнь"? И пусть говорим мы так о собственной жизни, а не чужой, но все-таки следует, даже и о тягостном времени, выразаться как-нибудь иначе.]

Поэтому, пока "есть время" (пусть и не самое приятное), попробую "извлечь из него пользу", например, поразмышляю о *Числах* – ибо **"миром правят числа!"** – по утверждению Пифагора.

Так буквально это выражение кажется всего лишь восклицанием, метафорой, поэтическим преувеличением, а с логической точки зрения даже кажется, что оно бессодержательно, ибо ни тройка ни семерка сами по себе ничем не управляют, и трудно представить, что бы могло значить вмешательство семерки в житейские события.

Однако, если мы скажем, что *мир подчиняется закономерностям*, находящим свое выражение в математических формулах, иначе говоря, "миром правят отношения между количественными мерами вещества, силы, пространства и времени, а следовательно, в некотором смысле – "отношения между числами", то это утверждение будет обосновано.

.....

Но пока все спят на иконках, погуляю вдоль иконок.

2

Но что я имею в виду, говоря о том, что "миром управляют математические закономерности"?

[Отвлекаясь в сторону... или, напротив, *возвращаясь к насущному*, к своему непосредственному житью-бытью... – не успели мы пообедать, не успели даже чаю попить, как "коридорный" (или галерный надзиратель? – я еще не освоил правильную терминологию) велел собираться с вещами всей камере.

Кое-как разделили мы с М--й общую часть нашего имущества, и его повели в одну сторону, а меня... увы! – в другую. И, следовательно, в предыдущие дни жили мы еще словно на лесной поляне, вдоль которой бежал ручеек из чая с сахаром, приплывали кораблики передач, письма от родных, свидания, радужные сны, разговоры друг с другом и соседями... Ну, в общем, текла райская жизнь. А теперь вновь я полон тревогой за близких, и уже не только щи из гнилой капусты, но даже сдобный кусок не ползет в горло...]

Но, тем не менее, вернемся мы к математике и рассудим о том, в каком смысле математические закономерности управляют миром.

События окружающей жизни, как нам кажется, появляются почти беспорядочно – внезапно налетает ветер, идет дождь, приходят заморозки или вдруг наступает оттепель; нет закономерности ни в охоте, ни в рыбной ловле; тем более нет закономерности в повседневных событиях личной жизни.

И необходим был воистину титанический взлет духа, чтобы увидеть "порядок среди хаоса" – прежде всего для этого человек должен был взглянуть на звезды и наблюдать за природой. Смена дня и ночи, и смена времен года – это тот первый *порядок* в окружающей жизни, который непосредственно очевиден.

Следующий *порядок* – "неподвижные" звезды над головой, возвращающиеся изо дня в день как будто на постоянное место, однако совершающие круг относительно полюса мира, как это видится при более пристальном внимании.

И, наконец, открытие Кеплера (через две тысячи лет после того, как Пифагор сформулировал идею о "правительстве чисел"), которое установило, что движение планет совершается по *правильным математическим кривым – эллипсам*.

Но что позволяет утверждать воистину, что в основании мира лежат математические отношения, – это *Закон всемирного тяготения*, состоящий в том, что "матерьяльные массы неотвратимо притягиваются друг к другу *пропорционально квадрату* отстояния между ними!"

(А не лучше ли Божественное Провидение, нежели бездушные закономерности? – воскликнет христианин. "Нет, ответу я, возлегающий "на пальме" – настолько же не лучше, насколько произвол и беззаконие не лучше законности и порядка в государстве. *Всемирное тяготение* не отменяет нашу человеческую волю, *произвол* же Всевышнего не только ее отменяет, но и требует, чтобы мы сами от нее отказались."

Впрочем, это спор длинный, и я вернусь к нему в другом месте).

... Так что же я имею в виду, говоря о том, что "миром управляют математические закономерности"?

Действительно, мы видим, что, как правило, предметы и движения отличаются от математических абстракций, и поверхность моря – не плоскость, и даже стрела не летит по прямой. Казалось бы, почему бы и матерьяльным предметам не притягиваться друг к другу весьма причудливо – однако, притяжение их подчиняется *квадрату расстояния*, и не отклоняется от него ни на йоту. Вот этот "*квадрат*" убеждает нас в том, что уже в самом начале, еще до притяжения, формулировался закон, производились расчеты, и бесконечно гениальный инженер создавал плоть вселенной, подчиняющуюся исходному замыслу.

Но точно ли – "*Миром правят Числа*", если "*В начале было Слово*"?

В славянском переводе первый стих Евангелия от Иоанна гласит: «Искони бе слово, и слово бе у Бога, и Бог бе слово».

Так как в древнегреческом оригинале вместо термина «слово» стоит «логос», означающий в том числе и «закон», «закономерность», то Евангельское выражение можно перевести и так: «*В основании мира лежит закон*», что не слишком отличается от Пифагорейского утверждения. Оттенки различий могли бы касаться только истолкования понятия «закон» – имеет ли он всегда только количественное выражение, или его можно трактовать и шире?

Простые и Сложные числа

Я Настеньку спрашивал, какие, по ее мнению, числа сложнее, и она, конечно, ответила, что сложнее *простые*. И это действительно так, ибо множество "*сложных чисел*" задается несколькими формулами, исчерпывающими их многообразие, а множество "*простых чисел*", по всей видимости, не улавливается даже тысячью алгоритмов (хотя это еще никому неизвестно.)

Поэтому, разумеется, займусь я сначала тем, что *попроще*, то есть числами *сложными*.

18 июля 2004 года, воскресенье. Итак, теперь уже, отвлекаясь от математики на повседневность, я не скажу – "отвлекаясь в сторону" – нет, теперь уже, возвращаясь к реальной жизни, которая меня обступила со всех сторон, напишу несколько слов о том, как она продолжалась в последние три часа..

(Сосед предлагал вскипятить чаю, но я отказался. Тоскливо, и душа стеснена...)

... Только что нас привели с прогулки, сияло солнышко, лужи высохли, час с четвертью я шагал вдоль стены, разминая ноги. Ах, с каким бы удовольствием прошел я от Перелог до Мсты, посидел немного на бережку у костра, и весело прошагал обратно 12 километров пути, так чтобы гудели вечером ноги!

Впрочем, не буду записывать разнообразные "ах", так как надо экономить бумагу и чернила... а лучше запишу несколько замечаний по поводу *истории математики*, ибо низость нашего века проявляется и в том, как мы видим века высокие.

Современное деловое человечество интересуется преимущественно практическими результатами – изобретением паровой машины, атомной бомбы, покорением Северного Полюса, в крайности – "спрямлением окружности" и "квадратурой круга", трисекцией угла, параллаксом звезд и образованием вселенной. Реже занимают его те, кто тоже шел к Северному Полюсу, но был затерт льдами, или ошибся в доказательстве теоремы о "полноте континуума", но мужественно пытался ее доказать.

Но даже и удачливые математики и исследователи, оставшиеся в памяти благодарного человечества своими громкими открытиями, мало удастаиваются внимания как личности, а чаще всего только за итоги

своей профессиональной деятельности. Кто они были таковы, были ли они еще и самобытными людьми, кроме того что были исследователями, или та или иная область исследования была только приложением к их полноценному Я; стремились ли они подняться ввысь или только носили камни на построение математического здания, помогала ли математика их духовному возрастанию или мешала, их жизнь и их занятия составляли ли единое целое, или представляли две самодостаточные стези – этими вопросами мало интересуется история науки.

Однако, сердцевиной наших усилий должно быть (помимо законного стремления к благополучию, счастью, любви и славе; или к богатству и власти, в крайнем случае) построение *достойной* личности (нравственной, духовной...), или "спасение души", одухотворение семьи, общества, народа и государства, частью которых мы являемся (что не исключает наряду с этим томление духовной жаждой, поиск истины и смысла жизни – ибо даже умирая на баррикадах или на дуэли за правое дело, многие из нас до конца не уверены в справедливости того, за что умирают. В этом проявляется разделение людей на два духовных типа – догматиков, погружающихся в ту или иную точку зрения как в абсолюте, и критически настроенных умов, сомневающихся если не во всем, то по крайней мере во многом.)

Итак, если сердцевиной наших усилий является одухотворение нашего Я и того целого, которое является неотъемлемым условием нашего существования, то история нашей деятельности правдива лишь тогда, когда в ней присутствует и история нашей жизни. Учение Платона и его драматические приключения необходимо понять в единстве – не является ли его схематизация государства отчаяньем раба? Не является ли учение Кампанеллы об устройстве государства по образцу тюрьмы мезью узника? И что проявляется в педантичном наставлении Канта о необходимости быть всегда правдивым – глубокий ум мыслителя или благонамеренное мировоззрение педантичного библиотекаря?

Не драма идей, а драма личностей – вот подлинная история науки!

Думать лишь о хлебе насущном и только о нём печься – значит унижать в себе образ Божий. Но и в научной деятельности и во всяком другом деле – никогда человек не равен только делу своему. И я не верю, чтобы подлинными пролагателями путей на каком бы то ни было поприще были люди узкие, обструганные до этого поприща, прилаженные к нему, и подвизающиеся лишь в нем. Надеюсь, Магеллан обогнул земной шар потому, что он был не только моряк; Толстой написал гениальные романы тоже потому, что писательство не было его профессией; и даже печальная судьба юноши Галуа доказывает, что личность выше не только работы, но и творчества. Да и жизнь и дуэли наших дивных Пушкина и Лермонтова это же самое доказывают. Если человечество когда-нибудь и впрямь устроится по распоряжению Платона, Кампанеллы, Маркса и современного мне "христианина из христиан", разделившего людей на роды и виды по ветхозаветному канону – вот это

предводитель, пророк, законодатель, чиновник, воин, крестьянин, ремесленник и поэт, и они обязаны исправно отправлять предназначенные им повинности – как в улье и муравейнике, где у каждого и впрямь есть свое предназначение, и у работающего руки граблями, а у поющего – губы дудочкой – нет, если человечество стремится и устроится именно так, и мне надо будет до конца определиться, стать ли сторожем, и тогда ходить с колотушкой, а не с пером и бумагой, или учителем математики, и носить мел в кармане, а о стихах забыть – да пусть тогда это человечество провалится в тартарары, не хочу я к нему принадлежать и среди него жить, а лучше сбегу в дикие леса и пустынные горы, или даже лучше сдохну от голода, или даже пусть возмущенное человечество...

19 июля, понедельник. Однако, пора уже вновь отвлечься – даже и от математики в собственном смысле этого слова, и вспомнить, что слово математика обозначало в древнегреческом и науку вообще и философию, а поскольку философствовать способен любой человек, то дерзну на это и я, тем более что прежде уже не раз дерзал, правда не в столь экстремальных условиях.

Но теперь философствовать надо будет уже не из праздного любопытства, не из высокомерного убеждения в знании истины, а для поиска таких *оснований* жизни, которые годятся и в топи, и в "зазеркалье", и на Голгофе.

Находясь в ограниченном пространстве, оглядываюсь я в поисках отдушин. Дверей (в прежнем значении этого слова) практически нет. Открываются они не для того, чтобы выйти, а чтобы слегка расширить на время то же самое замкнутое пространство нашего прозябания, не изменяя его свойств.

Окон также практически нет, ибо то, что видно в них сквозь решетку – третий круг этого же бытия (если считать коридор – вторым). И все же есть особые окна, в которые открывается живой мир, из которого я был низвергнут в этот подземный.

Это, во-первых, свидания. В прошлое воскресенье я виделся с моей миленькой, но мы были разделены стеклами и разговаривали по телефону.

Во-вторых, это передачи. Кроме того, что они помогают выжить, это и весточки с воли; – даже список продуктов, написанный родной рукой, умиляет.

В третьих – письма. Кроме записки, которую передал адвокат, мы с М-й получили уже три письма, и перечитываем их постоянно.

И, наконец, – встречи с адвокатами.

Конечно, этого недостаточно, чтобы чувствовать себя сносно, и на помощь приходит надежда.

Христианство *уныние* считает одним из смертных грехов, и ему противопоставляет одну из семи добродетелей – *упование на милость Божию*.

Но – *уповаю ли я на Бога?*

Весьма мало.

Гораздо больше: – на помощь родных и близких.

Или на счастливый случай.

И все же, надо искать более прочные основания жизни.

Возможно, находятся они в религии?

В буддизме можно позаимствовать способ *сидения* (в тюрьме?), поджав под себя ноги подошвами вверх. Хотя я по характеру *перипатетик*, и чтобы чувствовать себя сносно, мне необходимо ходить, однако и буддистская поза – тоже твердь под ногами. Однако, одна только удобная *поза* – не до конца утешает.

Но утешает ли меня христианство?

Нет, и оно меня не утешает. Оно велит мне *терпеть*, не пытаюсь *изменить* мое душевное состояние (не говоря уж об истоках страдания – их христианство не касается вовсе, если только не ищет оно их в *первородном грехе*.) Итак, оно велит мне терпеть и усмирять гордыню – то есть покоряться – но, значит, смиряться с унижением.

Что же должен испытывать униженный, по мнению учеников и последователей Христа?

Должен ли он "стиснуть зубы и терпеть", испытывая боль и страдание, но не опуская голову и надеясь на отмщение; или должен смириться настолько, чтобы даже радоваться унижению? Принимая чуть ли не с благодарностью бич надсмотрщика и насмешки толпы, как (полагают многие) будто бы переживал происходящее с Ним на Голгофе Иисус Христос?

Сорок лет назад, в начале 60-ых, среди студентов моего круга был популярен роман Достоевского "Идиот". Тогда мы еще читали книги, а не ограничивались их телевизионным подобием. Князь Мышкин казался нам именно тем, каким его видел Достоевский, то есть "положительно прекрасным человеком". Судьба его всем известна – сначала он несколько лет провел в психиатрической лечебнице, потом вышел в мир, будучи человеком наивным и добрым... впрочем, на мой взгляд, он все-таки был ущербен – уж как-то странно сторонился женщин, не мог ни жениться на них, ни "крутить с ними любовь". Меня самого в то время сравнивали то с князем Мышкиным, то с Христом, иногда, правда, прямо называли *идиотом* – конечно, преимущественно девицы, воображавшие себя или Настасьями Филипповнами, или Аглаями и ее сестрами.. И вдруг, в июне 63-го года, я попадаю в "Психушку", вокруг меня мечутся подлинные сумасшедшие, и я прихожу в ужас. Кажется, князь Мышкин такого опыта не имел, да не имел его и сам Достоевский. А в марте 70-го года я снова оказываюсь сначала во внутренней тюрьме Большого Дома, а затем в тюремном Сумасшедшем доме на Арсенальной.

Проходит еще тридцать лет, повторяется первый опыт студенческой юности, и в июле 2002-го года я заперт на месяц в тюремной психушке

(апокалиптический зверь, прежде чем съесть, хотел удостовериться, *не псих ли я*), а затем, наконец, в нынешнем злополучном июле судьба швыряет меня в тюрьму на ул. Лебедева! Правда, после Достоевского наш народ прошел через такие опыты, что удивить его уже нечем, и поэтому о своих приключениях я сообщаю бесстрашно, ибо ни я не удивлен, ни читатель не удивится.

И все же в странных сих переменах вижу я удивительную закономерность – я учился разглядеть и пожалеть человека среди обломков его тому назад сорок лет; через десять лет нашел страдающих среди тех, кто должен был меня "исправлять", ненавидя, и кого дьявольский режим пытался расчеловечить в тюрьме для душевнобольных; и вот я вновь оказался словно бы в Зазеркалье, где один виртуальный мир свободных и самодовольных людей проникает в камеру через "голубой глаз" телящика, а другой почти подземный мир состоит из полубезумных подростков, которых лишило будущего дьявольское зелье – но нет во мне ни жалости, ни прощения, а только отвращенье и страх... Или все же кого-то из них я жалею?

Из тех, кого власть преследовала, всматриваюсь я в духовный опыт Христа, Достоевского, Даниила Андреева, Варлама Шаламова. "Не верь, не бойся, не проси!" – вот заповедь современных узников, которая помогла им выжить в аду – предлагает ли мне христианство иные основания, на которых смогу укрепить я свой дух, не теряя достоинства, – а, может быть, даже совершенствуясь и возвышаясь?

.... Имея в виду спор царей и поэтов, сравним достояния наши. У них – власть, у нас – творчество. Выше ли они нас, властвующие над нашей жизнью? Нет, мы, поэты – властители дум, они же – временщики. Нас изучают и через тысячу лет, наши книги читают, мы созидаем дух и культуру, нашими глазами смотрит человечество на свою историю.

Однако, современный исследователь культуры, "христианин из христиан", заявляет – в перечне тех, кто угоден Богу, поэт занимает лишь последнее место, а царь – первое, ибо якобы именно царь – наместник Бога на земле, но не поэт.

Вот, увы, горькая правда. Бессмысленно мне книги писать, они "никого не колышут", ибо царь – от Бога, а я – только раб. Тело мое уже отвели под конвоем в узилище царевы слуги, теперь слуга Господень и последнее мое достояние – гордость, требует смирить во имя Христа.

И мне, по Его учению, надлежит покориться власти, и не только не роптать, покорно влача время неволи, но и встать на колени, благодаря за милость, если власть выбросит меня недобитым за ворота тюрьмы.

Не такой же ли благодарности ожидала власть от Даниила Андреева, когда освобождала его, умирающего, из Владимирского централа?

Так, может быть, плюнуть на литературу, вернуться к математике, и написать что-то вроде ее философских "Начал"? О том, что математические положения *не содержатся* уже полностью в аксиомах и не

вытекают из них, и доказательство их истинности – не выведение неизвестного из известного, а состоит лишь в установлении их *согласия* с другими уже известными положениями... Иначе бы надо было сказать, что и "Война и мир", представляя собою лишь новую последовательность известных слов, уже содержится в словаре.

Так же и *Множество четных чисел* не содержится в *Множестве натуральных чисел* (иначе говоря, понятие *четного* числа не содержится в понятии *натурального* числа, ибо *четность* и *нечетность* не содержатся в представлении *натурального* числа как последовательности $n, n + 1, \dots$. Когда мы выбираем из натурального ряда числа вида $n = 2k$, мы их *создаем* так же аксиоматически, как и ряд $n, n + 1$.

Да и положительная наука не почерпает ли свои выводы из установленных оснований, и хотя и соотносится с ними, но находит их в чем-то другом, например, в *интуиции*, или в *припоминании* (согласно Платону), как, предположительно, и родной язык, поразительным образом узнавая его со всеми тонкостями, многообразием и богатством в неразумном младенчестве, мы не изучаем впервые, а *только припоминаем*?

28 июля. Почему вода не вскипает?

Христиане игнорируют историю и естествознание, они размышляют, чувствуют и действуют только внутри воображаемого христианского мира, и даже когда на холодной плите *вода не вскипает*, они полагают, что это оттого, что *мало веры!*

А когда вода все же готова вскипеть, и некоторые части ее закипают, *призывая и окружающие незакипевшие струи* помочь кипению, те в раздражении отвечают: во-первых, *начни с себя*; а во-вторых, *все мы грешны*.

А другие еще добавляют, что все равно ничего нельзя сделать, если не будет на то Божьей воли.

Хотя, казалось бы, пусть бы начали слегка закипать хоть ближние, потом и другие, и смотришь, со временем закипели бы *все!*

И потому я думаю, что виноваты в том, что *вода не вскипает*, те, кто молча холодеет, не возмущается хотя бы только на кухне о жизни вокруг, не возмущается хотя бы среди своих о несправедливости власти. Молчаливые и равнодушные потворствуют злу, поэтому и не закипает вода... – или только холодная плита во всем виновата?!

"*День начинался не спеша, болела сумраком душа*"... Выстирал перед утром рубашку, полотенце, носовой платок, обтерся мокрым рушником. Если жить сиюминутно, то уже можно радоваться, не омрачая себя мыслями (или чувствами) об "общем".

23 августа, вторник. У *счастливого* времени, что оно неотвратимо течет, что оно не только *не останавливается*, но даже *быстро проходит* – основной недостаток; что же является достоинством *несчастливого* времени? – что оно, хотя и медленно, проходит тоже – и вот уже натекает сентябрь, и даже капает с крыш ...

На улице дождь, на душе печаль, цепь моя коротка
 Незрячий вождь в незримую даль шлет и шлет облака.
 Из сжатых уст срывается стон ... спасёт ли меня любовь?
 И сон мой пуст, и *жизнь есть сон*, и вытекает кровь.
 Стремительный водопад из небесных дыр летит, смывая грехи.
 И ангелы на парад благословляя мир идут, читая стихи.
 Пусть даже Бог, Закон и Судьба прервут их странный поход.
 Запоёт рог, зазвенит труба и музыка нас спасет!

Устав перелагать и комментировать Новый Завет, берусь за Бердяева; от него перехожу то к Аристотелю, то к Шафаревичу, а затем вновь принимаюсь за Новый Завет... (хотя и не нахожу в нем утешения)...

5 сентября, суббота. Уже похолодало... и все-таки, я надеюсь, осень еще разгорится в нашу честь и, может быть, и с друзьями встречу я в октябре... а пока продолжу чтение Нового Завета.

После прогулки... На прогулку нас не водили – а это единственная отдушина в затхлом мире. С утра моросил дождь, потом посветлело, и снова затянуло тучами небо. Возлегаю "на пальме" (так называется третий – верхний – ярус нар в камере), пишу Записки, читаю новый Завет, но небо моего Духа заволокли черные тучи – мгла истекает из телевизора... а в камере даже две сточных трубы, и темная канонада звуков, слов, агрессивных завываний оглушает... Телевизионные каналы, заливающие помоями наши души – рупоры дьявольских сил, растлевающих Россию. Или это гул тупой пьяной толпы, и каждый в толпе пытается перекричать друг друга?

Кто же создатели теле-продукции, отравляющей нас, и надо ли их *возлюбить*, или иступленно ненавидеть как бесов?

Иногда кажется, что едешь в электричке – галдеж, теснота, не выйти до остановки, и томишься ожиданием станции – но что наша *станция*, когда и как мы до нее доберемся?

Вместо "*душеспасительного*" читаю *Книгу исповедей, написанную бездомными* – словно прикасаюсь к трагедии миллионов, лишившихся крова, работы, семьи в гнусные годы демократического "возрождения".

Собственные невзгоды кажутся ничтожными, даже стыдно о них поминать, не раз слезы катились по моим щекам от сочувствия к униженным и оскорбленным...

Сколько обличал я тех, кто *не* противостоял несправедливости – а чем сам помог погибающим, живший благополучной жизнью?

Так не благотворна ли тюрьма, заставляя воочию увидеть и на самом себе почувствовать, через какую пучину бедствий прошла наша страна за последние годы? И не *благословлять ли боль*, пробуждающую душу?

Вспоминаю упреки апостола Павла, адресованные его соплеменникам. И я ведь тоже упрекаю свой народ, пороков у него столько, что даже если бы пускали в рай с пороками, в его тесных воротах он с ними застрянет. И все таки, некуда мне от него бежать, – пусть мои

"православные" тупы и ленивы, но европейские язычники уж так *законопослушны*, что не отлеплю я их, по почину апостола, от их "закона". Да и надо ли отлеплять? Всё, за что мы их уважаем, презираем и явно и тайно завидуем, приобрели они благодаря *законопослушанию*, а за что самих себя ненавидим – это следствие крошечного *беззакония*, царящего в нашей матушке-России уже без малого девяносто лет, и от слепой веры в благонамеренность власти.

Да и эти-то пороки – лень, тупость, верноподданность, *слепая вера* (о которой хлопотал апостол, и единственных в мире на нее подвигнул – бывших вольных скифов, а ныне вымирающих великороссов), самомнение и безалаберность – я был готов извинить, а некоторыми умилиться, ибо любовь моя к своему народу питалась верой в его добросердечие и сострадательность. Я помню, как подавали нищим, как подавали заключенным, сами голодные, как приютили военнопленного немца, лишившиеся кормильцев, жители моей деревни – но, как видно, моя деревня была другим народом, и я последний его оставшийся в живых свидетель. Для тех, прежних, было выше всех добродетелей, выше знания и образованности, успехов в цивилизации и завоевании космических и афганских пространств, выше даже веры и раболепия то, к чему призывал еще великий Пушкин – *милость к падшим*.

А потом на протяжении жизни я увидел, как ненавидящи и презрительны мы к врагам, даже поверженным – нет, это не признак великого народа. Все несогласные с нами, это, по нашему мнению, – негодяи, подонки, бандиты и твари, даже в тростниках Кубы, в песках Афгана, в горах Чечни. Мы глумимся даже над мертвыми, чужими и своими, и это неудивительно, ибо миллионы и своих солдат шестьдесят лет валяются непохороненными, а мы всё празднуем и празднуем *нашу победу*, которая уже никогда не станет *их победой*, победой и моего отца, за которого я еще спрошу у беспамятного народа, если Бог поможет мне достаточно громко спросить.

Я верил Достоевскому, что, осуждая преступление, наш народ *жалеет* острожников, считая их уже не за преступников, а за несчастных, я видел эту жалость в тех, с кем был "одной крови". И вот разочаровался я в русском народе, в его государстве и обществе – только дикари способны так растоптать своих сограждан, хотя бы и *падших*, как растоптаны узники в наших тюрьмах. Я и сам прозябаю ныне среди отверженных, они не дают мне спать, беснуясь по ночам, они меня обманывают, не развиты и некультурны, грязь и вонь в их скученном пространстве – ибо даже в хлеву крестьянский скот располагался просторнее, чем складывает нас как дрова карающее общество. Сегодня на пятнадцати квадратных метрах помещается нас тринадцать (бывших) человек, и это еще мы в неслыханном раю, в прошлом году в такую же камеру втискивали и сорок и пятьдесят. "Как же вы жили?" – спрашиваю я их. "А сгнивали заживо, и не было недели, чтобы кого-нибудь из слабейших не вынесли" (уже на окончательную свободу).

В отчаянии я понимаю, что не с финансирования медицины, науки и

"высоких технологий", не с образования и оперного театра, и даже не с "простых чисел" начнется возрождение народа, а только с перемены отношения к несчастным, будь это убитый или пленный враг, будь это сосед-карманник (тот самый "ближний", о любви к которому заклинают меня уже две тысячи лет). Пока общество не отделит от своих излишков, не отделит даже от своих неимущих на то, чтобы "демократический" концлагерь, в котором оно гноит своих отверженных, хотя бы слегка очеловечить, оно не воскреснет, и мы все не поумнеем, не станем работающими, свободолюбивыми, гордыми, критически мыслящими, не погоним продажных чиновников, злых охранников, бесталанных и жадных правителей. Существует только одна подлинно "высокая технология", это *технология души*...

Протекают годы и дни.
То смиряюсь, то штопаю дыры...
Отвернулись бывлые кумиры,
В тесной камере со мною одни
Дорогие мне щепки от Лиры.
Смутно помню объятия Муз
В приставаниях злой несвободы.
Камнепадом обрушились годы.
Я сгибаюсь под тяжестью уз.
... Или это грядущего роды?

И в отчаянии я вновь берусь за Новый Завет, который лежит рядом со мною справа "на пальме", но яростный новообращенный Павел кричит мне, язычнику, о тщете моих усилий.

19 сентября, суббота. Нужна ли математика – и для чего?

Она нужна не более, чем стихи, которые нужны только поэту – это его способ обольщения.

И конечно, никому математика не нужна, как не нужно гражданину платить налоги, ходить на войну, ходить в подконвойной колонне между рычащими злобно собаками, но – приходится.

Оставив разговор о пользе и необходимости математики в процессе обучения, о пользе и необходимости ее психологу или гончару, зададим вопрос – нужна ли математика обыденному человеку? Применяет ли он ее в своей жизни? Применял ли ее я сам?

Сознаюсь честно, что хотя математика – одно из моих важнейших занятий, и именно она меня кормила, и даже утешала, но и я не копал с ее помощью огород, не топил баню, решив предварительно несколько дифференциальных уравнений, не разгружал вагоны, и не сочинял стихи. Даже квадратные уравнения мне почти не приходилось решать с какой-либо конкретной практической целью.

Математика никому не нужна так, как, например, нужен бензин владельцу автомобиля, чтобы проехать из пункта А в пункт В – разве для этого нужно решать задачи на встречное движение?

Математика не может объяснить, каково предназначение человека, для чего он рожден, каким ему надлежит быть. И тем не менее, глядя на толпы бредущих и падающих в канавы, хотя и не могу указать я им внятные ориентиры, возможные ухабы, броды, но не посоветую лезть по топям и кручам – потому что математика помогает находить правильные решения в тех коллизиях, препятствиях, *точках разрыва* или *точках перегиба*, которыми одаривает нас жизнь, и помогает справиться с житейскими испытаниями.

Почему верят неправде, почему принимают за истину лживые сказки либеральных экономистов? – потому что не умеют отличать ложь от правды, не замечают противоречий, подлогов, пропусков, умолчаний, подтасовок, преувеличений, ложных обещаний, неверных умозаключений, фальшивых расчетов.

Математику не обмануть, логика ее безупречна, – а бедный наш лежковерный народ и впрямь вообразил, что если сложить как числа обещания народных вождей, то его богатства умножатся.

Математика нужна для того, чтобы с ее помощью измерить ров, в который нас завели проходимцы, и чтобы стать и оставаться *человеком разумным*.

Правда, одной математики для этого не достаточно, необходимо знать и помнить историю, и прежде всего *историю ошибок и заблуждений* – память о прошлом еще важнее *музыки сфер* и *гармонии дифференциальных уравнений!*

1 октября 2004 г. Ночью снились страшные сны... Однако русская действительность страшнее – в Красноярске в штате мэра "служат" *шесть тыщ человек!* – а в Лос-Анджелесе, вдесятеро большем – *одиннадцать человек*. Так может ли наша страна стать свободной?

Чиновничество и правящий класс – это лишаи и короста на теле России... И что может родить народная почва, когда телевизор засеивает ее мерзостью!? Каких детей родят его зрители?... Тоска, тоска...

... Неожиданно нам с М--ей разрешили работать на *кшикэ*...– разгружать овощи, чистить картошку, мыть пол... Пространство нашей жизни расширилось, и впору вспомнить лозунг, висевший на воротах ада (в Германии и в СССР) – "*Труд делает свободным!*".

Теоретики русского социализма обосновывали представление о человеке как о винтике механизма, рабочей машины, которую является военизированная рабочая армия. Теория, за пропаганду которой следовало бы сажать в тюрьму или в сумасшедший дом (как за пропаганду массовых убийств и неоправданного насилия), но которую общество приняло, поддержало и реализовало.

Троцкий и большевики, разрабатывая модель военизированного труда, были, казалось бы, учениками Маркса, который как раз упрекал капитализм в том, что он отчуждает человека от содержания труда, но они даже саму человеческую личность отчуждали от человеческого содержания.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ЧИТАЯ УМНЫХ

*«Был бы рад присесть на одну скамейку
с великими, но Бог не дал таланта.
Горжусь, что хоть немножко
постоял рядом.»*

«Расскажи свою историю.»
СПб, 1999г., изд-во «На дне».

1. ЧИТАЯ ШАФАРЕВИЧА

Гениальная книга Шафаревича "Социализм как явление мировой истории"* дает ключ и к пониманию христианства. Можно выписывать из этой книги абзацы и страницы, заменяя термин "социализм" на "христианство", и ничего не изменится, текст будет так же верен по отношению к христианству, как он верен в отношении социализма.

«Что же такое [христианство]? Каково его происхождение, какие силы он использует, в чем причины его успеха, куда оно ведет? Насколько понимание здесь еще далеко, можно судить и по многообразию противоречивых ответов, которые даются на любой из названных выше вопросов самими представителями [христианских] течений.» – стр. 59.

«Их жизнь он хочет полностью подчинить интересам [церкви], построить так, чтобы исключить возможность раскола, возникновения противоречащих друг другу интересов. Первым средством для этого является упразднение... собственности. У [монахов] нет иной собственности, кроме своего тела [которое, впрочем, они пытаются *умерщвлять*]. В их [келью] может всегда войти каждый желающий.

... с тою же целью упраздняется и ... семья.»

«Особая роль... отводится искусству, которое подвергается жестокой чистке. Уничтожается всё, что может вызвать представление о несправедливости богов, вызвать страх, *уныние* или приучить к неуважению начальства.» [Ибо всякая власть от Бога.] – стр. 70.

«Мировоззрение основывалось на противопоставлении духовного и материального мира как двух антагонистических и взаимноисключающих друг друга категорий. Оно порождало враждебное отношение ко всему материальному миру.» – стр. 71.

«В городище или Таборе нет ничего моего или твоего, а все вместе одинаково пользуются, у всех все должно быть общим, и никто ничего не должен иметь отдельно, тот, кто имеет отдельно, тот грешит.» – стр. 72.

*

И. Р. Шафаревич. "Социализм как явление мировой истории", М., 2001г.

[Сравним: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа, и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее... не было между ними никого нуждающегося, ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного. И полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось кто в чем имел нужду».– Новый Завет, т.2, стр 26.]

«В наиболее ярких социалистических учениях мы обычно встречаем утверждение, что история направляется не зависящими от воли человека факторами.» – стр. 91.

[Многим ли от этого отличается религиозное мировоззрение, по которому «без воли Божией даже волос не упадет с головы человека»?]
 . Animals ... 1974)].

Шафаревич цитирует Маркузе: "Чем меньше будет разница между жизнью и смертью, тем слабее будут разрушительные проявления инстинкта смерти". – стр. 207.

[Сравним в христианстве: "жить аки умереть".]

«И, как полагает Розанов, "христианство – это религия, в центре которой гроб, религия мертвого Бога".» – стр. 304.

«Согласно Уайту, марксизм – одна из иудеохристианских ересей.. Он даже усматривает причину современного экологического кризиса в христианстве (особенно западном), лишаящем мир и природу их ценности, ибо "христианство оторвало Бога от мира." – стр. 43.

[Линн Уайт, "Машина экс деус"; Whutel (Стр. 303–304.)

«Не в партиях вигов и тори надо искать предшественников "партий нового типа" (большевики, фашисты), а в ордене Иисуса или среди средневековых сект, с которыми они имеют и общие организационные черты. Наличие такой партии по-видимому является необходимым условием существования всех социалистических государств в 20-ом веке.» – стр. 129-130.

Вначале Шафаревич показывает, что социалистический идеал состоит из 4-х основных элементов: *требование равенства, отмена частной собственности, уничтожение семьи, и искоренение религии*; затем показывает, что по крайней мере три первые элемента «могут быть выведены из одного принципа: *подавление индивидуальности*». [Идеи социализма] «становятся силой, когда овладевают *массами*.» – стр. 183.

И, наконец, автор формулирует взаимоотношения между социализмом и личностью: «идеология, *противопоставляющая себя человеческой личности*, не может служить для нее точкой опоры».– стр. 191.

[А может ли служить точкой опоры человеку христианство, *растворяющее личность в Боге?* Не так же ли, как партия, превращающая личность в винтик механизма ("Слепящая мгла")?!]

Экономика и психология.

«Поразительно, какой страх и ненависть испытывала Католическая Церковь в Средние века по отношению к ростовщичеству, как будто предчувствовала в нем источник силы, губительной для жизненного уклада. Ростовщичество подлежало ведению особого Церковного суда. Уличенному в нем священнику грозило лишение сана, мирянину – недопущение к причастию. Не только взятие процента строго каралось, но пресекались возможности скрытой оплаты за долг.» – стр. 284.

В. Зомбарт, стр. 262-263, 368-369.

«Величайшая катастрофа в американской экономике произошла не из-за стихийного бедствия, войны или революции, а в результате паники на бирже в "черный четверг" 29.10.29.» – Стр. 285.

«[Жизненная] экономика скроена по человеческой мерке: чтобы любой организм, любое сообщество, любое человеческое существо имело многообразие благ и переживаний, необходимое для свершения его индивидуального жизненного пути от рождения до смерти. Характерной чертой жизненной экономики является сохранение обусловленных жизнью пределов, она стремится не к максимально возможному количеству, а к нужному количеству и нужному качеству в нужном месте.» – Стр.

Льюис Мамфорд. Цитируется по статье: Ксения Мало "Оборванная нить", Новый Мир, 1988, №8.

2. ЗАМЕТКИ ПРИ ЧТЕНИИ АРИСТОТЕЛЯ.**а. «ПОЛИТИКА».**

О богатстве. Стр. 36. «Как говорит Солон в одном из своих стихотворений, "людям не указан никакой предел богатства".

Стр. 57. «... зло, какое существует в современных государствах из-за отсутствия в них общности имущества: я имею в виду процессы по взысканию долгов, судебные дела по обвинению в лжесвидетельствах, лесть перед богатыми...».

Стр. 41. «Поэтому с полным основанием вызывает ненависть ростовщичество, так как оно делает сами денежные знаки предметом собственности... ведь они возникли ради торговли, а не взимания процентов.»

Стр. 214. «Между тем как многие причины вызывают государственные перевороты, Сократ указывает только одну, именно, будто бедняками становятся вследствие распутной жизни и беря деньги под большие проценты, словно с самого начала все либо большинство были богатыми.»

О справедливости. Стр. 26. «Понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилом справедливости, является регулирующей нормой политического общения.²

Стр. 105. «...справедливость, как кажется, есть равенство, и так оно и есть, но только не для всех, а для равных; и неравенство также пред-

ставляется справедливостью, и так и есть на самом деле, но опять таки не для всех, а лишь для неравных.» [И все же *равенство* несправедливо для всех, прежде всего для культуры, но даже и для *равных*.]

Стр. 102. «Только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными; имеющие же в виду только благо правящих – все ошибочны и представляют собой отклонения от правильных: они основаны на началах господства, а государство есть общение свободных людей.»

Стр. 248. «Дух больше возмущается от оказываемого нам невнимания со стороны близких и друзей, нежели со стороны незнакомых.»

Стр. 246. «*Люди, по природе своей великие духом, враждебно относятся только к тем, кто поступает несправедливо.*»

О законах. Стр. 73. «Ведь законы неизбежно приходится излагать в общей форме, человеческие же действия единичны.»

Стр. 123. «Законы выражают собою только общие положения и не заключают в себе преюказаний на отдельные случаи.»

Стр. 127. «закон – это разум без инстинктов.»

Стр. 357 (54). «Афиняне открыли людям пшеницу и законы, но пшеницей жить научились, а законами нет.»

Стр. 193. «Но самое главное при всяком государственном устройстве – это посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться.»

Стр. 85. «Харонд первый ввел закон о судебном преследовании за лжесвидетельства. Свообразен [также] следующий закон Питтака: пьяные за свершенные ими проступки должны подвергаться большему наказанию, нежели трезвые.»

Стр. 271-272. «Законодатель должен удалять из государства сквернословие, как и кое-что другое... Раз мы не допускаем в государстве подобных слов, то, очевидно, не дозволяем так же смотреть на непристойные картины или представления.. Воспрещено молодым людям присутствовать в качестве зрителей на представлениях ямбов и комедий до тех пор, пока они не достигнут возраста, в котором им дозволено.. пить чистое вино [21 год].»

Стр. 264-265. «Законодатель должен стремиться внедрить в души людей убеждение, что высшее благо и в общественной и в частной жизни – одно и то же.»

О добродетели. Стр. 260. «Добродетель государства сказывается в том, что граждане, участвующие в государственном управлении, добродетельны.»

Стр. 222. «После земледельческой народной массы наилучший народ тот, где люди являются пастухами и живут скотоводством... масса, состоящая из ремесленников, торговцев, поденщиков не имеет ничего общего с добродетелью.»

... «Но надо всегда отстранять худшие части населения от участия в управлении.»

Стр. 198. «Ведь большинство тиранов вышли, собственно говоря, из среды демагогов, которые приобрели доверие народа тем, что чернили знатных.»

Стр. 207-208. «Тирания стремится к трем целям: во-первых, вселить малодушие в своих подданных, так как человек малодушный не станет составлять против него заговоры; во-вторых, поселить взаимное недоверие... в третьих, лишить людей политической энергии...»

Стр. 278. «Искать повсюду одной лишь пользы всего менее приличествует людям высоким душевных качеств и свободно-рожденным.»

Стр. 259. «Счастье есть деятельность в духе добродетели и совершаемое применение этой последней.»

Стр. 210. [Но] «Трудно бороться с страстью, ибо цена ей – жизнь.» – говорит *Гераклит*.

О воспитании. Стр. 275. «[В чем] цель воспитания – развитие ли умственных способностей или нравственных качеств... нужно ли упражняться в том, что пригодно в практической жизни, или в том, что направлено к добродетели, или, наконец, в том, что относится к отвлеченному знанию...»

Стр. 264. «Девушкам подходит более всего вступать в брак в восемнадцатилетнем возрасте, а мужчинам в тридцать семь лет или немногим раньше.» ... «Что же касается посторонних связей мужа или жены, то такие связи нигде и никоим образом вообще не должны считаться благопристойными.»

Стр. 290. «В деле воспитания должно руководствоваться тремя правилами: держаться середины, возможного, пристойного.»

Стр. 270. «По указанию некоторых поэтов, человеческая жизнь измеряется по семилетиям.»

б. ПОЭТИКА

Стр. 301. «То, присутствие или отсутствие чего незаметно, не есть часть целого.»

«Историк и поэт .. различаются .. тем, что один говорит о том, что было, а другой – о том, что могло бы быть. Поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, история – о единичном... Общее есть то, что по необходимости или вероятности такому-то характеру подобает говорить или делать то-то... А единичное – это, например, что сделал или претерпел Алкивиад.»

Стр. 303. «Перелом (*peripetia*) ...есть перемена делаемого в свою противоположность» [Сегодня "перипетии" означают *превратности*.]

Стр. 302. «Даже известное известно лишь немногим.»

3. ЗАМЕТКИ ПРИ ЧТЕНИИ КНИГИ БЕРДЯЕВА «Я И МИР ОБЪЕКТОВ».

О познании.

Стр. 36. «В познании действуют три начала: сам человек, Бог и природа.... В познании взаимодействуют человеческая культура, Божья благодать и природная необходимость.»

[Отношение Познания и Веры разрешается философами противоречиво и несостоятельно, потому что с одной стороны религиозные *переживания* противопоставляются рациональному *размышлению* о мире, а с другой, к Познанию относят и научные исследования, и жизненный опыт (отдельного человека и человечества в целом), и элементы Веры, через которые человек приобретает некоторое новое знание о мире, некоторый новый опыт его переживания.

Если же полагать, что наука *познаёт плоть мира* (как физика, физиология, химия – и даже психология, история, филология, для которых плотью являются факты культуры), а философия *постигает мир в целом*, то есть и мироздание и дух, более того, *постигает бытие* мира, то есть его движение, его жизнь, и бытие самого человека; а религиозный опыт, данный в вере, в осмыслении составляет особую сторону *постижения*, то религия и философия будут составлять цельный духовно-мистический опыт. Более того, философия как умозрение не только не полна без религиозного мистического опыта, но она не полна без жизни философа, то есть его житейского опыта, она не полна без культуры, например, без музыки. Философия – это умозрение, направленное на человека, и рассматривающее мир лишь как часть человеческого.]

«Трагедия философа в том, что одни хотят ограничить его познание от лица Божьей благодати, другие – от лица природной необходимости. Это и есть конфликт философии с религией и наукой.»

Стр. 40. «...настоящая философия, которая действительно что-то открывает, есть не та, которая исследует объекты, а та, которая мучится смыслом жизни и личной судьбы.»

Стр. 42. «ибо *познаёт* и философствует всегда личность... За всякой подлинной философией стоит наука о жизни, о смысле, о судьбе. Философия есть прежде всего учение о человеке.»

Стр. 50. «В составе "Я" человека есть то, что делает возможным познание.»

Стр. 52. «Познание не есть лишь отражение, оно есть творческое преобразование.»

Стр. 53. «Загадкой и тайной в теории познания остается, как объект материальный и иррациональный отражается в качестве познания в субъекте, не материальном и разумном. Эта проблема неразрешима, если под познанием понимать отражение объекта в субъекте, если бытие считать объектом, а субъект считать стоящим вне бытия.»

[Бердяев исследует отношения между познающим субъектом и предметом познания, который есть объект. Но он не объясняет, что именно он называет *познанием*. Рассматривая отношения между субъектом и объектом "в целостности этих отношений", Бердяев не выделяет и не называет элементы этой целостности, то есть – *внимание, сосредоточение, восприятие, интуицию, переживание, сомнение, размышление, сравнение*; и всю сумму чувств, сопровождающих восприятие и размышление – *вывод, оценку, наконец, приведение в порядок* элементов размышления, систематизацию. И если говорить о философском познании, то даже эксперимент и религиозный опыт присутствуют в нем, хотя бы опосредованно.

Однако, Бердяев сумбурен в своем философствовании, он вдруг говорит (повторяя известную идею Сократа – Платона), что *познание есть припоминание*.]

Стр. 43. – [Но, впрочем,] «Философия.. не может быть оторвана от жизни... она должна быть действием...»

Познание и действительность.

Стр. 44. «Отвлеченная теоретическая мысль Фихте о том, что субъект создаёт мир, должна осуществляться на практике.»

Стр. 51. «Кьеркегор утверждает, что .. субъективность есть истина и действительность.. Критерий истины – в субъекте, в моем сознании и совести.»

Стр. 57. «Кьеркегор .. подчеркивает конфликт между существованием и мышлением, логикой. Мое существование не в пространстве, а во времени. Это утверждает и Бергсон. Существование есть движение, логика же неподвижна.»

«Противоречие богаче тождества».

Стр. 63-64. «Объективированный натурализм всегда представляет себе всякое бытие по образу материального. Он существует и в теологии, и там даже играет определяющую роль. Тогда Бог представляется объектом и познается по аналогии с вещами и предметами природного мира.»

Стр. 68. «Для знания существование начинает раскрываться снизу, а не сверху – у Маркса как *голод, экономика*, у Фрейда как *похоть, пол*, глубже [?] у Хайдеггера как *забота, страх*. [Курсив мой. – В. И.]

Сверху существование раскрывается как дух. Величайшая тайна познания в том, что возможно познание материальных вещей и предметов, когда познание по природе своей не материально. Эта проблема стояла перед Фомой Аквинатом»

Стр. 70-71. «Наука родилась из магии. Современная техника есть современная магия, или первобытная магия была первобытной техникой.»

Стр. 74. «Познание есть творчество... но также труд. .. Труд имеет духовные основы, и есть духовный, а не матерьяльный феномен.»

Я и Одиночество.

Стр. 79. «Не я существую, потому что мыслю, а я мыслю, потому что существую.»

«Я изначально, ни из чего не выводимо, и ни к чему не сводимо.»

«Первично «"я", погруженное в существование, а ... не сознание».

Стр. 80. «"Я" характеризуется антиномически изменением неизменного. "Я" есть единство во всех изменениях.»

Стр. 81. «Всякое "я" походит на всякое другое "я"... но оно есть "я" только потому, что оно не походит ни на какое другое "я".»

Стр. 84. Кьеркегор: «Трагическое есть страдающее противоречие, комическое есть нестрадающее противоречие.»

«...Одиночество преодолевается не встречей с "не-я", а встречей с "ты", которое тоже есть "я".»

Стр. 85. «Одиночество онтологически есть выражение тоски по Богу как субъекту, а не объекту, как "ты", а не "оно".»

Стр. 86. «Но Бог не есть для меня объект. Объективация и социализация моего отношения к Богу делает для меня Бога внешним авторитетом.»

«"Я" раскрывает всю историю мира как свой собственный глубинный слой. Всё со "мно́й" происходит, всё есть "моя судьба". То мне все представляется чужим и далеким, то .. происходящим со мной самим. ... В бессознательном слое "я" заключает в себе всю историю мира и общества.»

[Что же понимает Бердяев под "глубинным слоем" – бессознательное? Так это скорее Фрейдовское представление о "глубине", но в классическом понимании "глубина", "глубокий человек" – это не отрицание сознания, а скорее сверхсознание, переход от поверхностного восприятия мира к более угонченному, к более сложному. Глубина – это сложность.

И что понимает Бердяев под одиночеством? К сожалению, философ повторяет обыденное, общеизвестное: отсутствие понимания, отсутствие диалога, принадлежность к различным, или даже противоположным сферам жизни...

Одиночество – это разъединенность с близкими, с теми, кого любишь, или результат внешнего утеснения – чужбина, армия, тюрьма, плен, нелюбимая семья или работа...]

Стр. 86-87. «. Человек защищает свое "я" в обществе, играя ту или иную роль, в которой он не таков, каков он в себе... Я должно [также]... защищаться от общества как от врага.»

Стр. 87. «Романтизм [как выражение одиночества] есть результат ... отчуждения от объективного иерархического порядка, [он] подготовлен и астрономической системой Коперника, и философией Декарта и реформацией Лютера... »

[Итак, что же такое одиночество? Бердяев на этот вопрос по существу не ответил. Если одиночество – результат отчужденности от общества, то естественно задаться вопросом о его причинах.

Одиночество – это и отношение человека к другим, и положение его в семье и обществе, и переживание такого отношения.

Но одиночество – это и *отстояние* человека от мира, не связанное с общением, а вызванное состоянием личности, ее духовной значительностью, поднимающей его над миром. Духовное возвышение личности, духовное освобождение её от власти усредненного всеобщего сознания и мировоззрения естественно приводит к отпадению от общества.

Следовательно, есть два типа одиночества.

Так же Бердяев по существу не определяет важнейшие в его философии понятия *объективации* и *социализации*.]

Стр. 89. «Можно установить четыре типа соотношения между одиночеством "я" и социальностью:

1) Человек не одинок и социален. В этом типе "я" вполне приспособлено к социальной среде, чувствует себя дома в социальной обыденности и может занять в ней высокое положение... Но преобладают в этом типе люди ..., не оригинальные, средние...

2) Человек не одинок и не социален. В этом случае "я" достаточно приспособлено к социальной среде, но не проявляет социальной активности, равнодушно к судьбам общества и народа. Это распространенный бытовой тип.

3) Человек одинок и не социален. В этом типе "я" не приспособлено к социальной среде, уединяется от нее. Таким бывает лирический поэт, одинокий мыслитель, беспочвенный эстет.

4) Человек может быть одинок и социален. Такими бывают творческие новаторы, реформаторы, революционеры духа... Пророк переживает острое одиночество и покинутость, он может подвергаться преследованию всего окружающего мира.»

Стр. 90-91. «Проблема одиночества представляется мне основной философской проблемой, с ней связаны проблемы "я", личности, общества, общения, познания. В предельной же своей постановке проблема одиночества есть проблема смерти. Прохождение через смерть есть прохождение через абсолютное одиночество, через разрыв со всеми... Но проблема смерти в том, есть ли одиночество окончательное и вечное, или это только момент в судьбе человека...»

Стр. 98-99. «Познание имеет два смысла. Первый смысл представляет *отношение* познающего к бытию. В нем может быть преодолено одиночество через приобщение познающего к *бытию как тайне существования*. Второй смысл познания означает отношение к другим, к множеству, обществу. Но.. общество не может уничтожить одиночества "я", это в силах сделать только "ты", только общение в "мы", а не в обществе...»

[К сожалению, часто философ *косноязычен*, от этого доверие к его идеям снижается. Преодолеть необходимо и самого Бердяева, его схоластику и суесловие, и меня подмывает пересказывать его не всегда вразумительные идеи более ясным и более русским языком.

Наедине с индивидуальным существованием личности, "я"-человеку открываются его собственные проблемы – существование Бога и отношения с Ним, смысл жизни и смерти, тайна существования, выход за его пределы, выход за пределы собственного Я, то есть за пределы данного – положения, таланта, диалога, духовного возвышения и нравственного совершенствования; смерть и Воскресение, Откровение, Благодать, Преображение (или Пробуждение).

Наедине с обществом человек стоит перед лицом государства, перед лицом общества как такового, его институтов, перед лицом семьи, церкви и культуры.

"Объективированное" ли это бытие, по терминологии Бердяева, где подлинное существование тускнеет, теряется, угасает – или общество, государство, народ, нация, семья, культура – часть личности, входят в личное как способ существования "я"?

Стр. 100. «Одиночество "я" преодолевается, когда в познании совершается настоящий брак, брак по любви... но он невозможен с общим». «Познание – [это не только] познание ученых и философов, но и познание обыденное, житейское».

Стр. 101. «Существует глубокая и неразрывная связь между личностью и любовью. "Я" превращается в личность через любовь.»

Стр. 102. «[В коммунизме] проблема "я" и пола исчезает. "Я" растворяется в жизни социального коллектива, в замене личного сознания сознанием коллективным... жизнь пола подчиняется социальному коллективу... личная любовь отрицается. Это есть система скотоводства [!!]. [Но] это не ново, у *учителей церкви, в обыденном церковном сознании мы находим то же отрицание личной любви.*»

Стр. 105. «Болезнь одиночества (?) есть одна из основных проблем философии человеческого существования как философии человеческой судьбы.»

Стр. 103. «Религия есть... социальный феномен... [В таком случае] она уже вторична... Религия есть также откровение, есть голос Божий, есть воплощение Бога, и тогда она первична.»

Стр. 104. «В социализированном христианстве *любовь носила... символический, а не реальный характер.*»

О времени.

Стр. 103. «Прошлого уже нет. Все, что в нем реально и бытийственно, входит в настоящее. Вся прошлая история нашей жизни, вся прошлая история человечества входит в наше настоящее и лишь в этом качестве существует.. Есть два прошлых: прошлое, которое было и исчезло, и прошлое, которое и сейчас для нас есть как составная часть нашего

настоящего... К прошлому возможно... двойное отношение – или отношение консервативное, охраняющее прошлое, и возвращающееся к нему, верное традиции, или активное и преображающее отношение к прошлому... Только второе, творческое отношение походит на то настоящее, которое было в прошлом, первое же, консервативное отношение походит на нынешнее настоящее, живущее в прошлом».

Очень поверхностно философ исследует отношение между прошлым и настоящим.

Во-первых, он не разделяет личное прошлое, и историческое время, которые отчасти соприкасаются, но предстают в воспоминании как два различных типа прошлого – личное прошлое предстает как переживание, историческое время – как представление и оценка. Показательна в этом отношении послевоенная эпоха: несмотря на то, что многие испытывали во время войны лишения и бедствия, вспоминают они преимущественно светлое и героическое ("что пройдет, то будет мило", говорит Пушкин); именно поэтому, вероятно, многие не могут оценить объективно значение Сталина – идеализируя эпоху, идеализируют и его личность ("было время, и цены снижали", по выражению Высоцкого). В этой связи Бердяев принципиально заблуждается относительно консервативного взгляда на прошлое – творческое осмысление прошлого как исторического времени соединяет и сопоставляет различные воспоминания, ищет в прошлом "истину о прошлом", консервативный же взгляд стремится подменить "истину о прошлом" узкоидеологической партийной оценкой.

Стр. 110. «Мы хотим увековечить дорогое нам и прекрасное настоящее.. наоборот, хотим исчезновения мучительного для нас и уродливого настоящего...»

[Однако, взаимоотношений человека с протекающим временем философ не исследует, ибо он не сидел в тюрьме!]

Вот, например, в данный момент, 15 сентября 2004 года, в десятом часу вечера, лежа на *пальме*, я иногда взглядываю с 3-го этажа сквозь частую решетку окна на простирающуюся за зоной улицу (это, кажется, одна такая камера во всей тюрьме, откуда хоть немного видно волю), и все, что мне нужно, это чтобы время быстрее протекало, пролетало, исчезало, а самое лучшее было бы, если бы я заснул и проспал до освобождения. В *настоящем* все тягостное перевешивает положительное, и это настоящее я не хочу ни проживать, ни вспоминать!

Так что же исследует философ, если он не дает ответа на мучающие нас проблемы?]

Стр. 110. «Время есть болезнь, болезнь к смерти..»

Стр. 111. «Консервативное сознание, идеализирующее в своем настоящем прошлое, принимает его за вечное.»

Стр. 112. «Не грехопадение произошло во времени, а время явилось результатом грехопадения».

Стр. 115. «Познание есть не только припоминание, познание есть творчество... Познание прошлого есть парадокс, потому что прошлого нет, и это познание есть познание того, чего нет.» [?]

Стр. 119. «Как верно говорит Ясперс, время есть смысл существования. И время понятно лишь через человеческую судьбу.» [!]

«Ответственность на все времена, на вечность [как учат христиане] за совершенное и происходящее в каком-либо отрезке времени, хотя бы этим отрезком была вся наша жизнь... есть, конечно, несправедливость.»

Стр. 121. «Будущее может переживаться или как свобода, или как судьба».

«В жизни огромную роль играет случай, который не может быть вставлен ни в какой детерминированный ряд. Случай гораздо более связан со свободой, чем законы природы... Случайная встреча.. может переживаться как свобода, как фатум, и как обнаружение высшего смысла... Так раскрывается связь времени со свободой.»

Стр. 122. «Отношение личности ко времени есть парадокс, который связан с тем, что личность есть изменение, вечное творчество, задача, и вместе с тем личность неизменна, она пребывает в своем единстве, в своем единственном образе во всех изменениях.

Поэтому личности нужно время..., чтобы себя реализовать, и вместе с тем... время ранит личность.»

Стр. 124. «Каждый знает, как может удлиниться и укорачиваться время в зависимости от интенсивности жизни, от событий человеческого существования.»

Стр. 125. «Два вопроса мучают человека и одинаково важны для понимания всех остальных вопросов – происхождение, истоки, глубинная основа – и будущее, исход, конец. Эти два вопроса неразрывно связаны со временем, и свидетельствуют о том, что время есть внутренняя судьба человека.»

Стр. 128. «Личность всегда есть целое, а не часть, и это целое дано внутри существования, а не во внешнем природном мире.»

Стр. 129. [Согласно Штерну] «личность есть целое, которое не есть сумма частей. Личность есть само цель, вещь же есть цель для другого.»

«Личность способна испытывать страдание и радость... Очень существенно для личности переживание единой целостной судьбы.»

[Бердяев отличает личность от индивидуальности – но разве не каждый человек испытывает радость и страдание, отказываем ли мы ему в личности и индивидуальности или нет?]

[Среди схоластического многоговения изредка мелькнет живая мысль, и тут же тонет в дурном философствовании. На стр. 134-138 Бердяев утверждает, что «личность обладает гораздо большей силой онтологической реальности, чем те сверхличные реальности, которые в объективированном мире... [имеются в виду нация, человечество, государство]... но именно в личности сосредоточена тайна бытия, тайна

творения. В иерархии ценностей личность является ценностью верховной.» – но он не объясняет отношения между личностью, полом, семьей, нацией. Рассматривая же содержание личности, мы увидим, что хотя личность не часть нации, но они обе не существуют как самобытийные, независимые друг от друга сущности, и полнота личности осуществляется в национальном, как и в половом. А так как личность не существует вне истории, а в истории личность реализуется и осуществляется только через культуру, нацию, государство, то личность не самобытийна, не обладает полнотой бытия независимо от пола, нации, культуры. Следовательно, личность и онтологична, и производна. Она – средство истории, и история – средство для личности. Так интеграл и дифференциал порождают друг друга, как нация и личность. Впрочем, личность порождается и всей полнотой бытия, и культурой, и даже тюремным заключением. Буддистская личность, освобожденная от бытия, не в состоянии себя ни осознать, ни ощутить, и следовательно, не существует – как и "вещь в себе", лишенная запаха, цвета, вкуса и формы – а философ тщится философствовать об этих "сухих остатках" – *субъективности* (отдельно от объективного мира), *индивидуальности* (отдельно от рода и общества), *первоАдаме* (отдельно от Евы – см. епископа Родзянко), *существовании* (отдельно от того, что существует).]

Стр. 135. «Во внутреннем своем существовании личность не есть часть рода, природы, общества... личность есть дух.»

Стр. 136. «Личность не есть часть чего-то... [она] точка пересечения многих миров, и не может принадлежать ни одной мировой системе целиком..»

Стр. 137. «В истории философской мысли постоянно сталкиваются монизм и плюрализм.. Проблема [личности] превращается в сочетание учения об единой личности Бога с учением о множестве личностей человеческих..»

«Национальность есть одна из сторон индивидуализации человечества.» [Ну, конечно, философ утерял родовые корни, и в душе у него национальность уже исчезла.]

Стр. 139. «Идея мирового порядка и мировой гармонии [Блаженного Августина] лишена всякой нравственной и духовной ценности...»

Стр. 140. «Кошмарная идея "мирового порядка", для которого человеческая личность превращается в средство, есть космическая [?] объективация греховного падения человека.»

Стр. 139. «Весь смысл человеческого существования связан с освобождением человека, личности от власти мира, государства, нации, отвлеченной мысли и идеи и с непосредственным подчинением живому Богу.» – [а в этом подчинении конечно же обретается высшая свобода, как в пролетарской диктатуре – полнота демократии!!]

[Казалось бы, Бердяев возвышает личность, однако он лишает ее наполнения – историей мира, культурой, историей народа и государства. Он лишает ее наполнения и непосредственной *личной* жизнью, которая неотделима от друзей, семьи, *любви к женщине*. А в этой *любви*, которую одинаково отвергают как христиане, так и некоторые философы, проявляется не столько "любовь к ближнему", не столько "выход от себя к другому", сколько *соединение и растворение* двух в одном, преодоление одиночества, мучительная и сладкая страсть, нежность и жертва, наслаждение и боль, полнота счастья и полнота трагедии, отпадение двух от общества, нации, государства, культуры, истории, времени, Бога... даже от личного существования и от жизни – ибо полнота такой любви достигается в смерти (как у Ромео и Джульетты, Тристана и Изольды) ... и даже семья – умаление любви-страсти, потому что в ней словно бы происходит впадение реки в море и прекращение течения судьбы..]

Стр. 140. «Восхождение человека, освобождение его от подавленности миром объектов есть замена родовых связей людей связями по духу, то есть связями личными.»

«Не личность есть часть общества, а общество есть часть личности, одно из ее качественных содержаний на путях ее реализации.

... Для государства *тайны личности* не существует. И даже когда государство защищает права личности, оно защищает права отвлеченной единицы, а не конкретной личности...

Человек есть большая ценность, чем общество, нация, государство.»

[Бердяев понимает под миром объектов падший мир – но в чем сущность падения, какой акт является его причиной, он не объясняет. Падение свершилось при сотворении мира и произошло через Адама и Еву, как это проповедуется в христианстве, или падение – психический акт, совершаемый человеком непосредственно в личной жизни? (Если иметь в виду, что философ, будто бы, способен, в отличие от обычного человека, не растворяться в "объективированном мире").

Или падший мир – в устах Бердяева – всего лишь риторическая фраза? Но он не объясняет по существу и другие основополагающие понятия, например, разницу между *общением* и *сообщением*: «Обостренно личный характер *общений* возникает после пережитого одиночества... Техника очень этому способствует.» Но ранее: «Техника не знает общения, она означает крайнюю форму объективации человеческого существования.» Но потом снова: «Пользование машиной заменяет страшную эксплуатацию людей [не зря увлекался марксизмом в молодости] и животных [?] в прошлом. Эта эксплуатация мешала истинному *общению*. [А] в техническую эпоху.. сильнее можно почувствовать и осознать возможность общения с животными, преодолевающего одиночество.» Ну, "крыша" у философа уже "поехала"!]

Стр. 146-149. «Конфликт личности и общества – исходный, основной конфликт... . Одиночество гения...»

Стр. 149. «Реализация личности есть аристократическая задача... [но]...» – [а дальше все та же тяготица о "социальной объективации", социализации, и плебейское раздражение против аристократизма.]

Стр. 149-150. «В демократии есть правда, поскольку она утверждает достоинство всякого человека..»

«Ложь же ее... объективация человеческого существования.»

[Боюсь, я уже скоро на стенку полезу от этой "объективации", как и от "классовой борьбы" – правда, последняя хотя бы предметно выражалась в забастовках, революциях, в деятельности политических партий – а в чем выражается "объективация"? Представляет ли она собою мировоззрение, общественную психологию, или – индивидуальное психическое состояние, в которое впадает человек как в опьянение или сумасшествие? Или это изначальное изменение мира, не только метафизическое, но и физическое?]

Стр. 150. «Личность враждебна времени, как несущему смерть, и ее реализация порождает [?] время.» [Не сидел философ в тюрьме, а зря!]

«Личность остается собой... и всегда изменяется.» – [Эту, в общем-то тривиальную мысль философ повторяет много раз в разных вариациях – или это и составляет всё содержание его "философии личности"?]

Стр. 151. «Через любовь реализуется личность» – но о какой любви идет речь, Бердяев не решается внятно сказать.

Стр. 152. «Эгоист.. может злобствовать против других, потому что не нравится себе.» ...Реализация личности связана с жертвой и самоограничением, с победой над эгоцентризмом, но это не означает нелюбви к себе.»

[Так что же представляет из себя книга Бердяева, которую, к счастью, я уже заканчиваю конспектировать – и радуюсь этому, так уже она мне надоела?

Вот что: на днях раздавали нам "казенный обед", и так как припасы от вольных передач кончились, то пришлось взяться за *баланду*, которую даже эки есть не могут. Поэтому мы разложили из нее в разные посудины картошку, сою, капусту, отделили гниль, полезное промыли, сою поджарили на подсолнечном масле, соединили все вместе и готовое кушанье поставили на стол.

То же и с Бердяевым – если выписать из его книги то, что вразумительно, соединить в некое целое, дополнить комментариями (то есть добавить соли и масла) – то полученное кушанье можно и съесть.

Впрочем, вольному человеку лучше питаться добротной пищей, или приготовить что-нибудь по собственному вкусу.]

Стр. 152-153. «Личность связана с болью и страданием.. личность связана со свободой.. Но свобода .. и порождает страдание. Трагизм жизни связан со свободой. Реализация личности требует .. победы над страхом жизни и смерти, порожденными исанием благополучия.. вместо свободы и совершенства. ... Борьба за личность есть борьба против рабства.. Последнее рабство человека есть рабство у смерти.»

Стр. 154.. «Человек есть историческое существо, он призван реализовать себя в истории, история – его судьба... Человек не может отказаться от истории, не обеднив и не урезав себя. Культура так же есть его путь и судьба, он реализует себя через культуру. Но... в истории объективируются результаты творческих актов человека... в культуре объективируется человеческое творчество. Классическая культура есть совершенная объективация... и потому для культуры наступит страшный суд. [?] [Но, увы,] нужно принять историю, принять культуру, принять и этот ужасный мучительный падший мир. [Хотя, к счастью,] мир объектный угаснет в вечности.» [Читатель, ты что-нибудь понял в пафосе этого полухристианина?!]

Стр. 155. «Основная идея моей жизни есть идея о человеке, о его образе, о его творческой свободе и творческом предназначении.. Это есть и тема книги..»

Прекрасные слова. И что же? Что я, читатель, вынес из этой книги?

Ну, конечно, набрал половину "шлёмки" (миски) кусочков сои, заменяющей мясо (по мнению янки) – можно ли из них приготовить сносное кушанье?

Уничуждение мира (как собрания предметов, *объектов*, словно бы из музея восковых фигур); унижение истории и культуры.. бледное повторение христианских обличений мира *падшего*, называемого философом *объективированным* миром – но без ожидания "воскресения после смерти", и без пути "спасения души".

Так это ли возвеличение человека (который в христианстве так же падший как и мир, и так же унижен)?

11 сент. 2004 г., суббота. В человеке Инстинкт – Психология – Дух – Духовное Пробуждение составляют строгую иерархию, но царствует, властвует, определяет нашу жизнь Психология подростка...

Правда, как отдельные слои атмосферы не разграничены строго, так и Психология и Дух взаимопроницаемы.

Черты социализма, описанные Шафаревичем, словно списаны с определенного периода в развитии человека, то есть с *отрочества*. Коммуна, общежитие представляются в это время наиболее естественными формами жизни; живя в общежитии, мы старались питаться совместно, создавая для этого своеобразные "коммуны".

Разумеется, и общность жен была в это время нашим идеалом (у юношей; среди девушек "бляди" составляли меньшинство). Семья была нам враждебна, или мы относились к ней иронически (родителей многие из нас называли "предками"); церковь заменял комсомол (как теперь для многих – компания во дворе, в подворотне, шайка, банда..).

Конечно, отрочество во времени не отделено от других периодов жизни резкой чертой, началом его можно считать интерес к девочкам, обострение сексуального чувства, а концом – любовь, потребность в индивидуальных отношениях с девушкой. Правда, чаще бывает так, что

один период, один тип психологии еще не закончился, а уже начинается другой, поэтому отрочество накладывается на юность и даже зрелость, проявляется даже и в семейной жизни.

Как "детское живет в человеке до седых волос", так и отрочество, и многие солидные мужчины в туристских походах и командировочных разъездах снова становятся *подростками*.

Отрочество – самый длинный по времени тип психологии, присущий человеку, он связывает людей на стадионах, в походах, в армии; подростки (или иначе *недоросли*) – это фанаты, рокеры, хиппи, панки.

Можно сказать, что отрочеству отвечает Субкультура, часто враждебная Культуре.

Главной чертой юности я считаю индивидуальную любовь, кристаллизацию культуры, романтизм, становление мировоззрения, появление религиозного чувства, начало семейной жизни, становление культуры как способа существования.

Впрочем, четкая типология свойственна только духовно развитой личности, большинство проживает жизнь в нескольких редуцированных типах психологии сразу.

«Октавий» Марка Минуция Феликса.

Стр. 202, 209-210. «...Во время кораблекрушения одинакова судьба добрых и злых... В пожарах одинаково погибают невинные и преступные.. Среди неистовств войны лучшие люди погибают скорее других. Во время мира порок идет рядом с добродетелью и даже бывает в почете, так что во многих случаях не знаешь, гнушаться ли пороками худых людей или завидовать их счастью... Или истина сокрыта во мраке неизвестности, или же, что всего вероятнее, всем управляет без всяких законов своенравный случай».

Однако, если *за добродетель*, как полагает большинство христиан, Бог *вознаграждает*, то не говорит ли и это *против* учения? Ибо разве добро не должно быть безвозмездно?

«[Но] несчастные, вы и здесь не живете, и там не воскреснете».

Сэр Оливер Дж. Лодж. Книгоиздательство Естествоиспытатель, СПб, 1914. «Откровенная религия имеет свои корни глубоко в сердце человечества и в мировой действительности. Неудивительно, что нашими методами мы не можем охватить ее: деяния Божества не действуют на какое-либо особое чувство – это только общий призыв; и наши методы, как мы знаем, не могут открыть полную неизменность. Здесь существует принцип относительности и пока мы не сталкиваемся с изъянами, разладом или переменами, ничто в нас не отвечает; мы глухи и слепы поэтому к Неизменному Великому, пока не прозреем достаточно, чтобы в ткацкой мастерской бытия увидеть медленно текущую со станка в бесконечном движении к совершенству, вечно-растущую пряжу непостижимого Бога.»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ АПОСТОЛЫ ТАЙНОЙ ВЕЧЕРИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемом читателю *переложении* Нового Завета в угловых кавычках («.») приводятся прямые цитаты из него, при этом курсив и другие выделения отдельных слов и фраз в цитатах мои. Текст вне кавычек (в том же абзаце) – *пересказ* стихов, не приводимых дословно..

Мои собственные комментарии, примечания и рассуждения даются в прямых скобках: [..].

Следует сказать, что, подвергая текст Священного Писания иногда весьма резкой критике, я однако не ставлю своей задачей *противостояние* христианству как Учению о сущности и смысле отношений человека и Бога, выработанному в течение прошедших тысячелетий как на основе античной и европейской философии, так и новозаветной традиции, отчасти иудейской, отчасти еллинской. Таким же образом, критически относясь и к истории своего народа, мы ее не зачеркиваем, но пытаемся извлечь из нее положительные уроки. Христианство – это важная часть нашей духовной истории, из которой следует оставить лучшее и расстаться с худшим.

Более того, я не формулирую заранее выводы из своей критики, но хочу понять мои собственные отношения к церкви и учению; если даже эти записки и являются формой развода, то – действительно ли мы разойдемся восвояси, мне ещё неизвестно. Если со стороны христианства моими оппонентами будут только замшелые догматики, то и меня самого и мое духовное имущество они выбросят за ограду нашего бывшего общего дома, а то и спустят собак – но, быть может, и Христос скажет Свое слово, как сказал Он его некогда даже по отношению к яростному гонителю христиан – будущему апостолу Павлу. Я же гонителем никогда не был, да и теперь не гонитель.

Перелагаю же я теперь тексты Нового Завета не столько в полемических целях, но чтобы мне самому они стали внятнее и предстали в главном, освобожденными от незначашего; для меня эти книги, во всяком случае, великий памятник литературы, и апостола Павла я воспринимаю как непревзойденного писателя. Вот так же и протопоп Аввакум не близок мне своей суровостью и прямолинейностью, но я перед ним преклоняюсь как перед величайшим русским писателем – да ведь и не значит быть в подчинении, воздавая должное и преклоняясь – перед гением ученого, писателя, философа, актера или общественного деятеля.

ДЕЯНИЯ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ

Главы 1. – 14.

Сошествие Святаго Духа. 1. 1-3. По Своем Воскресении Христос встретился с Апостолами, «в продолжение сорока дней являясь им и говоря о Царствии Божиим.»

4-7. «И, собрав их, Он повелел им: не отлучайтесь из Иерусалима, но ждите обещанного от Отца, о чем вы слышали от Меня, ибо Иоанн крестил водою, а вы, чрез несколько дней после сего, будете крещены Духом святым. Посему они, сошедшись, спрашивали Его: не в сие ли время, Господи, возстановляешь ты царство Израилю? [Голодной курице просо снится!]

Он же сказал им: не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти.»

2. 1-4. «При наступлении дня *Пятидесятницы* все они были единомысленно вместе.

И внезапно сделался шум с неба, как-бы от несущагося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились.

И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них.

И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещавать.»

[Вот так апостолы получили знание языков, не изучая их. Как в русских сказаниях о Емеле и щуке, старике и золотой рыбке выражается надежда чудесным образом получить, *без труда* – богатство, власть, силу и необыкновенные способности, так и в христианстве одним из его устоев является мифология *чудесного обретения* – *по вере* и молитве: способности иноговорения, исцеления, обретения креста Господня, Плащаницы, святых мощей, чудотворных икон и Духа Святаго.

Эллинская традиция – наука, изучение, ремесло, искусство, *труд*. Христианская – *вера* и *чудо*. У одних *по делам их*, у других – *по вере их*.]

Проповеди и обращение в веру. 14–21. Множество народа сему дивилось, иные насмехались над ними. «Петр же, став с одиннадцатью [других апостолов], ... возгласил им... предреченное пророком Иоилем: И будет в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего на всякую плоть; и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут; Солнце превратится во тьму, и луна в кровь, прежде нежели наступит день Господень великий и славный...» (Иоила, 2, 28-32)

37–43. Посему Петр призывает жителей Иерусалима к покаянию и крещению. [Они,] «охотно принявши слово его, крестились, и присоединилось в тот день [к христианам] душ около трех тысяч.

Первая христианская община. 42-47. «И они постоянно пребывали в учении апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах.

... Все же верующие были вместе и *имели всё общее*. И продавали имение и всякую собственность и разделяли всем, смотря по нужде каждого.»

3. 1-11. Апостол Петр исцеляет хромого перед входом в храм. «Но Петр сказал: серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи. И, взяв его за правую руку, поднял; и вдруг укрепились его ступни и колена, и вскочив стал и начал ходить, и вошел с ними в храм, ходя и скача, и хваля Бога.»

12-16. Затем он обличает народ за распятие Христа, и говорит в заключение так:

17. «Впрочем, я знаю, братия, что вы, как и начальники ваши, сделали это *по неведению*...»

[Повторяются евангельские слова Христа, составляющие одну из важнейших христианских идей, проходящую через всю его историю: «*не вмени, Господи, им в вину, ибо не ведают, что творят*...»]

25-26.. «Вы сыны пророков и завета, который завещавал Бог отцам вашим, говоря Аврааму: *и в семени твоём благословятся все племена земные*. Бог, воскресив Сына Своего Иисуса, к *вам первым* [иудеям] послал Его благословить вас, отвращая каждого от злых дел ваших.»

4. 1-6. «Когда они говорили к народу, к ним приступили священники и начальники стражи при храме и саддукеи. ... И наложили на них руки, и отдали под стражу до утра...»

5-7. «На другой день собрались» начальники и старейшины, и первосвященники «и поставивши их посреди, спрашивали: какою силою или каким именем вы сделали это?».

8-12. «Тогда Петр, исполнившись Духа Святого, сказал им: ... именем Христа Назорея, которого вы распяли. Он есть камень, пренебреженный вами зиждущими, но сделавшийся главою угла, и нет ни в ком ином спасения. (Псал. 117, 22).»

13. В синедрионе же весьма удивляются, что Петр и Иоанн – люди некнижные и простые.

[Вот так, начиная с апостолов, "книжникам", *понимание* и *дела* которых основаны на знании и на труде, противопоставляются "нищие духом", *понимание* и *достоинство* которых основаны на Вере.]

Первая коммунистическая община. 32, 35–37. «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа, и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее. Не было между ними никого нуждающегося, ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного. И полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось кто в чем имел нужду.»

5. 1–2. «Некоторый же муж...., продав имение, утаил из цены [его] и лишь некоторую часть принес и положил к ногам Апостолов.»

3–5. Петр обличил его ложь «не человеком, а Богу. Услышав сии слова, Анания пал бездыханен.»

6-11. «[Его] приготовили к погребению, и внесши, похоронили;

Часа через три после сего пришла и жена его, не зная о случившемся», Петр и ее обличил, и сказал: «вот, входят в двери погребавшие мужа твоего, и тебя вынесут.

Вдруг она упала у ног его и испустила дух... и великий страх объял всю церковь и всех, слышавших это.»

[После сего не стоило бы уже читать Новый Завет, надеясь найти в нем проповедь любви – разве не ненависти? А иные полагают, что основная мысль его – призыв Христа «возлюби ближнего, как самого себя» (заимствованный из Ветхого Завета), и надеются, что с этим призывом естественно связаны милосердие, сострадание, великодушие, терпимость. А чему учит приведенный выше рассказ?! **Не все** деньги были отданы общине (что-то для детей своих утаили несчастные родители), и **всёблагод**ь Господь тут же и *казнил рабов Своих!*]

Побивание Святаго Стефана и первое свидетельство о Павле.

6. 5-6. Двенадцать апостолов избрали среди семи Стефана для заведования насущными делами.

8. Он же, «исполненный веры и силы, совершал великие чудеса и знамения в народе.»

7. 1–29. ...Тогда возвели на него ложные обвинения, и учинили над ним суд. В свое оправдание он пересказывает историю богоизбранного народа – от Авраама, Исаака и Иакова до Иосифа и его жизни в Египте. И затем рассказывает историю Моисея:

30. «По исполнении сорока лет, явился ему в пустыне горы Синая Ангел Господень в *пламени горящего тернового куста.*» – [Неопалимая купина.]

31–38. Ангел Господень передал Моисею повеление Господа вывести народ избранный из Египта, и Моисей вел их через пустыню в продолжение сорока лет, и на горе Синае сделал скрижаль по образцу, указанному Ангелом, на котором запечатлел десять заповедей.

39–42. Но «отцы наши не хотели быть послушными... и сделали в те дни тельца, и принесли жертву идолу.

Бог же отвратился от них.»

50–51. Стефан обличал слушающих его за неправедность: «Жестоковейные люди с необрезанным сердцем и ушами! Вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы.

52. Кого из пророков не гнали отцы ваши?»

54. А они «скрежетали на него зубами..» и выведши его за город, стали побивать его камнями; свидетели же положили свои одежды у ног юноши, именем Савла.»

60. Старец же «воскликнул громким голосом: Господи, не вмени им греха сего. И сказав сие, почил.»

Гонение на христиан в Иерусалиме. 1–29. «В те дни произошло великое гонение на церковь в Иерусалиме, и все, кроме Апостолов, рассеялись по разным местам Иудеи и Самарии.»

30. «А Савл терзал церковь, входя в дома, и влача мужчин и женщин, отдавал в темницу.»

Чудесное преображение Савла.

9. 1–2. «Савл же, еще дыша угрозами и убийством на учеников Господа, пришел к первосвященнику и выпросил у него письмо в Дамаск к синагогам», чтобы обличать и преследовать последователей сего учения.

3–6. «Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба; он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: *Савл, Савл, что ты гонишь Меня?*»

Он сказал: Кто Ты, Господи? Господь же сказал: *Я Иисус, которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна.*»

Получив от Господа повеление идти далее в Дамаск, «Савл встал с земли, и с открытыми глазами никого не видел.»

9-15. «В Дамаске... Господь явился ученику по имени Анания и повелел ему идти и спросить «в Иудином доме Тарсянина по имени Савла», который теперь молится и видит в видении сего Ананию, «пришедшего к нему и возложившего на него руку, чтобы он прозрел. Господь сказал ему: *иди, ибо он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя мое...*»

16–18, 20. Анания пошел и возложил на него руки. «И тотчас как бы чешуя отпала от глаз его; и вдруг он прозрел и встав крестился... И ...стал проповедовать в синагогах об Иисусе, что Он есть Сын Божий.»

23-25. Так как иудеи решили убить его, то «ученики же ночью, взявши его, спустили по стене в корзине.»

26. Савл прибыл в Иерусалим... и проповедовал во имя Господа Иисуса.

Первое обращение язычников. 10. 1-6. Сотник Итальянского полка из Кесарии Корнилий по повелению Ангела послал за Петром, чтобы тот возвестил о спасении.

28-29,35. «Петр отверз уста и сказал: истинно познаю, что Бог нелицеприятен. Но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему.

36. Он послал сынам Израилевым слово, благовествуя мир через Иисуса Христа; сей есть Господь всех.»

38-39. «Бог Духом Святым и силою помазал Иисуса из Назарета, и Он ходил, благотворя и исцеляя... мы свидетели всего, что сделал Он в стране Иудейской и в Иерусалиме, и что наконец Его убили, повесивши на древе.

40-43. Сего Бог воскресил в третий день и дал Ему являться. Не всему народу, но свидетелям, предъизбранным от Бога, нам, которые с Ним ели и пили, по воскресении Его из мертвых..

...Он есть определенный от Бога Судия живых и мертвых.

О нем все пророки свидетельствуют, что *всякий верующий в Него получит прощение грехов именем Его.*»

44-46. В сие время «Дух святой сошел на всех, слушавших слово.

И верующие из обрезанных, пришедшие с Петром, изумились, что дар Святаго Духа излился и на язычников.»

После сего Петр «велел им креститься во имя Иисуса Христа.»

[Это была первая встреча иудеев и язычников, до сего времени ученики Христа проповедовали новое учение вначале только среди иудеев, ибо Он и сам говорил, что пришел спасти только Свой народ.]

11. 1-17. [Посему естественно, что] узнав об *обращении язычников* [в новую веру], Апостолы и братья сомневались в правильности сего, а иные упрекали Петра, что он ходил "к необрезанным и ел с ними".

Петр же оправдывался, рассказав обо всем по порядку, и закончил свою речь так: «Если Бог дал им такой же дар, как и нам, уверовавшим в Господа Иисуса Христа, то кто же я, чтобы мог воспрепятствовать Богу?»

18. «Выслушавши это, они... прославили Бога, говоря: видно, и язычникам дал Бог покаяние в жизнь.»

19. Однако, последователи Христа, рассеявшиеся от гонения, бывшего после Стефана, по-прежнему ни к кому не проповедовали слова, кроме иудеев. Так дошли они и до Антиохии ...

25. «Потом Варнава пошел в Тарс искать Савла, и нашел его, привел в Антиохию.

26. Целый год собирались они в церкви и учили не малое число людей; и *ученики в Антиохии в первый раз стали называться христианами.*»

12. 1-3. В то время царь Ирод поднял руки на некоторых принадлежавших к церкви... и убил Иакова, брата Иоаннова, мечем.. вслед за тем взял и Петра и посадил в темницу.

5-12. Но Ангел Господень освободил его из темницы, и Петр приходит «к дому Марии, матери Иоанна, называемого Марком.»

[Кстати сказать, христиане часто называются вторыми именами. Вторые имена распространены среди актеров (наш знаменитый Станиславский – из рода купцов Алексеевых) и писателей, присоединявших к своим именам *псевдонимы*. Двойные имена естественны среди большевистских подпольщиков: Ленин, Сталин, Троцкий (Бронштейн), Каменев, Зиновьев и т. д. Существенно характеризуют двойные имена воровскую среду, где, помимо того, что преступники часто известны под несколькими фамилиями, распространены среди них *клички* (или, как говорят они в наше время – "погонялы": Кабан, Желтый, Малой, Директор... Правда, *прозвища* распространены широко и в народной среде, еще в Древнем Риме многие *известные* известны по *прозвищам*, но христиане, подпольщики и воры именно *отказывались* от своих родовых имен.

Справедливости ради надо добавить, что *присоединенные* вторые имена характерны и для исторических деятелей, например Иоанн (Грозный), Петр (Великий), (матушка) Екатерина (Вторая, Великая), и, как уже сказано, для писателей (Мельников-Печерский, Салтыков-Щедрин); правда, некоторые из литераторов-подпольщиков в отношении к псевдонимам более напоминают блатной мир, у каждого из них по множеству таких вторых имен – это характерно для Алексея Пешкова (Иегудиилы Хламиды...), Владимира Ульянова... и т. д. ...

Христиане первого века в большинстве приняли новые имена, заменив иудейские родовые именованья на греческие: Симон – Петр, Савл – Павел, ...]

13 – 22. Петр рассказал о своих приключениях бывшим в доме, и из предосторожности ушел в другое место. «Ирод же, поискав его и не нашед, судил стражей и велел казнить их.»

Потом Ирод отправился в Кесарию, и там разговаривал с народом. Народ же, слушая его «восклидал: *это* голос Бога, а не человека.»

[Вот каков *глас народа!* Так прав ли Пушкин, говоря, что «глас народный – глас Божий!»?]

23 – 24. «Но вдруг Ангел Господень поразил его за то, что он не воздал славы Богу; и он, быв изъеден червями, умер.» – [Так есть, все-таки, Божий Суд?! И не совпадает он с народным гласом?]

Деяния Павла и Варнавы. Противопоставление иудеям язычников.

25. «А Варнава и Савл... возвратились их Иерусалима (в Антиохию), взявши с собою и Иоанна»....

13. 1–5. Оттуда Варнава и Савл, «бывши посланы Духом Святым, пришли в Селевкию, а оттуда отплыли в Кипр», где «проповедовали слово Божие в синагогах иудейских...»

6–12. В Падуе встретили они Елима волхва, который противился их усилиям обратить в веру проконсула Сергия Павла.

«Но Савл, он же и Павел, исполнившись Духа Святаго», обратился с обличением к волхву и сказал: «Ныне вот, рука Господня на тебе: ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени. И вдруг напал на него мрак и тьма....» ... **[Ну и ну! Хорош проповедник любви!]**

Тогда проконсул ...уверовал, дивясь **[ну еще бы!]** учению Господню.»

13-19. После этого Павел и Варнава прибыли в Антиохию и, вшедши в синагогу в день субботний, сели. По предложению начальников синагоги Павел обратился к народу. В начале он напомнил о том, как Бог избрал отцов наших ... во время пребывания в земле Египетской, и мышцею вознесенной вывел их из нея, «около сорока лет... питая их в пустыне; **и, истребив семь народов в земле Ханаанской, разделил им в наследие землю их.**» [Каково, а?! Этого-то Бога избранного народа избрали мы и себе в цари небесные – точно ли Он, истребляющий другие народы для возвеличения *избранных* Им, может быть нашим Богом?]

20-22. После сего давал Он им судей, затем поставил царя Саула и, наконец, отринув его, поставил им царем Давида.»

23. «Из его-то потомков Бог по обетованию воздвиг Израилю Спасителя Иисуса.»

24-25. Прежде Него «Иоанн проповедовал крещение покаяния всему народу Израильскому. Он говорил: Вот, идет за мною, у которого я не достоин развязать обувь на ногах.»

26-28. Однако, «жители Иерусалима и начальники их, не узнавши Его и осудивши, исполнили слова пророческие... И, не нашедши в нем никакой вины, достойной смерти, просили Пилата убить Его.

29. Когда же исполнили всё написанное о Нем, то, сняв с древа, положили Его во гроб.

30. Но Бог воскресил Его из мертвых.»

38-39. «Итак, да будет известно вам, мужи братия, что ради Него возвещается вам прощение грехов; и во всем, в чем вы не могли оправдаться законом Моисеевым, оправдывается Им всякий верующий.»

44-45.. «В следующую субботу почти весь город собрался слушать слово Божие.»

Но «Иудеи, увидев народ, исполнились зависти...»

47. И Павел и Варнава сказали им: «вам *первым* надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам. Ибо так заповедал нам Господь: Я положил Тебя во свет язычникам, чтобы Ты был во спасение до края земли. (Исайя, 49, 6.)»

49-51. «И слово Господне распространялось по всей стране. Но Иудеи... воздвигли гонение на Павла и Варнаву и изгнали их из своих пределов. Они же, отрясши на них прах от ног своих, пошли в Иконию.»

[Итак, последователи Спасителя, пришедшего спасти народ Израиля и отвергнутого им, теперь и сами оказались отвергнуты и обратили проповедь свою к язычникам. Не от сего ли времени Слово, принесенное как Откровение иудеям, начало переосмысливаться апостолом Павлом как обращенное к язычникам?]

14. 1-8. В Иконии Павел и Варнава продолжали благовествовать о Христе, многих привлекли на свою сторону, однако [и оттуда] были изгнаны и удалились в Листру, где «благовествовали», и где Павел исцелил некоторого мужа, не владевшего ногами.

«Жрец же идола Зевса... хотел вместе с народом совершить жертвоприношение [им]», но Апостолы Варнава и Павел протестовали, и «едва убедили народ не приносить им жертвы и идти каждому домой.»

8-14,19. Вначале их почитали как богов, но позже иудеи... убедили народ отстать от них, и даже, побив Павла камнями, вытащили его за город, посчитав умершим.

20, 22. После сего проповедовали они в Дерви, затем в Листре, Иконии и Антиохии, «утверждая души учеников, увещевая пребывать в вере и поучая, что *многими скорбями надлежит ... войти в Царствие*

Божие.» – [Созидается культ скорбей и страданий как необходимого и единственного пути в царствие Божие.]

23-28. Далее, проповедуя и рукополагая пресвитеров, прошли они многие города, и, наконец, отплыли в Антиохию, где собрали церковь и рассказали, как Бог «отверз дверь веры язычникам.»

27 сентября 2004 г., понедельник. Устал.. От тюрьмы... От Нового Завета.. От сомнений и раздумий..

В чем смысл христианства? Иногда кажется, что оно претерпело в течение двух тысячелетий такие значительные изменения, соединяясь с европейской культурой, которую вначале ненавидело, что не приготовили ли европейские народы "суп из топора"? Причем, иудаизм в этом супе ещё не до конца разварился, и остается в нем сам по себе?

Христос сказал, что Он пришел *подтвердить* Закон (то есть, десять заповедей Моисеевых), а не отменить его, и так, быть может, Он и думал вначале, как думал, что пришел Он только к Своему народу для его спасения, и что и Бог, от имени Которого Он пришел, это не Бог человечества, Адама и Евы, а Бог Авраама, Исаака и Иакова...

Потому-то христиане проповедовали вначале только среди иудеев, и только в синагогах! – и даже когда проповедовали и совершали исцеления и чудеса *вне земли обетованной*, все равно только в еврейских общинах и для евреев; но позже начнутся у них мучительные раздоры о возможности проповеди и у язычников, против чего большинство иудейских последователей Христа будет возражать, а остане́тся – *то́лько* у язычников, а ни у кого из своих! И кроме распрей, начнутся теологические искания и преобразования, и поиски и создание нового народа, вместо богоизбранных иудеев – новой исторической общности – христиан, о которых возвестил апостол Павел: *«Отныне несть ни эллина, ни иудея, но все мы братья и сестры во Христе!»* (Позже этот *избранный народ* коммунисты заменили народом *советским*, только уже без Бога).

Удивительно, что именно евреи – этот *наиболее племенной* народ, держащийся своей крови уже шесть тыщ лет, дольше цыган – выдвигает с неослабеваемой яростью теории отрицания племени и крови, и искренен в своих выдвигателях! – разве Павел остался евреем? разве Маркс остался евреем? разве интернационалисты и космополиты остаются евреями? разве интеллигенты остаются евреями? [а не без евреев образуются интеллигенции у всех европейских народов! И в повседневных бессмысленных спорах о *настоящей* интеллигенции спорщики не понимают главного – что *настоящие* – это еврейские! (даже и в кино образы *настоящих* интеллигентов больше всего удаются евреям! Или разве *настоящие* – угрюмый Варлам Шаламов, неистовый Солженицын, мужицкий Валентин Распутин, или я сам, научившийся читать при свете лучины?!)]

Помимо идеи Бога и *избранного народа* ("сначала иудеев, потом – христиан"), помимо Закона Моисеева и двух основных, "главнейших

заповедей", из которых, по слову Иисуса, первая есть заповедь любви к Богу, а вторая – любви к человеку (точнее, к "ближнему", что не исключает ненависти к человеку) – христианство опиралось на книги пророков и их основные призывы – *покаяния, искупления и спасения*.

Правда, идея *искупления грехов* раздирает и разделяет христианство, разбила и церковь на православие, католицизм и протестантство, да и в личном плане разделила христиан, так что можно сказать, что сколько людей, столько вер – одни надеются искупить грехи за счет преимущественно собственных усилий (покаяния, веры и добрых дел), хотя и не без помощи Спасителя, взявшего на Себя часть наших грехов... но теологически образованные верующие, те кто верит **не** в простоте душевной, а так, как веровали обличенные Христом книжники и фарисеи, полагают, что суть всего дела состоит в том, что после создания Богом мира и человека Его высший Ангел, Люцифер (Светоносный), позавидовал Ему, обуянный гордыней, вознамерился или сравняться с Богом или превзойти Его, стал чинить Ему всяческие козни, для того обольстил Еву, уговорив вкусить от запретного древа, Ева и Адам поддались уговорам искусителя, тем самым совершили важнейшее метафизическое грехопадение, испортившее мироздание и человека онтологически, по всему важнейшему смыслу, а главное, лишившее человека благодати Божией и внесшее смерть и тление в бессмертный замысел Божий (ну, словно извержение Везувия, погубившее Помпею и Геркуланум), и человек за это был изгнан Богом-Отцом из рая, и ни какими своими усилиями уже не может исправить следствие своего грехопадения, искупить его и вернуться в царствие Божие (и даже подвиг святости с трудом позволяет отдельному грешнику вернуться к Богу – а протестанты утверждают, что и подвиг ничего не значит, а только милость и прихоть Божия, как прихоть вертихвостки и очаровашки к жадным соискателям, приближающей из них не того, кто всех умнее или добродетельнее, а кто всех *милее*, ибо для нее соискатель *не по хорошу мил, а по милу хорош!*); итак, для исправления кардинально испорченного мира надлежало Богу–Сыну искупить (даже кровью и смертью Своей!) тот незапамятный проступок Евы с яблоком.

Все *теологически* образованные веруют только так, и только такая вера и является для них христианством.

Но большинство верующих веруют *в простоте душевной*, и полагают, что смысл пришествия Христа состоит в том, чтобы *еще раз* уговорить людей исполнять заповеди Моисеевы, то есть быть хорошими, слушаться родителей и начальства, кротко, как Иов, принимать все, что выпадает человеку на долю, никому не завидовать и ожидать наград небесных, и если даже нет их, кротко ожидать смерти. Итак, большинство христиан по существу иудеи, и их христианство не отличимо от иудаизма.

Но чем-то все же отличаются христиане от иудеев?

Иудеи ожидают прихода Спасителя, думая, что Он еще не приходил,

а Христос – самозванец, и полагают, что Спаситель придет только для их спасения, богоизбранного народа; а христиане верят в Христа и полагают, что именно Он – Спаситель. Кроме того, иудейского единого Бога христиане разделили на трое и присвоили всем народам, верующим в Троицу, полагая, что те, кто верит (при том *правильно*) будут спасены, а остальные будут ввергнуты в геенну огненную, и, по мнению православных московского толка, не только мусульмане или какие-нибудь огнепоклонники, но и самые ревностные христиане-католики, а по мнению православных-староверов, и никониане, то есть московского толка, пошедшие за Никоном и не пошедшие за Аввакумом.

Правда, и вера тех, кто *верит в простоте душевной* – двойственна, противоречива и отменяет их собственную веру: с одной стороны, они полагают, что надо *правильно жить*, не грешить, каяться в грехах и искуплять их – в этом вся суть, а потом смерть, Страшный Суд и воскресение тех, кто *жил правильно*; с другой стороны, они полагают, что главное в том, чтобы *верить правильно*, и какие-нибудь арабы, пусть хоть будут трижды святыми, после смерти окажутся в геенне огненной, так что почти не имеет значения, жертвуешь ли ты жизнью за Родину, или растлеваешь младенцев, предаешь и убиваешь (ну, а евангелисты ходят по улицам и проповедуют, что *Бог нас любит, Он уже нас спас* и "всё хоккей", а кальвинисты возражают, что вообще ничто уже не имеет значения, Господь *предопределил* заранее, кому спастись, а кому плач и скрежет зубовой, обещанные Христом фарисеям и книжникам)...

Итак, человеческая природа больна и испорчена и растленна не нашей личной греховой насущной жизнью, а незапамятным *грехопадением* Адама, перешедшим на нас (мы в *Адаме согрешили*, и в *Адаме прокляты* и отпали от Бога!), и именно и только для искупления этого *Адамова грехопадения* приходил Христос, и наше *спасение* – следствие крестной муки на кресте Искупителя.. а позднейшее Воскресение Христа как отражается в нашей жизни, какую дает надежду – неясно даже искушенным теологам, даже хитроумный апостол Павел сего не смог объяснить, ибо разве диво, что Бог воскрес? – мы-то не Боги!

Впрочем, странностей немало и других, и в самой Христовой жертве за нас, *согрешивших в Адаме*, в самом Христовом искуплении – "апория Зенона"; ибо если человечество испорчено и проклято одним шаловливым жестом Евы, в *детском простодушии* поддавшейся уговорам бывшего Божьего любимца, и даже настолько, что эту вину прародителей мы сами уже не могли искупить ни собственным крестом, ни постом, ни молитвою, а только принеся в жертву невинного Агнца Божия, для чего *предали* Христа (в *Иудином целовании* и отречении Петра), *осудили* Его на позорную смерть (в *суде синедриона*), *умыли руки* (в *Пилате*), *потребовали казни* (в *глазе Божьем – глазе народа*, вскричавшего: *распни!*), *казнили* (в *стражниках, воинах и палачах*) – так разве не согрешили мы вторично, еще пуще?! "*В Еве и Адаме*", Богом

созданных прародителях **для** (или нет?) порождения рода людского, *мы ослушались* Божьего запрета, и за то прокляты; "*в иудеях*", Богом избранном народе **для** (или нет?) научения нас закону Божьему *мы* распяли Сына Божия и за то не только не прокляты, но даже теология объясняет, что в одном преступлении, не злейшем (поедании злосчастного яблока), мы онтологически пали, в другом, злейшем (распятии Христа) – метаисторически спасены!

Критики христианского вероучения намеренно выискивают в нем блох противоречия (чтобы пройти мимо важного), то останавливаясь на сомнительных исторических деталях, то исследуя географию, физику и физиологию – но какое, скажите, это имеет отношение к Учению, повествующему об отношениях Бога и Человека, о смысле и цели нашего пребывания на земле?! Чему учит христианство, дает ли оно опору страждущему человеку, когда его бросает любимая, умирают близкие, рушится культура, свивается и гибнет народ? Дает ли оно опору помимо того, что внушает – махни рукой, "не бери в голову", жизнь лишь тлен, ничего не стоит, посему утешься тем, что – **ничего не стоят** и любимая, близкие, культура, народ!

Или под именем *христианства* верующий исповедует (каждый для себя) какое-то другое учение, сообразное с его собственными представлениями о жизни (как и верующие в коммунизм, вопреки египетским казням и пыткам и миллионным жертвоприношениям невинных, лжи и блуду и растлению *верили*, кому во что было удобно – в справедливость, прогресс, добро, свободу, равенство и братство, в человек человеку друг... в материализм и эмпириокритицизм, в диктатуру пролетариата, в "если враг не сдастся", в защиту революции, в раскулачивание, во врагов народа, в шпионов, в империалистические происки, в железный занавес – завидуя, донося, понося, подписываясь под расстрелами по долгу и из трусости, охраняя лагерь, сжигая иконы, уничтожая храмы, переплавляя на пушки колокола); или, называя себя *христианином*, верующий ничего не исповедует, а просто иногда ходит в церковь, крестится, просит у Бога помощи в повседневных делах и неприятностях, выпивает по праздникам, или постится; или, называя себя *христианином*, верующий *просто верит в Бога*, и искренне верит, что никакой разницы между иудаизмом, христианством, буддизмом и прочими нету, что все их содержание сводится к тому, что "надо верить в Бога", и неважно, в форме иудаизма ли, христианства, буддизма и тэ дэ и тэ пэ?...

Но, впрочем, не все понятно и мне, не все и я объясню; да и Христос рассказал бы внятнее, *если б умел*, так что и синедрион убедился бы в его правоте, и нынешние иудеи не упрекали в том, что он самозванец...

Так что буду продолжать свое повествование, как мне уже приходилось на уроках математики, запугавшись в сложных вычислениях, а до конца урока времени оставалось мало, вдруг махнуть рукою на все исписанное и кротко сказать ученикам, преданно мне внимающим: ребятки, оставим этот пример, Бог с ним, не надо тратить

время на поиски в нем ошибочного, даже если и сыщем, где ошиблись, мы математику лучше не будем знать, а сегодняшнюю тему урока (например, вычитание дробей), уясним на другом примере, хотя и попроще, но не ущербнее – вычтем из половины треть.. и так далее..

Итак, начиналось *христианство с ревностного иудаизма*, ожидания Мессии, чудес и проповедей Иисуса из Назарета, распятия Его и *воскресения*; затем преобладающей в нем стала *Вера* в то, что Учитель – Сын Божий и Он воистину воскрес; и, наконец, *Вера* дополнилась греческой философией, теологией и новой европейской культурой – Символом Веры, Храмом, Иконой, Литургией, Молитвой, монашеством, постом, уничтожением (умерщвлением) плоти и мира.

Сегодня, глядявываясь в это сложное сооружение, мы принимаем или всё, или ничего, или отчасти.

Для того ли пишу я эти страницы, чтобы объяснить читателю, что такое христианство? Нет, каждый принимает в нем только что-то своё, посему и я занят лишь более узкой задачей: разобраться, из какого матерьяла оно было построено на заре христианской эры, что принимаю и отвергаю в нем лично я; также пытаюсь понять, цельное ли это учение, или оно – эклектическое соединение разнородных, иногда противоположных идей... Или более того – я пытаюсь разобраться, в чем смысл и цель моей собственной жизни, и если действительно существует моя собственная жизненная задача, то отвечает ли христианство хоть на некоторые из важнейших вопросов, томящих меня, в частности, *каков смысл истории и творчества и как спасти Россию* – возможно, именно эти вопросы мучили и Христа, Иисуса из Назарета, и Он обращался к иудаизму в поисках ответов на них, – ведь и Он пришел *спасти Свой народ*, и именно это больше всего мучило Его (и только это, в то время как меня мучают еще и *очаровашки* и многое другое)..

Вражда к культуре, к человеку и миру – сущность христианства – или второстепенна; гонения на свободное исследование, на сомнение и размышление неотделимы от *христианства* – или в нём повинны лишь иные его последователи (как многие полагают, что коммунизм – самое истинное учение, но злоумышленники его исказили)?

И для чего пришел Христос? – отнять у человека его насущное достояние – культуру, историю, любовь и свободу – или только изменить их смысл: отвергнуть "языческие таблицы логарифмов" и заменить их *христианскими* (как говорил о том академик Глазенап в обращении к Сталину в 37-ом году); *историю как самораскрытие народного духа* заменить на битву за гроб Господень; из любви удалить родовое, эротическое; и даже дружбу (как *избирательность*), заменить на *всеобщее* чувство единения *всех* во Христе?

Если в основе социализма, по мнению Шафаревича, лежит инстинкт смерти, то не стремление ли к смерти как завершению неподлинного, земного, греховного пути человека лежит и в основе христианства? Разве не к смерти Христа привязано это учение? Мог Учитель придти для того,

чтобы учить, повести, показать пример – как Конфуций, Будда и Магомет? – нет, пришел Он лишь для того чтобы умереть! (И если это пример для подражания, то не любил Он людей!)

С стремлением к смерти связано и стремление к страданию. Данилин с удивлением отмечает, что наркоманы получают в большинстве случаев от употребления наркотиков мучения вместо "кайфа" (как и я от выпивки страдаю, и по ночам сердце прихватывает так, что кажется – вот-вот умру! – но пить так и не бросил, хотя уж клялся не раз!); вот так же и христиане стремятся к страданию как средству искупления, преобразования, спасения души – но не жаждут ли они страдания и самого по себе? Когда мне плохо, когда я разочарован в жизни, устал от нее, я тоже мечтаю о смерти и жду ее... – но как избавления от страданий! А христиане призывают страдания и радуются им.

Главы 15. – 28.

Надо ли обрезать?

5. 1-6. «Некоторые, пришедшие из Иудеи, учили братьев: **если не обрежетесь по обряду Моисееву, не можете спастись.**»

Посему, после разногласий и немалого состязания Павел и Варнава и некоторые другие отправились для объяснений в Иерусалим, где «Апостолы и пресвитеры собрались для рассмотрения сего дела.»

7-8. «По долгом рассуждении Петр... сказал», что именно его Бог избрал для проповеди язычникам Евангелия... и Сердцеведец Бог дал им свидетельство, даровав им Духа Святого, как и нам.»

11-15. Потому «мы веруем, что благодатию Господа Иисуса Христа спасемся, как и они.»

После того и Иаков подтвердил, что «Бог первоначально призрел на язычников, чтобы *составить из них народ во имя Свое.*»

«И с сим согласны слова пророков»...

22. «Тогда Апостолы и пресвитеры со всею церковью рассудили, избрав из среды себя мужей, послать их» к язычникам с изъяснением «**не возлагать на них никакого бремени более.. необходимо**» [то есть, что обрезать **не надо**, и не надо полностью соблюдать обряды].

Деяния апостола Павла.

40-41.. И «Павел, избрав себе Силу, отправился [к язычникам], быв поручен братьями благодати Божией, и проходил Сирию и Киликию, утверждая церкви.»

16. 1-3. [И так] «дошел он до Дервии и Листры. И вот, там был некоторый ученик, именем Тимофей, которого мать была Иудейка уверовавшая, а отец Еллин... Его пожелал Павел взять с собою; и, взяв, **обрезал его** ради Иудеев, находившихся в тех местах; ибо все знали об отце его, что он был Еллин.» – [Сегодня бы мы сказали, что Павел придерживался, в данном случае, **двойного стандарта** – своих Иудеев он обрезанием еще удерживал в вере и племени отцов, но по необходимости язычников к сему принуждать уже не мог.]

8-10. «Миновав же Мисию, сошли они в Троаду». А оттуда прибыли в Македонию, где утверждали веру в Христа, пока не обвинили их в том, что они проповедают обычаи, которых «Римлянам не следует ни принимать, ни исполнять. Народ также восстал на них, а воеводы, сорвав с них одежды, велели бить их палками и ...вергли в темницу»...

25-33. Около полуночи Павел и Сила, молясь, воспевали Бога; узники же слушали их. Вдруг сделалось великое землетрясение, так что поколебалось основание темницы; тотчас отворились все двери, и у всех узы ослабели.»

Сие произвело такое впечатление на темничного стража, что ... «взяв их в тот час ночи, он омыл раны их и немедленно крестился сам и все домашние его.»

35-37. При наступлении дня и воеводы повелели отпустить их; однако Павел: сказал им: «нас, Римских граждан, без суда всенародно били и бросили в темницу, а теперь *тайно* выпускают? нет, пусть придут и сами выведут нас.»

38-39. ...«те испугались, услышав, что это Римские граждане. И, придя, извинились [!] перед ними и, выведя, просили удалиться из города.» – [Сравни, читатель, "просвещенную" Россию и "дикий" Рим!]

17. 1-8. Далее Павел и Сила «пришли в Фессалонику, где была Иудейская синагога», проповедавая и ...«открывая и доказывая им, что Христу надлежало пострадать и воскреснуть из мертвых и что Сей Христос есть Иисус ...И некоторые из них уверовали и присоединились к Павлу и, как из Еллинов, *чтущих Бога* [?], великое множество, так и из знатных женщин немало. Но неверовавшие Иудеи, возревновав..., собрались толпою и возмущали город..., крича, что эти всесветные возмутители пришли и сюда...»

10-13. [Поэтому] «братья.. ночью отправили Павла и Силу в Верию, куда они прибыв, *пошли в синагогу Иудейскую*. Здешние были благомысленнее Фессалоникских... И многие из них уверовали, и из Еллинских почетных женщин и из мужчин немало.»

«Но когда Фессалоникские Иудеи узнали, что и в Верии проповедано Павлом слово Божие, то пришли и туда, ...возмущая народ.»

Павел в Афинах.

15. Тогда братья проводили его до Афин, где уже сам «Павел *возмущился духом при виде этого города, полного идолов.*»

[Разумеется, оспорить перед современными "христианами" такое отношение к великой эллинской культуре *невежественного дикаря*, претендующего быть посланником Сына Божия, я не смогу, ибо для них Библия больше античной философии, театра, зодчества и ваянья, драмы и математики, то есть больше Аристотеля, Эсхила, Праксителя и Евклида... хотя бы они ежедневно ходили в Эрмитаж, "*полный идолов*".]

17-19. «Итак он рассуждал в синагоге с Иудеями и с чтущими Бога, и ежедневно на площади со встречающимися. Некоторые из эпикурейских и стоических философов стали спорить с ним; и одни говорили: "что хочет сказать этот *суеслов?*", а другие... взяв его, привели в ареопаг»...

20-31. Излагая афинянам основы *нового учения*, Павел [как ветхозаветный иудей], так *возражал необходимости искусства*: «Бог, сотворивший мир и всё, что в нем, ...*не в рукотворенных храмах живет* и не требует служения рук человеческих, как бы имеющий в чем-либо нужду ... Итак мы... не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого... [Не на сем ли основали веру свою позднейшие иконоборцы?] Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться, ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых.»

34. Некоторые из слушавших уверовали; «*между ними был [и] Дионисий Ареопагит*» [один из первых христианских богословов.]...

Проповеди и поучения Павла в городах Средиземноморья.

1-3. «После сего Павел, оставив Афины, пришел в Коринф; и найдя некоторого Иудея, именем Акилу.. и жену его,... остался у них и работал; *ибо ремеслом их было делание палаток.*»

4-8. «Во всякую же субботу он говорил в синагоге и убеждал Иудеев и Еллинов.» ...И многие из них противились и злословили... а иные, «слушая, уверовали и крестились.»

11-23. «И он оставался там год и шесть месяцев, поучая их слову Божию.» Но распри между приверженцами и противниками нового учения стали столь вопиющи, что «Павел... простился с братьями и отплыл в Сирию», оттуда отправился в Ефес.. затем, «побывав в Кесарии, приходил в Иерусалим, приветствовал церковь и отошел в Антиохию.» Далее «проходил по порядку страну Галатийскую и Фригию, утверждая всех учеников.»

19. 1-3. Прибыв в Ефес и нашед там некоторых учеников, Павел «сказал им: приняли ли вы Святаго Духа, уверовавши? Они же сказали ему: мы даже и не слышали, есть ли Дух Святой.»

Ибо, как оказалось, они крестились во Иоанново крещение.

4-6. «Павел сказал: Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в Грядущего по нем, то есть во Христа Иисуса. Услышав это, они крестились во имя Господа Иисуса, и, когда Павел возложил на них руки, нисшел на них Дух Святой, и они стали говорить иными языками и пророчествовать.»

7-10. После сего он «необязательно проповедывал три месяца, беседа и удостоверя о Царствии Божием.» А затем, около двух лет, «ежедневно проповедывал в училище некоего Тиранна... так что все жители Азии слышали проповедь о Господе Иисусе, как Иудеи, так и Еллины.

11-19. Бог же творил немало чудес руками Павла, так что на больных возлагали платки и опоясания с тела его, и у них прекращались болезни, и злые духи выходили из них.»

«Даже некоторые из скитающихся Иудейских заклинателей стали употреблять над имеющими злых духов имя Господа Иисуса»... но

кончилось сие печально для них, после чего «из занимавшихся чародейством довольно многие, **сбрав книги свои, сожгли перед всеми**, и сложили цены их, и оказалось их на пятьдесят тысяч драхм.»

[Вот уже когда началось сожжение книг! Да еще закончилось ли – как показывает пример московского художника, удалившегося в пустыню Кирилло-Белозерского монастыря (где я и познакомился с ним), а книги свои московские выбросившего на помойку?]

23-29. Но все же «в то время произошел немалый мятеж *против пути Господня*», ибо один из серебрянников обратился к ремесленникам, сказав, что от их ремесла зависит их благосостояние, однако «этот Павел своими убеждениями совратил немалое число людей, говоря, что делаемые руками человеческими не суть боги», а оттого не только «ремесло наше придет в презрение, но и храм великой богини Артемиды ничего не будет значить...» После сего город наполнился смятением, однако блюстители порядка утишили народ, призвав разрешить споры в судебных собраниях или у проконсулов...

[Каков уровень законности во всех областях Римской империи в 1-ом веке нашей эры! – за исключением Земли Обетованной.]

20. 1-3. «По прекращении мятежа» Павел пошел в Македонию, затем в Елладу, где пробыл три месяца, но по проискам Иудеев, возвратился в Македонию, намереваясь оттуда отправиться в Сирию.

6-15. Побывав в Троаде, путешественники разделились на две группы, одна отплыла на корабле, а Павел пошел пешком. Сойдясь в Ассе, они прибыли в Митилину. «И, отплыв отсюда, в следующий день мы остановились против Хиоса, а на другой пристали к Самосу и, побывав в Трогиллии, в следующий день прибыли в Милит»

Возвращение в Иерусалим. 17-24. Там, сбрав пресвитеров церкви, Павел «сказал им: вы знаете, как я с первого дня, в который пришел в Асию, все время был с вами, работая Господу *со всяким смиренным-мудрием и многими слезами*, среди искушений, приключавшихся мне по злоумышлениям Иудеев... возвещая Иудеям и Еллинам покаяние пред Богом и веру в Господа нашего Иисуса Христа. И вот, ныне я, по влечению Духа, иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною; только Дух Святы́й по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня. Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса, проповедать Евангелие благодати Божией.»

[Этот отрывок из речей Апостола Павла передает ощущения и монашеское настроение *христианина*, того типа человека, который сложился при становлении христианства и сохранился как образец для всех последующих проповедников христианства.

Смирennemудрие и слезы, противостояние искушениям и невздам. Жизнь не по своей воле, а по влечению Духа Святаго, неведение будущего земного пути. Пренебрежение благами жизни и самой жизнью. Превращение жизни в поприще служения Господу.

Конечно, этот канонический образ христианина не совпадает с реальным верующим – крестьянином, воином, философом, строителем – но каждый из них смотрится в него как в зеркало, и думает, что видит в нем себя, и одевает его на себя как одежду, когда представляет из себя христианина.]

25. «И ныне, вот, я знаю, что уже не увидите лица моего все вы, между которыми ходил я, проповедуя Царствие Божие.»

26-35. Далее Павел уведомляет учеников, что ждут их гонения, распри и скорби, но «предаю вас, братия, Богу и слову благодати Его. Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал: сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии. Во всем показал я вам, что, так трудясь, надобно поддерживать слабых и памятовать слова Господа Иисуса, [что] "блаженнее давать, нежели принимать".»

36-38. «Сказав это, он преклонил колени свои и со всеми ими помолвился. Тогда немалый плач был у всех, и, падая на выю Павла, целовали его, скорбя особенно от сказанного им слова, что они уже не увидят лица его. И провожали его до корабля.»

21. 1-4. Сначала путешественники «пришли в Кос, на другой день в Родос и оттуда в Патару, и, найдя корабль, идущий в Финикию, взошли на него и отплыли. «Быв в виду Кипра и оставив его слева, мы плыли в Сирию, и пристали в Тире... И, найдя учеников, пробыли там семь дней.»

8 Затем Павел и спутники его пришли в Кесарию и поселились в доме «Филиппа благовестника, одного из семи диаконов.»

10. «Между тем как мы пребывали у них многие дни, пришел из Иудеи некто пророк, именем Агав, и, войдя к нам, взял пояс Павлов и, связав себе руки и ноги, сказал: так говорит Дух Святый: мужа, чей этот пояс, так свяжут в Иерусалиме Иудеи и предадут в руки язычников.» [То есть, в руки римских властей.]

13. «Но Павел в ответ сказал: что вы .. плачете и сокрушаете сердце мое? я не только хочу быть узником, но готов умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса.»

Павел в Иерусалиме. 18-21. В Иерусалиме состоялась встреча у Иакова; «пришли и все пресвитеры». Павел рассказал им подробно о своем служении Богу у язычников, но они укорили его, сказав ему: «видишь, брат, сколько тысяч уверовавших Иудеев, и все они ревнители закона. А о тебе слышались они, что ты всех Иудеев, живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея, говоря, чтобы они не обрезывали детей своих и не поступали по обычаям.»

22. Павлу предложили для оправдания *очиститься*, принеся жертву за себя и четырех мужей, и *подтвердить верность закону*.

27-28. «Когда же семь дней [очищения] оканчивались, тогда Асийские Иудеи, увидев его в храме, возмутили весь народ и наложили на него руки, крича: мужи Израильские, помогите! этот человек всех

повсюду учит против народа и закона и места сего; притом и Еллинов ввел в храм и осквернил святое место сие.»

30-34. «Весь город пришел в движение, и сделалось стечение народа; и, схватив Павла, повлекли его вон из храма, и тотчас заперты были двери. Когда же они хотели убить его, до тысяченачальника полка дошла весть, что весь Иерусалим возмутился», и тысяченачальник повелел арестовать его и отвести в крепость.

37. При входе в крепость Павел попросил дозволения говорить к народу, и «начал говорить на еврейском языке так:»

22. 1-4. «Мужи братия и отцы! выслушайте теперь мое оправдание перед вами.... я Иудеянин, родившийся в Тарсе Киликийском, воспитанный в сем городе при ногах Гамалиила, тщательно наставленный в отеческом законе, ревнитель по Боге, как и все вы ныне. Я даже до смерти гнал последователей сего учения, связывая и предавая в темницу и мужчин и женщин, как засвидетельствует о мне первосвященник и все старейшины, от которых и письма взяв к братьям, живущим в Дамаске, я шел, чтобы тамошних [христиан] привести в оковах в Иерусалим на истязание.»

6-21. «Когда же я был в пути и приближался к Дамаску, около полудня вдруг осиял меня великий свет с неба. Я упал на землю и услышал голос, говоривший мне: *Савл, Савл! что ты гонишь Меня?* Я отвечал: *кто Ты, Господи?* Он сказал мне: *Я Иисус Назорей, Которого ты гонишь.* ... Тогда я сказал: *Господи! что мне делать?* Господь же сказал мне: *встань и иди в Дамаск, и там тебе сказано будет всё, что назначено тебе делать.* А как я от славы света того лишился зрения, то бывшие со мною за руку привели меня в Дамаск. Некто Анания, ... одобряемый всеми Иудеями, живущими в Дамаске, пришел ко мне и, подойдя, сказал мне: брат Савл! прозри. И я тотчас увидел его. Он же сказал мне: Бог отцов наших предъизбрал тебя, чтобы ты познал волю Его, увидел Праведника и услышал глас из уст Его, потому что ты будешь Ему свидетелем пред всеми людьми о том, что ты видел и слышал. Итак, что ты медлишь? Встань, *крестись* и омой грехи твои, призвав имя Господа Иисуса. Когда же я возвратился в Иерусалим и молился в храме, пришел я в исступление, и увидел Его, и Он сказал мне: поспеши и выйди скорее из Иерусалима, потому что здесь не примут твоего свидетельства о Мне. Я сказал: Господи! им известно, что я верующих в Тебя заключал в темницы и бил в синагогах, и когда проливалась кровь Стефана, свидетеля Твоего, я там стоял, одобрял убийство его и стерег одежды побивавших его. И Он сказал мне: иди; Я пошлю тебя далеко к язычникам.»

22-25. «До этого слова слушали его; а за сим подняли крик, говоря: истреби от земли такого! ибо ему не должно жить. Между тем как они кричали, метали одежды и бросали пыль на воздух, тысяченачальник повелел ввести его в крепость, приказав бичевать его, чтобы узнать, по какой причине так кричали против него. Но когда растянули его ремнями,

Павел сказал стоявшему сотнику: разве вам позволено бичевать Римского гражданина, да и без суда?»

27-30. «Тысяченачальник, подошед к нему, сказал: ...я за большие деньги приобрел это гражданство. [По-видимому, он был иудей, как и Павел.] Павел же сказал: а я и родился в нем. Тогда тотчас отступили от него хотевшие пытать его. А тысяченачальник, узнав, что он Римский гражданин, испугался, что связал его. На другой день, желая достоверно узнать, в чем обвиняют его Иудеи, освободил его от оков и повелел обратиться первосвященникам и всему синедриону и, выведши Павла, поставил его перед ними.»

[Взятничество и коррупция процветали и в Риме, хотя, разумеется, в значительно меньших размерах, чем в России. Нынешней осенью Российские власти даже возбудили уголовные дела против тех, кто иммигрантам из бывших "братских республик" давал незаконно гражданство за деньги – как удивительно пересекаются с современностью дела двухтысячелетней давности!]

23. 1-3 «Павел, устремив взор на синедрион, сказал: мужи братия! я всею доброю совестью жил пред Богом до сего дня. Первосвященник же Анания стоявшим перед ним приказал бить его по устам. Тогда Павел сказал ему: Бог будет бить тебя, стена подбеленная! ты сидишь, чтобы судить по закону, и, вопреки закону, велишь бить меня.»

6-8. «Узнав же Павел, что тут одна часть саддукеев, а другая фарисеев, возгласил в синедрионе: мужи братия! я фарисей, сын фарисея; за чаяние воскресения мертвых меня судят. Ибо саддукеи говорят, что нет воскресения, ни Ангела, ни духа; а фарисеи признают и то и другое.» После сего произошла распря между фарисеями и саддукеями, и собрание разделилось.

10. Так «как раздор увеличился, то тысяченачальник, опасаясь, чтобы они не растерзали Павла, повелел воинам сойти взять его из среды их и отвести в крепость.»

Павел в Кесарии. 11-29. Однако некоторые Иудеи замыслили убить Павла... вследствие сего тысяченачальник отправил его к правителю Кесарии Феликсу, написал тому и письмо с предложением объективно рассмотреть обвинения против Павла.

34-35. «Правитель, прочитав письмо, ...сказал: я выслушаю тебя, когда явятся твои обвинители. И повелел ему быть под стражею в Иродовой претории.»

24. 1-7. «Через пять дней пришел первосвященник Анания со старейшинами и с некоторым ритором Тертуллом», которые и обвинили перед правителем Феликсом Апостола Павла в том, что он является «язвою общества, возбудителем мятежа между иудеями, живущими по вселенной, и представителем Назорейской ереси.» За всё сие «мы взяли его и хотели судить его по нашему закону, но тысяченачальник Лисий, пришед с великим насилием, взял его из рук наших и послал к тебе.»

10-15. «Павел же, когда правитель дал ему знак говорить, отвечал», что не более двенадцати дней тому «пришел в Иерусалим для поклонения. И ни в святилище, ни в синагогах, ни по городу они не находили меня с кем-либо спорящим или производящим народное возмущение, и не могут доказать того, в чем теперь обвиняют меня. Но в том признаюсь тебе, что по учению, которое они называют ересью, я действительно служу Богу отцов моих, *веруя всему, написанному в законе и пророках, имея надежду на Бога, что будет воскресение мертвых, праведных и неправедных, чего и сами они ожидают.*»

22-24. «Выслушав это, Феликс отсрочил дело... А Павла приказал сотнику стеречь, но не стеснять его и не запрещать никому из его близких служить ему или приходить к нему.» Через несколько дней и сам, «придя с ... женою своею, *Иудеяною*, призвал Павла, и слушал его о вере во Христа Иисуса.»

25-26. После Феликс еще часто беседовал с ним, «притом же надеялся он, что Павел *даст ему денег*, чтобы [он] отпустил его.»

27. «Но по прошествии двух лет на место Феликса поступил Порций Фест. Желая доставить удовольствие Иудеям, Феликс оставил Павла в узах.» [а наипаче потому, что денег не получил!]

25. 1-5. «Фест, прибыв в область, через три дня отправился из Кесарии в Иерусалим. Тогда первосвященник и знатнейшие из Иудеев явились к нему с жалобою на Павла... Но Фест отвечал, что Павел содержится в Кесарии под стражею», а поскольку он туда скоро вернется, то предложил обвинителям придти в Кесарию, «и если есть что-нибудь за этим человеком, пусть обвиняют его.»

7-12. Через несколько дней суд состоялся, привели Павла, и «стали кругом пришедшие из Иерусалима Иудеи, принося на Павла многие и тяжкие обвинения, которых не могли доказать.»

Павел же отрицал свою вину и сказал: «требую суда кесарева.»

«Тогда Фест, поговорив с советом, отвечал: ты потребовал суда кесарева, к кесарю и отправишься.»

13-15. Через несколько дней царь Агриппа и Вереника прибыли в Кесарию поздравить Феста. Последний рассказал царю о деле Павла, осуждения которого требуют первосвященники и старейшины Иудейские.

16-21. «Я отвечал им, что у Римлян нет обыкновения выдавать какого-нибудь человека на смерть, прежде нежели обвиняемый будет иметь обвинителей налицо и получит свободу защищаться против обвинения. Когда же обвинение было представлено, я увидел, что это всего лишь «некоторые споры с ним об их Богопочитании и о каком-то Иисусе умершем, о Котором Павел утверждал, что Он жив. Затрудняясь в решении этого вопроса», я готов был отправить его в Иерусалим... но как он потребовал кесарева суда, «то я велел содержать его под стражею до тех пор, как пошлю его к кесарю.»

22-24. Агриппа также захотел выслушать Павла, поэтому ...«на

другой день, когда Агриппа и Вереника пришли... в судебную палату с тысяченачальниками и знатнейшими гражданами, по приказанию Феста приведен был Павел.»

Вначале выступил Фест и сказал, что посылая Павла на суд Августа, не имеет ничего верного написать о нем государю; посему я «привел его пред вас ... ибо, мне кажется, нерассудительно послать узника и не показать обвинений на него.»

[Разве не указывает всё сие на столь высокий уровень законности в Риме, которого Россия не имеет и сегодня, спустя две тысячи лет!?!]

26. 1-8. В своем слове Павел подтвердил, что он всегда «жил фарисеем по строжайшему в нашем вероисповедании учению. И ныне я стою перед судом за надежду на обетование, данное от Бога нашим отцам, которого исполнение надеются увидеть наши двенадцать колен, усердно служа Богу день и ночь. За сию-то надежду, царь Агриппа, обвиняют меня Иудеи. Что же? Неужели вы невероятным почитаете, что Бог воскрешает мертвых?»

9-14. Далее он рассказал, что и сам преследовал и мучил христиан, пока на дороге в Дамаск не явился ему Христос и не повелел идти к язычникам, «чтобы они обратились от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу... За это схватили меня Иудеи в храме и покушались растерзать. Но, получив помощь от Бога, я до сего дня стою, свидетельствуя малому и великому, *ничего не говоря, кроме того, о чем пророки и Моисей говорили*, что это будет, то есть что Христос имел пострадать и, восстав первый из мертвых, возвестить свет народу (Иудейскому) и язычникам.»

24-27. «Когда он так защищался, Фест громким голосом сказал: безумствуешь ты, Павел! большая ученость доводит тебя до сумасшествия. Нет, достопочтенный Фест, сказал он, я не безумствую, но говорю слова истины и здравого смысла. Ибо знает об этом царь, перед которым и говорю смело. Я отнюдь не верю, чтобы от него было что-нибудь из сего скрыто; ибо это не в углу происходило. Веришь ли, царь Агриппа, пророкам? Знаю, что веришь.»

32. «И сказал Агриппа Фесту: можно было бы освободить этого человека, если бы он не потребовал суда у кесаря. Посему и решился правитель послать его к кесарю.»

[Путешествие в Рим и житие в Риме.]

27. 1-9. Узники отплыли в Италию. Сначала пристали к Сидону, оттуда приплыли в Кипр, затем прибыли в Миры Ликийские. Оттуда на Александрийском корабле, плывущем в Италию, «подплыли к Криту при Салмоне», затем... «прибыли к одному месту, называемому Хорошие Пристани, близ которого был город Ласея.»

Павел предостерегал против продолжения плавания, однако его совету не вняли, и отплыв от Крита, корабль попал в сильную бурю.

15-20. «Корабль схватило так, что он не мог противиться ветру, и мы носились, отдавшись волнам. ... На другой день, по причине сильного обуревания, начали выбрасывать груз, а на третий мы своими руками

побросали с корабля вещи. Но как многие дни не видно было ни солнца, ни звезд и продолжалась немалая буря, то наконец исчезала всякая надежда к нашему спасению.»

21. Но Павел убеждал всех ободриться, сказав, что Ангел Бога явился ему в эту ночь и обещал, что поелику ему должно предстать пред кесаря, они спасутся.

27. В четырнадцатую ночь... «корабельщики хотели бежать с корабля и спускали на море лодку, делая вид, будто хотят бросить якоря с носа», однако Павел предупредил воинов, и они отсекли веревки у лодки...

28. С наступлением дня пристали к берегу ... «и корабль сел на мель. Нос увяз и остался недвижим, а корма разбивалась силою волн. Воины хотели было умертвить узников, чтобы кто-нибудь, выплыв, не убежал. Но сотник, желая спасти Павла, удержал их от сего намерения, и велел умеющим плавать первым броситься и выйти на землю, прочим же спастись кому на досках, а кому на чем-нибудь от корабля; и таким образом все спаслись на землю.»

28. 1-6. «Спасшись же, бывшие с Павлом узнали, что остров называется Мелит.»

Островитяне разложили огонь, по причине дождя и холода, чтобы обогреть путешественников. «Когда же Павел набрал множество хвороста и клал на огонь, тогда ехидна, выйдя от жара, повисла на руке его.» Увидев висящую на руке его змею, иные «говорили друг другу: верно этот человек – убийца, когда его, спасшегося от моря, суд Божий не оставляет жить. Но... видя, что не случилось с ним никакой беды, переменяли мысли и говорили, что он Бог.»

7-9. Затем [рассказывает повествователь] нас принял начальник острова, именем Публий; Павел исцелил сначала его отца, а после «и прочие на острове, имевшие болезни, приходили и были исцеляемы.»

11-14. «Через три месяца мы отплыли на Александрийском корабле, называемом Диоскуры, зимовавшем на том острове», и сначала приплыли в Сиракузы, «оттуда... в Ригию; и как через день подул южный ветер, прибыли на второй день в Путеол, где нашли *братьев* [по-видимому, иудеев], ... а потом пошли в Рим.»

15-16. «Тамошние братья, услышав о нас, вышли нам навстречу до Аппиевой площади и трех гостиниц. Увидев их, Павел возблагодарил Бога и ободрился.»

В Риме «сотник передал узников военачальнику, а Павлу позволено жить особо с воином, стерегущим его.»

16-17.. «Через три дня Павел созвал знатнейших из Иудеев» и сказал им: «мужи братия! не сделав ничего против народа или отеческих обычаев, я в узах из Иерусалима предан в руки Римлян.»

21-22. «Они же сказали ему: мы ни писем не получали о тебе из Иудей, ни из приходящих братьев никто не известил о тебе и не сказал чего-либо худого. Однако «известно нам, что об этом учении везде спорят.»

23. В назначенный день очень многие «пришли к нему в гостиницу; и он от утра до вечера излагал им учение о Царствии Божием, приводя свидетельства и удостоверяя их о Иисусе из закона Моисеева и пророков.»

24, 28. Так как не все убеждались словами его, то Павел напомнил слова пророка Исаяи: "огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули.." Но «да будет вам известно, что спасение Божие послано язычникам: они и услышат.» – [О том ли мечтал Иисус из Назарета, пришедший спасти *Свой* народ?!]

30. «И жил Павел целых два года на своем иждивении и принимал всех, приходивших к нему, проповедуя Царствие Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно.»

[6 октября. 2004 г. Устал я от чтения Павлова Завета, устал жить в тюрьме, устал жить...

Сегодня – 90 дней, как мы "сидим"... но чаще – *лежим* на пальме, или, точнее, возлегаем на спине, подложив что-нибудь под голову и поджав колени – потому что *сидеть на пальме* не удастся, – и так читаем и пишем, а голова висит, а шея болит... и не мечтает ли об эшафоте?!

... Ночью о многом думал, в частности – о христианском отношении к женщине... У иудеев женщине в храме было отведено место заурядное, и апостолы обращаются только к *мужам* в синагоге, да и в продолжение двух тысяч последующих лет, и доньше – не только в жизни, но и в храме – женщина унижена – а на каком, собственно говоря, основании? Только по традиции иудейской религии, перешедшей в христианство! И не апостолы ли в этом повинны вместе с пророками иудейскими?!

И, наконец, вспоминал я навязшее как оскомины заклинание, которое стало ныне словно символом веры: "*ведь мы этого достойны!*" – а достойны ли? Поневоле прихожу к выводу, что **страдание необходимо**, каждому надо бы посидеть в тюрьме, чтобы не быть самодовольным...

Нет, "*выстрадай сперва свое достоинство, а потом уж мы посмотрим, станешь ли ты расточать, что кровью приобрел!*"

Со-страдание, со-чувствие... Буквально эти слова должны бы значить совсем не то, что вмещается в них в теперешней речи; теперь под *со-страданием* мы понимаем **жалость**, тогда как *со-страдать* – разделить с кем-либо страдание; тоже и *сочувствие*. Мы сочувствуем бедным, униженным и оскорбленным... Или мы их *жалеем*? Ведь вот мне (и почти всякому) *жалко* бывает птенца, выпавшего из гнезда, голодную собаку, бездомного бродягу, и даже потерянную пьяную женщину... А *сочувствую* я своим друзьям, ребенку, близким, героям литературных произведений и драматических спектаклей (и именно – *со-чувствую*, то есть даже и *слезами обливаюсь* – по Пушкинскому слову – *над вымыслом...*). Итак, постороннего человека нам бывает *жалко*, когда он переживает невзгоды, и это чувство следует даже культивировать, **нам должно быть жалко** гибнущую архитектуру наших городов, книги,

произведения искусства, ветшающие неужоженные кладбища, бедствующих – хотя бы и в отдаленных местах – от войн и наводнений и других бедствий, а **со-чувствие** и **со-страдание** следует оставить для самых близких...

Но этот экскурс в *словоупотребление* произвожу я по более важному поводу, имеющему важное отношение к основам мировоззрения – я пытаюсь понять логическое и нравственное содержание некоторых афористических поучений, почти в такой же степени определяющих умонастроение и взгляды простонародья, как характер и происхождение. Уже немало писал я о "щепках, которые летят", когда "рубят лес", о "революции, обязанной уметь защищаться", о том, что "если не мы их, то они нас", о том, что "Сталин выиграл войну" (да уже и жалею я о том, что мы в этой войне победили, а не потерпели такое же сокрушительное поражение, как во времена Батья и Чингис-хана, может быть, еще и оставался бы у нас шанс на возрождение, а так вот *исчезаем аки обры*, но все еще кичимся тем, что будто бы **наш** Сталин войну выиграл)... – и вот к какому выводу прихожу – в основании *взглядов* большей части народа находится мощнейший пласт *примитивной психологии*, может быть, даже *примитивнейшей*, и ни Евклид и Аристотель, ни Кант и Достоевский, ни даже Апостол Павел с блаженным Августином не имеют к ним никакого отношения. Я свои книги пишу только для нескольких человек. Для таких же нескольких писали Платон и Аристотель. А остальные принадлежат к тому народу, который оправдывает отношение к человеку как "щепке"; благодарен Сталину, *зато* "истребившему Троцкого" и *самых злых комиссаров* (как говорят "патриоты") и заодно пятьдесят миллионов невинных; остальные счастливы противостоением Путина и Ходорковского, радуются пустым банальностям, которых на их век хватит, а там хоть трава не расти; зарплата и пенсия, телевизор и дачный участок, "маленькая на троих", стирка и рождение ребенка (а это и в самом деле важно!); *есть Бог или его нет*; надо ли любить ближних и этому ли учил Христос и для того ли приходил на землю, чтобы сообщить нам, что ближних надо любить (а мы этого и не знали!)... и в этом ли суть христианства... как в том ли суть социализма, чтоб у *всех было поровну*, и за то ли перебили мы сто миллионов своих *ближних* и ни кого из них не хотим пожалеть и ни в чьей смерти не хотим покаяться; к чему относятся "свобода, равенство и братство", "человек человеку друг...", и тому подобное; определяет ли нашу мораль кантовское наизидание *относиться к другим, как мы бы хотели, чтобы и к нам относились*; или заповедями Моисея; и так далее...

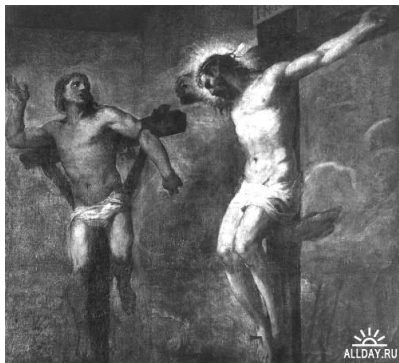
Итак, культура – в ее *метафизических* областях, то есть в неотвязном размышлении – "быть или не быть?" и "что есть истина?" – существует только *через* и *для* семи мудрецов в каждом народе, и сама по себе никакого отношения к умонастроению остального народа не имеет, остальной народ не читал и не читает Библию, не читал и не читает Евклида, да даже Толстого с Достоевским не читает тоже.

О популярных Заповедях, о применимости их или неприменимости как "руководства к действию", я еще буду писать, а пока остановлюсь как на самой знаменитой, являющейся, по представлениям большинства, квинтэссенцией христианства – **Возлюби ближнего как самого себя!**, так и на сходной с нею – **Относись к другому так, как ты бы хотел, чтобы к тебе относились!**

Как я сам отношусь к своим соседям по камере?

Во-первых, я их *не возлюбил*, и даже не намерен *возлюбить*. Более того, отношусь я к ним хуже, чем они ко мне – и думаю, что и мое к ним отношение, и их ко мне – оправданы. Почему?

Я их не предаю, а они меня могут предать, ибо в их жилах течет *воровская кровь*... или кровь алкоголиков и наркоманов; я им не желаю зла, а в их пожеланиях я не уверен – думаю, при случае мелкие пакости они мне сделают с легкостью: так, например... ну да Бог с ними!

К своим друзьям и родным я отношусь хорошо, хотя и ко всем по-разному.. но не в духе этих двух заповедей – они скорее регулируют отношения между соседями в автобусе, или, в крайности, между сослуживцами и соседями; боюсь, и сами христиане не смогут объяснить, кто же такие их *ближние*... В этих заповедях формулируется отношение *безличное и всеобщее* – к безличному и всеобщему человеку – но ни к милке, ни к Настеньке, ни к Володе Т--ву, ни тем более к "очаровашкам" не отношусь я как к *ближним*... и даже как к *самому себе*.

Так что же значит стать христианином? И становясь им, становимся ли мы лучше?

Вот, например, я чисто мою пол на пищеблоке, протираю стены, вымыл бады для овощей – оттого ли, что я не язычник?

Не унижаю других, и сам стараюсь сохранять достоинство, хотя и сознаю своё зависимое подневольное положение, и потому не выпендриваюсь – но и не посыпаю пеплом голову в благочестивом смирении.. Не "пру против рожна", но и не стою на коленях...

Я думаю, что я достаточно *добродетельный человек* – а понятие *добродетели* относится ли к христианству? По крайней мере, так ли христианство печется о таких добродетелях, как трудолюбие, терпимость, великодушие, как печется оно о *смирении и смиренномудрии!*?

ПОСЛАНИЯ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ

СОБОРНОЕ ПОСЛАНИЕ СВЯТАГО АПОСТОЛА ИАКОВА

Главы 1. – 5.

1. 1. «Иаков, раб Бога и Господа Иисуса Христа, двенадцати коленам, находящимся в рассеянии, – радоваться.»

2-8. Далее апостол говорит об *искушениях и испытаниях*, кои он призывает принимать *с великою радостью*, помня, что испытание веры производит терпение; терпение же приводит к совершенству; и советует просить у Господа мудрости – «с верою, нимало не сомневаясь, потому что *сомневающийся* подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой... Человек с *двоящимися мыслями* [то есть, *сомневающийся* – чтоб бы сказал Декарт, призывавший все подвергать *сомнению?*] не тверд во всех путях своих.»

9-15. Заметив, что богатство ничтожно, ибо «богатый ...прейдет, как цвет на траве», апостол говорит далее об искушении, и о похоти как причине его: «Блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его.» Но причина искушения в самом человеке, ибо «Бог не искушается злом и Сам не искушает никого, но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственною похотью. Похоть же, зачав, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть.»

19-20. Наставляя в добродетелях, апостол продолжает: «Итак, братия мои возлюбленные, всякий человек да будет скор на слышание, медлен на слова, медлен на гнев, ибо гнев человека не творит правды Божией.»

22 И притом, «будьте .. исполнители слова, а не слышатели только», ибо лишь кто «вникнет в закон совершенный, закон свободы, и пребудет в нем, тот, будучи не слушателем забывчивым, но *исполнителем дела*, блажен будет в своем действии.»

26-27. Затем, говоря о благочестии, он напоминает, что оно состоит в том, «чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях и хранить себя неоскверненным от мира.»

2. 1-5. Будьте нелицеприятны, не оказывайте богатому большего почета, нежели бедному, ибо ... «не бедных ли мира избрал Бог быть богатыми верою и наследниками Царствия, которое Он обещал любящим Его?»

10. Будьте во всем безупречны, ибо «кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем.»

13. Будьте милосердны, ибо «... суд без милости не оказавшему милости; милость превозносится над судом.»

14-26. [Сопоставляя *веру* и *добрые дела* (очевидно, полемизируя с апостолом Павлом, утверждающим в "Послании к римлянам": «Воздаяние делающему вменяется не по милости, но по долгу. А не делающему, но верующему в Того, Кто оправдывает нечестивого, *вера* его вменяется в праведность. Так и Давид называет *блаженным* человека, которому Бог вменяет праведность *независимо от дел*.), Иаков устанавливает свой "путь спасения":] «Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? *может ли эта вера спасти его?* Если брат или сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: "идите с миром, грейтесь и питайтесь", но не даст им потребного для тела: что пользы? ***Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе.*** Но скажет кто-нибудь: "ты имеешь веру, а я имею дела": покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру мою из дел моих. Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; *и бесы веруют, и трепещут*. Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что *вера без дел мертва?* Не делами ли оправдался Авраам, отец наш, возложив на жертвенник Исаака, сына своего? Видишь ли, что вера содействовала делам его, и делами вера достигла совершенства? И исполнилось слово Писания: "веровал Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность, и он наречен другом Божиим". Видите ли, что человек оправдывается делами, а не верою только? Подобно и Раав блудница не делами ли оправдалась, приняв соглядатаев и отпустив их другим путем? *Ибо, как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва.*»

[Вот противостояние двух религий – *религии веры* и *религии дел*! Не старый ли это иудаизм сопротивляется новому христианству?! Не верный ли вере отцов Иаков – отступнику Павлу?! Но, впрочем, задумался я о делах, без коих и *вера мертва*, по уверению апостола Иакова, и усомнился – а теми ли делами вдохновляться, на тех ли примерах учиться, кои длинной вереницей проходят по страницам Ветхого и Нового Заветов?! Нет, Библия в целом не может быть назидательной книгой нравственности, многое в ней жестоко и несправедливо – особенно несправедлив Иудейский Бог по отношению к другим народам – так может ли их пристрастный Бог быть и моим Богом, и моих соплеменников, может ли Он быть Отцом нашим, а не отчимом!?!]

3. 1-2. «Братия мои! не многие делайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся большему осуждению, ибо все мы много согрешаем. Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело.»

3-9. Восхваляя могущество языка, в особенности на службе у зла, апостол говорит: Он – «огонь, прикраса неправды... оскверняет все тело и воспалает круг жизни, будучи сам воспален от геенны. ...всякое естество зверей и птиц, пресмыкающихся и морских животных укрощается и укрощено естеством человеческим, а язык укротить никто из людей не может: это – неудержимое зло; он исполнен смертоносного

яда. Им благословляем Бога и Отца, и им проклинаем человекoв, сотворенных по подобию Божию. Из тех же уст исходит благословение и проклятие: не должно, братия мои, сему так быть. Течет ли из одного отверстия источника сладкая и горькая вода?» – [Прекрасные слова, слышали ли их производители океанского вала растленных развлечений, накачиваемых в наши глаза и уши из газет, радио, телевидения, из концертных программ на эстраде и стадионе?]

13-17. Затем, обличая пороки и восхваляя добродетели, апостол добавляет: будьте добрыми, кроткими, не завидуйте, не хвалитесь и не лгите; противопоставляйте мудрости земной "сходящую свыше", ибо «мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна.»

4. 1-4. «Откуда у вас вражды и распри?» – спрашивает апостол... и в поисках причины пороков людских приходит к выводу, что «дружба с миром есть вражда против Бога. Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу.» [И хотя ранее он сказал: «Плод же правды в мире сеется у тех, которые хранят мир» – но не решается Апостол ни принять мир, ни отвергнуть его твердо.]

5-10. Затем, восхвалив добродетели, Апостол говорит: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать. Итак покоритесь Богу... **Сокрушайтесь, плачьте и рыдайте; смех ваш да обратится в плач, и радость – в печаль.** Смирись пред Господом, и вознесет вас.»

11-12. «Не злословьте друг друга .. [ибо] кто ты, который судишь другого?»

13-15. И так же не будьте самонадеянны в своих планах на будущее, «не знаете вы, что случится завтра: ибо что такое жизнь ваша? пар, являющийся на малое время, а потом исчезающий.», посему лучше вам говорить: «если угодно будет Господу и живы будем, то сделаем то или другое.»

[Это ли "философия жизни"? Да в такой-то *жизни, являющейся* не более чем *паром*, сто́ит ли к чему-нибудь стремиться, даже к праведности? Нет, лучше, чтобы она поскорее растаяла. Так может ли не только Ветхий, но и Новый Завет быть руководительной по жизни книгой?!]

5. 1-6. **Осуждение богатых:** «Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, находящихся на вас. Богатство ваше сгнило, и одежды ваши изъедены молью. Золото ваше и серебро изоржавело, и ржавчина их будет свидетельством против вас и съест плоть вашу, как огонь: вы собрали себе сокровище на последние дни. ...плата, удержанная вами у работников, пожалвших поля ваши, вопиет, и вопли жнецов дошли до слуха Господа Саваофа. Вы роскошествовали на земле и наслаждались; напитали сердца ваши, как бы на день заклания. Вы осудили, убили Праведника; [а] Он не противился вам.»

7-12. [Но], «братия, будьте долготерпеливы», как были терпеливы пророки и Иов многострадальный... И «не клянитесь ни небом, ни землею, и никакою другою клятвою, но да будет у вас: "да, да" и "нет, нет", дабы вам не подпасть осуждению.»

[И в Евангелиях Христос повторяет эту же заповедь, и апостол Павел ее повторяет – но почему это так важно, важнее трудолюбия, любви к родине, мужества, верности в дружбе и воинской доблести?!]

13. «Злостраждет ли кто из вас, пусть молится. Весел ли кто, пусть поет псалмы.»

14. «Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему.» Вот так же ведь и праведный Илия «молитвою помолился, чтобы не было дождя: *и не было дождя на землю три года и шесть месяцев.*» – [Сколько же народу перемерло по молитве праведника? Так брать ли и нам пример с *праведного Илии*?! И что же я удивлялся, когда в протестантском собрании в Москве похвалялись участники, что им Господь по молитве их *помогает*, а один помолился, чтобы сына его строптивого наказали, и хоть не уморил его суровый Бог, но до струпьев и глада – да чуть ли и не до мора – довёл!? И есть ли смысл после этого в спорах с христианами? – как не было его в спорах с марксистами...]

ПЕРВОЕ СОБОРНОЕ ПОСЛАНИЕ СВЯТАГО АПОСТОЛА ПЕТРА

Главы 1. – 5.

1. 1-7. «Петр, Апостол Иисуса Христа, *пришельцам, рассеянным*» в пределах Римской империи, «избранным» служить делу Христову.

3-5. «Благословен Бог ...возродивший нас воскресением Иисуса Христа из мертвых к упованию живому, к наследству нетленному, чистому, неувядаемому, хранящемуся на небесах для вас, силою Божиею через веру соблюдаемых ко спасению, готовому открыться в последнее время.»

6-13. «О сем радуйтесь, поскорбев теперь немного, если нужно, от различных искушений, ... достигая наконец верою вашу спасения душ», к чему и «относились изыскания и исследования пророков», ...предвзвешавших «Христовы страдания и последующую за ними славу.»

«Посему [возлюбленные], препоясав чресла ума вашего, бодрствуя, совершенно уповайте на подаваемую вам благодать в явлении Иисуса Христа.»

15-18. «Но, по примеру призвавшего вас Святого, и сами будьте святы во всех поступках... и *со страхом* проводите время странствования вашего, зная, что не тленным серебром или золотом *искуплены вы от суетной жизни*, преданной вам от отцов, но драгоценною Кровию Христа, как непорочного и чистого Агнца, *предназначенного еще прежде создания мира*, но явившегося в последние времена для вас, уверовавших чрез Него в Бога, Который воскресил Его из мертвых... чтобы вы имели веру и упование на Бога.» [Неужто только в этой кротости, радости, уповании и страхе и состоит идеал праведной жизни?]

22. Будьте покорны истине и «любите друг друга от чистого сердца, как возрожденные не от тленного семени, но от нетленного, от слова Божия... Ибо всякая плоть – как трава, и всякая слава человеческая – как цвет на траве: засохла трава, и цвет ее опал; но слово Господне пребывает вовек.»

2. 1-2. «Итак... как новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко [Господне], дабы от него возрасти вам во спасение.»

6-7. ...«сказано в Писании: вот, Я полагаю в Сионе камень краеугольный, избранный, драгоценный; и верующий в Него не постыдится. Итак Он для вас, верующих, драгоценность, а для неверующих камень, который отвергли строители, но который сделался главою угла, камень преткновения и камень соблазна.»

9-10. «Но вы – род избранный, царственное священство, народ святой, *люди, взятые в удел*, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет; *некогда не народ, а ныне народ Божий*; некогда непомилованные, а ныне помилованы. (Осия 2, 23).»

11-12. «Будьте добродетельны, живите словно *пришельцы и странники*.»

[О ком эти слова – о христианах, новом народе, «*людях, взятых в удел*», или о *ветхом народе*, рассеянном среди язычников, живущем *отдельной от других жизнью*?]

13-14. «... будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро.»

17. «Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите.»

[Христианство проповедует покорность власти и противится всяким попыткам изменения государственного порядка – сравним с греческими полисами и Римской республикой, подверженными постоянным изменениям. Христианский идеал – *царство* как застывший порядок; мир, лишенный изменения и времени; неизменность иерархии; бытие без истории и без культуры, ибо культура – это история, даже и в математике имеется движение, развертывание, изменение, а значит и время!]

18 «Слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым. Ибо *то угодно Богу, если кто, помышляя о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо.*»

20-21. «Ибо что за похвала, если вы терпите, когда вас бьют за проступки? Но если, делая добро и страдая, терпите, это угодно Богу. Ибо вы к тому призваны, потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его.»

[А я, заключенный в узы, не отпадаю ли от христианства уже тем, что пытаюсь *обжаловать приговор*, то есть не подчиниться человеческому начальству, и иду наперекор завету Апостола, отказываясь кротко *переносить скорби, страдая несправедливо?*]

22. «[Ибо вот Христос] не сделал никакого греха... [и] будучи злословим,... не злословил взаимно; страдая, не угрожал, но предавал то Судии Праведному.»

[Так покоряться ли несправедливости, или сопротивляться ей? Стремиться к духовной свободе, к осуществлению своих способностей, любви, духовному возвышению – или бежать от мира – в скит, лес, пустыню? Поэтому вновь и вновь я задаю вопрос: Для чего же приходил Христос?]

24. «Он грехи наши Сам вознес телом Своим *на древо*, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды: ранами Его вы исцелились. Ибо вы были, как овцы блуждающие (не имея пастыря), но возвратились ныне к Пастырю и Блюстителю душ ваших.»

[Напоминание о *древе познания добра и зла*, с которого был сорван плод запретный, и сие-то злодеяние и пришел преодолеть Христос!]

[Еще замечу: содержание религиозного или философского учения состоит не в утверждении, что Бог существует, а в самом его сюжетном, "романном" содержании, как и роман не состоит и не исчерпывается оглавлением или названием. Учение – *в подробностях*, и нелепо думать, что Ислам, Христианство, Иудаизм, Буддизм учат *об одном*, и в главном, мол, совпадают. Надо прочитать их книги, как геометрию и алгебру надо сначала прочитать, прежде чем высказываться, о чем они, и повторяют ли друг друга. Вот так же и смысл Христианства не исчерпывается какой либо одной, или двумя, или десятью сентенциями, как и смысл геометрии не исчерпывается теоремой Пифагора, или теоремами о биссектрисе, или...

Историки, отвлекаясь от *деталей*, частных, индивидуальных особенностей, ряд исторических панорам соединяя в одну панораму, *искажают* историческую правду, подобно социологам и статистикам, описывающих *усредненный тип* человека... – например, только что по телевизору шел рассказ о Петропавловской крепости, её узниках, пытках и казнях, и автор лихо соединил в одно целое весь восемнадцатый век, девятнадцатый и часть двадцатого – и эпоха Екатерины, где произошел воистину метафизический переворот, связанный с отменой телесных наказаний (тем более, *пыток*) для дворян, оказалась неотличимой от жестокой и мрачной эпохи Петра и его преемников.

Подлинное ощущение духа этих противоположных эпох я получил, побывав на *Выставке русского портрета* – пройдя вдоль галереи лиц от

начала Петровского царствования до кануна Великой Катастрофы, я был потрясен той переменой, которая произошла в них последовательно, соответственно духовному Просветлению общества – от Елизаветы до Екатерины Великой и Александра Благословенного.]

3. 1. «Также и вы, жены, повинуйтесь своим мужьям...»

[Иного устройства жизни, кроме жесткой иерархии, где рабы повинуются господам (*с любовью!*), дети – родителям, жены мужьям, верующие пребывают в *страхе* (Господнем) – христианство не знает. Оно не совместимо даже с воззрениями Аристотеля, жившего за триста лет, и знавшего сложные и гибкие правовые отношения граждан внутри государства – как же оно может быть совмещено с современным обществом, в котором человек утверждается как самостояние, самосознание, личность?! Нет, современный человек, исповедуя христианство, лицемерит, он принимает обряд и общение с церковью как с общественным институтом, подобным театру, клубу, союзу, но он не принимает содержание учения как способ мыслить, чувствовать, жить, как психологию поведения, речи, мышления, как описание *образа* для подражания – человека богобоязненного, кроткого, смиренного, послушного, терпеливого, безстрастного, радующегося страданиям, подчиняющегося воле Божией – так возможно жить служителю церкви, монаху, схимнику – но богобоязненный воин, послушный ученый, безстрастный писатель, радующийся засухе крестьянин, кроткий народный трибун?!] ...«Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде [а почему бы и нет?! О, модницы, трепещите!], но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом.»

И далее апостол противопоставляет духовную, внутреннюю красоту – внешней, в частности нарядной одежде и украшениям... Но христианская церковь и всякую красоту пыталась унижить, противопоставляя стремлению к ней – в одежде, украшении жилищ, живописи, зодчестве, ваянии – одевание рубища и изъязвление тела струпьями. Не потому ли ныне из телевизора и льется бесноватый поток, что христианство с ним не воевало, беснованию не противостояло, а воевало с "идолами" в Афинах, с красотой женского тела, с гимнастикой и гимнастическими играми, даже с детскими играми и игрушками, то есть с радостью языческого детства? Воевало с театром, наукой, математикой, философией, развитием права и государственного устройства... воевало даже с стремлением к духовному совершенствованию, ибо «блаженны нищие духом»!

7-8. «Также и вы, мужья, обращайтесь благоразумно с женами, как с *немогущим сосудом*... Будьте все *единомысленны*, сострадательны, братолюбивы, милосерды, дружелюбны, *смирennemудры*; ...уклоняйтесь от зла и делайте добро...»

16-21. «Имейте добрую совесть... лучше пострадать за добрые дела, нежели за злые»; однако, говорит апостол далее, спасают нас [все таки] не совесть, не добрые дела, но *лишь воскресение Иисуса Христа*.

4. 1-7. Да и довольно того, что «вы в прошедшее время жизни поступали по воле языческой, предаваясь» всяческим непотребствам – «нечистотам, похотям... *помыслам...*», ибо... «близок всему конец. Итак будьте благоразумны и бодрствуйте в молитвах.»

[Да, довольно удовольствий, кончилось время наслаждений, теперь только молитвы и ожидания конца света! – будто бы античная история была только блудом, и христианство пришло покарать, посадить в темницу и мучить .. да так оно, собственно говоря, и произошло!]

8-10. [Однако, при всем при том] «имейте усердную любовь друг ко другу, потому что любовь покрывает множество грехов.»

«Будьте **страннолюбивы** [?] друг ко другу без ропота.»

«Служите друг другу, каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители многообразной благодати Божией.»

12,15. Если вас злословят, гонят, причиняют страдания «за имя Христово, то вы блаженны...» «Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое...»

5. 1. Назидание пастырям пасти Божие стадо, ... не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду ... «потому что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать.»

7. «Все заботы ваши возложите на [Бога], ибо Он печется о вас.»

8-10. «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить. Противостойте ему твердою верою, зная, что такие же страдания случаются и с братьями вашими в мире. Бог же всякой благодати, призвавший нас в вечную славу Свою во Христе Иисусе, Сам, по кратковременном страдании вашем, да совершит вас, да утвердит, да укрепит, да соделает непоколебимыми.»

ВТОРОЕ СОБОРНОЕ ПОСЛАНИЕ СВЯТАГО АПОСТОЛА ПЕТРА

Глава 1. – 5.

1. 1-2. «.. благодать и мир вам ... в познании Бога и Христа Иисуса, Господа нашего.»

3, 5-7.. «[Так] как от Божественной силы Его даровано нам все потребное для жизни и благочестия.. то вы... покажите в вере вашей добродетель, в добродетели рассудительность, в рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие, в благочестии братолюбие, в братолюбии любовь.»

11. «...так откроется вам свободный вход в вечное Царство Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа.»

13-14. «Справедливым же почитаю, доколе нахожусь в этой *телесной* храмине, возбуждать вас напоминанием, зная, что скоро должен оставить храмину мою, как и Господь наш Иисус Христос открыл мне.»

16. «...мы возвестили вам силу и пришествие Господа нашего Иисуса Христа ... быв очевидцами Его величия. Ибо Он принял от Бога Отца честь и славу, когда от велепной славы принесся к Нему такой глас: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение.»

[Не таков ли народ, как молитвы его? А каковы молитвы нашего юного поколения, которое если еще не народ, то скоро им уже станет, когда нас, отцов и дедов, не станет? Молитвы его – это песни, которые оно слушает, притом само петь не умеет даже эти песни, даже плохо, даже фальшиво. Каковы же его песни, избранные им из сотен, и собранные в десятку лучших?

Пока я читаю обличения язычников, иные из которых не тверды в благочестии, из телеящика извергается то бляенье "Зверей", то "девушка Прасковья" начинает вопить, то "черный бумер" беснуется, потом уже целая стадионная толпа вопиет про любовь, "улетающая от кайфа", потом нимфоманки... – и вот это телевидение, этакое и только такое, ежедневно, ежечасно, ежеминутно лезет в глаза и уши, распиная наши души и наш народ. И ведь я не монах, и на красоток смотрю от макушки до пят – но даже в сумасшедших домах, где мне приходилось неоднократно "сидеть", не приходилось мне сталкиваться с таким потоком пошлой, грязной, похотливой и тошнотворной "любви" – в передачах для озабоченных подростков, для пресыщенных интеллигентов, утонченных "цветных" – сине-голубых и розовых.

Кто же тогда у власти? Кто же царствует над моим народом, начальствует над ним и надо мною? Справедливо ли призывают нас апостолы: быть «покорными всякому человеческому начальству»?; «этот [ли] глас, принесшийся с небес, [они] слышали, будучи с Господом на Святой горе»? Действительно ли они имели «вернейшее пророческое слово; и ...никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым»?]

Обличение лжепророков. Правда, далее апостол говорит, что «были и лжепророки в народе, как и у вас будут лжеучители, которые введут пагубные ереси и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель.» Кого же имел он в виду – *человеческое начальство*, от царя до митрополита, от вождей всех народов до секретарей коммунистических комитетов, которым мы повиновались со страхом и трепетом, а то и любовью, устлая косточками божий мир, поливая его кровью... или только таких, как я, протестующих против заплечных дел мастеров, преимущественно начальствующих над моим народом, от Иоанна Грозного, до Иосифа Лютного?!]

2. 1-3. Но «суд им давно готов, и погибель их не дремлет. Ибо, если Бог ангелов согрешивших не пощадил... если не пощадил первого мира... если города Содомские и Гоморрские... превратил в пепел... то, конечно, знает Господь, как ... *беззаконников* соблюдать ко дню суда, для наказания, а наипаче тех, которые *идут вслед скверных похотей плоти*,

презирают начальства, дерзки, своевольны и не боятся злословить высших, тогда как и Ангелы, превосходя их крепостью и силою, не произносят на них пред Господом укоризненного суда»... Однако, лжепророки будут наказаны, и «в растлении своем истребятся.»

15-18. «Оставив прямой путь, они заблудились... Это безводные источники, облака и мглы, гонимые бурей: им приготовлен мрак вечной тьмы. Ибо, произнося надутое пустословие, они уловляют в плотские похоти и разврат тех, которые едва отстали от находящихся в заблуждении. Обещают им свободу, будучи сами *рабы тления*; ибо, кто кем побежден, тот тому и раб. ...Лучше бы им не познать пути правды, нежели, познав, возвратиться назад от преданной им святой заповеди. Но с ними случается по верной пословице: пес возвращается на свою блевотину, и вымытая свинья идет валяться в грязи.»

3. 3-4. «Прежде всего знайте, что в последние дни явятся наглые ругатели, поступающие по собственным своим похотям и говорящие: где обетование пришествия Его? *Ибо с тех пор, как стали умирать отцы, от начала творения, всё остается так же.*»

5-13. «Думающие так не знают, что вначале словом Божиим небеса и земля составлены из воды и водою: потому тогдашний мир погиб, быв потоплен водою. А нынешние небеса и земля, содержимые тем же Словом, *сберегаются огню на день суда и погибели нечестивых человеков.* Одно то не должно быть сокрыто от вас, возлюбленные, что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день. Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но *долготерпит* нас... *Придет же день Господень, как тать ночью*, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят. ...Впрочем мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда.»

14-17. «Итак, возлюбленные... *долготерпение* Господа нашего почитайте спасением, как и возлюбленный брат наш Павел... написал вам, как он говорит об этом и во всех посланиях, в которых есть нечто *неудобовразумительное...*»

[ВЫКРИКИ О НАБОЛЕВШЕМ.]

Христианство – это учение о том, что *человек пал*, и *мир пал* вместе с человеком, и вот и мир и человек лежат в скверне, а значит и всё общество... Ну, так и не стану спорить, тем паче что отчасти я с этим согласен... Итак, общество в скверне, и если я скажу, что оно *подлое*, то лишь повторю основную христианскую мысль, и все христиане должны будут со мной согласиться. Я только со сроками падения не согласен, русское общество вовсе не "в Адаме и Еве пало", не в Эдеме, а гораздо позже, в эпоху подлых русских революций, и с тех пор находится в непрерывном падении, то приподымет иногда голову, будто очнется от похмелья, то вновь ее опустит. Итак, сегодня общество подлое, и не из страха, а потому что каждому хочется спать, жрать и наслаждаться, и

никто не хочет идти на Красную Площадь с протестом против растления страны. Из выгребной телевизионной ямы прорыты каналы, и хлещут нечистоты в дома и души, а отцы семейств лежат на диванах – и что им Минины и Пожарские?! И вот читаю Апостолов, "лежа на пальме" (почти как отцы семейств), а они тоже возмущены упадком нравов в первом столетии – не таким, правда, оглушительным, как ныне, но тоже и тогда иные были не на высоте.. "Вот как шарахнет по вас Господь, как прежде по Содому и Гоморре шарахнул, ужо вззоете!" – вопиют Апостолы. И апостол Петр говорит (во Втором послании, в главе второй):

«.. Суд им давно готов, и погибель их не дремлет... Они... в растлении своем истребятся. Они получают возмездие за беззаконие. ... это сыны проклятия. ... Это безводные источники, облака и мглы, гонимые бурей: им приготовлен мрак вечной тьмы.»

Итак, если шарахнул Господь по Содому и Гоморре атомной, как видно, бомбой (а я думаю, что у Него и атомная бомба была, конечно) ради одного только праведного Лота, который «утомился обращением между людьми неистово развратными», то возможно и нам уповать, что вонмет Он молитве праведных – и моим мольбам тоже, уж как я-то *утомлен* житием в Российском вертепе, да еще и в тюрьме! – и шарахнет, как прежде, даже водородной бомбой по гнездам разврата!

Было время, я возмущался тем, что Господь казнит неразборчиво – растлил, мол, один из десяти, а на расстрел ведут всех десять!; и что пророки вопиют и проклинают и призывают конец света и возмездие на головы *всего* человечества.

Но вот говорит в праведном гневе апостол Петр: «тогдашний мир погиб, быв потоплен водою. А нынешние небеса и земля, содержимые тем же словом, *сберегаются огню на день суда и погибели нечестивых* ...

Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят.» – так разве это плохо против негодяев?!

Христианство отрицает насущную жизнь, перечеркивает её как неудавшуюся, требуя ее замены на новую, *потустороннюю*... – так, может быть, это и правильно?! Выливаем же мы грязную воду, так не справедливо ли и Господь выливает неудавшееся человечество, куда налилось с дождями и порывами ветра, по злему ли умыслу, или сами собой мы начали загнивать, столько мерзости – от власть предержащих и их холуёв, от жадных и злых, синих и голубых, папиных дочек, чьих-то сучек, шелудивых шакалов, нового ворья и старого зверья?!

Но *«суд им давно готов, и погибель их не дремлет!»*

Христианство – это *учение о последних днях*. Его всегдашнее внутреннее противоречие в том, что оно начало с отрицания "падшего" мира, ожидая и уповая конца света, а не дождавшись его, нехотя благословило мир, хотя бы и в частности.]

ПЕРВОЕ СОБОРНОЕ ПОСЛАНИЕ
СВЯТАГО АПОСТОЛА ИОАННА БОГОСЛОВА

Главы 1. – 5.

1. 1. «О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни..»

5-7,9. «И вот благовестие, которое мы слышали от Него и возвещаем вам: Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы. Если мы имеем общение с Ним, то ходим, подобно как Он во свете, и не можем ходить во тьме, и Кровь Иисуса Христа, Сына Его, очищает нас от всякого греха.»

«Если [мы] исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды.»

2. 2-4. «Он есть умиловительство [то есть жертва] за грехи наши, и не только за наши, но и за *грехи всего мира.*»

«А что мы познали Его, узнаём из того, что соблюдаем Его заповеди. Кто говорит: "я познал Его", но заповедей Его не соблюдает, тот лжец, и нет в нем истины.»

5, 10-11. А так как главная Его заповедь есть любовь, мы должны пребывать в любви, поэтому, «кто любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нем соблазна. А кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме...»

12-14. Далее апостол несколько раз поэтически повторяет: «Пишу вам, дети, потому что прощены вам грехи ради имени Его. Пишу вам, отцы, потому что вы познали Сущего от начала. Пишу вам, юноши, потому что вы победили лукавого. Пишу вам, отроки, потому что вы познали Отца...»

15-17. [Но] «*Не любите мира, ни того, что в мире:* кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек.»

[Так и звездное небо над головой – не похоть ли это очей?!]

18. «*Дети! последнее время...*»

25. «Обетование же, которое Он обещал нам, есть жизнь вечная.»

3. 1-2. «Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими. ...Возлюбленные! мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть.»

5-6. «. Вы знаете, что Он явился для того, чтобы *взять грехи наши*, и что в Нем нет греха.»

«Всякий, пребывающий в Нем, не согрешает; всякий согрешающий не видел Его и не познал Его.»

8-9. «Кто делает грех, тот от диавола, потому что сначала диавол согрешил. ... Всякий, рожденный от Бога, не делает греха...»

13-14. «Не дивитесь, братия мои, если мир ненавидит вас. Мы знаем, что мы перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев; не любящий брата пребывает в смерти.»

17-18. «... Кто имеет недостаток в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце свое, – как пребывает в том любовь Божия? Дети мои! станем любить не словом или языком, но делом и истиною.»

21-24. Бог *даст нам всё, что ни попросим*, если будем соблюдать заповеди Его... А заповедь Его та, чтобы мы веровали во имя Сына Его Иисуса Христа и любили друг друга, как Он заповедал нам. И кто сохраняет заповеди Его, тот пребывает в Нем, и Он в том.

А что Он пребывает в нас, узнаём по духу, который Он дал нам.»

[Последнее исключительно важно, это значит, что мы *в состоянии знать*, когда Господь пребывает в нас.]

4. 1-3. Хотя апостол тут же поправляет себя: «... не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лже-пророков появилось в мире. Духа Божия (и духа заблуждения) узнавайте так: всякий дух, который *исповедует* Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога; а всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет и теперь есть уже в мире.»

5-6. «Они [дúхи зла] от мира, потому и говорят по-мирски, и мир слушает их. Мы от Бога; знающий Бога слушает нас; кто не от Бога, тот не слушает нас. По сему-то узнаём духа истины и духа заблуждения.»

8,10. «**Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь.**» [Но о какой любви идет речь?! Нет, это не та известная нам любовь наша друг к другу, или к семье, природе, отечеству, но] «в том любовь, что *не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас* и послал Сына Своего [на смерть] в умиростивление за грехи наши.»

12. «**Бога никто никогда не видел. Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает...**»

15-16. «Кто исповедует, что Иисус есть Сын Божий, в том пребывает Бог, и он в Боге. ... **Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем.**»

18. «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви.»

20-21. «**Кто говорит: "я люблю Бога", а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?** И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего.»

[Это не совсем то, что проповедовал Христос в Евангелиях, говоря, что во-первых надо любить Бога, и только во-вторых – ближнего своего.

Иоанн пытается соединить обе заповеди, преодолеть их противостояние, которое явственно в учении и было основополагающим в истории церкви – не оттого ли Жанну сожгли?]

5. 1-12. Кто любит Бога, тот любит и Сына Божия, соблюдает и заповеди Его, и «заповеди Его нетяжки. Ибо всякий, рожденный от Бога, *побеждает мир*. [А] кто побеждает мир, как не тот, кто верует» в Иисуса? «Ибо три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух; и Сии три суть едино. И три свидетельствуют на земле: дух, вода и кровь; и сии три об одном... Свидетельство [же] сие состоит в том, что Бог даровал нам жизнь вечную, и сия жизнь в Сыне Его. Имеющий Сына (Божия) имеет жизнь; не имеющий Сына Божия не имеет жизни.»

14-15. «И ... когда просим чего по воле Его, Он слушает нас. А когда мы знаем, что Он слушает нас во всем, чего бы мы ни просили, – знаем и то, что получаем просимое от Него.»

16-17. Далее апостол говорит о разделении грехов: Всякая неправда есть грех; но если это *грех не к смерти*, о нем надо молиться, и Бог простит этот грех...

19-20. «Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле. Знаем также, что Сын Божий пришел и дал нам свет и разум... Сей есть истинный Бог и жизнь вечная.»

ВТОРОЕ СОБОРНОЕ ПОСЛАНИЕ СВЯТАГО АПОСТОЛА ИОАННА БОГОСЛОВА

4-11. «Любовь же состоит в том, чтобы мы поступали по заповедям ... Иисуса Христа.. Всякий, престапующий учение Христово и не пребывающий в нем, не имеет Бога; пребывающий в учении Христовом имеет и Отца и Сына. Кто приходит к вам и не приносит сего учения, того *не принимайте в дом и не приветствуйте его*. Ибо приветствующий его участвует в злых делах его.»

[Вот какова *христианская терпимость* даже у кроткого Иоанна, проповедующего любовь к человеку прежде любви к Богу, проповедующего *совершенную любовь, изгоняющую страх!* Сильна иудейская закваска, и не обходится без нее христианское тесто.]

СОБОРНОЕ ПОСЛАНИЕ СВЯТАГО АПОСТОЛА ИУДЫ

1-2. «Иуда, раб Иисуса Христа, брат Иакова, *призванным..* милость вам и мир и любовь да умножатся.»

5, 11-13. Далее следуют увещания и предостережения верным и обличение нечестивых. Ибо если Господь даже ангелов, «не сохранивших своего достоинства, но оставивших свое жилище, соблюдает в вечных узах, под мраком, на суд великого дня», и Содом и Гоморру и окрестные города подверг казни огня вечного, то «так точно будет и с сими мечтателями, которые оскверняют плоть, *отвергают начальства и злословят высокие власти.* ... Горе им, потому что идут путем Каиновым, предаются обольщению мзды, как Валаам, и в упорстве погибают, как Корей... Это безводные облака, носимые ветром; осенние деревья, бесплодные, дважды умершие, исторгнутые; свирепые морские волны, пенящиеся срамотами своими; звезды блуждающие, которым блудится мрак тьмы на веки.»

16. «Это ропотники, ничем не довольные, поступающие по своим похотям (нечестиво и незаконно...)»

19. «Это люди, отделяющие себя (от единства веры), *душевные*, не имеющие духа.»

[Это противопоставление *душевных* духовным так и неразрешено философией до сих пор. Кажется, еще блаженный Августин сказал, что наша душа – христианка. Но в таком случае в человеке именно Душа должна бы быть приоритетна, а не Дух?]

20-23. «А вы, возлюбленные, назидая себя на святейшей вере вашей, молясь Духом Святым, сохраняйте себя в любви Божией ... И к одним будьте милостивы, с рассмотрением, а других страхом спасайте, *исторгая из огня*, обличайте же со страхом, гнушаясь даже одеждою, которая осквернена плотью.»

[В стихе 9 апостол приводит в пример *неосуждения*, что даже «Михаил Архангел, когда говорил с диаволом, споря о Моисеевом теле, *не смел произнести укоризненного суда*, но сказал: "да запретит тебе Господь"» – но в предыдущих стихах разве не яростные укоры в адрес инаковерующих, не призыв обличать их, даже запугивая огнем? – а и запылали позже огни, как только стала их власть!]

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
АПОСТОЛ ПАВЕЛ – СУДЬБА И ДРАМА

К РИМЛЯНАМ ПОСЛАНИЕ
СВЯТАГО АПОСТОЛА ПАВЛА

Главы 1. – 4.

1. 1-7. «Павел, раб Иисуса Христа ... избранный к благовестию Божию, которое Бог прежде обещал через пророков Своих, в святых писаниях, о Сыне Своем, *Который родился от семени Давидова по плоти* и открылся Сыном Божиим в силе, по духу святыни, через воскресение из мертвых, ... через Которого мы получили благодать и апостольство, чтобы во имя Его покорять вере все народы, ... всем находящимся в Риме возлюбленным Божиим.»

9-16. Непрестанно вспоминая о вас, просил в молитвах моих, «чтобы воля Божия когда-нибудь благопоспешила мне прийти к вам, ... чтобы иметь некий плод и у вас, как и у прочих народов.»

«Я должен и Еллинам и варварам, мудрецам и невеждам; ... я готов благовествовать и вам, находящимся в Риме. Ибо я не стыжусь благовествования Христова, потому что оно есть сила Божия ко спасению всякому верующему, *во-первых, Иудею, потом и Еллину.*»

[Еще пока не знал апостол, что уже скоро у него же будет не только Еллину *во-первых*, но даже и *потом* не Иудею.]

21-27. «Но как они, познав Бога, не прославили Его, как Бога, .. но осуетились в умствованиях своих, ... называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся, ... и поклонялись, и служили твари вместо Творца [то есть, создали величайшее в мире искусство], предал их Бог постыдным страстям... так что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распри, ... клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, *горды*, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы.»

32. «Они знают праведный суд Божий, что *делающие такие дела достойны смерти*; однако не только их делают, но и делающих одобряют.»

[Вторник, **19 октября**, День Лицея. По телевизору передают американскую мерзость, и тема всё та же: *где, как, и с кем...* независимо от "сексориентации", цвета кожи и положения тела...]

"Зараза" *ненавидит* дружка, с которым "между ними любовь", а я ненавижу их всех, с прокладками и без.. Да, я уже не негоду на

призывания апостолами *конца света и огненного крещения*, и сам их призываю! Черт с ними, с неправедными, да и с нами, праведными – что с нашей праведности, если с *мерзостью запустения* мы не воюем, а стремимся только к личному благоденствию – ученые, актеры, философы и инженеры (человечьих, якобы, душ) – зарплата, премия, признание, слава, пенсия... («*Дети Божии и дети диавола узнаются так: всякий, не делающий правды, не есть от Бога.*» И еще: «*Кто говорит, что пребывает в Нем, тот должен поступать так, как Он поступал.*») А кто из нас, праведников, прикуёт себя к Царь-пушке, как архитектор Барановский к Храму Василия Блаженного, который замыслил безумный народ наш сломать? Не затем ли бедствия и выпали на нашу долю, чтобы наказать народ, а наказывает Господь всех вместе, ибо «придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят»?

В 70-ом году, оказавшись в тюрьме, я убедился в том, что "*у социалистического зверя выпали зубы, он одряхлел*", ибо в камерах сидели по двое, тюремный персонал обращался к нам на "Вы" – а в теперешнюю *эпоху свободы и демократии* в камере, *рассчитанной* на 12 человек (при "норме" в полтора квадратных метра на одного), еще полгода назад сидели по 50-60 человек, "маски" избивают непокорных и сегодня, а особо строптивых сажают в "пресс-хаты".

Страх пронизывает не только тюрьму, но и общество, мы беззащитны на улице, в подворотне, в подъезде, на лестничной площадке и даже в собственной квартире. Но и общество пало, оно не способно к ропоту, даже на коленях, и сегодня даже единичных героев, вроде Буковского, не выдвигает из съезжившихся своих рядов. После оттепели шестидесятых, весенне-летнего раздолья семидесятых и восьмидесятых, наступили пожар и мор девяностых, и *распутица* начала нового тысячелетия.

Если, опомнившись после большевистского террора, общество было способно к сочувствию, раскаянию и негодованию, то сегодня – только к насмешке, глумлению, злорадству, соучастию в клевете, навету, унижению, насилию, убийству, сладострастию и похоти. Его бесполезно обличать, оно угнуло, наконец, и душою и телом, в грязи и мерзости, и уже не способно видеть, слышать и обонять. О состоянии общества красноречиво говорят его тюрьмы – если нация гноит свою оступившуюся часть в душегубках, и прокатывает через них, вал за валом, себя целиком, то бесполезно звать к её совести, остается либо бежать в непроходимую тайгу, либо умереть.

Да и надо ли засиживаться за пиршественным столом жизни, где все уже съедено, выпито, разорено, не благороднее ли уйти?

Правда, хотелось бы еще побыть на свободе, попариться в бане с друзьями, выпить на воле... Но так тоскливо и тягостно от чувства бессилья, от невозможности повлиять на "среду обитания" (не говорю про тюрьму, но про волю) в лучшую сторону, что вновь хватаюсь за Новый Завет, где та же безысходность, и если не "смрад болот", то *безводная пустыня, безводные облака, дважды умершие осенние деревья.*]

2. [Однако, *обличив* Еллинов во всех мыслимых пороках и смертных грехах, и установив, что они *достойны смерти*, то есть *осудив* их (как и во все века нетерпимости только и делают христиане, что *осуждают* инакомыслящих), Апостол (почти как истый марксист)"диалектически" продолжает:]

1. «Итак, *неизвинителен ты*, всякий человек, *судящий другого*, ибо тем же судом, каким судишь другого, осуждаешь себя, потому что, судя другого, делаешь то же.»

2-8. Далее, однако, он продолжает обличения инакомыслящих и говорит, что Бог «воздаст каждому *по делам его*: тем, которые постоянством в добром деле ищут славы, чести и бессмертия, – жизнь вечную; а тем, которые упорствуют и не покоряются истине, но предаются неправде, – ярость и гнев.»

9-12. «Скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое, во-первых, Иудея, потом и Еллина! Напротив, слава и честь и мир всякому, делающему доброе, во-первых, Иудею, потом и Еллину! Ибо нет лицепрятия у Бога. Те, которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибнут; а те, которые под законом согрешили, по закону осудятся.»

14-22. «... ибо когда язычники, не имеющие закона, *по природе* законное делают, то... они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую.» Иудеи же, вместо того, чтобы быть образцом добродетели, сами скверны; «проповедуя не красть, крадут, говоря: "не прелюбодействуй", прелюбодействуют, гнушаясь идолов, святотатствуют.»

Далее идет продолжение полемики в связи с вовлечением в церковь язычников и необходимости или нет для них *обрезания*:

24-28. «Обрезание полезно, если исполняешь закон; а если ты преступник закона, то обрезание твое стало *необрезанием*. Если необрезанный соблюдает постановления закона, то его необрезание не вменится ли ему в обрезание? ... *Ибо не тот Иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти; но тот Иудей, кто внутренне таков*, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве... »

[Новое учение, уже и выйдя за пределы синагоги, пока занимается *вовлечением* необрезанных в число *сектантствующих* Иудеев].

3. 1. «Итак, какое преимущество быть Иудеем, или какая польза от обрезания? Великое преимущество во всех отношениях, а наипаче в том, что им вверено слово Божие.»

[А есть ли *преимущество* в том, чтобы быть русским? Увы, быть русским – это не преимущество, а наказание! Возможно, что и русским было что-то *вверено*, иначе бы не создали они великую литературу, великую музыку – но ныне русский народ на дне... почти в том же смысле, что и последний божж. Город, построенный великими зодчими,

преимущественно итальянцами и французами, русский одичавший народ пытается уничтожить, даже рядом с Александринкой возводит бешеные коробки, за Мариинкой – осиный капшук, между Знаменской (ныне Восстания) и Невским застраивает дворы, уничтожая без разбору что ни попададя. Как не призывать вместе с апостолами кару на осатаневший народ?! И его ли это культурное наследие, принимал ли он участие в строительстве города, или только как раб таскал камни, не прикипев душой к его красоте? Но кто же тогда создал мой прекрасный язык, если русский человек к красоте безучастен?!

3-4. Ибо, хотя «некоторые и неверны были, *неверность их уничтожит ли верность Божию [избранному народу]? Никак. Бог верен, а всякий человек лжив*, как написано [о Господе]: Ты праведен в словах Твоих и победишь в суде Твоем.»

5-6. Но если «наша неправда открывает правду Божию, то... не будет ли Бог несправедлив, когда изъясляет гнев? ...Никак. Ибо иначе как Богу судить мир?»

7-8. Однако, «если верность Божия возвышается моею неверностью», ... то «за что еще меня же судить, как грешника? И не делать ли нам зло, чтобы вышло добро, как некоторые злословят нас и говорят, будто мы так учим?»

9-12. «Итак, что же? имеем ли мы преимущество? Нисколько. Ибо мы уже доказали, что как Иудеи, так и Еллины, *все под грехом*, как написано: нет праведного ни одного; нет понимающего; никто не ищет Бога; все совратились с пути, до одного негодны; нет делающего добро, нет ни одного (Псал. 13, 1-3).»

[Вот она, центральная идея Павловского учения – «все под грехом... нет праведного ни одного...» – что же тогда представляет из себя человек, всякий без исключения, если «все ... до одного негодны»!]

13. «Гортань их – открытый гроб; языком своим обманывают; яд аспидов на губах их (Псал. 5, 10, 139, 3).»

14-18. «Уста их полны злословия и горечи. Ноги их быстры на пролитие крови; разрушение и пагуба на путях их; они не знают пути мира. Нет страха Божия перед глазами их (Исайя 59, 7).»

[Впрочем, у Павла эти слова – в обоснование учения о всеобщей порче, а у пророков – "глас вопиющего в пустыне", вопль человека, ужасающегося неправде мира и обличающего неправду; неправда же и действительно присутствует почти во всех человеках, хотя и в разной мере, а именно: есть *делатели зла*, есть *бездействующие в сопротивлении злу*, есть те, кто *недостаточно действен в утверждении добра* – смещение всех нас, всего человечества в одном образе грешника, почти дьявольского отродья, «яд аспидов на губах» которого, а «гортань – открытый гроб», унижает не только человека, но и всё его духовное творчество, от "Начал" Евклида до музыки Скрябина, и в конечном счете унижает и *Творца всяя сущая*.

Мир, каким мы его созидаем в эпохи упадка, воистину способен исторгнуть вопль негодования из уст того, кто способен *взглянуть окрест себя*, и душа которого *страданиями человеческими уязвляется* – только в чем причина пагубного состояния мира – человек, или система власти? Если вправду «всякий человек лжив», и «весь мир виновен перед Богом», то и действительно бесполезно что-либо менять в этом мире (да и в самом себе, как увидим позже).

Но если люди различны, и одни стремятся к добру, другие к злу, в третьих же все вперемешку, то общество может стремиться либо к благой цели, либо служить дьявольским затеям, и сие зависит от власти, то есть от механизма подавления – когда власть в руках бесноватых, то тьма и зло нас пронизывают и питают; когда власть в руках просветленных, то и общество просветляется.

Следовательно, тот или иной взгляд на историю либо побуждает, либо препятствует нам действовать, христианство лишает праведных побуждения к переустройству мира, и потому я против такого христианства. Да ведь и сам апостол Павел не ожидал Божьего Суда, а *действовал*, то есть хотя и проповедовал *учение о бездействии*, но строил церковь, то есть пытался изменить современный ему мир. Деятельность христианских "строителей" двойственна – они создают деятельную церковь, поддерживают государство и сами стремятся стать государством (и в Средние века им это удалось) – и они же проповедуют отказ от жизни!]

19-20. Но мы знаем, что... весь мир виновен пред Богом, «потому что делами закона не оправдается пред Ним никакая плоть; ибо *законом познаётся грех.*»

[Смысл последнего не до конца ясен – но кстати вспомнить, что некоторые писания Апостола Павла казались *неудобовразумительными* даже его сподвижникам, и Апостол Петр во Втором Послании (гл. 3, 16) говорит о них так: «Итак, возлюбленные... долготерпение Господа нашего почитайте спасением, как и возлюбленный брат наш Павел, по данной ему премудрости, написал вам, как он говорит об этом и во всех посланиях, в которых есть нечто *неудобовразумительное*, что невежды и не-утвержденные, к собственной своей гибели, *превращают*, как и прочие Писания.» То есть – переиначивают, искажают?

Возможно, Апостол имеет в виду, что язычники виновны пред Богом *по природе*, лишены Закона и избранности, а иудеи виновны, поскольку *нарушают* Закон (хотя, с другой стороны, ранее он уже утверждал, что "делами закона никто не оправдается"). Онтологическое противоречие Учения состоит в том, что *предназначено оно было избранному народу*, то есть Иудеям (и именно этот народ утверждался, восхвалялся и противопоставлялся всему миру как *народ Божий*), а поскольку Иудеи его в конце концов преимущественно отвергли, кроме горстки учеников Христа, то на ходу здание Учения перестраивалось, сначала чтобы впустить туда *язычников* хотя бы с черного хода, потом – впустить их

туда равноправно, а потом уж и всё Учение стало утверждаться как *предназначенное только для них*, а "жиды Христа распяли".]

21-26. «Но ныне... явилась правда Божия ... через веру в Иисуса Христа во всех и на всех верующих, ибо *нет различия*, потому что **все** согрешили и лишены славы Божией, получая [ныне] оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе, которого Бог предложил в жертву умилостивления в Крови Его *через веру*, для показания правды Его в прощении грехов, соделанных прежде, во время долготерпения Божия, к показанию правды Его в настоящее время, да явится Он праведным и оправдывающим верующего в Иисуса.»

[В следующих стихах окончательно отменяется противопоставление иудеев язычникам]:

27-30. «Где же то, *чем бы хвалиться* [иудеям перед язычниками]? Уничтожено. Каким законом? законом дел? Нет, но законом веры. Ибо мы признаём, что **человек оправдывается верою, независимо от дел закона**. Неужели Бог есть Бог Иудеев только, а не и язычников? Конечно, и язычников, потому что один Бог, Который оправдает обрезанных *по вере* [?] и необрезанных *через веру* [?].

31. «Итак, мы уничтожаем закон верою? Никак; но закон утверждаем.»

[Весьма сомнительное утверждение закона – хотя остались ссылки на Библию, на ветхозаветную историю, на заповеди Моисеевы и книги пророков – но смысл веры и обетования изменился кардинально!

Так верою или делами оправдание и спасение человекам?

Протестантизм в Новое время, выступив с критикой традиционной (католической) церкви, казалось бы, должен был утвердить более рациональные основания религии, и поставить праведные дела в основание Спасения; но он, напротив, еще более усилил значение веры, и окончательно утвердил ее как единственный источник Спасения (не говоря уж о *предопределении*, кое, вероятно, не нуждается даже в вере.

Но соперничество *праведных дел и веры* имело место еще при рождении христианства.

Так, в частности, апостол Иаков в Послании (2, 19-26) говорит: «*Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва?*»

Однако, апостол Павел в основание религии решительно ставит *веру*, умаляя значение *дела*.]

2-5. «Если Авраам оправдался делами, он имеет похвалу, но не пред Богом. Ибо что говорит Писание? *Поверил* Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность (Быт. 15, 6). Воздаяние делающему вменяется не по милости, но по долгу. *А не делающему*, но верующему в Того, Кто оправдывает нечестивого, *вера* его вменяется в праведность.

6-8. Так и Давид называет *блаженным* человека, которому Бог вменяет праведность *независимо от дел* [надеюсь, хоть не *вопреки*?]: Блаженны, чьи беззакония прощены и чьи грехи покрыты. *Блажен человек, которому Господь не вменит греха* (Псал. 31, 1-2).»

[Итак, Апостол сравнивает – в отношении к оправданию и *спасению* – *веру с добрыми делами*, иначе говоря, с добродетелями и добродетельной жизнью, представление о которых лежало в основании эллинской этики, и доказывает, что добродетели хотя и заслуживают похвал (перед людьми), но не делают человека праведным и не оправдывают для *спасения* – оправдывают человека *вера* и только *вера, независимо от дел* (или даже *вопреки?*). Итак, мы имеем две противоположные этики – христианскую – *этику веры*, и эллинскую – *этику добродетели и добрых дел*, при этом эллинский мир (считая и Рим его наследником) проиграл в споре, и с третьего по семнадцатый век европейское человечество жило по законам христианской этики. Восемнадцатый век вернул нас в европейскую историю, хотя и соединенную с христианскими верованиями, которые, в свою очередь, существенно уже были изменены европейским сознанием. Сегодня возвращаться к этому спору как будто уже неуместно, тем более в России, где христианская культура неотделима от национальной русской культуры, но разрушение христианского наследия большевистской революцией разрушило до основания и русскую жизнь, и восстановление порушенных храмов, монастырей, церковной жизни служит во благо национальному возрождению – спор мой теперь не об общественных основаниях, он имеет только личное значение, и по существу рассуждаю я о следующем: отвечает ли христианское учение на мои личные вопросы или нет... К сожалению, в христианстве я не вижу путей для преодоления моего собственного кризиса – да и русского кризиса в целом, и поиска новой жизни, – и поэтому от христианства я, кажется, ухожу. Я даже не приглашаю его к спору, я цивилизованно с ним *развожусь*, как развелся когда-то с материализмом и марксизмом, как отстал от теории относительности и психоанализа, и не поддался на лживые посулы либерального мировоззрения, предлагающего радостное соединение личного одиночества и всемирного отечества.

Однако, продолжу *Прения сторон в "бракоразводном процессе"*.

В связи с идеей *оправдания* – оправдывают ли человека *вера* и только *вера*, или *дело* и только *дело* – рассмотрим юридическую практику: суд осуждает человека за его *дела*, но виновность его определяет прежде всего в связи с *умыслом* и намерением, то есть грешной волей, или в связи с *недолжным* поведением, то есть ленью, эгоизмом, трусостью и непредусмотрительностью. И в это же время общество и высшая власть венчают человека не за благие намерения, а за благие дела.

При этом, высшая власть обладает правом *помилования* даже виновного, так же и частные лица *милуют* своих близких большей частью помимо дел, не зря и говорится, что "не по хорошему мил, а по милу хорош" – да и слава Богу, что так!

Бог-Отец и Бог-Сын вольны идти даже дальше, Творец *избрал* для Себя народ – причем, не лучший, по мнению его собственных пророков, призывающих на него Божьи кары за его неправедность – для излияния

на него Своей воли и *милости*, и, по мнению Розанова, в 17-ом году даже подверг казням египетским Российскую империю и народ русский как раз за проступки (если они еще и были) по отношению к Егё народу; Спаситель также явился искупить грехи Своих соотечественников, но по странной иронии судьбы был ими же отвергнут, и искупил уже чужие грехи, не Своего народа; явившись гонителю христиан Савлу, сделал его Своим проповедником; в лютом разбойнике Кудеяре ни за что ни прб что *пробудил совесть*, да и вообще преимущественно из мусора людского, из падших и отвергнутых навербовал Себе сторонников, отвергая образованных и почтенных (книжников и фарисеев, и членов синагоги). Если *праведность вменил Бог Аврааму за его веру* (и сие Павел тщится поставить в основание своего учения о *вере как пути спасения*), то самому Павлу *вменил* Иисус Христос даже *святость и благодать Божию вопреки* его делам гонителя христиан и вопреки его прежнему *неверию* в Иисуса Христа. Итак, Господь волен не вменить греха, вменить даже святость неясно за что, даже искупить Своей кровью чужие грехи (воистину для этого надо любить того, для кого идешь на жертвы, так и мать жертвует собою для детей своих); да, Господь может подвинуть грешника к святости, как обычно это было с христианскими святыми или с апостолом Павлом – но всё же именно проповедническая деятельность Павла и его страстные Послания, созидавшие христианское Учение, соделали из бывшего фарисея – "фарисея из фарисев", и из бывшего еврея – "еврея из евреев" – Апостола новой Церкви, нового учения, и *вера его была деятельной*.

Правда, эти мои замечания еще не решают вопроса о приоритете *веры* или *добродетели* в становлении праведника и в спасении души. Добрые дела и добродетели делают человека правильным и достойным, но их недостаточно, чтобы произошли Пробуждение и Преображение (которые апостол Павел, вероятно, и имеет в виду, говоря о Спасении).

Но что необходимо для Пробуждения?

Достаточно ли быть *добродетельным*, или необходимо *веровать*?

Или надо *быть разбойником*? Или *просто жить*, прозябая, ибо "от человека ничего не зависит", как полагает большинство христиан?

Для оправдания и спасения необходимо и достаточно верить в Бога, и верить в то, что Иисус есть Христос, то есть Спаситель, «которого Бог предложил в жертву умиловления ... для показания правды Его в прощении грехов», полагает апостол Павел. *Вера без дел мертва*, возражают ему апостолы Иаков и Пётр. *Недостаточно даже веры*, только Господь решает (по своей воле), кому спастись, а кому погибнуть, утверждают Кальвин и Лютер.

Далее пространные и весьма изощренные рассуждения апостола Павла вновь посвящаются камню преткновения при родах новой религии – можно ли с проповедью веры в Иисуса Христа обращаться к язычникам (необрезанным), или только к иудеям (обрезанным)?

Священное Писание – Богодухновенная книга еврейского народа, Бог Священного Писания – это Бог евреев, Бог Авраама, Исаака и Иакова,

проявляющий волю Свою через историю евреев, данные им заповеди, через Откровение, явленное пророками; и еврейский народ – это единственный собеседник Бога, которому Он открывает Себя, в котором, для которого и через которого Он осуществляет Свою волю.

При создании новой церкви апостолы столкнулись с тем, что евреи остались верны старым преданиям, и не приняли нового учения; следовательно, оставалось нести его язычникам – но так как это учение органически вытекало из старых верований, то надо было обосновать собственное отступничество от богоизбранного народа, а для того доказать, что и еврейский Бог и старое учение обращены *ко всем*, то есть не только к евреям, но и к язычникам (необрезанным), и даже изначально сие якобы так и было задумано. (Как Еллины были шарахнуты христианством, так русские позже были шарахнуты марксизмом, и сегодня пытаются примирить и собрать воедино лютость большевиков, двойственность христиан и безволие европейской культуры.)

Итак, установив, что *блаженны* те, чьи беззакония прощены и чьи грехи покрыты, апостол спрашивает:]

9-14. «Блаженство сие относится к обрезанию, или к необрезанию? Мы говорим, что *Аврааму вера вменилась в праведность*. Когда вменилась? по обрезании или до обрезания? Не по обрезании, а до обрезания. И знак обрезания он получил, как печать праведности через веру, которую имел в необрезании, так что *он стал отцом всех верующих в необрезании*, чтобы и им вменилась праведность, и отцом обрезанных, не только принявших обрезание, но и ходящих по следам веры отца нашего Авраама, которую имел он в необрезании. Ибо не законом даровано Аврааму, или семени его, обетование – быть наследником мира, но праведностью веры. *Если [только] утверждающиеся на законе [то есть одни лишь обрезанные] суть наследники, то тщетна вера, бездейственно обетование.*»

20-22. Авраам «не поколебался в обетовании Божиим неверием, но *пребыл тверд в вере ...* Потому и вменилось ему в праведность.»

[Какой же *подвиг веры* совершил Авраам? «Он, сверх надежды, поверил с надеждою», что в столетнем почти возрасте (по Божию повелению) он и Сарра родят Исаака... Для чего именно только престарелым еврейский Бог поручает производить нужных Ему людей, неясно, но сие проходит через весь Ветхий Завет. Да, впрочем, и в Новом Завете то же самое, в Евангелии от Луки рассказывается о Захарии и Елисавете: «У них не было детей, ибо Елисавета была неплодна, и оба были уже в летах преклонных», однако по Божию повелению родился у них сын, Иоанн-Креститель, призванный «приготовить пути Господу.»]

23-25. «А впрочем не в отношении к нему одному [Аврааму] написано, что *вменилось ему...*; вменится и нам, верующим в Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса Христа, Господа нашего, Который предан за грехи наши и воскрес для оправдания нашего.»

Главы 5 –8. [Рассуждения о грехе, законе и благодати.]

5. 1-2. «Итак, *оправдавшись верою*, мы имеем мир с Богом через Господа нашего Иисуса Христа, через Которого верою и получили мы доступ к той благодати, в которой стоим...»

[Но Апостол не до конца удовлетворен утверждением *веры* как исчерпывающей *причины спасения*. И поэтому говорит далее: «и хвалимся надеждою славы Божией. И не сим только, но хвалимся и скорбями», и утверждает необходимость своеобразных "дел", дополняющих *веру*, а именно, необходимость надежды и *скорбей*. Поэтому-то *христианские святые* – это не ученые, не воины, не философы и писатели, землепашцы или строители – нет, это – *пострадавшие*. Идея *страдания* как причины преобразования настолько неотделима от *христианского сознания*, что кажется естественным думать, что *страдание* меняет даже и *национальную принадлежность* – вот у Высоцкого говорится (о евреях): "*мы тоже пострадавшие, а значит, обрусевшие*". Да, вероятно, я и сам, несмотря на "бракоразводный процесс", все еще во многом христианин, и о *самодовольных* и эгоистичных думаю, что "*не страдали они еще, потому и самодовольны*"; и в основание своего романа, который я еще отрочестве задумал – "Отбеливание льна" – так же положил страдание. Правда, я не думаю, что *страдание* является *содержанием подвига святости*, и в этом точно расхожусь с христианами. Мои святые – не юноша Себастьян, всего-то пренебрегший "очаровашками", и за это одною из них отмщенный; не Мария Египетская, утомившаяся собственными своими "чарами", привлекавшими мужчин, и бросившаяся в пустыню иссушать свою привлекательность; не "блаженный Иероним", за то блаженный, что чрезмерно жаждал, но пить отказывался... – все они даже кирпича одного не перенесли на строительство общечеловеческого Храма, они только свою *святость* строили, а Храм строили другие – Жанна Орлеанская, воительница, Галилей, изучавший "Книгу Природы" вопреки запретам ревнителю христианской святости, Пастер, открывший вакцину против опустошительной заразы, деревенские бабы, рожавшие детей прямо на поле, почему и не иссякали народы, несмотря на мужские затеи, несмотря на поиски Земли Обетованной, несмотря на походы Кира, Александра и Наполеона...]

3-5. «И не сим только, но хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам.»

6-8. «Ибо Христос, когда еще мы были немощны, в определенное время умер за *нечестивых*. Ибо едва ли кто умрет за праведника; разве за благодетеля, может быть, кто и решится умереть. Но Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками.»

9. «Посему тем более ныне, *будучи оправданы* Кровию Его, спасемся Им от гнева.»

[В популярных евангелических брошюрах утверждается: "радуйтесь, вы уже спасены, *Христос вас любит, он уже оправдал вас* своею смертью на кресте!" – Так нужна ли уже и вера, если мы *уже* спасены? а тем паче нужны ли *скорби*?]

10. «Ибо если, будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его, то тем более, примирившись, спасемся жизнью Его.»

12. «Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что *в нём все согрешили.*»

[Зачем пришел Христос и умер на кресте? Каково содержание Его искупительной жертвы? Апостол объясняет Первородным грехом катастрофическую порчу мира, когда вечное стало временным, нетленное тленным, из сына Божия человек превратился в Его врага и подпал власти Дьявола, и из этой же катастрофы выводит необходимость Божественного вмешательства в метафизику мироздания. Если мир устроен *естественно*, и планеты движутся по эллипсам, а кометы по гиперболам, то движение кометы, даже если она норовит шарахнуть по иудеям и язычникам, не изменится от того, что те и другие прислушаются к проповеди Павла. Но если мир устроен **сверхестественно**, то – кто может преодолеть и исправить **сверхестественную** порчу мира, произошедшую после того, как Ева сорвала злополучное яблоко? Наша ли воля и вера, наши ли добродетели? – или они не при чем, как полагают отцы Протестантизма, Лютер и Кальвин, вслед за апостолом Павлом?

Человечество пало, и мир кардинально испорчен через грехопадение Адама и Евы. Так какой же смысл в рассуждениях о наших текущих, повседневных грехах, о добродетелях, вере и неверии, если мир уже ничем не может быть исправлен, как только жертвою Христа на древе?! Для чего праведная жизнь, для чего споры о том, верую или делами мы оправдываемся перед Богом, если *всё это ничего не значит, пока Бог не принесёт в жертву Своего сына*? Вот в чем это учение, так хитроумно выводимое апостолом из Ветхого Откровения о порче бытия человеком и исправлении бытия кровавой, смертной жертвой Агнца, которого надо было закласть (хотя это не больший ли еще человеческий грех, чем то злополучное послушание Евой отцовского запрета не вкушать сладкого плода – загуляла девка вопреки папиным предостережениям), – оно всё привязывает к идее первородного греха, и в действительности не нужна ни этика, ни вера, ни послания апостолов. Ибо зачем они?

Но спасаемся ли мы через веру в Иисуса Христа, независимо от наших дел, целей деятельности и добродетелей; или уже получили спасение даром, даже независимо от веры, пока неясно. Допуская, что апостол и сам замечает противоречия в своих рассуждениях, но закрывает на них глаза (ибо и не всегда поэтический текст должен быть

свободен от противоречий), я делаю предположение, что распятие и воскресение Христа преодолело онтологический "грех человечества" (о котором далее апостол разъясняет подробнее) как причину абсолютной порчи мира и подготовило возможность индивидуального спасения, создало основания для его действительности, – но не отменило необходимость индивидуальных усилий к спасению, ибо Христос «предан за грехи наши и воскрес для оправдания нашего (Рим. 4: 25).»]

13. «Ибо и до закона грех был в мире; но грех не вменяется, когда нет закона.» [Что сие значит, мне неведомо.]

14. «Однако же смерть царствовала от Адама до Моисея и над несогрешившими подобно преступлению Адама, который есть образ будущего. [?]

15-19. «Но дар благодати не как преступление. [?] Ибо если преступлением одного подверглись смерти многие, то тем более благодать Божия и дар по благодати одного Человека, Иисуса Христа, преизбыточествуют для многих. И дар не как суд за одного согрешившего; ... а .. – к оправданию от многих преступлений. Ибо если преступлением одного смерть царствовала посредством одного, то тем более приемлющие обилие благодати и дар праведности будут царствовать в жизни посредством единого Иисуса Христа. Посему, как преступлением одного всем человекам осуждение, так правдою одного всем человекам оправдание к жизни. Ибо, как непослушанием одного человека сделались многие грешными, так и послушанием одного сделаются праведными многие.»

20-21. «Закон же пришел после, и *таким образом* умножилось преступление. [Почему?] А когда умножился грех, стала преизобилывать благодать, дабы, как грех царствовал к смерти, так и благодать воцарилась через праведность к жизни вечной Иисусом Христом, Господом нашим.»

6. 1-2. [Однако, если «Аврааму вера вменилась в праведность», равно обрезанным и необрезанным; и если Сын Божий явился ко всем, и даже прежде явился к грешникам, и чуть ли не только к ним (как о том Сам Он говорит в Евангелиях), то] «что же скажем? оставаться ли нам в грехе, чтобы умножилась благодать? Никак. Мы умерли для греха: как же нам жить в нем?»

[К кому явился Христос – вот тоже вопрос вопросов. Во-первых, Он Сам заявлял, что явился к падшим; во-вторых, собрались вокруг Него и в самом деле "Бог весть кто"; и в-третьих, и апостолы утверждают, что явился Христос для оправдания грешников: «Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками» (5: 8), «ибо едва ли кто умрет за праведника» (5: 7). Чем же именно грешники так привлекли Христа? Да, может быть, просто тем, что безгрешные не нуждались в Спасителе, а только погибающие; праведники и сами спасутся, а погибающим надо срочно помочь.]

Что же сделал Христос? Даниил Андреев объясняет, что поскольку грешники после смерти мучились в аду, то Христос изменил их судьбу, и посмертие грешников перестало быть вечным страданием, и приобрело *искупительный* характер. Вот так же, идя по берегу житейского моря, мы проходим мимо гуляющих на берегу, а бросаемся на спасение тонущих.

Грешники *не возвышены* над праведниками, а просто больше нуждаются в помощи; хотя сие не значит, что праведники надо пренебрегать и помощи им не оказывать – часто они страдают даже больше грешников, особенно в нашей жизни, подвластной нечистой силе.

Апостол Павел ошибается, думая невольно, что падшие и вправду Христу *дороже* добродетельных, как заблудшая овца дороже пастуху, нежели не заблудшие овцы, и неудачное дитя дороже матери, чем благополучные дети – нет, это не совсем так, Христос больше о них *страдает*, а не ставит их выше; правда, это еще не вся правда, есть тут нечто ещё... «Брат мой заблудший, теперь ты мне ещё дороже!» – воскликнул Толя И–в после одной моей загульной ночи, когда мы с ним вместе были "на картошке"; и апостол Павел интуитивно чувствовал, что в возвышении праведников над грешниками – не только истина, как и в возвышении грешников над праведниками не всё ложь. Многие праведны лишь потому, что подобны засохшим воблам, и Анну Каренину я не укорю ее благонамеренным мужем, не возвышу его над нею, хотя и ее над несчастным рогоносцем не возвышу тоже, тем более не буду сравнивать достоинства Татьяны Лариной и Настасьи Филипповны – обеих мне жалко, обе меня восхищают, и обеими я не хотел бы стать, если бы был женщиной. А кем? Жанной ли Д'Арк? Манон Леско? Полячкой гордой? Боярыней Морозовой? Или деревенской женщиной, вырастившей 13 сыновей и семь дочек?

Итак, не мог придти Христос только к падшим, ибо если Он пришел осушить слезы "Дамы с камелиями" и не услышать рыданий Жанны, то Он недалеко ушел в догматизме от апостола Павла.

Впрочем, и Павел чувствует, что пренебречь *праведниками* для *грешников* – воистину пренебречь лучшими (среди которых и юная Жанна) во имя отверженных, среди которых, правда, не только несчастные и оступившиеся, но и будущие святые, и даже гении (ибо и "гуляка праздный", и "повеса молодой", и "Азь грешный" хотя и не безгрешны, но все же не хуже "благоразумного разбойника", "святой простоты" и нашего несчастного народа, который хотя подчас и не ведает, что творит, но в своей бессмысленной жестокости сдирает с земли русской даже кладбища, в которых косточки пятидесяти поколений его предков, и храмы, построенные его прадедами, и потому заслуживает лютого наказания даже если и не ведает ничего в тупом похмельи. *Похмелье и неведение с похмелья – не оправдание.*

Да, Павел чувствует, что пренебречь *праведниками* для *грешников* – несправедливо, поэтому далее поправляет себя: Христос, говорит Павел, пришел *ко всем*, так как, дескать, «все согрешили.»

И, следовательно, хотя в этой *земной* жизни, по нашим делам, мы разделяемся, но онтологически – все мы носим в себе первородный Адамов грех.

Но если Христос пришел искупить только Адамов грех, то не самонадеянно ли упивающимся радостью жизни восклицать, что Христос нас любит, и Он нас *уже* спас?! Нет, будем еще мы гореть в аду *по делам своим*, и еще сдерут с нас шкуру за наше собственное, и любовью Христа мы не оправдаемся!

А грехи отцов? А наша кровавая революция, уничтожение работающих крестьян, бездарная война под руководством тупой и бездарной сволочи? Эти то грехи не надо ли искупить, хотя бы и правнукам нераскаявшихся преступников?! Вот это-то подлинные, живые грехи, кровь не заpekлась еще в наших сердцах, история нашей страны еще ими пропитана, и слезы не все высохли, и хотя престарелые "победители" похваляются тем, что они "выиграли" войну, и кричат: "Сталина не трожь!", но я еще спрошу и их, терпеливых пехотинцев и артиллеристов: "Где командир ваш, отец мой Иван? Где послевоенное поколение? В какой пропасти ныне наша страна? Из-за пьяницы Ельцина? А не потому ли, что умных и работающих *ваш Сталин* извел, а те, кто вернулся в деревню с войны, спились почти все? Да и где ваши храмы? Где кладбища? Где рощи? Где чистые поля? Это разве мы, ваши дети, их извели? А если даже и мы, то не ваш ли пример вдохновлял нас? Нет, я эту войну проиграл, вместе с отцом, и не до Волги только дошел враг, а до последнего Курильского острова, мне, последнему русскому в этой стране, земли в ней нет!" Так что прабабку свою Еву я простил (да и не было у меня на нее обиды, как никогда не обижался я на свою мать, а и ныне она для меня выше всего!), а вот современников своих – нет; да и на своих великих предтеч еще негодую – пусть и опомнились, прозрели, когда и их петух клюнул, а все же *в смутное время* оказались на стороне Лжедмитрия, и Есенин, и Клюев, и ангельская певунья Плевцкая (хотя, что с бабы возьмешь?!)..

Ну так как же нам жить на этом свете? – преодолевать ли личные грехи, спасая свою душу, наставлять ли в добродетелях своих близких, исправлять ли своим примером их пути и души – или заниматься преодолением первородного греха, отказываясь от мирской жизни? Семнадцатилетняя барышня, уходя в монастырь, просветляет ли человечество, или усугубляет его совокупный грех, ибо и ее изломанная несчастная жизнь ложится на его совокупную совесть?!

Христианство учит, что так как мир и природа человека испорчены изначально, то всякая деятельность человека несет в себе следствия этой порчи, и культура, и наука. Повседневные грехи обусловлены *первородным грехом*, как свойства биссектрисы обусловлены свойствами параллельных прямых (а не определяются её свободной волей), полагают отцы христианства; следовательно, *сотворение Богом Адама и его преступление* [?] – это аксиоматика христианского мировоззрения,

из неё следует христианская "геометрия". Не принимая аксиоматику (и иудаизм), можно ли принять христианство? Но каково содержание этой аксиоматики, что случилось вследствие вкушания плода – древне-иудейский миф не раскрывает, а позднейшая теология говорит невнятно.

Но, как бы то ни было, в основе христианского учения лежит библейский рассказ о *грехопадении* как онтологической основе подлинной истории мира; итак, Христос пришел восстановить исходный Божественный замысел, для чего должен был принести Себя в жертву для искупления греха прародителя Адама. После сего человеку открывался путь к жизни вечной, старый мир должен был исчезнуть, наступить конец света и начаться новый мир. Объясняют ли апостолы, что именно должно было измениться в мире? Что именно в нем изменилось?]

Распятие как преодоление онтологического греха.

3-7. «Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни. Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения, зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху; ибо умерший освободился от греха.» [А мы?]

8-9. «Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним, зная, что Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним власти.» [А над нами?]

10. «Ибо, что Он умер, то умер однажды для греха; а что живет, то живет для Бога.» ...

12. «Итак да не царствует грех в смертном вашем теле, чтобы вам повиноваться ему в похотях его.»

Распятие и окончание власти закона.

14. «Грех не должен над вами господствовать, ибо вы [отныне] не под законом, но под благодатью.»

15-18. «Что же? станем ли грешить, потому что мы не под законом, а под благодатью? Никак. ... Благодарение Богу, что вы, быв прежде рабами греха, от сердца стали послушны тому образу учения, которому предали себя. Освободившись же от греха, вы стали рабами праведности.»

20-22. «Ибо, когда вы были рабами греха, тогда были свободны от праведности. ... Но ныне, когда вы освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость, а конец – жизнь вечная.»

[Вот это самое *освобождение от греха* – возможно ли оно было *без* распятия Христа? Мог ли праведный иудей сказать – вот, *отныне* я не буду грешить, и поведу жизнь праведную, и *хватит с меня!*? Или только «крестившиеся во Христа Иисуса» освобождаются от греха?]

7. 1-4. «Разве вы не знаете, братия (ибо говорю знающим закон), что закон имеет власть над человеком, пока он жив? ... Так и вы, братия мои, умерли для закона телом Христовым, чтобы принадлежать другому, Воскресшему из мертвых, да приносим плод Богу.»

[Отныне высшим авторитетом для верующего должно стать новое учение и личность Христа, поэтому в центре разрыва между иудаизмом и христианством становится противопоставление Закона и Благодати. И Сам Иисус Назаретянин, и апостолы, споря и проповедуя в синагогах, донныне клялись верностью закону, и Иисус утверждал, что Он пришел *не нарушить закон, а лишь подтвердить его*, и Павел, оправдываясь перед обвинителями в отступничестве, доказывал, что закона ни в чем не нарушил, и даже возможность проповедовать среди "необрезанных" долго и искусно оправдывал диалектическими ухищрениями и ссылками на пророков. Наконец стало ясно, что новое учение уже самостоятельно, и не надо его оправдывать учением старым, а напротив, надо поставить выше старого. Отныне человек должен руководствоваться Духом Святым и даром благодати в первую очередь, а законом – во вторую.]

6. «...ныне, умерши для закона, которым были связаны, мы освободились от него, чтобы нам служить Богу в обновлении духа, а не по ветхой букве.»

7 «Что же скажем? Неужели от закона грех? Никак. Но я не иначе узнал грех, как посредством закона. Ибо я не понимал бы и пожелания, если бы закон не говорил: не пожелай.» [Да, как видно, и жену ближнего не желал бы, если бы не запретил Моисей, да и биссектриса не знала бы, в каком отношении делит сторону треугольника, если бы не было об этом соответствующей теоремы!?!]

8-11. «Но грех, взяв повод от заповеди, произвел во мне всякое пожелание: ибо без закона грех мертв. Я жил некогда без закона; но когда пришла заповедь, то грех ожил, а я умер; и таким образом заповедь, данная для жизни, послужила мне к смерти, потому что грех, взяв повод от заповеди, обольстил меня и умертвил ею.»

13-20. «Итак, неужели доброе сделалось мне смертоносным? Никак; но грех, оказывающийся грехом потому, что посредством доброго причиняет мне смерть, так что грех становится крайне грешен посредством заповеди.» Далее идут сбивчивые рассуждения о грехе, и следует вывод: «Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех.»

24-25. «Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти? Благодарю Бога моего Иисусом Христом, Господом нашим. Итак тот же самый я умом моим служу закону Божию, а плотию закону греха.»

8. 3-4. «Как закон, ослабленный плотию, был бессилен, то Бог послал Сына Своего в подобии плоти греховной в жертву за грех и осудил грех во плоти, чтобы оправдание закона исполнилось в нас, живущих не по плоти, но по духу.»

[И что же – изменился ли человек к лучшему за прошедшие две тысячи лет? Закон оказался бессилем – а сильна ли жертва Христа?]

6-8. «Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные – жизнь и мир, потому что плотские помышления суть вражда против Бога [Почему?]; ибо закону Божию не покоряются, да и не могут. Посему живущие по плоти Богу угодить не могут.

[Возможно, и впрямь не хорошо *желать* жену ближнего своего... а *желать* собственную жену?!]

Плоть и Дух.

10 «А если Христос в вас, то тело мертво для греха, но дух жив для праведности.»

13. «Ибо если живете по плоти, то умрете, а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете.»

14-. «Ибо все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии.»

17-18 «А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться. Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас.»

19-21. «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, ... что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих.»

22-23. «Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне; и не только она, но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего.»

О надежде и предопределении.

24-25. «Ибо мы спасены в надежде. Надежда же, когда видит, не есть надежда; ибо если кто видит, то чего ему и надеяться? Но когда надеемся того, чего не видим, тогда ожидаем в терпении.»

28-30. «Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу. Ибо кого Он предузнал, тем и *предопределил* быть подобными образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братьями. *А кого Он предопределил, тех и призвал, а кого призвал, тех и оправдал; а кого оправдал, тех и прославил.*»

33-35. «Кто будет обвинять избранных Божиих? Бог оправдывает их. ...Христос Иисус ... ходатайствует за нас. Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?»

36-39. «За Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем.»

Главы 9. – 11. [*Плач об Израиле и оправдание его.*]

9. 2-5. «... великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему: я желал бы сам быть отлученным от Христа родных мне по плоти, то есть Израильтян, которым принадлежат усыновление и слава, и заветы, и законоположение, и богослужение, и обетования»;

6-8. «Но не то, чтобы слово Божие не сбылось: ибо не все те Израильтяне, которые от Израиля; и не все дети Авраама, которые от семени его... [Увы, Новый Завет приняли не соплеменники апостола, а необрезанные, поэтому апостол говорит, что] не плотские дети суть дети Божии, но дети обетования признаются за семья.» [То есть язычники?]

[Далее об избрании Божиим (*предопределении*), о Его своеволии сказано так:]

11-18. «...дабы изволение Божие в избрании происходило не от дел, но от Призывающего», сказано было Ревекке, зачавшей двух сыновей «от Исаака, отца нашего»: «большой будет в порабощении у меньшего», ибо Бог «кого хочет, милует; а кого хочет, ожесточает», так как и «помилование зависит не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего.»

19. «Ты скажешь мне: "за что же еще обвиняет?"...»

20-24. «*А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: "зачем ты меня так сделал?"* Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого? Что же, если Бог, желая показать гнев и явить могущество Свое, с великим долготерпением щадил сосуды гнева, готовые к погибели, дабы вместе явить богатство славы Своей над сосудами милосердия, которые Он приготовил к славе, над нами, которых Он призвал не только из Иудеев, но и из язычников?»

[Своевольный повелитель, жестокосердый сатрап! Вот с кого Иоанн Грозный брал пример в беспричинной милости к челяди и неоправданной низости в отношении к высоким!]

25-27. Если только "дети обетования" признаны за семья, оставленное Господом для спасения, то «хотя бы сыны Израилевы были числом, как песок морской, только остаток спасется.»

[Что же возражу на сие? Ведь и я о себе не думал (всегда с великим сомнением полагая, что "*мне суждены великие дела*"), что это я сам для себя *избрал судьбу*, но что я – *избран*. И однако даже если я воистину *избран*, но моё избрание не в сотрудничестве с моей волей, а помимо меня, если избран я как покорное орудие хотя бы и великих свершений, пусть даже и жених славы, но бесцеремонная сила повелела: иди и исполняй Мою волю, будь апостолом Истины (как это случилось с апостолом Павлом) – такое избрание – хотя бы и к величию, хотя бы и к славе, хотя бы и к власти, хотя бы и к *откровению* – меня оскорбит.

Не скажу, что нет судьбы и *избрания* и Господнего "замысла" обо мне (как и о народе русском), как и у родителей есть ведь "замысел" о детях

своих; и что только я сам рассчитываю не только житейские обстоятельства, но и уровень духовных достижений – но если Господней волей исчерпывается *вся* моя жизнь – с таким безудержным подчинением я не согласен. Да разве когда-нибудь такого подчинения стал бы я требовать у кого-то из тех, кто мне дорог?!

Еще думаю – знаменательно и поучительно, что читаю и комментирую я Новый Завет, полулёжа "на пальме", в тесной тюремной камере, с утра уходя на работу "на кишкú", где мою пол, выношу ба́ки с баландой, разгружаю машины с овощами, чищу картошку, рублю капусту; что кругом меня шум и гам и "дым коромыслом", и телевизионные "úгвы"...

Кто я? *Избранный ли?* Дитя ли "обетования"? Отношусь ли к семени Авраамову? Отношусь ли к "остатку", который спасется, или я песчинка среди морского песка, и как песок смоят штормовые волны, то тем более пропадет бесследно песчинка? Ибо если народ сходит с ума от творчества *игв*, прилип душою и телом к их бляющей речи, вульгарным движениям, их хохмам, смешкам и "приколам", то, может быть, я *избран* вдохнуть в тюрьме или зоне?

Да, если бы я был всецело уверен, что уже только сам по себе, «сосуд гнева, готовый к погибели», а Бог находится среди Своих, среди Своего избранного остатка, то я бы только холодным умом исследовал Новый Завет, как когда-то исследовал учебники математики, пытаясь уяснить их хотя бы себе самому, или таким же как я, не изощренным в умствовании, – но есть у меня еще дело к Богу, еще воображаю я себя одним из Его домочадцев, дальних родственников... или хотя бы приживальщиков... и робко надеюсь на некоторое Его участие в моей судьбе.]

[Далее апостол исследует отношения Бога к *народу избранному*, не принявшему новое учение, и к язычникам, из которых иные *уверовали*, и число их множится, – чтобы решить окончательно, к кому же надо нести Благовествование.]

30-33. Итак, «язычники, не искавшие праведности, получили праведность, *праведность от веры*. А Израиль, искавший закона праведности, не достиг до закона праведности. Почему? потому что искали *не в вере, а в делах закона*. Ибо преткнулись о камень преткновения, как написано: вот, полагаю в Сионе камень преткновения и камень соблазна; но всякий, верующий в Него, не постыдится.»

10. 4. ... «потому что конец закона – Христос, к праведности всякого верующего.»

9. И «если устами твоими будешь исповедывать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься.»

[В последующих стихах апостол оправдывает то, что отныне его проповедь веры будет обращена не к иудеям, а к язычникам.]

12-13. «Здесь нет различия между Иудеем и Еллином, потому что один Господь у всех, богатый для всех, призывающих Его. Ибо всякий, кто призовет имя Господне, спасется.»

14-15. «Но как призывать Того, в Кого не уверовали? как верить в Того, о Ком не слышали? как слышать без проповедующего? И как проповедывать, если не будут посланы?..»

17-21. «Итак вера от слышания, а слышание от слова Божия. Но спрашиваю: разве они не слышали? Напротив, по всей земле прошел голос их, и до пределов вселенной слова их. Еще спрашиваю: разве Израиль не знал? Но первый Моисей говорит: Я возбужу в вас ревность не народом, раздражу вас народом несмысленным. А Исаия смело говорит: Меня нашли не искавшие Меня; Я открылся не вопрошавшим о Мне. Об Израиле же говорит: целый день Я простирал руки Мои к народу непослушному и упорному.»

11. 1-4. «Итак, спрашиваю: неужели Бог отверг народ Свой? Никак. Ибо и я Израильтянин, от семени Авраамова, из колена Вениаминова. Не отверг Бог народа Своего, который Он наперед знал. Или не знаете, что говорит Писание в повествовании об Илии? как он жалуется Богу на Израиля, говоря: Господи! пророков Твоих убили, жертвенники Твои разрушили; остался я один, и моей души ищут. Что же говорит ему Божеский ответ? Я соблюл Себе семь тысяч человек, которые не поклонили колени перед Ваалом.»

5-6. «Так и в нынешнее время, по избранию благодати, сохранился остаток. Но если по благодати, то не по делам; иначе благодать не была бы уже благодатью. А если по делам, то это уже не благодать; иначе дело не есть уже дело.»

[*Бог милует и награждает по Своему произволению, но не по делам, и это кажется естественным – разве детей своих мы за дела их любим, а не потому, что они дети наши? И очаровашек, и даже вертихвосток? – плачем иногда, проклинаем даже, но – любим! Ничего не возразить этой аксиоме, лежащей в основании христианства. Но я, вот именно я лично, стал видеть и понимать следующее – я не семя Авраамова, мне присущи иная мораль, иные основания и аксиомы существования, я наследник античной культуры с ее учением о добродетели, соединенной с традицией, долгом, с идеей семьи, государства, наследования и разделения на низших и высших, что хотя и несправедливо – но противоположное еще хуже, как доказали социалистические эксперименты. Более того, возможно, я наследник еще более древней культуры, которую наследовала и эллинская, ибо психологический тип эллинов и латинян мне тоже не до конца близок, не противоположны они иудеям, потому и пала их культура и разрушились их государства под натиском христианской проповеди. Что же противопоставлю я христианству? Я ведь не сын Божий, а быть может только пасынок... А скорее даже совсем посторонний для иудейского Бога филистимлянин или варяг, хуже эллинского язычника...]*

7-10. «Что же? Израиль, чего искал, того не получил; избранные же получили, а прочие ожесточились, как написано: Бог дал им дух усыпления, глаза, которыми не видят, и уши, которыми не слышат, даже

до сего дня. И Давид говорит: да будет трапеза их сетью, тенетами и петлею в возмездие им; да помрачатся глаза их, чтобы не видеть, и хребет их да будет согбен навсегда.»

Падение иудеев для спасения язычников. 11-24. «Итак спрашиваю: неужели они преткнулись, чтобы совсем пасть? Никак. Но от их падения спасение язычникам, чтобы возбудить в них ревность. Если же падение их – богатство миру, и оскудение их – богатство язычникам, то тем более полнота их. Вам говорю, язычникам. Как *Апостол язычников*, я прославляю служение мое. Не возбужу ли ревность в сродниках моих по плоти и не спасу ли некоторых из них? Ибо если отвержение их – примирение мира, то что будет принятие, как не жизнь из мертвых? Если начаток свят, то и целое; и если корень свят, то и ветви. Если же некоторые из ветвей отломались, *а ты, дикая маслина, привился на место их и стал общником корня и сока маслины, то не превозносишься перед ветвями. Если же превозносишься, то вспомни, что не ты корень держишь, но корень тебя.* Скажешь: "ветви отломались, чтобы мне привиться". Хорошо. Они отломались неверием, а ты держишься верою: не гордись, но бойся. Ибо если Бог не пощадил *природных ветвей (иудеев)*, то смотри, пощадит ли тебя... если [не] пребудешь в благодати Божией; иначе и ты будешь отсечен. Но и те, если не пребудут в неверии, *привьются*, потому что Бог силен опять привить их. ...

[Да сколько же ожидать их привития? Не мало говорил я о сем с иудеями, у них и имя Павла проклято, и Христос для них по-прежнему преступник и самозванец, назвавшийся Сыном Божиим, не будучи им!]

25-28. [Но они (*иудеи*) пали ради вас (*язычников*)]. «Как и вы некогда были непослушны Богу, а ныне помилованы, по непослушанию их, так и они теперь непослушны для помилования вас, чтобы и сами они были помилованы. Ибо всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать.»

33-36. «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? Или кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать? Ибо всё из Него, Им и к Нему....»

Главы 12 – 16.

12. 1. «Итак умоляю вас, братия, милосердием Божиим, *представьте тела ваши в жертву живую*, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего ....»

3. «... не думайте о себе более, нежели должно думать; но думайте скромно, по мере веры, какую каждому Бог уделил.»

4-5. «Ибо, как в одном теле у нас много членов, но не у всех членов одно и то же дело, так мы, многие, *составляем одно тело во Христе*, а порознь один для другого члены.»

[Здесь высказан принципиально другой принцип объединения,

нежели родовой, где в основании лежит пара: мужчина и женщина; потом – семья, род; народ, государство (или наоборот, как считает Аристотель в своей "Политике"). Вот это "*одно тело во Христе*", что, вероятно, составляет всю жизненную силу и страсть христиан – мне чуждо, я исхожу из античного принципа *личности*, и потому, в этом смысле, я понял главное противостояние "язычества" и христианства: или *Личность* – или *Растворение личности* в сверхорганизме: муравейнике, общине, коммуне, монастыре, Христе...]

Наставления. 6-8. «И как, по данной нам благодати, имеем различные дарования, то, имеешь ли пророчество, пророчествуй по мере веры; имеешь ли служение, пребывай в служении... в учении... увещевай... раздавай в простоте... начальствуй с усердием... благотвори с радушием.»

9-19. «Любовь да будет непритворна; отвращайтесь зла, прилепляйтесь к добру; будьте братолюбивы друг к другу с нежностью; в почтительности друг друга предупреждайте; в усердии не ослабевайте; духом пламенейте; Господу служите; утешайтесь надеждою; в скорби будьте терпеливы, в молитве постоянны; в нуждах святых принимайте участие; ревнуйте о странноприимстве. Благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинаяте. Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими. Будьте единомысленны между собою; *не высокоумствуйте*, но последуйте смиренным; *не мечтайте о себе*; никому не воздавайте злом за зло, но пекитесь о добром перед всеми человеками. ...будьте в мире со всеми людьми. Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь. (Второзак. 32,35)»

20 «Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо, *делая сие, ты собереши ему на голову горящие уголья* (Притчи, 25, 22-23).» [Да, вот это уж любовь так любовь!!!]

21. «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром.»

13. 1-2. «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему *противящийся власти противится Божию установлению.*»

9-10. Исполняйте заповеди, ибо все они заключаются в любви к ближнему... «любовь есть исполнение закона.»

11. «Так поступайте, зная время, что наступил уже час пробудиться нам от сна. Ибо ныне ближе к нам спасение, нежели когда мы уверовали.»

12. «Ночь прошла, а день приблизился: итак отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света.»

14. 1-5. Будьте терпимы к другим [это христиане-то?! Да и сам апостол через час одумается и снова начнет *собирать горящие уголья на головы инакомыслящих!*], и «*немоющего в вере принимайте без споров о мнениях.*»

7-9. «... никто из нас не живет для себя, и никто не умирает для себя; а живем ли – для Господа живем; умираем ли – для Господа умираем: и потому, живем ли или умираем, – всегда Господни.

[Вот такое абсолютное рабство христиане называют свободой. Правда, и любовь-страсть бывает как наваждение, поглощая без остатка, и часто человек, растворяясь в ней, бывает счастлив.]

9. «Ибо Христос для того и умер, и воскрес, и ожил, чтобы владычествовать и над мертвыми и над живыми.»

10-26. Не будем осуждать друг друга, ибо «все мы предстанем на суд Христов и ...каждый из нас за себя даст отчет Богу. ...Будем искать того, что служит к миру и ко взаимному назиданию. ...Ты имеешь веру? имей ее сам в себе, пред Богом. ...Могущему же утвердить вас, по благовествованию моему и проповеди Иисуса Христа, по откровению тайны, о которой от вечных времен было умолчано [?], но которая ныне явлена, и ... возведена всем народам для покорения их вере, Единому Премудрому Богу, через Иисуса Христа, слава во веки. Аминь.»

15. 1-9. Итак, сначала апостол призывает быть терпимыми, единодушными, и единими устами славить Господа Иисуса Христа. Затем вновь говорит о камне преткновения: и задает вопрос – к кому пришел Христос, к кому обращено Его учение? Во-первых, пришел Он к обрезанным, «чтобы исполнить обещанное отцам», а во-вторых к язычникам – «из милости, чтобы славилы Бога...»

[Всё ещё не может смириться апостол с собственным же утверждением, что несть уже ни эллина ни иудея, и всё иудея ставит выше, ибо Христос – Бог еврейского народа, снизошедший до язычников.]

12-20. Затем апостол напоминает, что именно он призван «быть служителем Иисуса Христа у язычников... так что благовествование Христово распространено мною от Иерусалима и окрестности до Иллирика. Притом я старался благовествовать не там, где уже было известно имя Христово, дабы не созидать на чужом основании.»

25-27. «А теперь я иду в Иерусалим, чтобы послужить святым, ибо Македония и Ахация усердствуют некоторым подаванием для бедных между святыми в Иерусалиме. Усердствуют, да и должники они перед ними. Ибо если язычники сделались участниками в их духовном, то должны и им послужить в телесном.»

28-31. Сообщив о своих планах посетить Рим и Испанию, апостол продолжает: «Между тем умоляю вас, братия, Господом нашим Иисусом Христом и любовью Духа, подвизаться со мною в молитвах за меня к Богу, чтобы избавиться мне от неверующих в Иудее и чтобы служение мое для Иерусалима было благоприятно святым, дабы мне в радости, если Богу угодно, придти к вам и успокоиться с вами. ...»

16. 19-20. «Ваша покорность вере всем известна; посему я радуюсь за вас, но желаю, чтобы вы были мудры на добро и просты на зло. Бог же мира сокрушит сатану под ногами вашими вскоре...»

[Да что-то не сокрушил до сих пор...]

[2 ноября, вторник. Вот уже и ноябрём заря засветилась, а там, даст Бог, даже разгорится, и доживем до Кассации, а там и на волю!

А здесь, в тюрьме – блянье, ржание, хохот и вопли, и растворение в безличном.

Но не в том ли и сущность христианства, чтобы человека принести в жертву, превратить в *средство*, лишить личности – если главная заповедь иудейских учений: *возлюби Бога*, и лишь во вторую очередь предлагается *возлюбить человека*, да христианство сторицей отмищает человеку даже и за эту вынужденную уступку, и во всей последующей проповеди человека унижает (и почти раздавило) – духовно, интеллектуально, в социальной и общественной жизни, особенно в средневековье, когда особенно яростно проповедовалось, что человек (а тем паче женщина) – *сосуд дьявола*; если христианство уничтожило семью и народ, противопоставив христианскую общность и эллинам и иудеям, и в этом отношении пошло даже дальше иудаизма, не сохраняя от *народа* даже малый "остаток"? Не потому ли апостол велит не прикасаться к женщине, что она – соперница Богу, ибо прилепится мужчина к ней, и станут единая плоть, и какое уж тут служение Богу?! Но для чего же Бог её создал? Оставил бы одного Адама, и не было бы ни соперничества, ни грехопадения!

А, может быть, Всевышний никогда и не ревновал ни к женщине, ни к народу, и создал их для полноты человеческой личности, а христианство неоправданно претендует на то, что будто бы ему принадлежит "вся полнота истины", данной, якобы, апостолам в откровении, от которой "ни прибавить ни убавить" – как позже претендовали на нее Маркс и Фрейд, а ранее – Моисей?]

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ К КОРИНФИЯМ СВЯТАГО АПОСТОЛА ПАВЛА

Главы 1. – 2.

1. 10-13. «Умоляю вас, братья, ... чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях.» Ибо «разве разделился Христос? разве Пáвел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились?»

Противопоставление премудрости Божией мудрости мира сего.

17-25. «... Христос послал меня не крестить, а благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова. Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия. Ибо написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну. (Исайя, 29, 14). Где мудрец? где книжник? ... Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? (Исайя, 33, 18). Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было

Богу юродством проповеди спасти верующих. **Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости;** – а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость; потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков.»

26-29. «Посмотрите, братия, кто вы, призванные: не много из вас *мудрых по плоти* [по природе?], не много сильных, не много *благородных* [скорее всего, имеется в виду происхождение]; но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, ... чтобы было, как написано: хвалящийся хвались Господом (Иеремия, 9,24).»

2. 1-8. И далее все те же обличения *мудрости плотской* и противопоставление ей "немощи, страха и великого трепета", «чтобы вера .. утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией», ибо она неизмеримо превосходит всякое человеческое рассуждение.

9-12. «.. как написано: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его.» Ибо «...кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия. Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога...»

14-16. «*Душевный человек* [?] не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно. Но *духовный* судит о всем, а о нем судить никто не может [Почему? или утверждения христиан не нуждаются в обоснованиях?]. Ибо кто познал ум Господень, чтобы мог судить его? А мы имеем ум Христов.»

3. 1. «И я не мог говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе.»

9-10. «.. мы соработники у Бога, а вы Божия нива, Божие строение. Я, по данной мне от Бога благодати ... положил основание, а другой строит на нем; но ... никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос. ... и огонь испытает дело каждого, каково оно есть.»

16-17. «Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; *а этот храм – вы.*»

18-21. [Но] «никто не обольщай самого себя. **Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым.** Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом, как написано: увлечает мудрых в лукавстве их. И еще: Господь знает умствования мудрецов, что они суетны. Итак **никто не хвались человеками, ибо .. вы – Христовы, а Христос – Божий.**»

[Как христианство – это иудейская секта, отделившаяся от иудаизма, и даже противостоявшая, то и с марксизмом то же по отношению к христианству – однако в главном, *в отношении к человеку* они единоклюбы, противоположны эллинской этике и онтологии: *не цель мира – человек, но только средство*, лагерная пыль, или пыль от сада Эдемского! Несмотря на то, что Христос требует *возлюбить ближнего как самого себя*, несмотря на то, что коммунисты закливают: *всё для человека, всё во имя человека*, в действительности человеком и те и другие пренебрегают, и даже им жертвуют. *Самобытие человека* не обладает для них ценностью, утверждение Протагора, что *человек – мера всех вещей*, им враждебно. Справедливо считать, что мы имеем дело с *двумя типами культур, историй и цивилизаций*: одна в центр исторического развития ставит *человеческое*, другая – отвлеченную и противостоящую человеку *идею*: Бога, Закон, диалектику мира. Правда, современное христианство уже оевропеилось, только в некоторых мотивах сохранив верность Новому Завету.]

4. 1. Смиренно оценив себя лишь как служителя Христова, порицая мудрествующих и превозносящихся, апостол говорит:

9-10. «Ибо я думаю, что нам, *последним посланникам*, Бог судил быть как бы приговоренными к смерти, потому что мы сделались позорищем для мира, для Ангелов и человеков. Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе; мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии. Даже донныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим; *мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый донныне.*»

[Этот отрывок полон высокой поэзии – но как его смысл противоположен радостному весеннему потоку античной культуры, от Евклида до Аристотеля, от Гомера до Овидия! Да, кто отречется от жизни, от радостей ее, чтобы посвятить себя служению Богу, тот радость найдет и в обращении в **сор** и в **прах** – так влюбленный испытывает наслаждение, когда попирают его ноги любимой. Может быть и мне не надо стремиться на волю, а остаться в тюрьме до конца дней, забыв о близких и о их невзгодах?! Воистину, христианином можно стать лишь порвав все нити, привязывающие человека к миру – любовь, дружбу, семью, народ, культуру, творчество, и уподобившись буддисту, стремящемуся к нирване.]

14-15. «Не к постыжению вашему пишу сие, но вразумляю вас, как возлюбленных детей моих. Ибо, хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов; *я родил вас во Христе Иисусе благовествованием.*»

16-20. «Посему умоляю вас: подражайте мне, как я Христу. .. я скоро приду к вам.. и *испытаю не слова возгордившихся, а силу, ибо Царство Божие не в слове, а в силе.*»

[Только что апостол проповедовал, что "Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и *немощное мира* избрал Бог, чтобы посрамить сильное; ... – и все же Царство Божие не в слове, а в *силе*.]

5. 6-8. «Нечем вам хвалиться. Разве не знаете, что малая закваска квасит все тесто? Итак очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом, так как вы бесквасны, ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас. Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины.»

9-13. «Я писал вам в послании – не сообщаться с блудниками; впрочем не вообще с блудниками мира сего... ибо иначе надлежало бы вам выйти из мира сего. Но я писал вам не сообщаться с тем, кто, называясь братом, остается блудником, ... или пьяницею, или хищником... Ибо что мне судить и внешних? Не внутренних ли вы судите? Внешних же судит Бог. Итак, извергните развращенного из среды вас.»

6. [В соответствии с христианской диалектикой, вопреки призывам никого не судить, апостол посвящает данную главу правилам проведения судебных разборок внутри общины.]

1-3. «Как смеет кто у вас, имея дело с другим, судиться у нечестивых, а не у святых? Разве не знаете, что святые будут судить мир? ... Разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем ли более дела житейские?»

7-8. «И то уже весьма унижительно для вас, что вы имеете тяжбы между собою. Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? Для чего бы вам лучше не терпеть лишения? Но вы сами обижаете и отнимаете, и притом у братьев.»

18-19. Далее апостол призывает братию избегать греха, а паче всего блуда, ибо «всякий грех, какой делает человек, есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела. Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святаго Духа? ...Ибо вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога *и в телах ваших* и в душах ваших, которые суть Божии.» – [А с чего тогда пустились постники истреблять плоть свою?!]

7. 1-9. «*Хорошо человеку не касаться женищины*. Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа.» [Поэтому] «не уклоняйтесь друг от друга... Впрочем это сказано мною как *позволение*, а не как повеление. Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я; но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе... ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться.»

17-19. Апостол даже готов предоставить человеку некоторую свободу: «...каждый поступай так, как Бог ему определил, и каждый, как Господь призвал. ... Призван ли кто обрезанным, не скрывайся; призван ли кто необрезанным, не обрезывайся. Обрезание ничто и необрезание ничто, но всё в соблюдении заповедей Божиих.»

20-24. [И всё же – свобода ли это? Ибо] «Каждый оставайся в том звании, в котором призван. Рабом ли ты призван, не смущайся; ...ибо раб,

призванный в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным есть *раб Христов*. Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человек. В каком звании кто призван, братия, в том каждый и оставайся пред Богом.»

26. «[И всё же]... за лучшее признаю, что хорошо человеку оставаться [одному].»

29-31. «[Впрочем, даже если двое соединены], то я вам сказываю, братия: *время уже коротко*, так что **имеющие жен должны быть, как не имеющие**; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо *проходит образ мира сего*.»

[Апостол полагал, что уже близок *конец света*. Да и вообще, весь пафос христианства объясняется ожиданием *конца света*, и только "в свете его ожидания" объясняется повеление порвать все связи с миром; так самоубийца отдает долги, пишет прощальные письма, .. и т. д. Позднее, поелику *конец света* не наступил, учение пришлось переделывать для нужд *продолжающегося* мира, посему христианство принципиально противоречиво, оно учит и проповедует противоположное, и его нравственные императивы взаимно исключают друг друга. Критика христианства бессмысленна, ибо христианств не только множество, даже в каждом народе, но и в каждом человеке свое, в одном неприемлемое, нетерпимое, косное, сгущающее мрак и исповедующее дьявола вместо Бога, в другом – светлое, радостное, взывающее к любви и терпимости.

Далее апостол объясняет, почему *лучше не касаться женщины* – потому что «неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене... и незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святою и телом и духом; а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу.» А затем, почти как Фома Фомич Опискин, добавляет:]

32-38. «Говорю это для вашей же пользы, не с тем, чтобы наложить на вас узы, но чтобы вы благочинно и непрестанно служили Господу *без развлечений*.... Посему выдающий замуж свою девицу поступает хорошо; а не выдающий поступает лучше.» [И так далее..]

[*Их* Бог – деспот! Он готов лишить человека всех радостей, только бы тот не отвлекался от служения Господину. Но неужто Бог и в самом деле таков? Разве мир – это не Его плоть? И, быть может, отказывающиеся от мира живут пустой жизнью, не имеющей ценности для Бога?]

8. 2-3. «Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать. Но кто любит Бога, тому дано знание от Него.»

[За триста лет до сего Сократ сказал, что "он знает только то, что он ничего не знает", поэтому он самый мудрый, ибо другие не знают даже этого. Похоже, что Павел отвечает Сократу, и утверждает, что возможно знать и больше того, но большее дается Богом – Тому, кто любит Его.]

б. «... у нас один Бог Отец, из Которого всё, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым всё, и мы Им.»

8. «Пища не приближает нас к Богу: ибо, едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем.» [А, следовательно, так ли уж важен пост?] «Берегитесь однако же, чтобы эта свобода ваша не послужила соблазном для немощных.»

9. 1-12. Апостол убеждает верующих, что они должны заботиться о проповедующих: «Не Апостол ли я?... Не видел ли я Иисуса Христа, Господа нашего? Не мое ли дело вы в Господе? ...ибо печать моего апостольства – вы в Господе... [Но] какой воин служит когда-либо на своем содержании? Кто, насадив виноград, не ест плодов его? Кто, пася стадо, не ест молока от стада? ...Если мы посеяли в вас духовное, велико ли то, если пожнем у вас телесное? Если другие имеют у вас власть, не паче ли мы?»

14. «Так и Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования.»

15. «Но я не пользовался ничем таковым. И написал это не для того, чтобы так было для меня.»

18-19. «...проповедуя Евангелие, благовествую о Христе безмездно, не пользуясь моею властью в благовествовании. Ибо, будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести: для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона – как чуждый закона, – не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, – чтобы приобрести чуждых закона; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых.»

25-27. «Все подвижники воздерживаются от всего: те для получения венца тленного, а мы – нетленного. И потому я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух; но *усмиряю и порабацую тело мое*, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным.»

10. 1-4. «Не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком, и все прошли сквозь море; и все крестились в Моисея в облаке и в море; и все ели одну и ту же духовную пищу; и все пили одно и то же духовное питье: ибо *пили из духовного последующего камня; камень же был Христос.*»

[В данном контексте сосуществуют два времени: Хронос, в котором *последующее* еще не присутствует в настоящем (или очень мало), и Эйдос (духовное время), существующее одновременно и как прошлое и как будущее (например, туча еще не подошла, гроза не разразилась, она еще на горизонте, но уже и запах ливня, и небо и свет потемнели, и брызги долетают, и молнии и гром вдалеке; или, как ежедневно бывает, что солнце еще не встало, но уже посветлело вокруг, и небо раскаляется белым, алым и розовым от горизонта.]

6-13. [Далее апостол предостерегает о наказании неправедных, пораженных в пустыне, погибающих за блуд]: «...Не станем блудодействовать, как некоторые из них блудодействовали, и в один день погибло их двадцать три тысячи. Не станем искушать Христа, как некоторые из них искушали и погибли от змей. Не ропщите, как некоторые из них роптали и погибли от истребителя. ...Посему, кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть.»

[Впрочем,] «все это происходило с ними, как образы [то есть словно бы видения]; а описано в наставление нам, достигшим *последних веков*.»

«...[Но] верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести.»

15-17. «Я говорю вам как рассудительным; сами рассудите о том, что говорю. Чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение Крови Христовой? Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова? Один хлеб, и *мы многие одно тело*; ибо все причащаемся от одного хлеба.»

20-23. «.. язычники, принося жертвы, приносят бесам, а не Богу. Но я не хочу, чтобы вы были в общении с бесами. ... Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но не все назидает.»

24 «Никто не ищи своего, но каждый пользы другого.»

31-33. «.. едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию. Не подавайте соблазна ни Иудеям, ни Еллинам, ни церкви Божией, так, как и я угождаю всем во всем, ища не своей пользы, но пользы многих, чтобы они спаслись.»

11. 1. «Будьте подражателями мне, как я Христу.»

3. «Хочу также, чтобы вы знали, что всякому мужу глава Христос, жене глава – муж, а Христу глава – Бог.»

Покрывать ли голову при молитве? 4-15. «Всякий муж, молящийся или пророчествующий с покрытою головою, постыжает свою голову. И всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытою головою, постыжает свою голову, ибо это то же, как если бы она была обритая... Итак муж не должен покрывать голову, потому что он есть образ и слава Божия; а жена есть слава мужа. ...Посему жена и должна иметь на голове своей знак власти над нею, для Ангелов. Впрочем ни муж без жены, ни жена без мужа, в Господе... ..Не сама ли природа учит вас, что если муж растит волосы, то это бесчестье для него, но если жена растит волосы, для нее это честь, так как волосы даны ей вместо покрывала?» [Вот образец теологического рассуждения! Так бы математики доказывали свои предложения! Видимо, сознавая сомнительность доводов, апостол добавляет:] «А если бы кто захотел спорить, то [ни] мы не имеем такого обычая, ни церкви Божии.»

18-19. Далее апостол отмечает, что среди учеников появились разномыслия, и, в противоречие прежним возражениям разномыслию

неожиданно говорит: «Ибо *надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные.*»

23. Затем повторяет символ причастия, высказанный Иисусом на "тайной вечере": «.. ... Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: *приимите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание. Также и чашу после вечери, и сказал: сия чаша есть новый завет в Моей Крови; сие творите, когда только будете пить, в Мое воспоминание.* Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет.»

27-30. Посему, «кто ... ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем. Оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает.»

[Отсюда следует, что немощи и болезни и другие бедствия зависят от нашего нравственного и духовного состояния, не от дуновений холодного ветра и пролетающей заразы, а словно бы в наказание за духовное падение. Но, с другой стороны, христиане часто похваляются своими немощами, которые словно бы в назидание и испытание им даются – так какова же причина болезни: наказание, назидание, испытание, зараза?]

12. 4-6. «Дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же, производящий всё во всех.»

7-10. «Но каждому дается проявление Духа на пользу. Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков. Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно.»

[Образ мира, данный в христианском мироощущении, недоступен критике, он – словно сонное видение, и исчезает только когда человек просыпается. Христианин смотрит на отношения Бога и человеческого сообщества как на отношения хозяйки двора и цыплят у крыльца – она насыпает им корм, наливает воду, они все – *в ней, и ею*, а какой цыпленок убежит далеко, того коршун унесет в своих лапах. Правда, для уверенности в этом видении надо отрешиться от истории и культуры, забыть механику Архимеда, теорему Евклида о простых числах, а уж тем паче о баллистических ракетах и университетах, в которых учащиеся приобретают многообразные знания, и "дары исцелений", и "истолкование языков"...

Но если бы не испытал я когда-то безумной любви, так что и в университет на лекции перестал ходить, и о "духовных дарах" забыл, то я, возможно, и пытался бы опровергнуть христианскую метафизику. Но я и от страсти сгорал, и пьяным бывал, и пролетариям всех стран помогал соединяться, и я знаю, что и влюбленный прав, пока безумствует, и пьяный прав, пока не очнется, и марксист прав, пока не рухнет коммуна,

в которой им "песня строить и жить помогает"... Видение мира неподвластно критическому опровержению, посему я читаю проповеди апостола Павла словно историю собственной жизни, и многое меня в ней восхищает. Мои комментарии и замечания – не опровержение, а восклицания театрального зрителя. Да, я зритель в театре, я поддаюсь вдохновению пьесы и актеров, но только актеры погружены в мистерию как в собственную реальную жизнь, я же – извне театральной иллюзии. Но требую ли я, чтобы эта пьеса перестала идти на подмостках мира, или чтобы актеры играли в ней не *самозабвенно*? Нет.

Библия – это *не книга жизни* – вот что я говорю страждущим. Существуют евклидова и неевклидова геометрии, и в каждой из них своя аксиоматика, в одной параллельные пересекаются, в другой – нет. Этика и мировоззрение европейского человека мало вытекают из Ветхого, или из Нового Завета, образ мира, правила поведения, понятия о хорошем и плохом, о смысле жизни, характер, наклонности, то, что один призывает неверных "мочить в сортирах", а другой на лобном месте и тех и других – так же сегодня опираются не на Ветхий или Новый Завет, а на нашу национальную историю и многообразную жизнь, в которой евклидова геометрия гораздо более значит, нежели Новый Завет, который я так пристрастно комментирую, лежа на пальме. Есть, конечно, и такие, в мировоззрении которых только Библия, они не читали не только Аристотеля, но даже Евклида, стихов Пушкина, не слушали русских романсов и не назначали тайных любовных свиданий – это сухие смоковницы, Торквемада и Савонарола, епископ Родзянко или бывшие преподаватели "научного атеизма", обратившиеся вдруг в православие. Подавляющее же большинство жителей Европы, католики или православные, лютеране или безразличные, даже и те, кто ожесточенно меня оспаривает, наполнены той же самой европейской культурой, что и я, исходят в своем поведении и размышлениях из тех же знаний и воспоминаний, что и я, и например, в музыке Чайковского понимают гораздо больше, чем в посланиях Павла.. Озабочены они бывают поступлением своих детей в университет или армию, зарплатой и пенсией, рыбалкой или огородом, ходят в театр и филармонию, как и я, иногда в церковь, как и я... Никто из них не думает, что надо жить так, чтобы «.. едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию.» И никто из них не озабочен концом света, страшным судом и воскресением из мертвых, и никто из них "не живет аки уже умер" – и не стремится так жить! – а только это стремление и есть подлинное христианство. Впрочем, хотя некоторые из них и читают "на ночь со слезой Игнатия Брянчанинова", но зато не размышляли над теоремой Гёделя о неполноте арифметики, а без этого душу Игнатия Брянчанинова не понять, ибо он был математиком, как и я. Да, кроме того, тот кто со мною пускается в ожесточенные споры в защиту христианства, не молится *вместо того*, чтобы ходить к доктору, когда болен, и вместо всякого другого не молится, и не препровождает жизнь свою в слезах – а

без этого нельзя хотя бы на капельку считать себя христианином... Я, хотя и отпал от христианства, но хоть немножко христианин, те же, кто со мною спорит, даже ни насколько – как и в коммунистические времена, когда я хотя не вступал в комсомол, но создал нелегальный марксистский кружок, и был немножко марксистом, по крайней мере если не забеременел, то переспал с Капиталом (хотя ему *не дал* и не дался), а секретари комсомольских организаций были такими же марксистами, как и христианами. Посему, мои споры, устные или письменные, об апостоле Павле, значимы меньше, чем споры о том, какое образование давать нашим детям, делать ли из них невежд по образцу американцев, но зато просветить сексуально, к чему призывают нас шустрые и швыдкие; разграбить ли наш город уже до тла, или быть верным нашему духовному наследию, проросшему сквозь пустыню христианских проповедей... Да, мои заметки имеют значение скорее всего лишь для меня, и поклонникам апостола Павла на меня обижаться не стоит, я и сам восхищен им, но и Пракситель мне дорог, и Пуанкаре... Я не опровергаю геометрию Лобачевского (в духе которой проповедь апостола Павла), ибо она не только не опровержима, но и верна в метафизическом мире; но в физическом мире верна геометрия Евклида и "нравственный закон внутри нас" – а именно он нами руководит (и национальные традиции и наши родители, друзья и родные), но не апостол Павел.

Учение Христа не в том, что *надо стать хорошим человеком* – об этом уже и до него большинство ветхозаветных пророков высказались – так в чем же? Вот это-то мне и любопытно, и я пытаюсь разобраться, проходя путь вместе с Павлом, который начал с того, что заключал христиан в узы, потом соплеменникам проповедовал Христа, а кончил тем, что объявил – Христос пришел не к ним; и начал проповедовать русским и французам, отвернувшись от иудеев, да и иудеи его проповеди не читают, а читаю и комментирую я, "русский из русских"!

13. [Хотя, впрочем,] «.. все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом.»

15-30. Далее, пространно рассуждая о взаимозависимости членов тела, апостол говорит: «.. Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение, дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге. ... И вы – тело Христово, а порознь – члены. И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки. Все ли Апостолы? Все ли пророки? Все ли учителя? Все ли чудотворцы? Все ли имеют дары исцелений? Все ли говорят языками? Все ли истолкователи? Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший.»

[Всё сие говорится применительно к церкви христовой и членах церковной общины, ибо церковь – тело Христово. В этом отношении человек не самодовлеющ, но имеет строго определенное Богом

назначение, как в воинском подразделении, или в рабочей артели, ибо «Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно.»

Даниил Андреев говорит о *творческих дарах*, и перечисляет, в частности, *любовь* как один из таких даров. В Даосизме говорится о Дао – пути, различных у разных людей, например, путь воина, правителя, пророка, учителя, целителя; в системе йоги также подразделяются йога воина, отшельника, йога знания, дружбы и т. д.]

Похвала любви. 13. 1–7. «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.»

[Возвышенные дифирамбы, восхищающие читателя; кажется, лучше о любви уже не скажешь, и сказано о ней – всё. Однако, обратившись к собственному опыту, с изумлением убеждаемся, что большая часть того, что знаем мы о любви, противоречит стихам поэмы. Все, кто испытал страсть, кто был отвергнут, оставлен, кто сомневался, надеялся, мечтал, жаждал, отчаивался и ненавидел (а разве в некоторых случаях ненависть – не любовь?)... а главное, все, кто был коварно обманут, не согласится с описанием любви, данным апостолом. Мы спрашиваем – да любил ли он когда-нибудь? – и ответ очевиден. Даже Джульетта любила иначе, и о ней нельзя сказать, что ее любовь "долготерпит"; а уж Отелло, Ставрогин, Настасья Филипповна и Анна Каренина – любили совсем по другому, чем о том пишет апостол Павел. В чудном романе Стендаля "Красное и черное" описана нежнейшая любовь – но даже она не похожа на поэтический вымысел идеолога христианства. Конечно, христиане скажут, что апостол описал *истинную любовь*, а в мировой культуре (как и в действительной жизни) представлена любовь *неистинная* – но я уже полвека слышу похожие заклинания защитников социализма, что вопреки тотальному большевистскому террору замысел Платона, Кампанеллы, Томаса Мора, Фурье и Маркса – "светлое будущее всего человечества", а большевистский террор – *неудачное воплощение истинного замысла*.

А другие возразят мне, что Павел говорит о духовной любви, а я привожу примеры любви эротической, связывающей (или разъединяющей) мужчину и женщину. Но где он встречал примеры этой духовной любви? Может быть, в любви отцовской или сыновней, уже и в его время известной по трагедиям о царе Эдипе, а в поздние времена известной нам по трагедиям Шекспира, например, по трагедии "Гамлет"?

Или именно эта любовь заставляла правоверных христиан всех времен и народов выдавать замуж или женить влюбленных детей вопреки их воле, ибо *послушание* детей апостол поставил выше *любви*; заставляла несчастных жен и мужей мучиться в браке, не основанном на любви (ибо ни разу апостол за время своего проповедничества не сказал, что основанием брака должна быть любовь), но «соединен ли ты с женою? Не ищи развода. Остался ли без жены? Не ищи жены» (Коринф., 7, 27) или «а вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем.» Или путеводительно в любви мужчины и женщины (в браке или вне брака.. впрочем, согласно апостолу, всё, что вне брака – блуд) наставление: «каждый из вас да любит свою жену как самого себя; а жена да *боится* своего мужа!» (Ефес., 5, 33). Нет, эти слова – не о любви!

Или путеводительно в любви детей и родителей наставление: «дети, *повинуйтесь* своим родителям.. И вы, отцы, не раздражайте детей ваших (Ефес., 5, 14)?»

Итак, оглядываясь на свою жизнь, и на свой опыт – не худший, чем у ревностных учеников апостола Павла, избегающих *плотской* любви; испытав жалость, сострадание, симпатию, страсть, дружбу, влечение, нежность, верность и неверность, раскаянье, заботу, преданность долгу, утешение, ревность, радость и страдание – и это всё принадлежало любви – вижу, что любовь, которую я знаю, не известна апостолам, а любовь, о которой они пишут – бесплотна и иллюзорна. *А я лучше худших, даже лучше многих; более того, я не намного хуже тех немногих, которые вне упреков.*

Или апостол имел в виду любовь человека к Богу? Но это не любовь, а *страх Божий*, или сознание ничтожества перед Богом – но где одни почитают себя ничтожными, другие любви не знают.

Или апостол пишет о любви Бога к человеку? – так перечтите Книгу Иова, которого Бог лишил имущества, жены и детей, и самого одел в струпья, чтобы проверить его любовь – возможно ли, чтобы мать, дабы проверить любовь дочери, вовлекла ее в нищету, болезнь, одиночество? Нет, Бог человека не любит!]

8-10. «Любовь никогда не перестанет, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.

Ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится.»

11-13. «Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан. А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше.»

[Одни из самых проникновенных слов апостола. И так как мы оба «видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно», то я продолжу свой спор с ним. Когда встанем «лицом к лицу», тогда узнаем, кто из нас прав.]

14. 1-2. «.. ревнуйте о дарах духовных, особенно же о том, чтобы *пророчествовать*. Ибо кто говорит на *незнакомом языке* [по-видимому, апостол имеет в виду *сокровенное знание*, иноговорение, духовидение], тот говорит не людям, а Богу; потому что никто не понимает его, он тайны говорит духом.»

13. «А потому, говорящий на незнакомом языке, молись о даре истолкования.»

5-6. «Желаю, чтобы вы все говорили языками; но лучше, чтобы вы пророчествовали; ибо пророчествующий превосходнее того, кто говорит языками, разве он притом будет и изъяснять, чтобы церковь получила назидание. Теперь, если я приду к вам, братия, и стану говорить на *незнакомых языках* [иноговорение?], то какую принесу вам пользу, когда не изъяснюсь вам или *откровением*, или *познанием*, или *пророчеством*, или *учением*?»

14-15. «Ибо когда я молюсь на незнакомом языке, то хотя дух мой и молится, но ум мой остается без плода. Что же делать? Стану молиться духом, стану молиться и *умом*...»

19 «[ибо] в церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтобы и других наставить, нежели тьму слов на незнакомом языке.»

20. «**Братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни.**»

22. «Итак языки суть знамение не для верующих, а для неверующих; пророчество же не для неверующих, а для верующих.»

29-30. «И пророки пусть говорят двое или трое, а прочие пусть рассуждают. Если же другому из сидящих будет откровение, то первый молчи.»

[Однако, церковная служба в православии и католицизме не осталась диалогом, собеседованием верующих, *глоссолалиями* и пророчествами, но развилась в литургию и проповедь, выработала священство, отделив его от мирян, то есть приблизилась к театральному действу.]

32-33. «И духи пророческие послушны пророкам, потому что Бог не есть Бог неустройства, но мира...»

34-35. «Жены ваши в церквах да молчат, ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит. Если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают о том дома у мужей своих; ибо *неприлично жене говорить в церкви.*»

[И это религия *любви и достоинства*? Действительно ли «несть ни эллина, ни иудея, ни мужчины, ни женщины», как говорил апостол, или хотя «*все равны*, но некоторые (мужчины) *более равны* чем женщины», как сказано у Оруэлла?!

Или христиане полагают, что Бог пришел только к мужчинам? Женственное из христианства изгнано (вопреки тому, что Христос защищал блудниц, и многие из них стали святыми – правда, только после того, как отрелись от своей женской природы). А христианская теология – производство чисто мужского ума.]

15. 3-4. Проповедь моя в том состояла, что я учил, что «Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был, и что воскрес в третий день...»

5-9. Затем явился ученикам Своим, «а после всех явился и мне, как некоему извергу. Ибо я наименьший из Апостолов, и недостойн называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию.»

10. «Но благодатию Божию есмь то, что есмь; и благодать Его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною.»

11-14. «Итак я ли, они ли, мы так проповедуем, и вы так уверовали.» Поэтому как можно говорить, что «нет воскресения мертвых? Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес; а если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша.»

17-19. Поэтому и «вы еще во грехах ваших. ...и умершие во Христе погибли. И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков.»

20-23. «Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших. Ибо, как смерть через человека, так через человека и воскресение мертвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут, каждый в своем порядке: первенец Христос, потом Христовы, в пришествие Его.»

24-30. Потом настанет Царство Христово, истребится и последний из врагов человека – смерть. Когда же Бог все покорит Сыну, «тогда и Сам Сын покорится Покорившему все Ему, да будет Бог всё во всем. Иначе, ... если мертвые совсем не воскресают, то для чего и крестятся для мертвых? Для чего и мы ежечасно подвергаемся бедствиям?»

31-33. «Я каждый день умираю: свидетельствуюсь в том похвалю васию, братия... По рассуждению человеческому, когда я боролся со зверями в Ефесе, какая мне польза, если мертвые не воскресают? Станем есть и пить, ибо завтра умрем! Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы.»

35-38. «Но скажет кто-нибудь: как воскреснут мертвые? и в каком теле придут? Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет. И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое; но Бог дает ему тело, как хочет, и каждому семени свое тело.»

39-44. И далее, рассуждая о воскресении, апостол говорит, что как небесное отличается от земного, «Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в унижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное.»

45-49. «...первый человек Адам стал душою живущею; а последний Адам есть дух животворящий... Первый человек – из земли, перстный; второй человек – Господь с неба. Каков перстный, таковы и перстные; и каков небесный, таковы и небесные. И как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного.»

50-58. «Но то скажу вам, братия, что плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия, и тление не наследует нетления. Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся. Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие. Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою (Исайя, 25, 8). Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа? (Осия, 13, 14). Жало же смерти – грех; а сила греха – закон. Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом!»

16. 1-12. Наставление братьям по вере, ученикам, просьбы помочь деньгами братьям в Иерусалиме.

13-14. «Бодрствуйте, стойте в вере, будьте мужественны, тверды. Все у вас да будет с любовью.»

[13 ноября 2004 г., суббота. Дух мой болен, или душа больна?

Апостол Павел говорит: «есть тело Душевное, есть тело Духовное.» Возможно, под Душою понимается человек как таковой, его характер, судьба, история, человеческое Я, заключенное в теле, при жизни неотделимое от тела, по смерти – его оставляющее. Когда мы больны, болеет тело, но и душа трепещет, и также, когда голод и жажду испытывает тело, *переживает* душа. Однако множество чувств испытывает только душа, например, любовь, ненависть, разочарование, посему есть душевная боль, источник которой не в теле (хотя при этом и тело может изнемогать и таять). Итак, если любит, страдает, сострадает *душа*, то что же такое *дух*? Вероятно, это то, что связано с вниманием, пониманием, волей, что включает в себя ум, но больше ума... И когда мы телесной пище противопоставляем "пищу духовную", то как будто понимаем, что это такое, и может быть, понимаем, чем отличается *духовная любовь* от *душевной*...

Итак, душа моя больна, и телесные силы тают.. Так и апостол Павел связывает прозябание человека с его немощами, и говорит: «кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о теле Господнем. Оттого многие из нас немощны и больны...»

К болезням и невзгодам приводит несправедная жизнь, но могут они посылаться и для назидания и исправления (если только не с дуновением ветра проникает в тело некая зараза, как говорит сегодня о сем наука).

Итак, душа моя больна... Но, возможно, и *дух* мой болен, то есть тот руководитель души, тот посредник между человеком и небом, который пытается *понять*, в то время как *душа чувствует*, действует и страдает.

Впрочем, дух ли мой болен, душа ли больна, не это важно, а то, являются ли происки темных сил, козни их и победы над нами следствием уклонений от праведного пути? Так в чем же я так провинился, что теперешнее столь уродливо, и хляби нечистые разверзнутся под ногами?

И вот – сатана злобствует, телевизор вопит, идолы в нем (подлинные, а не те, коих апостол узрел в прекрасных изваяниях на улицах Афин) беснуются, блеют козлиными голосами, бьют козлиными копытами, изрыгают яд в глаза и уши – нет, не помогает мне Новый Завет, а помог бы автомат Калашникова!]

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К КОРИНФИЯМ СВЯТАГО АПОСТОЛА ПАВЛА

Главы 1. – 9.

1. 3-6. «Благословен Бог .. Отец милосердия и Бог всякого утешения, утешающий нас во всякой скорби нашей... Ибо по мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше. Скорбим ли мы, скорбим для вашего утешения и спасения, которое совершается перенесением тех же страданий, какие и мы терпим.»

7. «...Утешаемся ли, утешаемся для вашего утешения и спасения, зная, что вы участвуете как в страданиях наших, так и в утешении.»

[И скорбим и утешаемся для вашего утешения – не имея целью избавить вас от скорби, но радуясь скорби вашей! Итак, скорбь – путь к спасению, и потому надо помогать скорбеть тем, кого любим... (?)]

9. Далее проповедуется необходимость «надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мертвых.»

[Представим себе сильное течение, несущее к водопаду, имя которому – смерть, и гребец пытается грести против течения или хотя бы к берегу – таково мировоззрение европейского человека, мы верим, что жить как должно, то есть делать все возможное для блага и спасения близких – нравственно, а возлагать всю ответственность за происходящее на Бога, не деляя ничего – безнравственно. Но фатализм – врожденное чувство восточного человека, и христиане его культивировали.]

12. Затем апостол хвалится тем, что жил «не по плотской мудрости, но по благодати Божией.»

2. 1-4. [А далее – характерный образец христианского стиля: радость о небесном и скорбь и слезы – о земном.] «Итак я рассудил... не приходите к вам опять с огорчением... дабы, придя, не иметь огорчения от тех, о которых мне надлежало радоваться... От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами...»

5-7. «Если же кто огорчил, то не меня огорчил, но .. и всех вас. ... вам лучше уже простить его и утешить, дабы он не был поглощен чрезмерною печалью.»

10-11. «А кого вы в чем прощаете, того и я; ибо и я, если в чем простил кого, простил для вас от лица Христова, чтобы не сделал нам ущерба сатана, ибо нам не безызвестны его умыслы.»

3. 1-3. «...Неужели нужны для нас, как для некоторых, одобрительные письма к вам или от вас? Вы – наше письмо, написанное в сердцах наших»... более того, «вы показываете собою, что вы – письмо Христово, через служение наше написанное не чернилами, но Духом Бога живаго, не на скрижалях каменных, но на плотных скрижалях сердца.»

[Далее апостол противопоставляет Ветхий и Новый Заветы – **Закон** и **Благодать**, жизнь по Закону и жизнь по Благодати.]

6-7.. «... [Бог] дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит. Если же служение смертоносным буквам, *начертанным на камнях* [Закону], было так славно, что сыны Израилевы не могли смотреть на лице Моисеево по причине славы лица его преходящей, – то не гораздо ли более должно быть славно служение духа? Ибо если *служение осуждения* славно, то тем паче изобилует славою *служение оправдания.*»

10-17. «То прославленное даже не оказывается славным с сей стороны, по причине преимущественной славы последующего. Ибо, если преходящее славно, тем более славно пребывающее.

...Моисей... полагал покрывало на лице свое, чтобы сыны Израилевы не взирали на конец преходящего. Но умы их ослеплены: ибо то же самое покрывало донныне остается неснятым при чтении Ветхого Завета, потому что оно снимается Христом. Донныне... покрывало лежит на сердце их; но когда обращаются к Господу, тогда это покрывало снимается. *Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода.*» – [Не напоминает ли это диалектику марксизма: "*Свобода есть осознанная необходимость!*" и "*Диктатура пролетариата – высшая форма демократии!*"?]

18. «Мы же все открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа.»

4. 4-6. «Христос «есть образ Бога невидимого. Ибо мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы – рабы ваши для Иисуса, потому что Бог... озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа.»

8. «Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем.»

10-12. «Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем. Ибо мы живые непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей, так что смерть действует в нас, а жизнь в вас.»

[Смерть и Воскресение Христово – стержень христианства. Христос «смертию смерть поправ и сущим во гробе живот даровал» – смертию *искупил* (за нас!) первородный Адамов грех, а Воскресением дал нам надежду; более того, явил Собою Новый Завет человека с Богом – снял проклятие смерти и обещал вечную жизнь после Страшного суда и Воскресения мертвых.

Но кажется, что *символика* смерти и Воскресения риторически так перегружает проповедь апостола Павла, что становится в этой проповеди затемняющей и заменяющей смысл.]

14-16. «Зная, что Воскресивший Господа Иисуса воскресит через Иисуса и нас и поставит перед Собою с вами... *мы не унываем*; но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется.»

17-18. «Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно.»

[14 ноября, вечер воскресенья. А я унываю, и сердце трепещет, и плоть тает. Скорбь умножается, но утешение не возрастает.

Что же я делал не так, из-за чего хотя *внешний человек* во мне и тлеет, но внутренний никак не обновляется, тьма и внутри и снаружи, и страдание не только не просветляет, но подавляет и сокращает красоту Божьего мира?!]

5. 1-2. [Итак, "мы не унываем"], «ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный. Оттого мы и воздыхаем, желая [поскорее?] облечься в небесное наше жилище.»

4-8. «Ибо мы, находясь в этой хижине, воздыхаем под бременем, потому что не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью ... и как знаем, что, водворяясь в теле, мы устранимы от Господа, – ибо мы ходим верою, а не *видением*... то желаем *лучше выйти из тела и водвориться у Господа*. И потому ревностно стараемся, водворяясь ли, выходя ли, быть Ему угодными.»

[Бог воочеловечился и умер за нас, чтобы искупить наши грехи, и воскрес, чтобы оживить в нас надежду на будущую жизнь вечную, и послал нам Духа святого – а всё "желаем лучше выйти из тела", поскорее *перестать жить*, ибо смысл жизни только за ее пределами – так разве не является христианство религией смерти?]

Фанатики, утверждающие новое учение, и даже закрывающие своим телом амбразуру, жертвуют преимущественно теми, кого они тащат за собою в пропасть жертвы и небытия, ибо их собственная жизнь – жизнь строителей и пропагандистов новой церкви, государства, революции и войны – наполнена *утверждением*, и погибнут ли они, исполнив свое дело, или доживут до мумии, это неважно, ибо они жили не зря, и жили здесь, в этой жизни, хотя бы и занимались ее уничтожением и строили монастырь, казарму, склеп, эшафот и тюрьму – вот, последний камень положен, последняя строка в приговоре написана, и они удовлетворенно созерцают дело рук своих. Но каково тем, кого они цепью сковали с собою, потянули следом, часто требуя слепой веры и послушания, каково рати строителей, тружеников, бойцов, расстрельщиков – ведь у них были собственные цели, от которых они насильно или обманом и оболещением

были отняты, добежали до бруствера, пали, и с ужасом понимают, что дома остались жена, дети, мать, невеста, любимая, а они за чужое сложили голову?! Так и строителю монастыря, сошедшему под своды его, быть может и постыл его семейный очаг, и "земный наш дом, эту хижину (этот вертеп?)" он способствовал из всех сил разрушать – но постыл ли "земный наш дом" человечеству?

Но не только дело апостолов противостоит земной жизни, но и сам подвиг Христа в изъяснении "учеников" Его существенно противоречив – более того, это противоречие уничтожает смысл подвига. Так, апостол утверждает, что «любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам. Ибо Христос, когда еще мы были немощны, в определенное время умер за нечестивых. ...Посему тем более ныне, будучи оправданы Кровию Его, спасемся Им от гнева (Римл., 5, 10)»; и «мы получили оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе (Римл., 3, 24).» И в это же время две тысячи лет проповедуется, что человек – мерзость из мерзостей, как будто еще и не было искупления, оправдания, примирения. Тихон Задонский поучает: "Кто не берет крест Христов, того Христос отвергается!" Так получили ли мы уже оправдание – даром! – или же нам еще надо взвалить на себя и тащить Крест Господень, дабы Он не *отверг* нас?! И для чего Христос приходил – *оправдать нас* и дать надежду *уже в этой жизни* – или *здесь* окончательно пригвоздить, возвещая единственный смысл за гробом?

Увы, христианское учение, как и марксистское, состоит в отрицании человеческого – потому христиане и уничтожали эллинскую культуру, и только вопреки их усилиям она сквозь столетия проросла, как после пожара возрождается лес, стоявший там прежде.]

15. «А Христос за всех умер, чтобы живущие уже *не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего.*»

[Мать, живущая *для детей* своих, для себя ли живет? Или она от них должна отвернуться, чтобы начать жить для Бога? Впрочем, апостол советует ей и вовсе не рожать детей, а еще в девичестве уйти в монастырь – то есть, отвернуться от детей своих еще до рождения их!]

16-17. «Потому отныне мы никого не знаем по плоти; если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем.»

«Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое.»

19, 21. «... потому что Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя людям преступлений их, и дал нам слово примирения... Ибо не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом.»

6. 1 «Ныне настал день спасения, и мы умоляем вас принять благодать Божию.»

3-10. «Мы никому ни в чем не полагаем преткания ... но во всем являем себя, как служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, в

нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бедениях, в постах, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благодати, в Духе Святом, в нелицемерной любви, в слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке, в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах: нас почитают обманщиками, но мы верны; мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем.» [!]

14-18. «Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными, ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою?... Или какое соучастие верного с неверным? Какая совместность храма Божия с идолами? Ибо вы храм Бога живаго, как сказал Бог: "вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом" (Левит. 26, 12). И потому выйдите из среды их и *отделитесь* [избранные], говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому; и Я приму вас. И буду вам Отцем, и вы будете Моими сынами и дщерями, говорит Господь Вседержитель. (Иерем. 3, 19).»

7. 1. «Итак, возлюбленные ... очистим себя от всякой скверны плоти и духа, совершая святину в страхе Божием.»

2-3. «Вместите нас. Мы никого не обидели, никому не повредили, ни от кого не искали корысти. ...вы в сердцах наших, так чтобы вместе и умереть и жить.»

4-5. «Я много надеюсь на вас, много хвалюсь вами; я исполнен утешением, преизобилую радостью, при всей скорби нашей. Ибо... мы были стеснены отовсюду: отвне – нападения, внутри – страхи. Но Бог, *утешающий смиренных*, утешил нас...»

[А утешал ли их Бог когда-нибудь "обычного" человека – не постного, не смиренного, не пребывающего в страхе Божием?]

8-10. «Посему, если я опечалил вас посланием, не жалею ... потому, что.. вы опечалились к покаянию; ибо опечалились ради Бога... Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть.»

[Печаль о близких – об их скорбях, болезнях, смерти – печаль ли это мирская (производящая смерть)? И что же такое – *печаль ради Бога?*]

11-16. А далее – о неустроениях, распрях и взаимных обидах, благополучно разрешившихся к победе Апостола. И «мы утешились утешением вашим», ...и я «радуюсь, что во всем могу положиться на вас.»

8. 1-9. Затем похвала церквам Македонским за их щедрость в помощи "святым" (общине Иерусалимских учеников); и призыв к такому же усердию со стороны Коринфских церквей, «ибо вы знаете благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, обнищал ради вас, *дабы вы обогатились Его нищетою.*»

[Богатство через нищету, как и сила через слабость – диалектические идеи, проходящие красной нитью сквозь все учение.]

10-15. Далее идут практические наставления о взаимоотношениях в общине и просьбы «о вспоможении святым», которое должно бы иметь характер "благословения, а не побора".

9. 6. «При сем скажу: кто сеет скупо, тот скупо и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет.»

10-11. «Дающий же семя сеющему и хлеб в пищу подаст обилие посеянному вами и умножит плоды правды вашей, так чтобы вы всем богаты были на всякую щедрость, которая через нас производит благодарение Богу.»

Главы 10. – 13. [Слово в свою защиту и похвалу.]

10. 1-11. «Я же, Павел, который лично между вами скромн, а заочно против вас отважен, убеждаю вас кротостью и снисхождением Христовым», и лишь по отношению к тем прибегну к твердости, кто помышляет о нас, «что мы поступаем по плоти. Ибо мы, ходя во плоти, не по плоти воинствуем. Оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь: ими ниспровергаем замыслы..»

Кто говорит: «в посланиях он строг и силен, а в личном присутствии слаб, и речь его незначительна, – такой пусть знает, что, каковы мы на словах в посланиях заочно, таковы и на деле лично.»

13, 17-18.. «.. мы не без меры хвалиться будем, но по мере удела, какой назначил нам Бог ..» ибо «хвалящийся хвались о Господе (Иерем. 9, 24). Ибо не тот достоин, кто сам себя хвалит, но кого хвалит Господь.»

11. 1-3. «О, если бы вы несколько были снисходительны к моему неразумию! Но вы и снисходите ко мне. Ибо я ревную о вас ревностью Божиею; потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою.» [*Вера как обручение с Христом.*]

«Но боюсь, чтобы, как змий хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, уклонившись от *простоты во Христе.*»

[Обычное христианское превознесение *простоты*, забывающее, что "иная *простота* хуже воровства". Да неужто Христос так уж *прост*? Или прост Бог-Отец? Или сам Павел?]

4-15. Тому ли учат другие? «Но я думаю, что у меня ни в чем нет недостатка против высших Апостолов: хотя я и невежда в слове, но не в познании... Согрешил ли я тем, что унижал себя, чтобы возвысить вас, потому что безмездно проповедывал вам Евангелие Божие? Другим церквам я причинял издержки, получая от них содержание для служения вам; и, будучи у вас, хотя терпел недостаток, никому не докучал... да и во всем я старался и постараюсь не быть вам в тягость... чтобы не дать повода ищущим повода, дабы они, чем хвалятся, в том оказались такими же, как и мы. Ибо таковые лжеапостолы, лукавые делатели, принимают вид Апостолов Христовых. И неудивительно: потому что сам сатана принимает вид Ангела света, а потому не

великое дело, если и служители его принимают вид служителей правды; но конец их будет по делам их.»

18-19. «Как многие хвалятся по плоти, то и я буду хвалиться. Ибо вы, люди разумные, охотно терпите неразумных: вы терпите, когда кто вас порабощает, когда кто объедает, когда кто обирает, когда кто превозносится, когда кто бьет вас в лицо.»

21-29. «К стыду говорю, что на это у нас недоставало сил. [И всё же] если кто смеет хвалиться чем-либо, то (скажу по неразумию) смею и я. Они Евреи? и я. Израильтяне? и я. Семя Авраамово? и я. Христовы служители? (в безумии говорю:) я больше. Я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе. ...Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?»

30-32. «Если должно мне хвалиться, то буду хвалиться немощью моею.

Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословенный во веки, знает, что я не лгу. В Дамаске областной правитель царя Ареты стерег город Дамаск, чтобы схватить меня; и я в корзине был спущен из окна по стене и избежал его рук.»

12. 1. «Не полезно хвалиться мне, ибо я приду к видениям и откровениям Господним.»

2-5. «Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (только не знаю – в теле, или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать. Таким человеком могу хвалиться; собою же не похваюсь, разве только немощами моими.»

6. «Впрочем, если захочу хвалиться, не буду неразумен, потому что скажу истину; но я удерживаюсь, чтобы кто не подумал о мне более, нежели сколько во мне видит или слышит от меня.»

7-10. «И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился. Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но Господь сказал мне: "**довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи**". И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова. Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен.»

11-12. «Я дошел до неразумия, хвалясь; вы меня к сему принудили. Вам бы надлежало хвалить меня, ибо у меня ни в чем нет недостатка против высших Апостолов, *хотя я и ничто* [уничужение паче гордости]. Признаки Апостола оказались перед вами всяким терпением, знаменьями, чудесами и силами.»

13-15. «Ибо чего у вас недостает перед прочими церквами, разве только того, что сам я не был вам в тягость? Простите мне такую вину. Вот, в третий раз я готов идти к вам, и не буду отягощать вас, ибо я ищу не вашего, а вас. Не дети должны собирать имение для родителей, но родители для детей. Я охотно буду издерживать свое и истощать себя за души ваши, несмотря на то, что, чрезвычайно любя вас, я менее любим вами.»

16-21. «Положим, что сам я не обременял вас, но, будучи хитр, лукавством брал с вас. Но пользовался ли я чем от вас через кого-нибудь из тех, кого посылал к вам? ... Тит воспользовался ли чем от вас? Не в одном ли духе мы действовали? Не одним ли путем ходили? Не думаете ли еще, что мы только оправдываемся перед вами? Мы говорим пред Богом, во Христе, и все это, возлюбленные, к вашему назиданию... чтобы мне, по пришествии моем, .. не найти у вас раздоров, зависти, гнева, ссор, клевет, ябед, гордости, беспорядков, чтобы опять, когда приду, не унижил меня у вас Бог мой и чтобы не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаялись в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали.»

13. 1-2. «В третий уже раз иду к вам. ...[Но теперь уже], ... когда опять приду, не пощажу [согрешивших]!»

[*Превосходству* христианское учение противопоставляет *унижение*: стремление к немощи, нищете тела и духа, скорби, простоте, даже к *юродству*. Казалось бы, дело спасения уже завершено; или, по крайней мере, достаточно *веры*, и она уже до конца спасает... но нет, в противоречие собственной главной проповеди появляется, как в музыке, вторая тема, и она становится преобладающей – *страдание и умаление ради Христа*.]

3-4. «Вы ищите доказательства на то, Христос ли говорит во мне: Он не бесилен для вас, но силен в вас. Ибо, хотя Он и распят в немощи, но жив силою Божию; и мы также, хотя немощны в Нем, но будем живы с Ним силою Божию в вас.»

5. «Испытывайте самих себя, в вере ли вы; самих себя исследывайте...»

9. «Мы радуемся, когда мы немощны, а вы сильны; о сем-то и молимся, о вашем совершенстве.»

11. «Впрочем, братия, радуйтесь, усершайтесь, утешайтесь, будьте единомысленны, мирны, – и Бог любви и мира будет с вами.»

ПОСЛАНИЕ К ГАЛАТАМ
СВЯТАГО АПОСТОЛА ПАВЛА

Гл. 1. – Гл. 4.

1. 1. Приветствие церквам Галатийским Апостола Павла, избранного к Апостольству Иисусом Христом. [Без ложной скромности!]

6-9. Предостережение от инакопроповедующих, ибо «если бы даже ... Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, *да будет анафема!*»

10. «У людей ли я ныне ищущу благоволения, или у Бога? людям ли угождать стараюсь? Если бы я и поныне угождал людям, то не был бы рабом Христовым.»

11-12. «Возвещаю вам, братия, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое, ибо и я принял его и научился не от человека, но через откровение Иисуса Христа.»

13-22. Далее Апостол напоминает о своем «прежнем образе жизни в Иудействе», когда он «жестоко гнал Церковь Божию, и опустошал ее», и о призвании Христом к благовествованию среди язычников, о путешествии в Дамаск, о встречах в Иерусалиме с Петром и Иаковом и о проповедании в странах Сирии и Киликии.

2. 1. Рассказ о хождении в Иерусалим, напоминание о споре по поводу обрезания, в котором Павел отстаивал свободу *необрезания* обращенным из язычников.

7-9. «Увидев, что *мне вверено благовестие для необрезанных*, как Петру для обрезанных [хотя Петр утверждал обратное] (ибо *Содействовавший* Петру в апостольстве у обрезанных содействовал и мне у язычников), и, узнав о благодати, данной мне, Иаков и Кифа и Иоанн, почитаемые столпами, подали мне и Варнаве руку общения, чтобы нам идти к язычникам, а им к обрезанным.» [И только проповедь Павла у язычников оказалась успешной.]

11. Противостояние в Антиохии лицемерию Петра, который «до прибытия некоторых от Иакова, ел вместе с язычниками; а когда те пришли, стал таиться и устранился, опасаясь обрезанных...»

14. Тогда я «сказал Петру при всех: если ты, будучи Иудеем, живешь по-язычески, а не по-иудейски, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски?»

15-16. «Мы по природе Иудеи, а не из язычников грешники; однако же, узнав, что *человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа*, и мы уверовали во Христа Иисуса, ... ибо делами закона не оправдывается никакая плоть.»

19-20. «Законом я умер для закона, чтобы жить для Бога. Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос...»

21 **«Не отвергаю благодати Божией; а если законом оправдание, то Христос напрасно умер.»**

3. 1-3. «О, несмысленные Галаты! кто прельстил вас не покоряться истине, вас, у которых перед глазами предначертан был Иисус Христос, как бы у вас распятый? Сие только хочу знать от вас: через дела ли закона вы получили Духа, или через наставление в вере? Так ли вы несмысленны, что, начав духом, теперь оканчиваете плотью?»

5-8. «Подающий вам Духа и совершающий между вами чудеса через дела ли закона сие производит, или через наставление в вере? Так Авраам поверил Богу, и это вменилось ему в праведность. (Бытие 15, 6). Познайте же, что верующие суть сыны Авраама. И Писание, провидя, что Бог верою оправдает язычников, предвозвестило Аврааму: "в тебе благословятся все народы" (Бытие 12, 2).»

9-10. «Итак верующие благословляются с верным Авраамом, а все, утверждающиеся на делах закона, находятся под клятвою. [Что сие значит?] Ибо написано: проклят всяк, кто не исполняет постоянно всего, что написано в книге закона.»

11 «А что законом никто не оправдывается пред Богом, это ясно, потому что праведный верою жив будет. [Почему? А потому...]

13-14. «Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою (ибо написано: проклят всяк, висящий на древе... дабы благословение Авраамово через Христа Иисуса распространилось на язычников, чтобы нам получить обещанного Духа верою.»

15-16. «...даже человеком утвержденного завещания никто не отменяет и не прибавляет к нему. Но Аврааму даны были обетования и семени его... которое есть Христос.»

[Апостолу кажется это несомненным, но иудеи, увы, не вняли доводам его, а только язычники. Впрочем, вникали ли язычники в эти доводы? Правда, Павел еще долго будет метаться между *новым народом*, которым являются христиане, и старым, которым являлись иудеи.]

17-18. «Я говорю то, что завета о Христе, прежде Богом утвержденного, закон, явившийся спустя четыреста тридцать лет, не отменяет так, чтобы обетование потеряло силу. Ибо если по закону наследство, то уже не по обетованию; но Аврааму Бог даровал оное по обетованию.»

19 «Для чего же закон? Он дан после по причине преступлений, до времени пришествия [Христа]... рукою посредника [Моисея].»

23-25. «До пришествия веры мы заключены были под стражею закона, до того времени, как надлежало открыться вере... закон был для нас детоводителем ко Христу, дабы нам оправдаться верою; по пришествии же веры, мы уже не под руководством детоводителя.»

26-27. «Ибо все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса; все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись.»

28-29. **«Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе.** Если же вы Христовы, то вы семя Авраамово и по обетованию наследники.»

[Но хотя "нет мужеского пола, ни женского" (?), но "жены ваши в церквах да молчат, ибо не позволено им говорить... как и **закон** говорит" (Бытие 3, 16) – а надо ли руководиться **законом**, о котором и Христос сказал, что Он пришел не отменить его, а лишь подтвердить, или только верою? Павел-то отменил ли уже **закон**? Но, кажется, *оба в одном*, как и Троица, и явно Павел отменил **закон**, и вот с этих самых пор мы стали христианами, почерпая не в законе, а в вере и откровении новое содержание жизни и тщась совлечься мирского и человеческого, ибо "кто во Христе, тот новая тварь" (Второе Коринф. 5, 17) – а неявно, "по умолчанию" мы все еще иудеи, и состоим под **законом** (ибо и Ветхий Завет не отменен, но вся проповедь христианская на него опирается и к нему сводится), и потому что хотя и утверждается, что "если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется", но ясно, что оба в нас живы, и осталось все, как и до апостола Павла – и иудеи, и язычники, и христиан и раб, и свободный, и мужеский пол, и женский (к счастью!)]

[Возможно, ученики Христа пытались лишь дополнить иудаизм (как и Сам Христос), но среди соплеменников не нашли они понимания, и тогда в отчаянии они возопили – всё, Старый Завет (через Моисея) умер, и отныне – Новый Завет (через Иисуса Христа).]

4. 1-7. Противопоставление Христа закону и принимающих Христа – остающимся в законе. «Еще скажу: ... мы, доколе были в детстве, были поработены вещественным началам мира; но когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего (Единородного), Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление... **Посему ты уже не раб, но сын**; а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа.»

[Так кем же считают себя христиане – рабами Божьими или детьми Его? Они, видящие смысл веры в том, чтобы отречься от своей воли и раствориться в воле Господней? Да и как сам апостол отличал сына от раба, когда только что заявлял: "если бы я .. угождал людям, то не был бы рабом Христовым"?]

9-10. [Итак,] «познав Бога, или, лучше, получив познание от Бога, для чего возвращаетесь опять к немощным и бедным вещественным началам и хотите еще снова поработить себя им? **Наблюдаете дни, месяцы, времена и годы.**»

[Если это не вызов античной науке, то за что же тогда суд над Галилеем и сожжение Джордано?!]

... 19-31. «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос! Хотел бы я теперь быть у вас и изменить голос мой, потому что я в недоумении о вас. Скажите мне вы, желающие

быть под законом: разве вы не слушаете закона? Ибо написано: Авраам имел двух сынов, одного от рабы, а другого от свободной. Но который от рабы, тот рожден по плоти; а который от свободной, тот по обетованию. ...Это два завета: один от горы Синайской, рождающий в рабство, который... соответствует нынешнему Иерусалиму, потому что он с детьми своими в рабстве; а *вышний Иерусалим* свободен: он – мать всем нам. Ибо написано: возвеселись, неплодная, нерождающая; воскликни и возгласи, не мучившаяся родами; потому что у оставленной гораздо более детей, нежели у имеющей мужа. Мы, братья, дети обетования по Исааку. Но, как тогда рожденный по плоти гнал рожденного по духу, так и ныне. Что же говорит Писание? Изгони рабу и сына ее, ибо сын рабы не будет наследником вместе с сыном свободной. Итак, братья, мы дети не рабы, но свободной.»

Главы 5. – 6. [Слово о законе и благодати.]

5. 1. «Итак стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства.»

2. «Вот, я, Павел, говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа.»

[Внимательный читатель помнит, что вначале для Павла *обрезание* было несомненно, и он обрезал даже полукровку; затем пытался уравнивать в правах тех и других; и вот наконец выступил против *обрезания*.]

4-6. «Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати, а мы духом ожидаем и надеемся праведности от веры. Ибо во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью.»

7-9. «Вы шли хорошо: кто остановил вас, чтобы вы не покорялись истине? ... Малая закваска заквашивает все тесто.»

13-14. «К свободе призваны вы, братья, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу. Ибо весь закон в одном слове заключается: "*люби ближнего твоего, как самого себя*".»

16-18. «Я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожелений плоти, ибо плоть желает противного духу, а дух – противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы. ***Если же вы духом водитесь, то вы не под законом.***»

19-21. «Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, ... нечистота, ... идолослужение, волшебство, ... ссоры, зависть, гнев, ... *разногласия*, (соблазны), ереси, ненависть, убийства, пьянство, ... и тому подобное. Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царствия Божия не наследуют. Плод же духа: любовь, радость, мир, *долготерпение*, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание. *На таковых нет закона*. [Почему? Разве и Заповедь Моисея не к тому же призвала?] Но те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями. Если мы живем духом, то по духу и поступать должны. ...»

6. 1-2. «Братия! исправляйте согрешившего в духе кротости, «наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушенным. Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов.»

3-5. «Ибо кто почитает себя чем-нибудь, будучи ничто, тот обольщает сам себя. Каждый да испытывает свое дело, и тогда будет иметь похвалу только в себе, а не в другом, ибо каждый понесет свое бремя.»

7. «Не обманывайтесь: *Бог поругаем не бывает.*»

[А как же гонения на христиан, да и сокрушение храмов в большевистской России? Или не *поругаем* только Сам *Бог*, самодовольный на небе, а *Божественное* может быть и поругано?]

8. «*Что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную.*»

9-10. «Делая добро, да не унываем, ибо в свое время пожнем, если не ослабеем. Итак, доколе есть время, будем делать добро всем, а наипаче своим по вере.»

12-15. «Желающие хвалиться по плоти принуждают вас обрезываться только для того, чтобы не быть гонимыми за крест Христов, ибо и сами обрезывающиеся не соблюдают закона, но хотят, чтобы вы обрезывались, дабы похвалиться в вашей плоти. А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, *которым для меня мир распят, и я для мира.* [Не потому ли "*не любите мира, ни того, что в мире*"?] Ибо во Христе Иисусе ничего не значит ни обрезание, ни необрезание, а новая тварь.»

17. «Впрочем никто не отягощай меня, ибо я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем.»

ПОСЛАНИЕ К ЕФЕСЯНАМ СВЯТАГО АПОСТОЛА ПАВЛА

Гл. 1. – 6.

1. 3-7. «Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, ... так как Он избрал нас в Нем прежде создания мира, чтобы мы были святы и непорочны пред Ним в любви, *предопределив усыновить нас Себе чрез Иисуса Христа, по благоволению воли Своей*, ...которую Он облагодатствовал нас в Возлюбленном, в Котором мы имеем искупление Кровию Его, прощение грехов, по богатству благодати Его, каковую Он в неизбытке даровал нам во всякой премудрости и разумении, открыв нам тайну Своей воли по Своему благоволению, которое Он прежде положил в Нем, в устроении полноты времен [?], дабы все небесное и земное соединить под главою Христом. В Нем мы и сделали наследниками, быв предназначены к тому по определению Совершающего все по изволению воли Своей...»

15. Я благодарю за вас Бога, и в молитвах моих прошу о ниспослании «вам Духа премудрости и откровения к познанию Его.»

19-23. «... как безмерно величие могущества Его в нас, верующих по действию державной силы Его, которою Он воздействовал во Христе, воскресив Его из мертвых и посадив одесную Себя на небесах, превыше всякого Начальства, и Власти, и Силы, и Господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем, и все покорил под ноги Его, и поставил Его выше всего, главою *Церкви, которая есть Тело Его*, полнота Наполняющего все во всем.»

2. 1-7. «*И вас, мертвых по преступлениям и грехам вашим*», подчинявшихся некогда «воле князя, господствующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления, между которыми и мы все жили некогда по нашим плотским похотям... Бог, богатый милостью, по Своей великой любви,... и нас, мертвых по преступлениям, оживотворил со Христом, – благодатью вы спасены, – и воскресил с Ним, ... дабы явить в грядущих веках преизобильное богатство благодати Своей ... »

8-9. «*Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился.*»

11-12. «Итак помните, что вы, некогда язычники по плоти, которых называли необрезанными *так называемые обрезанные плотским обрезанием*, совершаемым руками [выпад против своих соплеменников], что вы были в то время без Христа, отчуждены от общества Израильского, чужды заветов обетования, не имели надежды и были безбожники в мире.»

13-16. «А теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко, стали близки Кровию Христовою. Ибо Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, *упразднив* вражду Плотию Своею, а *закон заповедей* учением, дабы из двух [вероятно, имеются в виду иудеи и язычники, *обрезанные и необрезанные*] создать в Себе Самом одного нового человека, устроая мир, и в одном теле примирить обоих с Богом посредством креста, убив вражду на нем.»

17-18. «И, придя, благовествовал мир вам, дальним и близким, потому что через Него и те и другие имеем доступ к Отцу, в одном Духе.»

19-22. «Итак вы уже не чужие и не пришельцы, но *сограждане святым и свои Богу*, быв утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе, на котором и вы устрояетесь в жилище Божие Духом.»

[Апостол еще не решается отвергнуть соплеменников и уйти всецело в иноплеменный мир (хотя уже скоро христианство порвет с иудаизмом), и пока только символически *сопричисляет* язычников к народу обетованному, к *гражданам Израиля* – своего рода месть Риму за то, что до сих пор иудеям (как и самому Павлу) приходилось выпрашивать, зарабатывать или покупать римское гражданство, чтобы

подняться в общественном отношении. Позже апостол станет доказывать, что иудеи уже *не* избранный народ, а вместо них Бог избрал посредством Иисуса Христа Его последователей, бывших язычников, а ныне новый народ, христиан.

3. 1. «Для сего-то я, Павел, сделался *узником* Иисуса Христа за вас язычников.»

2-6. «Как вы слышали о *домостроительстве благодати Божией*, данной мне для вас, потому что через откровение возведена тайна... то вы, читая, можете усмотреть мое разумение тайны Христовой, которая не была возведена прежним поколениям сынов человеческих, как ныне открыта святым Апостолам Его и пророкам Духом Святым, чтобы и язычникам быть *сонаследниками, составляющими одно тело*, и сопричастниками обетования Его во Христе Иисусе посредством благовествования, которого служителем сделался я по дару благодати Божией, данной мне действием силы Его.»

8-9. «Мне, *наименьшему из всех святых*, дана благодать сия – благовествовать язычникам неисследимое богатство Христово и открыть всем, в чем состоит домостроительство тайны, сокрывавшейся от вечности в Боге, создавшем все Иисусом Христом, дабы ныне соделалась известною через Церковь начальствам и властям на небесах многообразная премудрость Божия.»

13. «Посему прошу вас не унывать при моих *ради вас скорбях, которые суть ваша слава.*»

[Отсюда очевидно, что идеал жизни апостола Павла состоит в следующем:

1. Жить для Бога, совлекая в себе мирского человека;
2. Неустанно молиться;
3. Претерпевать невзгоды, даже стремиться к ним, ибо страдание – главный путь к истине и Богу;
4. Строить церковь как тело Христово.

Религия страдания – вот суть учения апостола Павла. Однако церковь, построенная для умерщвления жизни, позже попыталась оправдать жизнь, поэтому о современном христианстве следует говорить как о христианстве *после* апостола Павла.]

16-19. И прошу Господа Иисуса Христа помочь вам «утвердиться Духом Его во внутреннем человеке», ... чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы вам исполниться всею полнотою Божиею.» ...

4. 1-3. Поступайте же достойно вашего призвания, «со всяким *смирennemудрием и кротостью и долготерпением*, снисходя друг ко другу любовью, стараясь сохранять *единство духа* в союзе мира.»

[Почему я возражаю проповеди кротости, *смирennemудрия* и *долготерпения*? Да потому что обращена она к узкому типу людей –

"строителей храма Господня". Возможен ли *смирennemудрый* писатель, ученый, воин? Учитель, любовник, общественный деятель? И даже крестьянин? Если бы создался тип человека, отвечающий проповеди Христа и апостола Павла, и составилась такой *избранный народ*, и христиане и в самом деле начали жить по заповедям своих учителей, то патока лицемерия залила бы наш мир, ибо эти люди не только не смогли бы нормально беседовать друг с другом, или целоваться, или, Боже упаси, раздевать женщину, но даже землю пахать!]

4-6.. «Одно тело и один дух...; один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас.»

7. «Каждому же из нас дана благодать по мере дара Христова.»

11-16. «*И Он поставил одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями, ... на дело служения, для созидания Тела Христова, доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, ... в меру полного возраста Христова; дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения...*» [долгой исследование, сомнение, размышление, науку и культуру!], но возвращали себя Христу, «из Которого всё тело, составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, ... получает приращение для созидания самого себя в любви.»

17-18. «Посему я говорю и заклинаю Господом, чтобы вы более не поступали, как поступают прочие народы, по суетности ума своего» ... отчужденные от жизни Божией.. и предавшиеся распутству ...

20-24. Вы же во Христе узнали, что истина состоит в том, чтобы «*отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях, ...и облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины.*»

[Но что сие значит рационально? Что значит отвергнуть *ветхого человека*? Только ли "не пить, не курить, не куролесить с красотками"? Впрочем, кажется, далее апостол поясняет свою мысль:]

25-27. «Посему, отвергнув ложь, говорите истину каждый ближнему своему, ...Гневаясь, не согрешайте: солнце да не зайдет во гневе вашем... Кто крал, вперед не кради, и лучше трудись, делая своими руками полезное, чтобы было из чего уделять нуждающемуся. Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только *доброе для назидания в вере*, ...будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас.»

[Правда, *доброе* слово в христианской проповеди сужается до *назидания в вере*, мир сужается до *церкви*, церковь до *тела Христова*, а человек до *раба Божьего*!]

5. 1-2. «Итак, подражайте Богу, как чада возлюбленные, и *живите в любви*, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас в приношение и жертву Богу...»

3. «А блуд и всякая нечистота и любостяжание не должны даже именоваться у вас, как прилично святым.»

4. «Также сквернословие и пустословие и *смехотворство* [театр? Комедия, оперетта?] не приличны вам а, напротив, благодарение; ... Никто да не оболщает вас пустыми словами...»

[Что бы апостол сказал сегодня, когда *смехачи* и *трепачи* и "всякое непотребство" заполнили пространство – мягче ли бы он отнесся к античному театру? Кто его раздражал? Аристофан? Апулей? А читал ли он Пелевина? Или Сорокина? Не оттого ли *правoverные христиане* и сегодня безбрачны, бездетны, безродны, бесплодны и т. д.?!]

8-9. «Вы были некогда тьма, а теперь – свет в Господе: поступайте, как чада света, потому что плод Духа состоит во всякой благодати, праведности и истине.»

15-16. «.. поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы.»...

18-21. «И не упивайтесь вином, от которого бывает распутство; но исполняйтесь Духом, назидая самих себя псалмами и славословиями и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах ваших Господу, благодаря всегда за всё Бога и Отца, ... повинувшись друг другу в страхе Божиим.»

[Если это всеобщее умиление стало бы концом истории, то мир закончился бы, утонув в патоке.]

22-23. «*Жены, повинуйтесь своим мужьям*, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви.» [Вот это речь "не мальчика но мужа!"]

25. «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь ... дабы были они [жены] святы и непорочны.»

28. «Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя.»

31. «Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть.»

33. «Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а *жена да боится своего мужа*.»

[Способствовало ли христианство доброму отношению к женщине? Очевидно, нет, ибо всегда противопоставляло ее мужчине как низшее существо, а то и источник всякой нечистоты и скверны, пока в Новое Время искусство и литература сначала эпохи Возрождения, а потом Просвещения не перевернуло европейское отношение к ней.

Живя в отрочестве и юности в общежитиях, я близко увидел и сравнил девичий быт и быт юношей: в студенческих общежитиях у девочек всегда всё было аккуратно и чисто, а у мальчишек – срам и содом. Девочка чиста, наглажена, одежда у нее аккуратно, и прическа и тело, она не плюет на пол, не носит грязное белье, носки у нее выстираны, и ноги вымыты... Здесь, в тюрьме, в "мужском общежитии" –

все то же, "сильный пол" – неряхи и грязнули, и их "общежитие" – скотный двор... И хотя здесь обитают худшие, то есть преступники, но и они в бытовом отношении не хуже других, они – ударные гласные мужского племени. Унижая женщину, мужчина не хочет видеть, что не христианство, а только она пытается из дикого зверя вылепить человека. Заклиная об отвлеченной (как сказали бы ныне – *виртуальной*) любви к Богу и "ближнему", церковь не проповедовала *уважение и любовь* к женщине, *почтение* к жене и матери.

Снизолел апостол Павел, процедил сквозь зубы: "Так должны мужья любить своих жен, как свои тела..." – а любил ли христианин-мужчина (после разрушения эллинской культуры) свое тело?

Христианство проповедовало презрение к плоти миру и к женской (нечистой) "плоти" – оттого-то осатаневшие "поп-певцы" (или *певцы поп*?) и вопят по всем телеканалам России непотребное!"

Мужчина всегда пытался *растлить женщину*, и христианский призыв – "лучше человеку не касаться женщины" – гнусен, ибо очевидно, что исходит он из представления о том, что прикосновение к женщине грязно – "А блуд и всякая нечистота и любостяжание не должны даже именоваться у вас, как прилично святым". Воистину, христианская церковь создана "людьми лунного света", и то, что сегодня православный батюшка *чадороден*, объясняется только одним – не в Новом Завете и не в проповеди Христа корень этой чадородности, но в язычестве, которое проросло сквозь бесплодную пустыню фанатичного сектантства.

К слову сказать, и эллинская культура проросла сквозь камень, лежащий в основании церкви, и воистину и сама церковь хотя и *сеяла на камне* а "камень этот Христос", но жизнь взяла свое – крестьяне-христиане носили и носили плодородную землю, и наносили за две тысячи лет, так что на этой почве воздвиглись и храмы (по эллинским образцам), и звучит музыка – дитя эллинской музыки, и существуют живопись и *иконостас*.

Поэтому, исследуя и пытаясь понять происхождение и существование христианства, я хочу "*не отвергнуть Церковь, а лишь утвердить ее в обновлении*", ибо живой источник ее ныне не в иудейском религиозном сознании, а в европейской философии и культуре.]

6. 1-2. «Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, ибо сего требует справедливость. Почитай отца твоего и мать...»

4. «И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но *воспитывайте их в учении и наставлении Господнем.*»

[Последние слова напоминают мне Ленинский завет молодежи "учиться, учиться, и еще раз учиться строить коммунизм".]

5-6. «Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу [?!], не с видимою только услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы» ... [и далее в этом же роде]...

9. «И вы, господа, поступайте с ними так же, умеряя строгость»... [и далее в этом же роде]...

10-13. «Наконец, братия мои, укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его. Облекитесь во всеоружие Божие»,... дабы вы могли противостать в день злый [против козней диавольских].

14-15. «Итак станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, ... а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; ... и меч духовный, который есть Слово Божие.»

[Много врагов у праведного, и невежество, и тщеславие, и злые правители, и жестокое государство, и ненасытимость богатых – но нет, их апостол даже и не упоминает, а только соперник Вышнего Господина строит и строит козни... правда, проживя детские годы при Сталине, видя и голод, и нужду, и лютых опричников, и злых мытарей, видя, как страдают и рядом и далее ближние и дальние, надрываясь на непосильной работе и отдавая последний сноп ржи и даже свиную шкуру ненасытному государству, не видел я, чем еще и "лукавый" крестьянину досаждал.]

18 «Всякою молитвою и прошением молитесь во всякое время»... и «о всех святых и о мне»,... дабы я смело проповедывал, как мне должно.

24. «Благодать со всеми, неизменно любящими Господа нашего Иисуса Христа. Аминь.»

ПОСЛАНИЕ К ФИЛИППИЙЦАМ СВЯТАГО АПОСТОЛА ПАВЛА

Главы 1. – 4.

1. 1-7. Приветствую вас и поминаю «во всякой молитве».. за «вас всех, как соучастников моих в благодати.»

8. «Бог – свидетель, что я люблю всех вас любовью Иисуса Христа.»

13-14. Так как «узы мои о Христе сделались известными всей претории» то многие, «ободрившись... начали с большею смелостью... проповедывать слово Божие.»

15. «Некоторые, правда, по зависти и *любопрению*, а другие с добрым расположением проповедуют Христа.»

18, 20-24.. «Но что до того? Как бы ни проповедали Христа, притворно или искренно, я и тому радуюсь и буду радоваться... при уверенности и надежде моей, что... и ныне, как и всегда, возвеличится Христос в теле моем, жизнью ли то, или смертью. Ибо для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение... Влечет меня то и другое: имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас.»

28-29. «.. не страшитесь ни в чем противников: это для них есть предзнаменование гибели, а для вас – спасения. И сие от Бога, потому что *вам дано ради Христа не только верить в Него, но и страдать за Него*»... [Так о жизни ли учат Христос и Павел?]

2. 2-3. «...имейте одни мысли, имейте ту же любовь, будьте единокоризными и единомысленными; ничего не делайте по *любопрению* или по тщеславию, но по *смирennemудрию* почитайте один другого высшим себя.» [Философия (или *любомудрие*) в свете этих слов никак не приличны христианину, ибо *любомудрие* не сильно отстоит от *любопрения* и явно противоречит *смирennemудрию*.]

6-11. «[Христос], *будучи образом Божиим, ...уничжил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; ...Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца.*»

12-13. «Итак, возлюбленные мои, ...со страхом и трепетом совершайте свое спасение, потому что *Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению.*» [Не только результат наших *хотений* зависит от Бога, но и сами *хотения*! А что же зависит от нас самих?]

14-21. «Всё делайте без ропота и сомнения, чтобы вам быть неукоризненными и чистыми, чадами Божиими непорочными среди строптивого и развращенного рода, в котором вы сияете, как светила в мире... потому что все ищут своего, а не того, что угодно Иисусу Христу.» ...

3. 2-11. «Берегитесь псов, берегитесь злых делателей, берегитесь *обрезания*, потому что [подлинное] *обрезание* – [это] мы, служащие Богу духом и хвалящиеся Христом Иисусом, и не на плоть надеющиеся, хотя я могу надеяться и на плоть. Если кто другой думает надеяться на плоть, то более я, обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, Еврей от Евреев, по учению фарисей, по ревности – гонитель Церкви Божией, по правде *законной* – непорочный. Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа и найтись в Нем не со своею праведностью, которая от закона, но с тою, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога по вере; чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его, чтобы достигнуть воскресения мертвых.»

12-14. «Говорю так не потому, чтобы я уже достиг, или усовершенся; но стремлюсь, не достигну ли я, как достиг меня Христос Иисус. Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе.»

18-21. «Ибо многие, о которых я часто говорил вам, а теперь даже со слезами говорю, поступают как враги креста Христова. Их конец –

погибель, их бог – чрево, и слава их – в сраме, они мыслят о земном. Наше же жительство – на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, Который уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его, силою, которою Он действует и покоряет Себе всё.»

4. 1-3. «Итак, братья мои... стойте так в Господе, возлюбленные... Ей, прошу и тебя, искренний сотрудник, помогай им, подвизавшимся в благоговении вместе со мною ... и с прочими сотрудниками моими, которых имена – в книге жизни.»

4-5. «Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь. Кротость ваша да будет известна всем человекам. Господь близко.»

6-7. «Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прощении с благодарением открывайте свои желания пред Богом, и мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе.»

8. «Наконец, братья мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте.»

10-13. Радуюсь, что вы уже вновь начали заботиться о мне, но «не потому, что нуждаюсь, ибо я научился быть довольным тем, что у меня есть. Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем, насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии и в недостатке. Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе.»

ПОСЛАНИЕ К КОЛОССЯНАМ СВЯТАГО АПОСТОЛА ПАВЛА

Главы 1. – 4.

1. 2. «Находящимся в Колоссах святым и верным братьям во Христе Иисусе.» [и далее всяческое славословие].

9-14. Молимся о вас «чтобы вы ... поступали достойно Бога, во всем угождая Ему», ... «укрепляясь всякою силою по могуществу славы Его, во всяком терпении и великодушии с радостью, благодаря Бога и Отца, ... избавившего нас от власти тьмы и введшего в Царство возлюбленного Сына Своего, в Котором мы имеем искупление .. и прощение грехов,

15-20. «Который есть образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари; ибо Им создано всё, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, – все Им и для Него создано; и Он есть прежде всего, и все Им стоит. И Он есть глава тела Церкви; Он – начаток, первенец из мертвых, дабы иметь Ему во всем первенство, ибо благоугодно было Отцу, чтобы в Нем обитала всякая полнота, и чтобы посредством Его примирить с Собою все, *умиротворив через Него, Кровию креста Его, и земное и небесное.*»

21-23. «И вас, бывших некогда отчужденными и врагами, .. ныне примирил в теле Плоти Его [?], смертью Его, чтобы представить вас святыми и непорочными и неповинными пред Собою, *если* только пребываете тверды и непоколебимы в вере...»

[Так всё таки не все прощены, а только "непоколебимые в вере"?)

24-29. «Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь, которой сделался я служителем по домостроительству Божию, вверенному мне для вас, чтобы исполнить слово Божие, тайну, сокрытую от веков и родов», Бог открыл святым Его.. тайна сия – «Христос в вас, упование славы», Которого мы проповедуем, ...«чтобы представить всякого человека совершенным во Христе Иисусе; для чего я и тружусь и подвигаюсь силою Его, действующею во мне могущественно.»

2. 3. Ибо в нем и «сокрыты все сокровища премудрости и ведения.»

8-10. «Смотрите, братья, чтобы кто не увлек вас философиєю и пустым обольщением, *по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу*; ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно, и вы имеете полноту в Нем, Который есть глава всякого начальства и власти.»

[Отвергните философию, историю и естествознание! – вот пафос обличения "преданий человеческих" и утверждения "премудрости Божией".]

11-13. «В Нем вы и *обрезаны* обрезанием нерукотворенным, совлечением греховного тела плоти, *обрезанием Христовым*; быв погребены с Ним в крещении, в Нем вы и совоскресли верою в силу Бога, Который воскресил Его из мертвых,

13-14. «и вас, которые были мертвы во грехах и в необрезании плоти вашей, оживил вместе с Ним, проотив нам все грехи, *истребив учением* бывшее о нас *рукописание* [то есть *учением* о Христе отменив Ветхий Закон], которое было против нас, и Он взял его от среды [то есть Ветхое *рукописание*] и *пригвоздил ко кресту* [отменил крестной жертвой Христа]; отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою. [Откуда сие следует? Конечно, Бог всегда сильнее, поэтому Он может восторжествовать над чем угодно, однако, где, как и какие силы и у каких "начальств и властей" Он отнял, апостол не поясняет. Вообще, победа Христа над силами тьмы лишь декларируется, но не подкрепляется достаточными доводами, почему и не признали иудеи в Христе Спасителя.]]

16-17. «Итак никто да не осуждает вас за пищу, или питье, или за какой-нибудь праздник, или новомесячие, или субботу: это есть тень будущего, а тело – во Христе.

[Окончательный разрыв с иудаизмом: то, что обязательно для иудея, не обязательно для христианина.]

20-21. «Итак, если вы со Христом умерли для стихий мира, то для чего вы, как живущие в мире, держитесь постановлений: "не

прикасайся", "не вкушай", "не дотрагивайся"... по заповедям и учению человеческому?»

3. 1-3. «Итак, если вы *воскресли* со Христом, то ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога; о горнем помышляйте, а не о земном. Ибо вы *умерли*, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге.» [Так *воскресли* мы или *умерли*? Вот образец диалектики, которой позавидовал бы сам Маркс!]

4-6. «Когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе. Итак, умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и *любостяжание*, которое есть идолослужение.»

8-11. «А теперь вы отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших; не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос.»

12-13. «Итак облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы.»

[И при утверждении христианского учения, и во все века его торжества, "ветхий человек" и "новая тварь" противопоставлялись друг другу – первый был *подвержен тлению*, второй же *наследовал жизнь вечную*. Однако одновременно их противостояние низводится и ограничивается разделением и противостоянием порока и добродетели, что осуществимо для человека и в иудаизме, и в язычестве. Произошел ли, происходит ли *метафизический разрыв* между двумя типами людей? *Достойный человек* во все времена противостоял *недостойному* – Архимед, Коперник, девочка из Орлеана, Галилей и боярыня Морозова, Лев Толстой, Короленко, генерал Корнилов, Ганди, Швейцер, Святая Тереза, мать Мария, Зоя Космодемьянская, мои родители... противостояли насилию и террору, насильникам и лжецам, иные из тех и других были атеистами, иные верили в Бога... самопожертвование как высшее свойство человека, подразумеваемое апостолом, было присуще и христианам, и мусульманам, и героям Отечественной войны, большинство из которых были комсомольцами, следовательно, безбожниками. Да и каждая мать жертвует собой для детей своих!]

14-15. «Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства. И да владычествует в сердцах ваших мир Божий, к которому вы и призваны *в одном теле* [Одном на всех? Не значит ли это отказ от своей неповторимой личности? Впрочем, в контексте других посланий – значит!], и будьте дружелюбны.»

16. «...вразумляйте друг друга *псалмами, славословием и духовными песнями*, во благодати воспевая в сердцах ваших Господу.»

[Семейная жизнь, труд, творчество, театр, дружба, баня, рыбалка, охота, любовные свидания – страсть, нежность, восхищение, восторг – относятся ли только к "ветхому человеку", которого надо совлекаться, а к "новой твари" – благость, *смиренномудрие*, кротость, *долготерпение*?]

17. «И всё, что вы делаете, словом или делом, всё делайте во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца.»

18-22. «Жены, повинуйтесь мужьям своим... Мужья, любите своих жен и не будьте к ним суровы. Дети, будьте послушны родителям вашим во всем... Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали. ... Рабы, во всем повинуйтесь господам вашим по плоти, не в глазах только служа им, как человекоугодники, но в простоте сердца, боясь Бога.»

[Верноподданный и раб – вот идеал человека, занимающего в социальной иерархии подчиненное положение. Протест, борьба, неповиновение – это уже отпадение от христианства. Даже кроткий Махатма Ганди, призвавший индийский народ к неповиновению британским властям – бесконечно далек от христианского идеала. К счастью, даже и христианская Европа осуществила совсем другую, не христианскую историю, в которой именно "философия... предания человеческие и стихии мира" сыграли главенствующую роль.]

23. «И всё, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для человеков...»

[Не здесь ли и расходится моя дорога с дорогой апостола Павла – ибо то, что я делаю, предназначено для моих близких, для моего народа (его "праведного остатка" – да и апостолу "праведный остаток" его народа был дорог, как мы в этом еще убедимся), и даже для "вертихвосток". А что же делаю я для Господа? Да разве все то доброе, что сделаю я "для человеков", и не будет для Господа?!]

4. 1 «Господа, оказывайте рабам должное и справедливое...»

2-6. Далее идет обычное назидание братьям, в том числе: «Слово ваше да будет всегда с благодатию, *приправлено солью*, дабы вы знали, как отвечать каждому.»

7. Далее – повествование о братьях, посылаемых с посланием, приветствие от сподвижников, в частности:

10. «Приветствует вас Аристарх, заключенный вместе со мною.»

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ К ФЕССАЛОНИКИЙЦАМ
СВЯТАГО АПОСТОЛА ПАВЛА

Главы 1. – 5.

1. 1-3. «.. благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа. Всегда благодарим Бога за всех вас... непрестанно памятуя ваше *дело веры и труд любви* [*"дело и труд"* в этом контексте весьма напоминают коммунистическую фразеологию – у них тоже и дела и труды наполнены только им свойственным содержанием] и терпение упования на Господа нашего Иисуса Христа ...»

9-10. «... вы обратились к Богу от идолов, чтобы служить Богу живому и истинному и ожидать с небес Сына Его, Которого Он воскресил из мертвых, Иисуса, избавляющего нас от *грядущего гнева.*»

2. 2-3. «...мы дерзнули ... проповедать вам благовестие Божие... Ибо в учении нашем нет ни заблуждения, ни нечистых побуждений, ни лукавства...»

4. Как Бог вверил нам благовестие, «так мы и говорим, угождая не человекам, но Богу, испытующему сердца наши.»

[Платон мне друг, но истина дороже! Хотя, быть может, во имя любви следовало бы другом дорожить более нежели истиной?!]

6-7. «Не ищем славы человеческой ни от вас, ни от других: мы могли явиться с важностью, как Апостолы Христовы, но были тихи среди вас, подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими.»

9 «.. вы помните, братия, труд наш и изнурение: ночью и днем работая, чтобы не отяготить кого из вас, мы проповедывали у вас благовестие Божие.»

13-16. «.. и мы непрестанно благодарим Бога, что, приняв от нас слышанное слово Божие, вы приняли не как слово человеческое, но как слово Божие, ... которое и действует в вас, верующих. Ибо вы, братия, сделались подражателями церквам Божиим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее, потому что и вы то же претерпели от своих единоплеменников, что и те от Иудеев, которые убили и Господа Иисуса и Его пророков, и нас изгнали, и Богу не угождают, ... которые препятствуют нам говорить язычникам, чтобы спаслись, ...но приближается на них гнев до конца.»

3. 6-13. Через Тимофея получили мы «добрую весть о вере и любви вашей», и посему «радуемся о вас пред Богом нашим»... Да преисполнит вас Господь «любовью друг к другу и ко всем, ... чтобы утвердить сердца ваши непорочными» в ожидании «пришествия Господа нашего Иисуса Христа со всеми святыми Его. Аминь.»

4. 3-7. Братия, воздерживайтесь от блуда... «соблюдайте свой сосуд в святости и чести, а не в страсти похотения, как и язычники, не знающие Бога... Ибо призвал нас Бог не к нечистоте, но к святости.»

8. «Итак непокорный непокорен не человеку, но Богу, Который и дал нам Духа Своего Святаго.»

10-12. «Умоляем же вас, братия, более преуспевать и усердно стараться о том, чтобы жить тихо, делать свое дело и работать своими собственными руками, как мы заповедывали вам; чтобы вы поступали благоприлично перед внешними и ни в чем не нуждались.»

13-17. Сообщаю вам также, «дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды», что как «Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним... и мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших, потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем.»

5. 1-10. «О временах же и сроках нет нужды писать к вам, братия, ибо сами вы достоверно знаете, что *день Господень так придет, как тать ночью*. Ибо, когда будут говорить: "мир и безопасность", тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут. Но вы, братия, не во тьме, чтобы день застал вас, как тать. Ибо все вы – сыны света и сыны дня... Итак, не будем спать, как и прочие, но будем бодрствовать и трезвиться... Бог определил нас не на гнев, но к получению спасения через Господа нашего Иисуса Христа, умершего за нас, чтобы мы, бодрствуем ли, или спим, жили вместе с Ним.»

11-15. «Посему увещавайте друг друга и назидайте один другого, как вы и делаете. И... будьте в мире между собою... вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых, будьте долготерпеливы ко всем.» Не воздавайте злом за зло; «но всегда ищите добра...»

16-20. «Всегда радуйтесь. *Непрестанно молитесь*. За **всё** благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе.»

«Духа не угашайте. Пророчества не унижайте. Все испытывайте, хорошего держитесь. Удерживайтесь от всякого рода зла.»

24-26. «Верен Призывающий вас... Приветствуйте всех братьев лобзанием святым.»

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К ФЕССАЛОНИКИЙЦАМ
СВЯТАГО АПОСТОЛА ПАВЛА

Главы 1. – 3.

1. 4-8. Хвала терпящим гонения и скорби, дабы «удостоиться Царствия Божия», в ожидании пришествия «Господа Иисуса с неба, с Ангелами силы Его, в пламенеющем огне совершающего отмщение не познавшим Бога и не покоряющимся благовествованию... которые подвергнутся наказанию, вечной гибели, от лица Господа и от славы могущества Его»... [а далее обычные восхваления Отцу и Сыну и Святому Духу.]

2. 1-4. «Молим вас, братия... не спешить колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного, будто уже наступает день Христов. Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога.»

7-10. «Ибо тайна беззакония [его] уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь. [?] И тогда откроется беззаконник, ... которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знаменами и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения.»

13-14. «Мы же всегда должны благодарить Бога за вас, возлюбленные Господом братия, что Бог от начала, через освящение Духа и веру истине, избрал вас ко спасению, к которому и призвал вас благовествованием нашим...»

[А потому уже разделены все на тех, кого Господь определил к спасению, а кого к гибели, и нет, поэтому, заслуги у одних и вины у других – так богатый выбирает себе наследников из среды родичей, пренебрегая прочими, а не устраивает состязание соискателей как невеста среди женихов.]

3. 6-8. «Завещаем же вам, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно, ...ибо мы не бесчинствовали у вас, ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день, чтобы не обременить кого из вас... [и] «чтобы себя самих дать вам в образец для подражания нам. Ибо... если кто не хочет трудиться, тот и не ешь.»

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ К ТИМОФЕЮ СВЯТАГО АПОСТОЛА ПАВЛА

Главы 1. – 6.

1. 1-10. Увещание отступивших от веры и уклонившихся в пустословие, «желая быть законоучителями, но не разумея ни того, о чем говорят, ни того, что утверждают. А мы знаем, что закон добр, если кто законно употребляет его, зная, что закон положен не для праведника, но для незаконных и непокоривых, нечестивых и грешников, развратных и оскверненных, ... человекоуищников, ... лжецов, ... и для всего, что противно здравому учению..»

12-13. «Благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса.. что Он признал меня верным, определив на служение, меня, который прежде был хулитель и гонитель и обидчик, но помилован потому, что так поступал по неведению, в неверии.. »

15-16. «Верно и всякого принятия достойно слово, что Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый. Но для того я и помилован, чтобы Иисус Христос во мне первом показал все долготерпение, в пример тем, которые будут веровать в Него к жизни вечной.»

19-20. Некоторые же из тех, кто отступил от веры, «потерпели кораблекрушение в вере; таковы Именей и Александр, которых я предал сатане, чтобы они научились не богохульствовать.»

2. 1-2 «Итак прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь *тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте...*»

[Как будто и возразить нечего, но столько елеть вынести я не могу... "взгляд тихий, голос скорбный"...]

5-6. «Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус, предавший Себя для искупления всех... »

8-9. «Итак желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения; чтобы также и жены, в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением волос, не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою, но добрыми делами, как прилично женам, посвящающим себя благочестию. Жена да учится в безмолвии, со всякою покорностью; а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии. *Ибо прежде создан Адам, а потом Ева; и не Адам прельщен; но жена, прельстившись, впала в преступление;* впрочем спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием.» – [Вот они где, корни женоненавистничества! Отсюда взошли сожжения ведьм в средние века.]

3. 1-13. Наставление епископам и диаконам.

14-15. «Сие пишу тебе, надеясь вскоре придти к тебе, чтобы, если замедлю, ты знал, как должно поступать в доме Божием, который есть *Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины.*»

16. «И беспрекословно – великая благочестия тайна: Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе, показал Себя Ангелам, проповедан в народах, принят верою в мире, вознесся во славе.»

4. 1. Слово об отступниках, внимающих «духам обольстителям и учениям бесовским.»

2 Возражение "законникам", запрещающим «вступать в брак и употреблять в пищу то, что Бог сотворил»...

7-8. «Негодных же и бабьих басен отвращайся, а упражняй себя в благочестии, ибо *телесное упражнение мало полезно*, а благочестие на все полезно, имея обетование жизни настоящей и будущей.»

[Вот почему угас на две тысячи лет Олимпийский огонь, и даже детские игры были запрещены!]

5. 1. Наставление об отношениях внутри общины – с старцами, младшими, старицами, вдовицами...

9. Обличения молодых вдовиц, желающих «*вступить в брак*», ибо они «не только праздны, но и болтливы, любопытны, и говорят, чего не должно.»

Наставление о выборах пресвитеров, о разборе обвинений. А также некоторые частные наставления.

17-18. Наставление оказывать честь трудящимся в слове и учении. «Ибо Писание говорит: не заграждай рта у вола молотящего; и: *трудящийся достоин награды своей.*»

23. «Впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина, ради ... частых твоих недугов.»

24-25. «Грехи некоторых людей явны и прямо ведут к осуждению, а некоторых открываются впоследствии. Равным образом и добрые дела явны; а если и не таковы, скрыться не могут.»

6. 1 «Рабы, под игом находящиеся, должны почитать господ своих достойными всякой чести, дабы не было хулы на имя Божие и учение.»

[Иудейское сознание – *теоцентрично*, таков и Новый Завет и христианство, и понятия о свободе земного человека, гражданина, они не знают. Еллинской же традиции было свойственно, во-первых, понятие *духовной свободы*, выработанное античной философией, во-вторых – гражданской, в частности, политической свободы, сформулированной уже в "Политике" Аристотеля, осуществленной в древнегреческом государственном строе, и позже в Риме.

А современная христианская пропаганда утверждает, что идея *свободы* лежит в центре христианства, и то *непослушание* человека Богу, когда Ева соблазнилась Змием, а Адам – Евою, не отменяет свободу, ибо, дескать, вольному же воля, хотели бы жить в раю, не кушали бы запретных яблок, а соблазнились – так вот вам за то каторжные работы,

то есть забота о хлебе насущном в поте лица своего. Важно заметить, что в истоке соблазна лежит отчасти женское любопытство, а отчасти ведь и *жажда познания*, ибо плод запретный был с "древа познания", и наказание *изгнанием* и *трудом* хотя и было наказанием тяжелым, по античным меркам, ибо Сократ предпочел даже смерть изгнанию, а труд чаще всего соединялся с рабством, но все же Христом он поставлен в одно из оснований учения, ибо "не трудящийся да не яст!" – как же наказывать добродетелью?!

А все таки – неужто первородный грех так чудовищен, что для его искупления Бог должен был обречь на страшную смерть собственного сына?!

Европейское понимание *искупления* так же несоединимо с христианством (вспомним, хотя бы, роман Достоевского "Преступление и наказание"), как шведский социализм с *национал-социализмом*.

...Несколько о другом. Возлегая на "пальме", около выхлопной трубы современной культуры, я не во всем возражаю апостолу Павлу, и готов встать под его знамена, когда он взывает: "К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу (Галатам, 5,13)."; "Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе (Ефес., 4, 28)."; "А блуд и всякая нечистота и любостяжание не должны даже именоваться у вас, как прилично святым... Также сквернословие и пустословие и **смехотворство** не приличны вам (Ефес., 5, 4)."

О, *смехотворы*! Воистину, готов я вернуться в лоно христианской церкви, ибо грязный поток **смехотворства**, подменивший культуру, со всех 76-ти каналов вашего гнусного телевидения 48 часов в сутки изливается в наши глаза и уши!]

6-7. «Великое приобретение – быть благочестивым и довольным. Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу; ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям.»

17-19. «Богатых в настоящем веке увещевай, чтобы они не высоко думали о себе и уповали не на богатство неверное, но на Бога живаго, дающего нам всё обильно для наслаждения; чтобы они благодетельствовали, богатели добрыми делами, были щедры и общительны, собирая себе сокровище, доброе основание для будущего, чтобы достигнуть вечной жизни.»

16. Ибо Бог «единый имеющий бессмертие, Который обитает в неприступном свете, Которого никто из человеков не видел и видеть не может. Ему честь и держава вечная! Аминь.»

20-21. «О, Тимофей! храни преданное тебе, отвращаясь негодного пустословия и прекословий лжеименного знания, которому предавшись, некоторые уклонились от веры.»

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К ТИМОФЕЮ СВЯТАГО АПОСТОЛА ПАВЛА

Главы 1. – 4.

1. 1-5. Приветствие Тимофею, воспоминание его бабки Лоиды и матери Евники и их нелицемерной веры.

6 «.. напоминаю тебе возгревать дар Божий, который в тебе через мое *рукоположение...*»;

8-11. «Итак, не стыдись свидетельства Господа нашего Иисуса Христа, ни меня, узника Его; но *страдай с благовестием Христовым* силою Бога, спасшего нас и призвавшего званием святым, *не по делам нашим, но по Своему изволению* и благодати, данной нам во Христе Иисусе прежде вековых времен, открывшейся же ныне явлением Спасителя нашего Иисуса Христа, разрушившего смерть и явившего жизнь и нетление через благовестие, для которого я поставлен проповедником и Апостолом и учителем язычников.»

2. 3. «Итак переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа...»

8-9. «Помни Господа Иисуса Христа от семени Давидова, воскресшего из мертвых, по благовествованию моему, за которое я страдаю даже до уз, как злодей; но для слова Божия нет уз.»

11-13. «...если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем; если терпим, то с Ним и царствовать будем; если отречемся, и Он отречется от нас; если мы неверны, Он пребывает верен, ибо Себя отречься не может.»

14-17. Не вступай «в словопрения, что нимало не служит к пользе, а к расстройству слушающих... ...А непотребного пустословия удаляйся; ибо они еще более будут преуспевать в нечестии, и слово их, как рак, будет распространяться.»

23-26. «От глупых и невежественных состязаний уклоняйся, зная, что они рождают ссоры»; ... но «с кротостью наставляй противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, чтобы они освободились от сети диавола, который уловил их в свою волю.»

3. 1-4. «Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, ...надменны, ... неблагодарны, нечестивы, ...жестоки... предатели, наглы, напыщенны, ...имеющие вид благочестия, силы же его отрехшиеся...»

9-11. «Но они не много успеют... А ты последовал мне в учении, житии, ...вере, ... любви, терпении, в гонениях, страданиях...»

12-16. «Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы. Злые же люди и обманщики будут преуспевать во зле... А ты пребывай в том, чему научен»... ибо *«всё Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности...»*

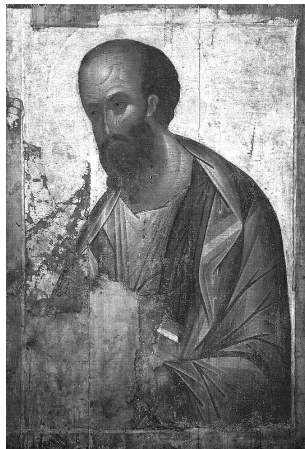

4. 1-8. «Итак заклинаю тебя пред Богом и Господом нашим Иисусом Христом, Который будет судить живых и мертвых...: проповедуй слово... обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием. Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но *по своим прихотям* будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху и от истины отвратят слух и обратятся к басням. Но ты будь бдителен во всем, переноси скорби, совершай дело благовестника, исполняй служение твое.»

[Не те ли это из моих современников, кои не слепо перенимали "веру отцов" – некоторые православную, претерпев гонения при коммунистах; другие коммунистическую, и терпят гонения ныне; которые демократическую, и судьба их складывается по разному; а которые, как и я, переживают духовный кризис – я и рад бы найти учителей, и именно *по своим собственным прихотям*, но никто из тех, к кому я обращаюсь, не говорит мне ничего превосходящего мой здравый смысл и совесть и народные крестьянские традиции и мои познания в европейской и античной культуре, которые, увы, недостаточны, чтобы *"слезть с пальмы и стать человеком"*. Вот передо мною и апостол Павел, и уже пятый месяц беседуем мы по душам – и что же я от него слышу? "Будь пайнкой, в театр не ходи, Аристотеля и Евклида не читай, на изваяния голых девиц не смотри." Всё сие может быть и было убедительно отступникам из иудеев, ожидавшим Мессию, и отверженным из язычников, ни на что уже не надевавшимся и хватавшимся за соломинку, но мне, беседовавшему и с Сократом, и с Жанной, и с Декартом, посланий его, хотя и "шараханного" по дороге в Дамаск, недостаточно.]

6-8. «Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало. Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его.»

16-17. Далее сетования на отступников, и на оставленность: «никого не было со мною, но все меня оставили. Да не вменится им! Господь же предстал мне и укрепил..., дабы через меня утвердилось благовестие и услышали все язычники; и я избавился из львиных челюстей. И избавит меня Господь от всякого злого дела и сохранит для Своего Небесного Царства, Ему слава во веки веков. Аминь.»

ПОСЛАНИЕ К ТИТУ
СВЯТАГО АПОСТОЛА ПАВЛА

Главы 1.– 3.

1. 1-5. «Павел, раб Божий, Апостол же Иисуса Христа, ... Титу, истинному сыну по общей вере... Для того я оставил тебя в Крите, чтобы ты довершил недоконченное и поставил по всем городам пресвитеров, как я тебе приказывал...»

8-14. Далее идут наставления о выборе епископа, который «должен быть непорочен, ...не дерзок, не гневлив, не пьяница, не бийца, не корыстолюбец,... целомудрен, справедлив, благочестив, воздержан... ..Ибо есть много и непокорных, пустословов и обманщиков, *особенно из обрезанных*, каковым должно заграждать уста: они развращают целые дома, уча, чему не должно, из постыдной корысти. ...по этой причине обличай их строго, дабы они были здоровы в вере, *не внимая Иудейским басням* и постановлениям людей, отвращающихся от истины.»

2. 1 «Ты же говори то, что сообразно с здравым учением...»

9-14. Далее наставления о старцах и старцах и юношах. И другие наставления: «Рабов увещивай повиноваться своим господам, угождать им во всем, не прекословить, не красть, ... Ибо явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков, научающая нас, чтобы мы, отвергнув нечестие и мирские похоти, целомудренно, праведно и благочестиво жили в нынешнем веке, ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, Который дал Себя за нас, чтобы избавить нас от всякого беззакония и *очистить Себе народ особенный, ревностный к добрым делам.*»

[Вот так: начинал апостол как "иудей из иудеев", а заканчивает обличением своих соотечественников и мечтою о новом народе.]

3. 1-5. Необходимо «повиноваться и покоряться начальству и властям, быть готовыми на всякое доброе дело, никого не злословить, быть .. тихими, и оказывать всякую кротость ко всем человекам. Ибо и мы были некогда несмысленны, непокорны, заблудшие, были рабы похотей и различных удовольствий, жили в злобе и зависти, были гнусны, ненавидели друг друга. Когда же явилась благодать и человеколюбие Спасителя нашего, Бога, *Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости*, банею возрождения и обновления Святым Духом, Которого излил на нас обильно через Иисуса Христа, Спасителя нашего, чтобы, *оправдавшись Его благодатью*, мы по упованию соделались наследниками вечной жизни.»

8. Однако [все же] «надо быть «прилежными к добрым делам.»

[Но только зачем надо быть «прилежными к добрым делам, если Господь "спас нас не по делам праведности... а по Своей милости"?)]

9. «Глупых же состязаний и родословий [?], и *споров и распрей о законе* удаляйся, ибо они бесполезны и суетны.»

10. «Еретика, после первого и второго вразумления, отворачайся.»

ПОСЛАНИЕ К ФИЛИМОНУ СВЯТАГО АПОСТОЛА ПАВЛА

1-9. Апостол приветствует Филимона и близких его, затем говорит:

5-21. «Слыша о твоей любви и вере... ..Прошу тебя о сыне моем Онисиме, которого *родил я в узах моих*... ..Надеясь на послушание твое, я написал к тебе, зная, что ты сделаешь и более, нежели говорю.»

23. Далее посылает приветствие от сподвижников.

ПОСЛАНИЕ К ЕВРЕЯМ СВЯТАГО АПОСТОЛА ПАВЛА

Главы 1. – 7.

1. 1-2. «Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего, чрез Которого и веки сотворил.»

3-4. «Сей, ...совершив Собою очищение грехов наших, воссел одесную (престола) величия на высоте, будучи столько превосходнее Ангелов, сколько славнейшее пред ними наследовал имя.»

10-14. Далее продолжают славословия Христу, и ссылки на Писание. «... в начале Ты, Господи, основал землю, и небеса – дело рук Твоих; они погибнут, а Ты пребываешь; и все обветшают, как риза, и как одежду свернешь их, и изменятся; но Ты тот же, и лета Твои не кончатся (Псал., 101, 26-28). Кому когда из Ангелов сказал Бог: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих (Псал., 109, 1)? Не все ли они суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение?»

[Геологи объясняют, почему и земля и небо должны погибнуть: так как в результате грехопадения произошло повреждение мироздания, пропитание их тленом и смертью, то человек лишился вечной жизни, славы и блага, ради которых Бог и создал мир, и вследствие сего этот оскверненный мир не заслуживает ничего кроме отвержения и возмездия – но не возделывания и преобразования; ничего кроме хулы, проклятия, отвращения – но не любви, восторга, труда и творчества. Если Творец вручил райский сад первому человеку Адаму, повелев «возделывать и хранить его» (Быт., 2, 15), то вручил ли Он Адаму землю в наследие, хранение, возделывание и преобразование?

Нет, *сей мир следует* безоговорочно *отвергнуть*, сказал Сын Божий, в этой жизни смысла нет, и труд и творчество прокляты, и только вера и ожидание потустороннего мира – цель временного здешнего пребывания! Пытаться "изменить жизнь к лучшему" не следует, надо лишь смиренно, с верою и молитвою ожидать смерти... Наша Родина не здесь, на земле, а в Эдеме, куда мы и стремимся вернуться, а пока надо привыкать к той будущей жизни: к женщине не прикасаться, в театр не ходить, революций не заговаривать, и так далее... Почему же так ненавистна эта земля? Разве не Палестина – родина семени Авраамова и самого Христа? Или идеология вызрела еще в Вавилонском или Египетском плену, и потому пронизана ожиданием другой Родины, "исторической"?

Но почему и Распятие не восстановило творение Божие в его неповрежденном, первоначальном виде? Жертва была принесена, вина искуплена, смерть побеждена, воскресение совершилось – но ничего не изменилось в этом мире! Так каков же результат Распятия?]

2. 1-4. «Посему... если через Ангелов возвещенное слово было твердо, и всякое преступление и непослушание получало праведное воздаяние, то *как мы избежим [наказания], вознаградим о толиком спасении*, которое, быв сначала проповедано Господом, в нас утвердилось слышавшими от Него, при засвидетельствовании от Бога знамениями и чудесами, и различными силами, и раздаянием Духа Святаго по Его воле?»

5-8. «[Но] не Ангелам Бог покорил будущую вселенную, [а человеку, о котором некто сказал:] «Не много Ты унижил его пред Ангелами; славою и честью увенчал его, и поставил его над делами рук Твоих, все покорил под ноги его. Когда же покорил ему все, то не оставил ничего непокоренным ему.»

8-9. «Ныне же еще не видим, чтобы все было ему покорено; но видим, что за претерпение смерти увенчан славою и честью Иисус, Который не много был унижен пред Ангелами, дабы Ему, по благодати Божией, *вкушать смерть за всех*.» [Так это страдание и жертва? – или радость и награда?!]

10-13. Тот, Которому надлежало спасение наше совершить через страдания, «не стыдится называть нас братьями, говоря: "возвещу имя Твое братьям Моим, посреди церкви воспою Тебя (Псал., 21, 23)", и еще: "Я буду уповать на Него. И еще: вот Я и дети, которых дал Мне Бог. (Исайя, 8, 17-18)".»

14-15. «А как дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оные, *дабы смертью лишить силы имеющего державу смерти, то есть диавола*, и избавить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству.»

17-18. «Посему Он должен был во всем уподобиться братьям, чтобы быть милостивым и верным первосвященником пред Богом, для умилостивления за грехи народа. Ибо, как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь.»

3. 1-2. «Итак, братья святые, участники в небесном звании, уразумейте Посланника и Первосвященника исповедания нашего, Иисуса Христа, Который верен Поставившему Его, как и Моисей во всем доме Его (Числа, 12, 7).»

3-6. Далее апостол сравнивает Иисуса Христа и Моисея, и говорит: «И Моисей верен во всем доме Его, как слугитель, для засвидетельствования того, что надлежало возвестить; а Христос – как Сын в доме Его; дом же Его – мы, если только дерзновение и упование, которым хвалимся, твердо сохраним до конца.»

7-11. Только ныне, говорит Дух Святой, «когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших, как во время ропота, в день искушения в пустыне, где искушали Меня отцы ваши, .. Посему Я вознегодовал на оный род и ... поклялся во гневе Моем, что они не войдут в покой Мой (Псал., 94, 7-11).»

17-18. «На кого же негодовал Он...? Не на согрешивших ли, которых кости пали в пустыне? Против кого же клялся, что не войдут в покой Его, как не против непокорных?»

4. 1-3. «Посему будем опасаться, чтобы, когда еще остается обетование войти в покой Его, не оказался кто из вас опоздавшим. Ибо и нам оно возвещено, как и тем; но не принесло им пользы слово слышанное, не растворенное верою слышавших. *А входим в покой мы уверовавшие ...*» Далее апостол поясняет, что под *покоем* имеется в виду то, что сказано в книге Бытия 2, 2: «И почил Бог от дел Своих в день седьмый.»

6-7. «Итак, как некоторым остается войти в него, а те, которым прежде возвещено, не вошли в него за непокорность, то ... для народа Божия еще остается *субботство*.»

11-13. «Итак постараемся войти в покой оный, чтобы кто по тому же примеру не впал в непокорность. Ибо *слово Божие живо и действительно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные. И нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его: Ему дадим отчет*.»

14-15. «Итак, имея Первосвященника великого, ...Иисуса Сына Божия, будем твердо держаться исповедания нашего. Ибо мы имеем ...первосвященника, ...Который, подобно нам, искушен во всем, кроме греха.»

16. «Посему да приступаем с дерзновением к престолу благодати, чтобы получить милость и обрести благодать для благовременной помощи.»

5. 1 «. всякий **первосвященник**, из человеков избираемый, для человеков поставляется на служение Богу, чтобы приносить дары и жертвы за грехи..»

4-5. «И никто сам собою не приемлет этой чести, но призываемый Богом, как и Аарон. Так и Христос не Сам Себе присвоил славу быть

первосвященником, но Тот, Кто сказал Ему: Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя (Псал., 109, 4).»

7-9. «Он, во дни плоти Своей, ...принес ...моления Могущему спасти Его от смерти; и услышан был за Свое благоговение; хотя Он и Сын, однако страданиями *навык послушанию* [не сын, но раб!], и, совершившись, сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного...»

11-12. Обращаясь к иудеям, апостол продолжает: «О сем надлежало бы нам говорить много; но трудно истолковать, потому что вы сделались неспособны слушать. Ибо, судя по времени, вам надлежало быть учителями; но вас снова нужно учить первым началам слова Божия, и для вас нужно молоко, а не твердая пища.»

6. 1-2. И потому не станем заново полагать основание учению о вере в Бога, «крещениях, возложении рук, о воскресении мертвых и о суде вечном.»

4-6. Тех, кто однажды был просвещен и соделался причастником Духа Святаго, но отпал, невозможно «опять обновлять покаянием, когда они снова распинают в себе Сына Божия и ругаются Ему.»

7-8. «Земля, пившая многократно сходящий на нее дождь и произрастающая злак, полезный тем, для которых и возделывается, получает благословение от Бога; а производящая терния и волчцы негодна и близка к проклятию, которого конец – сожжение.»

10-12. Однако о верных мы надеемся, говорит далее апостол – «Ибо не неправеден Бог, чтобы забыл дело ваше и труд любви, которую вы оказали во имя Его, послужив и служа святым.» Но не отступите в своей приверженности спасению и подражайте «тем, которые верою и долготерпением наследуют обетования.»

16-17. «Люди кланутся вышшим, и клятва во удостоверение оканчивает всякий спор их.»

13 «Бог, давая обетование Аврааму, как не мог никем вышшим клясться, клялся Самим Собою.»

15. «И так Авраам, долготерпев, получил обещанное.»

18-20 Посему мы должны неотступно держаться предлежащей надежды, «которая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий, и входит во внутреннейшее *за завесу* [?], куда предтечею за нас вошел Иисус...»

7. 1. «Ибо Мелхиседек, царь Салима, священник Бога Всевышнего, ...которому и десятину отделил Авраам от всего, ...без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником навсегда.»

5. После же сего установилось «священство из сынов Левиных», имеющих заповедь брать по закону десятину с народа...»

11-12. «Итак, если бы совершенство достигалось посредством левитского священства, – ибо с ним сопряжен закон народа, – то какая бы еще нужда была восставать иному священнику по чину Мелхиседека, а не

по чину Аарона именоваться? Потому что с переменою священства необходимо быть перемене и закона.»

[Апостол погрязает в диалектических обоснованиях того, что теперь первосвященником стал Христос, и старый закон над ним не властен. А уже казалось, что пора бы ему оставить иудеев в покое, и сказать так: у вас своя церковь, у нас своя; вы живете по Моисееву закону, мы по благодати Сына Божия. Но нет, ему почему-то надо еще оправдаться, доказать "легитимность" нового языческого священства, принадлежащего не к *колену Левину*, а как к тем, кто "еврей из евреев", так и к уже "обрусевшим", и даже вовсе из всякого "сброда", притом это священство поставляется возложением рук апостолами, имеющими дар делать епископами и передавать этот дар вместе с саном, будучи уполномоченными самим Христом нисхождением на них Духа Святаго.]

13-14. «Ибо Тот, о Котором говорится сие, принадлежал к иному колену, из которого никто не приступал к жертвеннику. Ибо известно, что Господь наш воссиял из колена Иудина, о котором Моисей ничего не сказал относительно священства.»

18-19. [и далее всё то же "оправдание легитимности"] – «Отменение же прежде бывшей заповеди бывает по причине ее немощи и бесполезности, ибо закон ничего не довел до совершенства; но вводится лучшая надежда, посредством которой мы приближаемся к Богу....»

21-22. И так как «о Нем сказано: клялся Господь, и не раскается: Ты священник вовек по чину Мелхиседека (Псал., 109, 4), то лучшего завета поручителем соделался Иисус.»

23-24. [Более того,] «...тех священников было много, потому что смерть не допускала пребывать одному; а Сей, как пребывающий вечно, имеет и священство непреходящее, посему и может всегда спасать приходящих чрез Него к Богу, будучи всегда жив, чтобы ходатайствовать за них.» [Воистину, так и "Ленин всегда с нами!"]

26-27. «...святый, непричастный злу, непорочный», не имеющий нужды «приносить жертвы сперва за свои грехи, потом за грехи народа, ибо Он совершил это однажды, принеся в жертву Себя Самого.»

28. «Ибо закон поставляет первосвященниками человеков, имеющих немощи; а слово клятвенное, после закона, поставило Сына, на веки совершенного.»

8. 1-2. Итак, ныне «мы имеем такого Первосвященника, Который воссел одесную престола величия на небесах и есть священнодействитель святилища и *скинии* истинной, которую воздвиг Господь, а не человек.»

3. «Всякий первосвященник поставляется для приношения даров и жертв; а потому нужно было, чтобы и Сей также имел, что принести.»

4-6. Земные священники «служат образу и тени небесного, ... но Сей Первосвященник получил служение тем превосходнейшее, чем лучшего Он ходатай завета, который утверждён на лучших обетованиях.»

7-9. «Ибо, если бы первый завет был без недостатка, то не было бы нужды искать места другому. Но пророк... говорит: *вот, наступают дни*, говорит Господь, *когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды **новый завет*** ...потому что они не пребыли в том завете Моем, и Я пренебрег их...»

10-12. «Вот [**новый**] завет, который *завещаю дому Израилеву...*, говорит Господь: вложу законы Мои в мысли их, и напишу их на сердцах их; и буду их Богом, а они будут Моим народом. И ...все, от малого до большого, будут знать Меня, потому что Я буду милостив к неправдам их, и грехов их и беззаконий их не вспомяну более (Иерем., 31, 31-34) .»

13. «Говоря "новый", показал ветхость первого; а ветшающее и стареющее близко к уничтожению.»

[Сквозь все послания Павла проходит *противостояние и разрыв с иудаизмом*, ибо Бог избирает Себе новый народ вместо прежнего, отменяет Ветхий Завет, поставляя *Новый Завет*, отменяет прежнее священство, и указывает на новый смысл Завета – *жить и получить спасение не по закону, а по вере!* Но, тем не менее, новую религию, и новую церковь Павел строит на том же основании, что и иудаизм, строит новый христианский храм *внутри* синагоги и даже **новый** завет Бог заключает «с домом Израиля и с домом Иуды»! Дети устроили дебош в родительском доме, но уйти не хотели по доброму, а сначала пытались жить вместе в коммунальной квартире, потом их все же выперли, но они прихватили с собой права на издания сочинений отцов.]

9. 1-2. [Павел излагает план нового храма по образу прежнего:] «И первый завет имел постановление о Богослужении и святилище земное: ибо устроена была скиния первая, в которой был светильник, и трапеза, и предложение хлебов, и которая называется "святая".»

3. «За второю же завесою была скиния, называемая "Святая-святых".»

6-7. «...в первую скинию всегда входят священники совершать Богослужение; а во вторую – однажды в год один только первосвященник, не без крови, которую приносит за себя и за грехи неведения народа.» [При совершении богослужения приносилась жертва из крови жертвенных животных, тела которых сжигались вне храма. Далее апостол преобразует символы и обряды для нужд новой веры.]

[Так как христианство и христианский храм выросли из иудаизма и синагоги как растение вырастает из почвы, то они заимствовали в иудаизме практически всё богослужение и устройство храма, и алтаря, символы и обряды, праздники и основные идеи – Первородный грех, Испытательную жертву, Мессию (Спасителя), только ожидание Его Пришествия преобразовали в религию двух пришествий: уже совершившегося, и еще ожидаемого (как и у иудеев). И даже Воскресение для нас еще в настоящем виде не до конца совершилось, ибо хотя *Сын Божий* и воскрес, но сие еще не доказывает (как это следует из всего

Нового Завета) возможность воскресения *человека* – прежде, нежели совершится Второе Пришествие – то есть, как и иудеи еще ждуг Преображения мира, так и мы ждем вместе с ними.]

10. Сии жертвы, вместе с «яствами и питиями, и различными омовениями и обрядами, относящимися до плоти, установлены были только до времени исправления.»

11-12. «Но Христос, Первосвященник будущих благ, придя с большею и совершеннейшею скиниею, нерукотворенною, то есть не такового устроения, и не с кровью козлов и тельцов, но со Своею Кровию, однажды вошел во святилище и приобрел вечное искупление.»

13-14. «Ибо если кровь тельцов и козлов и пепел телицы, через окропление, освящает оскверненных, дабы чисто было тело, то кольми паче Кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному!»

15. «И потому Он есть ходатай нового завета, дабы вследствие смерти Его, бывшей для искупления от преступлений, сделанных в первом завете, *призванные* к вечному наследию получили обетованное.»

[“Диалектика” подводит Павла (как она подводит и всё христианство в целом) – оправдывает ли искупительная жертва Христа уже полностью Первородный грех – или же только грехи первого избранного народа? И спасение возведено всему человечеству, или только *остатку*?!]

16-17. «Ибо, где завещание, там необходимо, чтобы последовала смерть завещателя, потому что завещание действительно после умерших: оно не имеет силы, когда завещатель жив.»

[Мистическую необходимость смерти Христа Павел подкрепляет юридической необходимостью. Но двойная связь смерти Искупителя с Предисторией – искупление грехов и обоснование отмены Ветхого Завета не кажется логически обусловленной.]

18-21. «Почему и первый завет был утвержден не без крови. ...Моисей, произнеши все заповеди по закону... окропил [жертвенной кровью] как самую книгу, так и весь народ, говоря: “это кровь завета, который заповедал вам Бог (Исход, 24, 8).” ... Также окропил кровью и скинию и все сосуды Богослужebные.»

[У инков были человеческие жертвоприношения, у иудеев и эллинов – животных, христиане-язычники заменили телесную жертву символом.]

22. «Да и все почти по закону очищается кровью, и без пролития крови не бывает прощения.»

[У Достоевского в Бесах революционеры говорят, что сто́ит крепко только то, что замешано на крови. Так же и в преступном мире. И потому горькое совпадение нашего русского мира с преступным состоит в том, что пророки и поэты признаются народом только *после смерти*, а точнее – *после пролития своей крови*!]

23. «Итак *образы* небесного должны были очищаться сими [символическими жертвами], самое же *небесное лучшими* сих жертвами.» – [то есть подлинными, ибо скиния Моисея была устроена по *образу* истинной, Христос же "пришел... с нерукотворенною" скинией.]

25. Христос явился «не для того, чтобы многократно приносить Себя, как первосвященник входит во святилище ежегодно с чужою кровью; иначе надлежало бы Ему многократно страдать от начала мира; Он же однажды, *к концу веков* явился для уничтожения греха жертвою Своею.»

27-28. «И как человекам положено однажды умереть, а потом суд, так и Христос, однажды принеся Себя в жертву, чтобы поднять грехи многих, во второй раз явится не для очищения греха, а для ожидающих Его во спасение.»

10. 1-4. «Закон, имея тень будущих благ, а не самый образ вещей, одними и теми же жертвами, каждый год постоянно приносимыми, никогда не может сделать совершенными приходящих с ними. Иначе перестали бы приносить их, потому что приносящие жертву, быв очищены однажды, не имели бы уже никакого сознания грехов. Но жертвами ежегодно напоминает о грехах, ибо невозможно, чтобы кровь тельцов и козлов уничтожала грехи.»

5-9. «Посему Христос, входя в мир, ... сказав прежде, что "ни жертвы, ни приношения, ни весождений, ни жертвы за грех, (которые приносятся по закону), Ты не восхотел и не благоизволил", потом прибавил: "вот, иду исполнить волю Твою, Боже".»

11. «И всякий священник ежедневно стоит в служении, и многократно приносит одни и те же жертвы, которые никогда не могут истребить грехов.»

12, 14. «Он же, принеся одну жертву за грехи, навсегда воссел одесную Бога... Он одним приношением навсегда *сделал совершенными освящаемых* [так ли?!]»

15 «О сем свидетельствует нам и Дух Святой; ибо сказано: ... вложу законы Мои в сердца их, и в мыслях их напишу их, и *грехов их и беззаконий их не воспомяну более* [так мы уже оправданы?!].»

19-22. «Итак, братия, имея дерзновение входить во святилище посредством Крови Иисуса Христа, путем новым и живым, который Он вновь открыл нам через завесу, то есть плоть Свою, и имея великого Священника над домом Божиим, да приступаем» к исповеданию Нового Завета и будем держаться его неуклонно, «ибо верен Обещавший.»

24-27. Далее апостол наставляет в добродетели уверовавших, и предостерегает отступников; которым суждено «некое страшное ожидание суда и ярость огня, готового пожрать противников.»

28-29, 31. Ибо «если отвергшийся закона Моисеева... *без милосердия наказывается смертью*, то сколь тягчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета... и Духа благодати оскорбляет?... Страшно впасть в руки

Бога живаго!» – [Какова *свобода веры*, а?! Так-то соответствуют эти угрозы духу христианского прощения и милосердия!]

32-39. Далее апостол напоминает о гонениях на христиан и призывает к терпению, «ибо еще немного,... и "Грядущий придет и не умедлит. Праведный верою жив будет; а если кто поколеблется, не благоволит к тому душа Моя" (Аввак. 2:3-4). Мы же не из колеблющихся на погибель, но стоим в вере к спасению души.»

11. 1-2. «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом. В ней свидетельствованы древние.»

3. «Верою познаём, что веки устроены словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое.»

4-5. «Верою Авель принес Богу жертву лучшую, нежели Каин... Верою Енох переселен был так, что не видел смерти...»

7. «Верою Ной, ... приготовил ковчег ...; ею осудил он (весь) мир, и сделался наследником праведности по вере.»

8, 11. «Верою Авраам повиновался призванию идти в страну, которую имел получить в наследие ... Верою и сама Сарра (будучи неплодна) получила силу к принятию семени ...»

13. «Все сии умерли в вере, *не получив обетований*, а только издали видели оные, и радовались, и говорили о себе, что они *странники и пришельцы на земле*;

14-16. ибо те, которые так говорят, показывают, что они ищут *отечества*. И если бы они в мыслях имели то отечество, из которого вышли, то имели бы время возвратиться; но они стремились к лучшему, то есть к небесному; посему и Бог не стыдится их, называя Себя их Богом: ибо Он приготовил им город.»

17. «Верою Авраам, будучи искушаем, принес в жертву Исаака и, имея обетование, принес единородного...»

20-22. «Верою в будущее Исаак благословил Иакова и Исава. Верою Иаков, умирая, благословил каждого сына Иосифова и поклонился на верх жезла своего. Верою Иосиф, при кончине, напоминал об исходе сынов Израилевых и завещал о костях своих.»

23-30. «Верою Моисей по рождении три месяца скрывается был родителями своими... а, придя в возраст, отказался называться сыном дочери фараоновой, и лучше захотел страдать с народом Божиим, нежели иметь временное греховное наслаждение... Верою оставил он Египет... Верою совершил он Пасху и пролитие крови... Верою перешли они Черное море, как по суше, на что покусившись, Египтяне потонули. Верою пали стены Иерихонские...»

31. *Верою Раав блудница*, с миром приняв соглядатаев (и проводив их другим путем), *не погибла с неверными*. [А Иоанн ее же приводит в доказательство преимущества праведных дел!]

32-35. «И что еще скажу? Недостанет мне времени, чтобы повествовать о Гедеоне, о Вараке, о Самсоне и Иеффе, о Давиде,

Самуиле и (других) пророках, которые верою побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия меча, укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих; жены получали умерших своих воскресшими...»

[Апостол отмечает две составляющих в вере – доверие к Богу, отсутствие сомнений, послушание – в стихах 17-28; и чувство принадлежности к другому отечеству (13-16), не земному, а небесному. Посему естественно, что к *моему* отечеству равнодушны ученики и последователи Христовы, и не пойдут они со мной в партизаны. Разный смысл жизни у нас с ними, и жить и умирать готовы мы за несходное: я – за моих близких, наследие дедов, за прекрасных женщин, весеннюю тайгу и гречишное поле, за поэзию и зодчество, и "родные пепелища"; они – за мощи апостолов, гроб Господень, скинию Сиона и скрижаль завета, данного в пустыне.]

35-38. «Иные же замучены были, не приняв освобождения, дабы получить лучшее воскресение; другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу, были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли.»

39-40. «И все сии, свидетельствованные в вере, не получили обещанного, потому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы они не без нас достигли совершенства.»

[И вот, что же мы имеем? Верные Господу "верою побеждали царства, творили правду, *получали обетования*"... Верою горы передвигали, и самаритянка получила исцеление для своего сына, ибо "вера ее спасла ее", по слову Христа. И тут же мы узнаём, что вместе с тем уверовавшим суждено и нечто противоположное, верою их будут перепиливать (а не врагов их), заключать в темницу, умерщвлять, обречать пыткам и казням... ибо Бог "*предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы они не без нас достигли совершенства*". Однако и о *других* Бог предусмотрел "лучшее": узы и скорби, темницы и раздирание зверьми – так получили ли все мы *обещанное* – и что же нам было обещано?!]

12. 1-2. «Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и запинаящий нас грех и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще, взирая на начальника и совершителя веры Иисуса, Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия.»

3. «Помыслите о Претерпевшем такое над Собою поругание от грешников, чтобы вам не изнечь и не ослабеть душами вашими.»

4. «Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха.»

[Речь идет о стойкости при испытаниях, выпадающих многим, верным своим убеждениям, когда они идут вразрез с господствующей в государстве идеологией – испытания выпадали Христу, христианам, претерпели испытания *верующие* в СССР во времена гонений на веру, *инакомыслящие* в условиях коммунистической (большевистской) диктатуры, даже в семидесятые годы, и вот азь грешный сидел три года только за убеждения, более того, за *тайные* убеждения, которыми делился с очень узким кругом ближайших друзей.

Но далее Апостол говорит о скорбях и мучениях, выпадающих не от противников, не от врага рода человеческого, не от судьбы или случая, а являющихся наказаниями, насылаемыми нам Господом – причем не за провинности, как например учитель наказывает за шалость, или государство за подлинные преступления, а – по другой причине:]

5-6. «И забыли утешение, которое предлагается вам как сынам: сын мой! Не пренебрегай наказание Господне и не унывай, когда Он наказывает тебя. **Ибо Господь кого любит, того наказывает**; бьет же всякого сына, которого принимает (Притч., 3, 11-12).»

7. «Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами как с сынами. *Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец?*»

9-10. «Притом, если мы, будучи наказываемы плотскими родителями нашими, боялись их, то не гораздо ли более должны покориться отцу духов, чтобы жить? ...те наказывали нас по своему произволу для немногих дней; а Сей – для пользы, чтобы нам иметь участие в святости Его.»

[И в Ветхом Завете, и у апостолов говорится о почитании и послушании детей родителям, но не о *любви*, связывающей их, или мужа и жену. Следовательно, человека и Бога, согласно Священного Писания, так же связывают иные чувства, нежели ищем мы сегодня, пройдя несколько тысячелетий религиозных поисков. Надо ли Откровение исчерпывать Библией? Надо ли приписывать Господу авторство Ветхого и Нового Заветов? Словно Господь в давно минувшее время полностью объяснился с человеком и потом на две тысячи лет замолчал... Нет, это любой человек может обратиться к Богу, как обращается к вдохновению поэт, а не одни только иудейские пророки, последними из которых были Апостолы и Евангелисты – начальная геометрия Богопознания].

[Подлинный христианин не только должен переносить стойко скорби и невзгоды, но даже стремиться к ним, потому должен избегать и противодействовать всякой деятельности, направленной на уменьшение страданий – ученый ли ищет средство от чумы и холеры, Радищев ли обличает жестокость власти, "карбонарий" ли борется за свободу Италии и своего народа, демонстранты ли и забастовщики требуют социального обеспечения... В детстве в моей деревне еще приходилось мне слышать над умершим ребенком: "Ну, что ж, Бог дал, Бог взял" – так говорили *истинные* христиане, кроткие и смиренные, а мне и тогда и теперь слова эти казались чудовищными.]

12-24. Далее следуют наставления в добродетелях, предостережения отступникам и нечестивцам:

25-29. «Смотрите, не отвратитесь и вы от говорящего. Если те, не послушавши..., не избегли наказания, то тем более не избежим мы, если отвратимся от Глаголющего с небес... *Потому что Бог наш есть огонь подающий* (Второзак. 4, 24).»

13. 1-6. Поэтическое наставление в добродетелях.

7. Наставление в вере.

8. «Иисус Христос вчера и сегодня, и вовеки тот же.»

9. Предостережение против чуждых учений.

11-13. Символическое объяснение жертвы Христа чрез уподобление – если тела жертвенных животных «сжигаются вне стана, то и Иисус, дабы освятить людей Кровию Своею, пострадал вне врат. Итак, выйдем к Нему за стан, после Его поругания.

14. Ибо *не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего.*»

15-17. Далее следуют наставления в добродетелях, в том числе: «Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны...»

20-21. «Бог же мира, воздвигший из мертвых Пастыря овец великого кровию завета вечного, Господа нашего Иисуса Христа, да усовершит вас во всяком добром деле, к исполнению воли Его...»

25. «Благодать со всеми нами. Аминь.»

ПОСЛЕСЛОВИЕ К УЧЕНИЮ АПОСТОЛА ПАВЛА

1 декабря. Окончилась осень, изжитая в тюрьме, через неделю суд. Апостол Павел советует *держаться предлежащей надежды, «которая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий»*, и хотя Господь не давал нам обещаний, но и мы держимся за *якорь надежды*.

А из "мерзкого ящика" лезут рога и копыта, бесы в стружьях с "дьявольскими" названиями – "звери, лохи, чума и вопли..." – вопят и скажут... Читатель меня не поймет, если не лежал он на "пальме", и не визжали ему слюнявые: "Хочу и баста! И только *по собачьи...*"

А я еще упрекал апостола, что больно суров он к "блудникам, сквернословам, пустословам и смехотворам", "дошедшим до бесчувствия и предающимся распутству так, что делают всякую нечистоту с ненасытностью" – а из телевизионного ящика... как из окна в преисподнюю, как из пробоины в океан нечистот, заливая глаза и уши мерзостью. Скачут и хрюкают, визжат и извиваются не люди, а йгвы, устремившиеся в пролом, образовавшийся в России в 17-ом году, и под водительством сатаны истребляют человеческое. Нет, даже мягок апостол к "блудникам и сквернословам", *трепачам и смехачам*, похотливым растлителям невинных, оскорбляющим святяни, убивающим душу и плоть – в смрад и пламя должно их свергнуть, в смолу и вар, и в раскаленные крючья, в лизание сковородок, и запечатать стену, отделяющую их подземный мрак от нашего мира.

Перечитываю Заповеди Моисеевы из Ветхого Завета – ими и уместно закончить послания апостола Павла к своим соплеменникам, сохранившим верность Закону; на их фоне и само учение апостола выразительнее, вынятнее противопоставление Закона и Благодати, верности заповедям – и веры.

Вот они суть:

«1. И изрек Бог (к Моисею) все слова сии, говоря:»

1. «2-3. Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.»

2. «4-6. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои.»

3. «7. Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно.»

4. «8-11. Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни (вол твой, ни осел твой, ни всякий) скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих; ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его.»

5. «12 Почитай отца твоего и мать твою, (чтобы тебе было хорошо и) чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе.»

6. «13. Не убий.»

7. «14. Не прелюбы сотвори.»

8. «15. Не укради.»

9. «16. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.»

10. «17. Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, (ни поля его,) ни раба его, ни рабыни его, ни осла его, (ни всякого скота его,) ничего, что у ближнего твоего.»

Чтобы хотя отчасти понять, оправдана ли была революция Павла две тысячи лет назад, зададим вопрос: достаточно ли сегодня человеку, стремящемуся жить добродетельно, руководствоваться этими десятью "правилами добра"? Достаточно ли ими руководствоваться людям, подобным мне?

Несомненно, что вместо четырех первых заповедей, регулирующих *отношения человека и Бога* (Который заменял Иудеям отчизну, и был *их первой отчизной!*), я бы сказал о том, что важнее всего для меня: ***Будь верен отечеству своему, дому своему и близким!***

В пятой заповеди необходимо сказать о родительском долге: *Заботься о детях своих, воспитывай их как достойных, культурных и мужественных граждан, добрых товарищей и любящих детей.*

Оставшиеся пять заповедей уместнее высказать следующим образом:

Не убий. Не укради. Не прелюбы сотвори. Будь верен друзьям и близким, не пожелай жены ближнего твоего, ни дома его, ни имущества, ни достоинства и чести.

Но есть добродетели, о которых Моисей даже не упоминает – среди них "Не трудящийся да не яст!" и многое другое...

Не лучше ли вместо них вот такие *«Правила достойной жизни»*, числом семь:

1. Будь верен своей семье, друзьям и близким, помогай им и защищай от напастей, как и в них черпай душевную твердость.

2. Храни память предков, продолжай праведно род свой в детях и внуках.

3. Люби Родину, умножай ее красоту и силу, духовное и телесное величие, спасай ее в бедствиях, но не слепо люби, а обличай пороки и исправляй пути, чтобы славился родной народ среди других умом, великодушием, воспитанием, честностью, справедливостью, культурой.

4. Охраняй природу, поля, леса и реки, как всякий человек охраняет жилище свое, как заботится о теле своем, чтобы мир Божий стал подлинным садом, чистым и благоухающим. Живи в гармонии с природой, как душа в гармонии с телом.

5. Ищи источники жизни в труде, творчестве, вдохновении, любви; *положи труд в основание добродетели*, трудись неустанно, преображая землю и наполняя ее красотой, умножая богатства своего народа и семьи, совершенствуя плоды творчества.

6. Уважай достойных, люби верных, будь милосерд к страдающим, не оставь сочувствием ближнего твоего, и во имя Любви будь способен к самой великой жертве!

7. Стремись к духовной близости с Господом, ищи ключи жизни в своей Совести, в Откровении, в преданиях своего народа.

[Примечание 26 ноября 2006 года. Поправляю свои тюремные Записки, в которых я то спору с апостолами, то почти их обличаю... И вдруг поплыла земная твердь, и мне показалось, что я умираю...

Господи, прости и помилуй!]

=====

Дополнительные заметки

«возлюби ближнего...» Просто уже в ушах навязло сие наставление, для которого якобы и писалось Евангелие, тогда как оно – ветхозаветная заповедь и слабо вяжется с рассказами о жизни Учителя, среди коих и «враги человеку – домашние его», и нежелание встречаться с домашними, и призывание «плача и скрежета зубовного» на грешников, и забвение родственных и дружеских отношений, не говоря о любви между мужчиной и женщиной... Вместе с тем Учитель ничего не говорит о любви к Родине и необходимости самопожертвования для ее защиты, о сопротивлении насилию, неправде, угнетению – но мы, сегодняшние, можем пойти в партизаны, или участвовать в восстании против поработителей, не ссылаясь на необходимость жить для «гнезда» во-первых, а для отчизны и правды только в десятых.

А вообще... Можно ли относиться к Новому Завету как к некой почитательной книге и искать в ней примеры того, как надо жить, например как в Учебнике математики мы находим правила к решению задач, а в сборнике пословиц и поговорок – народный жизненный опыт? Что там сказано о любви и дружбе, чем могли бы руководствоваться влюбленные? И о должном поведении в тюрьме, кроме кротости и смирения? Наставление защитнику отечества, или восстающему на поработителей? (Или иудеи, поднимавшие восстания против Рима, могли для себя нечто утешительное найти в сем сектантском учении?) Что-то полезное мог найти ученый – хотя бы рассуждения о том, как относиться к познанию? Или философ? Крестьянин? Писатель? Ваятель (кроме брани на идолов, коими уставлены Афины)? Зодчий? Математик?

Говорится ли нечто в защиту труда и творчества, прославляется материнская любовь или *любовь* к родителям? Наставляются родители в том, как надо воспитывать чад? Приводятся примеры умиления детством, рассказывается о детских играх? Даются красочные описания природы?

Каковы образцы для подражания, есть ли герои среди христианских святых, кроме мучеников? Пастер, открывший вакцину? Коперник, научивший смотреть на небо? Суворов, идущий впереди войска? Пушкин, написавший «буря мглою небо кроет», Скрябин, взметающий мелодии как языки пламени, солдаты отечественной войны, безвинно погибшие? Но *прославлены* в святых только жертвы за веру, ибо у иудеев и христиан вера заменяет отечество. А что же «отчизны славные сыны», а что же «поэт, который сам свой высший суд», а что же наши жены, ждавшие нас из тюрем и с полей сражений, а что же наши матери, рождавшие нас взамен замученных и убитых? Христианские жены родили ли хоть одного?

Так где же находится Бог просвещенного человека, того, кто мыслит и рассуждает о мире, читает книги, слушает музыку, смотрит на землю и небо, восхищается рукотворным, хотя и томим духовною жаждой? Если вера без дел мертва, как сказали Иоанн и Петр, то жива ли она без понимания и культуры? И без философских рассуждений, которые и есть сердцевина учения апостола Павла? .

ПОСЛЕСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Эту книгу, с критикой апостола Павла и отчасти христианства, я написал восемь лет назад, в тюрьме, но читали ее только близкие.

Дело девушек-«пусек» развязывает мне руки. Если мои прежние братья по вере хотят возродить в России инквизицию, то я «не могу молчать». Я не могу защищать тоталитарный режим, который растлевает народ на всех уровнях общественно-духовного бытия.

Режим вовлекает нашу страну в ВТО, в НАТО, подчиняет «мировому правительству», превращает ее в сырьевой придаток Запада.

Этот же режим поощряет какой-то пещерно-кухонный антисемитизм, и (на уровне слухов) назначает в его вожди выходца из чекистской среды.

Активно влияет на внутреннюю жизнь Православной церкви, поощряя власть самых мракобесных кругов в ней, наускивает темный народ на свободномыслящую интеллигенцию, даже на просвещенных иерархов самой церкви.

Недавние комсомольцы стали «инженерами человеческих душ», оседлав церковь, демократию и демократические институты, государство и институты власти. Прежнее фальшивое общество «всеобщего равенства» заменилось не имеющим аналогов в мире обществом, в котором одна сотая граждан (часто это граждане чужих государств) владеет практически всеми богатствами страны, вывозя их за рубеж, в то время как остальные жители владеют только своей нищетой и бесправием.

Образование, наука и культура разрушены. Это не оскорбляет темный народ. Дерзкие девушки помолвились Богородице, чтобы она убрала неблагодатного царя – весь «советский» народ (как при советском строе) встал на защиту партии и правительства и своей оскорбленной чести и вековых устоев (которые яростно разрушал и поганил целых восемьдесят лет, заливая страну кровью самых благородных!.....)

Опомнитесь, милые, да не вы ли только что несли сдавать в металл кресты, снятые с церкви и своего тела и носили попов? Вы забыли? А я помню. Не вы мою жену выселили на сто первый километр за то, что она вышла замуж за христианина? Не вы ли веселились, читая в Известиях в 71-м, что нет в Союзе писателей такого поэта, как В.И., а вот в сумасшедшем доме такой душевнобольной есть (и ВЕРА вменялась мне в вину и доказательство безумия)? Вы ТОГДА – верили?

Я не атеист. Только поклоняемся мы разным Богам.

Вы поклоняетесь мстительному Богу, богу ацтеков и вавилонян, отчасти иудеев (ну, тех еще, древних, поклонявшихся Золотому тельцу, которых и Моисей обличил), вы еще не христиане, и иудаизм у вас только первоначальный, языческий, до Исхода?

А я поклоняюсь Богу Сергия Радонежского, Жанны Д*Арк, Богу Ньютона, Лейбница и Коперника, Пушкина и Лермонтова, Клюева и Николая Гумилева, Богу русского народа, не молящемуся идолам.

А. И. Михайлов

Русская мениппея Василия Чернышева

(Размышления об авторе и его героях)

Мир ловил меня и не поймал
(Эпитафия на могиле Г. Сквороды)

На завершившийся, слава Богу, двадцатый век можно наконец-то теперь беспрепятственно бросить свободный взгляд с высоты какого хочешь полета – птичьего, авиационного или даже, пожалуй, НЛО. Василий Чернышев бросает его в своей новой книге* с высоты своего духа и жизненного опыта.

Что же это за полет? В какой литературно-структурной форме?

В форме чрезвычайно редкого в русской литературе жанра *мениппеи*, т. е. поистине голых "последних вопросов", которые автор со всею прямою и откровенностью задает христианству по исходе его второго тысячелетия, России по прошествии ее минувшего самого трагического столетия и самому себе перед лицом, как ему кажется, близящегося расчета с жизнью.

Есть о чем поразмышлять и что сказать!

Установкой на "последние вопросы" автор освобождает себя от выдумывания в своем повествовании какого-то отдельного от себя героя. И тот и другой представлены здесь одним лицом Я, реализующим себя в разных мирах фантазийной мениппеи свободы.

Так, если уже в предшествующей своей книге автор-герой из узилищ карательного учреждения советского тоталитаризма 1960-х – 1970-х годов свободно перемещался то в свое детство в сибирской деревне, то в Иудею Христа и Понтия Пилата, то во Францию эпохи Жанны Д'Арк (к тому же и общаясь с этими героями), то в новой книге его не затрудняет быть присутствующим и в тех же самых узилищах, и в каком-то опасном пространстве древней деспотии с народившимся уже христианством, и в "стане погибающих" Белой армии, и на пограничной полосе собственной жизни и смерти, а также что ни на есть в будничных днях своей текущей жизни, преимущественно в тщетно-деловых метаниях между двумя бюрократическими столицами и более отрадными вояжами между городской квартирой и уединенным деревенским приютом (что регулярно фиксируется им в дневнике).

Отлеты от этой обыденной жизни в другие измерения имеют, впрочем, свою достаточную мотивировку. Это либо сон или сон во сне, либо состояние бреда во время болезни, либо воспоминания о периоде пребывания в тюрьме и принудительного лечения в психушке.

Мениппея мениппеи, но жанр книги ею не исчерпывается. Это именно Книга в самом исконном и древнем ее понятии, в которое вкладывались прежде всего этические функции обличения, предупреждения, точнее пророчества, из каковых и состоит в основном весь Ветхий Завет.

Присоединяется к подобного рода авторству и Василий Чернышев, о чем свидетельствует сам тон его признания касательно своего произведения: "Да, это не литература. То, что я пишу, не роман, не

детектив, не поэма, не драма. Это просто длинная прокламация, которую я наклеиваю на забор скотного двора – но жители его не читают ее и не понимают ее смысла, они не видят необходимости сломать забор и разогнать пастухов. Им хорошо и так. А я задыхаюсь".

И уж совсем пророческой по Библии сущностью проникнуты следующие его слова: "Дело в том, что я пытался превратить себя в символ своего поколения, я искал Откровения словно бы не для себя лично, а для всех нас..."

А вот и еще дополнение, несомненно, вызванное воспоминаниями о драматических перипетиях собственной жизни: "Я остался жить не случайно – подумал я. У Высших сил есть еще тайный замысел в отношении меня, и я должен написать Роман о своих отношениях с жизнью и Истиной..."

Не мал замысел!

Но одно дело Высшие силы, может быть, по-своему и мирволящие автору, а другое – нижний край бытия, соотечественники-современники автора, к которым (с целью их вразумления) и обращается он со своими вот уже тремя книгами.

Тем более что и сам адресат представляется ему весьма конкретным и даже по-родственному близким: "Я один представляю мой малый народ, и если я не смогу "выбиться в люди", никто не узнает, никто не услышит – ни их слезы, ни их мечты! Надеется на меня мой малый народ".

Возможно, здесь имеется в виду крестьянство, которому обязан автор своим происхождением. Однако об отношении его к своему духовному выдвигенцу никаких свидетельств в книге не содержится. Да и где оно теперь, крестьянство, находимо ли на нынешней демографической карте России?

Что же касается окрестного автору-пророку народа как такового, то здесь его размышления о возможности своего влияния на него крайне пессимистичны: "Да, это общество, знаясь с которым постыдился бы и дьявол. Не умеющие любить. Не умеющие мечтать. Не способные к гордости. Из всех человеческих функций им близка лишь одна – потребление... Я живу в обществе глухих и слепых. Усилия мои гаснут, крики мои неслышимы".

Какая уж тут надежда на живой, тем более пламенный, как это когда-то бывало, отклик: "...но нет, не буду мечтать я о том, что книгу мою начнут читать, или на баррикады пойдут и поднимут павшее знамя..."

Сетования чередуются с попытками уяснить и другие (помимо косности) причины невнимания народа, общества к предназначенной для него книге. "Видал он ее в гробу!" – с горечью восклицает автор по поводу неудавшегося задуманного им издания энциклопедии о храмах и поместьях России, – тем более что поместья эти он (народ) "пожег еще в семнадцатом вместе с помещиками и их детьми, и никакая энциклопедия кроме "похождений ментов" ему не нужна!"

Тут же отмечается им и падение народного интереса к чтению по причине его обнищания, и опущенность интеллигенции, и

недостаточность собственных творческих потенций, неспособность "глаголом жечь сердца людей", что сопровождается у него уничижительной, хотя и велеречивой интонацией в духе какого-нибудь инока-писателя баснословных времен: "Надо говорить так, чтобы рассыпались камни; чтобы вскипала вода в родниках; чтобы птицы замолкали и ветер стих; чтобы звезды зазвенели в музыке сфер; чтобы глухой услышал и незрячий прозрел! А я говорю невнятно и голос мой тих".

Читателю, разумеется, интересно познакомиться не только с автором но и самим героем – как его же более биографической, обытовленной ипостасью.

Поначалу и здесь автор вроде бы не намерен раскрывать его иначе, чем личность, без остатка поглощенную идеей книги как сверхзадачи: "Может быть, меня уже нет подлинного, во плоти и крови, а существую я только как некая книга, неизвестно кем обо мне написанная, может быть, и мною самим – но случилось что-то ужасное, меня ударило в бетонную стену, а переплет отлетел, листы рассыпались, оглушенный, ничего толком не понимающий, я ползаю, собираю листочки и пытаюсь их связно расположить..."

То есть опять же превращение в автора (только). Однако из самой книги проступают и более конкретные черты этой обобщенной личности автора-героя. В карательном учреждении он значится как *отщепенец*, далее появляется там же и понятие *преступника* (понимай государственный, понимай диссидента), к тому же узника не только Большого (в Питере на Литейном) Дома, но и другого: "Два с половиной года, проведенные в специальном Сумасшедшем Доме, спрессовали меня в камень – и за мгновение камень мог стореть и рассыпаться, как сгорает он мгновенно, из путешествия по космическим далям попадая в атмосферу Земли".

Из довольно открытых и декларативных высказываний этого героя выступает фигура крайне недоброжелательно настроенной по отношению к властям личности, прямого русского бунтовщика: "Увы, бессилена захватить я в морду власти, цепко схватившей в свои руки всё – банки, почты, рестораны и казино, армию и милицию" (как будто бы эти учреждения и структуры могут существовать вне власти!)

Впрочем, потомком Стеньки и Емельки его назвать нельзя, – свою расправу над озлобившей народ властью он полагал бы, по всей видимости, осуществить законным путем, на законном месте: "Причина в том, что лобное место пустует. И пока оно пустует, ничего не изменится к лучшему".

Страдательными и агрессивными характеристиками облик героя однако не исчерпывается. В противоположность им он излучается и довольно мирными, прямо-таки обывательскими чертами, особенно в своем упомянутом уже житье-бытье внимающего благостной тишине селянина (далеко, впрочем, не барина), хотя и наследующего ту самую Державинскую традицию: "Ура, ура! Попарился в баньке, пью холодное молоко с Зоиным капустным пирогом. Печка то мурлычет, словно кошка, – а я пью чай и упрекаю себя, что не иду второй раз в баню, – то вдруг

начинает гудеть. Подложил еще дров, огонь трещит, кряхтит, сердится... вот уже успокоился и разговаривает сам с собою..."

Да к тому же он (герой) еще и гурман, хотя и без Державинских деликатесов, включавших, как помнится, "щуку с голубым пером". У нашего же героя в его новгородской деревеньке лакомства на пятнадцатом году перестройки совсем другие: "За обедом мы ели картошку, в которую я не положил масла, боясь ее испортить". О том же и чуть позже: "...меня усадили за стол, поставили миску картошки, туда еще положили сметаны (отчего сметана стала еще лучше)..."

На протяжении всей книги герой не перестает подтрунивать над своей влюбчивостью в безответственных за собственные чары *соблазняшек*, то и дело появляющихся у него на пути. Мимолетные встречи с ними – это тоже, наравне с баней и картошкой, светлая отдушина в его канительной (из-за тщетных попыток восстановить себя как прогоревшего издателя) жизни, и еще более мрачных размышлений о ней: "Но не все плохо. Тронулись уже из Малой Вишеры, и штраф не уплатил, да еще три рубля сэкономил, пока стояли, да еще сзади сидит синеглазая, иногда я оглядываюсь и отхлебываю от нее по глоточку".

Полет же этих размышлений, что и говорить, масштабен.

Тема Всевышнего – одна из ведущих в книге Чернышева, этого потребовал и жанр мениппеи с ее миром без берегов, и, разумеется, более всего сама эта проблема в нынешней России, несчастной стране, вышние силы в которой на целое столетие значились насильственно изъятыми, а теперь едва ли не столь же насильственно (правда, без кровавых эксцессов) водворяемые как в прежние (что уцелели от погромов безбожной власти), так и во вновь отстраиваемые храмы.

Все это задает вопросу божественного существования в сознании русской интеллигенции и народа крайнюю, если не сказать болезненную, актуальность. Да и в классике XX века он занимал не последнее место, не случайно автор то и дело ссылается то на Достоевского, то на Розанова ("домашнюю философию" которого он достаточно усвоил и адаптировал в своем жанре), то на других художников и богословов.

Можно сказать, что отношение автора-героя к Всевышнему лютовревнивое и одновременно исполнено крайних противоречий, концы которых никак у него не сводятся. Но ведь потому и жанр с его беспределом выбран соответствующий. Вполне традиционные формулы молитвенного зывания могут даже дать представление об определенной благочестивости автора: "Из глубины взываю! (к Тебе, Господи!)". Однако это не совсем так, поскольку уже ранее прозвучало несколько фамильярное и даже с оттенком как бы и требовательности: "...не с кем мне, Господи, разговаривать, кроме как с Тобою, и я прошу Тебя – выслушай!"

И Всевышнему ничего не остается, как вступить со своим творением в доверительный и даже с некоторым мягким упреком ему разговор: "А ведь когда-то ты так любил меня!" – это Всевышний нашему автору-герою, на что тот отвечает ему, выставляя уже свой резон: "Я и сегодня

Тебя люблю. Я только хочу защитить Тебя от Твоих учеников и последователей".

А в другом месте эта мысль выражена уже и вовсе прелестным оборотом речи (применительно к Христу): "...пошел черт те знает к кому, набрал учеников из шантрапы – очень по-русски!"

Тяжба с Всевышним налицо.

И завершается она судом творения над своим Творцом, обвиняемым и в "потворстве нечистой силе", и в том, что, подобно Пилату, обрек на казнь Христа, а потом "с поущения того же Христа, или Отца Его Небесного, распяли в газовых камерах еврейских детей ", и даже в том, что "забыл о людях и безмерно перед ними виновен". Да и сам Он не кто иной, как "актер, зашедший к нам на время в тюрьму, чтобы сыграть в тюремном спектакле"; "Окончился спектакль, актер снял одежду, смыл грим и ушел к себе на небо, а мы остались, и для нас мало что изменилось – все та же тюрьма, дыба, лобное место, и нам умирать взаправду, а не понарошку..."

В своем разгадывании сущности Бога автор не останавливается и перед пассажем, который мог бы показаться кощунственным, не обладай его произведение признаком мениппеи с ее определенным карнавальным элементом. Свой рассказ о просьбе у Бога таланта и неполучении его он завершает аналогом: "Разве не то же и с вертихвостками?! Некоторые из них не дают даже после усиленных просьб и умолений, а некоторые – просто так... Но если не просты романы с женщинами, то не следует ли предположить, что и с Богом нас связывают не менее сложные отношения?"

Впрочем, ведь и в прежние времена наезжали на Всевышнего, иначе не приходилось бы ему горестно сетовать и оправдываться: "Народ мой! Что сделал Я тебе и чем отягощал тебя? Отвечай мне" (Михея, VI, 3).

На волне крутого выяснения (если не сказать, *разборки*) с Богом автор осуждает христианскую религию за то, что своей идеей аскетизма она в угоду духу веками подавляла-де языческие радости плоти, проклинала человеческое тело ("Ох, ненавистна плотская любовь монашеской идеологии поста и воздержания"), и готов радоваться тому, что "не модно нынче носить вериги, и бичевать тело, и покрывать его струпьями – и даже смешно".

Да уж куда там! Что и говорить! Настолько "не модно" и "смешно", что за неактуальностью вопроса не стоило бы об этом и разговор заводить.

Однако, нельзя не отметить и особой, я бы сказал вопиющей "несовременности" подобного рода наскоков на "аскетствующую идеологию". Это в наше-то время, насквозь пропитанное духом материализма, прагматизма и рекламной пропаганды всевозможного ублажения этой самой плоти, доходящего аж до некоего (если судить по откровениям супер-современной прозы В. Пелевина) "вау-импульса" этого "достойного" и "милого" дела.

Так что повременим, пожалуй, ниспровергать радевших о своем духовном потенциале монахов.

Впрочем, на многих других страницах своей книги автор корреспондирует со Всевышним и его христианской религией на вполне достойном обоих уровне, полемику же с последователями Христа можно расценить лишь как отстаивание автором своего права не стоять перед словами Учителя "навытяжку", а вполне по-протестантски "размышлять и постигать их смысл" (не исключая при этом и некоторых сомнений).

Переходя от распятых рядом с Христом разбойников евангельского сюжета к разбойникам нынешнего времени, автор книги переключается и на новый адресат своих мучительных вопрошаний – от *властей небесных* к *властям земным*. "Но почему разбойники нападают среди бела дня – это вопрос к моему правительству". Если не совсем поздоровилось от него первым, то касательно вторых на этот счет и думать не приходится.

О разбойничьей нынешней власти он устами одного из своих персонажей женского рода высказывается, например, так: "Хорошо бы обвязаться гранатами, придти в кабинет к негодяю, обглодавшему Россию, и взлететь вместе с ним в небеса! Пусть бы даже его взяли в рай, а меня в ад, только бы он здесь получил от меня заслуженную награду".

Сам же автор очень ревностно и бдительно следит за возможностью подмены в сознании давно уже "не помнящего родства" русского люда власти законной на незаконную. Характерен тут, например, такой пассаж: "Вспомним полемику о революции и терроре.

Жаль, говорит мне красная поросль, что пришлось убивать невинных людей, но ведь всякая революция должна же уметь защищаться, и если не мы их, то они нас!"

А дальше, после этого резона *непомнящих родства* "головотяпов" как раз и следует ответ, содержащий главную мысль Василия Чернышева о нынешней власти, равно как и о покорствующем ей русском народе: "Мне все понятно, Мамай покорил русскую землю, и я живу среди потомков Мамаю, а меня спрашивают, люблю ли я реальных людей, или только абстрактную Россию? Но если живу я в 1379-ом году, то живу я в Золотой Орде, и не только не люблю ее, но и ненавижу, и пытаюсь собрать ополчение, и только когда победим мы на поле Куликовом и станем жить в царстве Московском, начну я любить и жителей его".

При этом исторический момент захвата власти "Мамаем" указывается четко: Причина разрухи Российского государства в том, что она потерпела поражение в 17-ом году".

И какова же при такой ситуации миссия несчастного автора, признающего, что теперь уже "Россия наклонилась... и вот-вот упадет...?"

И опять же ответ упирается в отмеченную уже нами главную цель книги – оповестить ее как некое высшее бытийное пространство "Не я ее (Россию – А. М.) смогу спасти, не мои силы ...но только чудо, и спешу я закончить книгу, и успеть напечатать, чтобы только успеть прокричать Богу, пока он не отвернулся совсем – Господи, не оставь Россию, она нужна нам..."

Стало быть, вот все-таки какой последней мольбой и воплем завершаются все предшествующие, не столь, может быть, и существенные тяжбы и разборки автора со Всевышним!

Много еще и других в книге Чернышева уровней, на которых осознаются им свои взаимоотношения со Всевышним и Россией, в частности, уровень филологических штудий.

Что могло произойти со страной, в которой уже искони было заложено противостояние между понятиями "говорить" и "рассуждать", что произошло с нею, когда господствующей идеологией были агрессивно противопоставлены "личности (лицу, лику)" – "народные массы", для него не праздный вопрос, а целая проблема, проблема души и судьбы, выраженной в слове.

Так, например, в парадигме суперлексемы "благ" пытается он определить и собственную судьбу: "Не наживший добра, не способный стать *блаженным*, растерявший добродетели, бессильный свершить *благодеяния*, разочарованный в *благих* путях мира, не ждущий *блаженства*, сомневающийся во *Всеблагом*, не достойный *Благодати* Божией – не получу я *благословения* на свой труд ни от земных, ни от небесных властей, ни от народа, ни от близкого круга друзей".

В иных случаях филологические штудии автора в сопряжении с его жизненным и творческим опытом порождают эффект афоризма: "Чтобы любить беспредельно, надо перестать *длиться*"; "Когда легко писать, и мысли легковесные"; "Вероятно, все мы рождаемся гениями, но гений нас оставляет, чтобы мы приспособились к жизни".

Прав Василий Чернышев: чтобы выйти из тупика как собственной жизни, так и существования страны и даже всей цивилизации (проблематика данного произведения поднимается и до этого масштаба) – нужно написать Книгу.

А чтобы ее написать, необходимо освободиться от самого недоброго, кризисного пространства и времени (*мира*), дабы окинуть его со стороны независимым от его влияний и чар взглядом. Как это сделал некогда странствующий нищий философ Григорий Сковорода, как это удалось сделать в минувшем веке в романе "Приглашение на казнь" Владимиру Набокову, и в своем эпохальном расследовании "Архипелаг Гулаг" Александру Солженицыну.

Василием Чернышевым тоже написана с подобной же целью книга, и не одна, а целых три. И уже изданы.

Что же теперь? Что вследствие этого должно произойти и с миром, и с Россией, и с самим автором?

Это будет зависеть от того, насколько проникнет она в сознание современников автора, граждан его России, от которых все и происходит, что случается с их страной.

* Первой была "Боль и любовь" (СПб., 2001), вторая – "Жизнь на краю", вместе они составляли единое целое – "Металогика откровения".

** Основателем жанра был киник Менипп из Годара (греческая колония в Сирии). Римский автор Варрон говорит о "Мениппейской сатире".

СОДЕРЖАНИЕ

КРИТИКА ДОГМАТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Часть первая – <i>Невежество и дилетантизм</i>	4
Часть вторая – <i>Аксиомы существования</i>	20
Часть третья – <i>Слово и Душа</i>	49

КРИТИКА ДОГМАТИЧЕСКОЙ ВЕРЫ

Введение – Оправдание сомнений	86
Часть первая – Бунт на коленях	111
Часть вторая – Отношения Человека и Бога	125
Часть третья – В поисках вопросов	137
Часть четвертая – В чем же состоит христианство?	152
Часть пятая – Противоречия откровения	161
Часть шестая – Попытка примирения	194

ЗАПИСКИ НА ПАЛЬМЕ (тюремный дневник)

Пролог – Репетиция неволи	202
Часть первая – Простые числа	206
Часть вторая – Читая умных	218
Часть третья – Апостолы Тайной вѣчери	235
А. Деяния святых апостолов	236
Б. Послания святых апостолов	261
Часть четвертая – Апостол Павел – Судьба и драма	276
<i>Послание к римлянам</i>	276
<i>Первое и второе послания к коринфянам</i>	299 314
<i>Послание к галатам. Послание к ефессянам</i>	322 326
<i>Послание к филиппийцам. Послание к колоссянам.</i>	332 334
<i>Первое и второе послания к фенссалоникийцам</i>	338 340
<i>Первое и второе послания к Тимофею</i>	341 344
<i>Послание к Титу. К Филимону. Послание к евреям.</i>	346 347
Послесловие	362
А. И. Михайлов. Русская мениппея Василия Чернышева	363

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Стр. 1, 4, 83 – Рисунки А. Чернышевой
Стр. 136 – Разрушение Петербурга. Стр. 201 – Рисунок Нади К.
Стр. 216 – Изваяние Эратосфена
Стр. 260 – Иисус Христос и разбойник.
Стр. 274 – Андрей Рублев. «Евангелист Иоанн». Икона.
Стр. 345 – Андрей Рублев. «Апостол Павел». Икона
Стр. 363 – А. Михайлов и В. Чернышев за праздничным столом

Василий Иванович Чернышев

МЕТАЛОГИКА ОТКРОВЕНИЯ

Книга первая

ЗАПИСКИ НА ПАЛЬМЕ

Второе исправленное издание

Текст книги размещен на сайте
spb-pisateli.ru

Подписано в печать 4. 05. 2018.
Формат 60x90 1/16 23,25 п. л. 372 стр.

Издательство «SUPER»

Печать по требованию

Санкт-Петербург

2019